

Учредитель:
НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

ISSN 2074-9201

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 сентября 2007 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 марта 2010 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью А.С. Попова

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 4 (45)
2016

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов ВАК
и размещен в каталоге научной периодики РИНЦ.

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
id 28542 Science Index *

18+

Редакционный совет

Председатель:

Пузанов Ю.П., кандидат юридических наук, профессор, действительный член Европейской академии естественных наук, президент Московского института государственного управления и права

Члены редакционного совета:

Богословский В.И., доктор педагогических наук, профессор, заместитель проректора по научной работе, начальник Управления подготовки аттестации кадров высшей квалификации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Бажанов С.В., доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, академик Петровской академии наук и искусств, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

Дорская А.А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург);

Дэвид Рейнольдс, действительный член Британской академии наук, профессор истории в Колледже Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). В 2004 г. получил премию Вольфсона по истории. С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;

Мкртумян А.Ю., заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Радько Т.Н., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Рагулина Ю.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель руководителя научно-экспертного центра НИИ системного анализа Счетной Палаты РФ;

Салихов Б.В., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и международного бизнеса Московского государственного лингвистического университета, профессор Московского университета имени С.Ю. Витте, полковник запаса

Солодуха П.Ф., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного социального университета;

Стрекозов В.Г., доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке;

Тарасов А.М., заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, действительный член РАН;

Тихонов А.В., доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН;

Уоррен Кимбол, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;

Шеремет И.А., доктор технических наук, профессор, член Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации;

Шкодинский С.В., доктор экономических наук, профессор, начальник отдела НИИ Системного анализа Счетной палаты;

Ю Синода, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).

Редакционная коллегия:

Главный редактор: В.А. Золотарев доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 1-го класса, президент Ассоциации историков Второй мировой войны

Зам. главного редактора: Н.М. Шкурко, кандидат психологических наук, заслуженный работник высшей школы, консультант НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Научный редактор: Д.А. Пашенцев, доктор юридических наук, профессор, консультант по науке НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права»

Выпускающий редактор: В.Е. Чеботарев, кандидат экономических наук

Технический редактор: М.Ю. Савеличев

Корректор: А.А. Игнашина

Establisher:
NSEI HPE «Moscow Institute of Public Administration and Law»

ISSN 2074-9201

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from September 17, 2007 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
V.I. Vernadsky's Honourable silver medal

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from March 17, 2010 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
A.S. Popov's Honourable silver medal

BULLETIN
ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
№ 4 (45)
2016

SCIENTIFIC JOURNAL

By the decision of the Higher Commission on Attestation Ministry of Education
and Science of the Russian Federation. The magazine has been put
on the «List of the front-line reviewing scientific magazines and printing editions,
where chief scientific results of dissertation researches, pretending to get
an academic degree, doctor or candidate of sciences, must be published»

«The Bulletin of Academy of Law and Management» is included
in the Russian Science Citation Index (Rints, in Russian), a bibliographic database
of scientific publications in Russian at the academic periodicals, based
at the eLIBRARY.RU website platform of the Russian Scientific Electronic Library

ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT
BULLETIN № 45
SCIENTIFIC JOURNAL. ISSN 2074-9201
Editorial Board

Chairman:

Puzanov Y.P., PhD in Law, Professor, Full Member of the European Academy for Natural Sciences,
President of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Editor-in-chief:

Zolotarev V.A., Doctor of Law, Doctor of History, Professor,
Full State Counsellor of the Russian Federation, 1-st class

Members of Editorial Board:

Bogoslovskiy V., Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy of Pro-Rector for Research, Head of Department of Preparation of Merit Rating of Staff of Highest Qualification of the Russian State Pedagogical University named after A. Herzen;

Bazhanov S., Doctor of Law, Professor, Senior Counselor of Justice, Member of the Petrovskaya Academy of Arts and Sciences, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;

David Reynolds, Full Member of the British Academy of Sciences, Professor of History in Christ College of Cambridge, Honored Professor of Dulwich College, Cambridge and Harvard Universities, Nebraska, Oklahoma, Nihon (Tokyo), Po (Paris). In 2004 he was awarded the Wolfson History Prize. From October of 2013 he heads the History Faculty at Cambridge;

Dorskaya A., Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen (Saint-Petersburg);

Mkrtyumyan A., Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Doctor of Law, Chairman of Court of Cassation of the Republic of Armenia;

Rad'ko T., Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor;

Ragulina Yu., Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of Scientific and Expert Center of the Research Institute of System Analysis of the Account Chamber of the Russian Federation;

Salikhov B., Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Economics and World Business of the Moscow State Linguistic University, Professor of the Moscow Witte University, Retired Colonel

Sheremet I., Doctor of Technical Sciences, Professor, Fellow of the Military-Industrial Committee Affiliated of the Russian Government;

Shkodinskiy S., Doctor of Economics, Professor, Head of Department of the Research Institute of the Account Chamber;

Solodukha P., Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of the Russian State Social University;

Strekozov V., Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (ret.);

Tarasov A., Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Full Member of the Russian Academy for Natural Sciences;

Tikhonov A., Doctor of Sociology, Professor, Full Member of Russian Academy of Humane Sciences, Head of the Centre of Sociology of Management and Social Technologies ISRAS;

Warren Kimbol, Honored Professor of Historic Faculty of the Rutgers College of Arts and Sciences, Professor of Cambridge University;

Yu Sinoda, Professor of Law of Khokusay-Gakuan University, Sapporo city (Japan).

Editorial Board

Editor-in chief: Zolotarev V., Doctor of Law, Doctor of History, Professor, 1st Class Full State Counselor of the Russian Federation, President of the Historical Association of the World War Two

Deputy Chief Editor: Shkurko N., PhD in Psychology, Honorary Figure of the Russian Higher Education, Consultant of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Science Editor: Pashentsev D., Doctor of Law, Professor, Consultant on science of Non-State Educational Institution of Higher Professional Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Executive Editor: Chebotarev V., PhD in Economics

Make-up Editor: Savelichev M.

Proofreader: Ignashina A.

© Group of Authors, 2016
© Moscow Institute
of Public Administration and Law, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Полякова Т.А., Афиногенов Д.А., РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	11
Чернявский А.Г., МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООТНЕСЕНИЯ ПРИРОДЫ ПРАВА И ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ	19
Бажанов С.В., ФЕНОМЕН ПРОКУРОРСКОГО РУКОВОДСТВА УГОЛОВНЫМ ПРЕСЛЕДОВАНИЕМ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ	24
Меркурьев В.В., Тараканов И.А., ПРЕДЕЛЫ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ: К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 37 УК РФ	30
Шамаров В.М., К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЙ «ПРАВООБРАЗОВАНИЕ», «ПРАВООТВОРЧЕСТВО», «ПРАВОСОЗИДАНИЕ» И КЛАССИФИКАЦИИ ИХ ПРИНЦИПОВ	35
Грудцына Л.Ю., НУЖНА ЛИ РОССИИ МОДЕЛЬ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ?.....	40
Веселкова Е.Е., О ПОНЯТИИ «ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ».....	47
Кайбжанов М.Ж., КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА КРАЖ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ КОСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ)	51
Киселева Е.В., Мамаева Е.Н., АНТИСЕМЕЙНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УНИВЕРСАЛЬНОМ УРОВНЕ	57
Кудрин С.М., Кудрин А.С., К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ И АНТИПРАВОВОМ ВОЗДЕЙСТВИИ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ	64
Целовальникова И.Ю., ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ.....	68
Третьякова Е.С., ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ И ЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ	73
Ульянов М.В., ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	78
Военкова Е.А., К ВОПРОСУ О ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ	85

Ахмадуллина А.Ф., ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНСАЙДЕРА	88
--	-----------

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Салихов Б.В., Салихова И.С., ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА НЕЯВНОГО ЗНАНИЯ КАК КОГНИТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ.....	96
--	-----------

Шкодинский С.В., Волков В.В., «РАБОЧИЙ ВОПРОС» В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ	105
--	------------

Тарасов М.Е., ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ МАКРОЭКОНОМИКИ: СБЛИЖЕНИЕ ТРУДА И КАПИТАЛА, СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО	112
--	------------

Новиков В.Г., ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ЕГО СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ КАК БАЗОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ И ОТРАСЛЕВОГО КОМПОНЕНТА.....	117
--	------------

Лозовский А.А., ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТ И ПРЕФЕРЕНЦИЙ.....	124
---	------------

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ

Караханова Г.А., Оруджалиева Е.Е., Шамхалова Б.А., ТЕХНОЛОГИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ОБРАЗОВАНИЯ	128
--	------------

Ростовская Т.К., Шимановская Я.В., СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ФАКТОР УСПЕВАЕМОСТИ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ	135
--	------------

Ковтунович М.Г., Кунгурцева А.В., Шунайлова С.А., ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В РАМКАХ СТУДЕНЧЕСКОГО ОЛИМПИАДНОГО ДВИЖЕНИЯ	141
--	------------

Потехина Е. В., СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ СРЕДСТВАМИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	146
---	------------

Фролова М.И., АНИМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ КУРС-ПРОЕКТА «ОТ МАЛЕНЬКОЙ СКАЗКИ К БОЛЬШОМУ СЕРДЦУ»).....	152
---	------------

Буркина И.В., Мирошниченко Е.А.,; Ещенко Ю.А., МЕТОДОЛОГИЯ И ПАРАДИГМАЦИЯ ЭДУКОЛОГИИ ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА С ПОЗИЦИЙ ТРЕБОВАНИЙ ЭКОКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ	157
--	------------

Комарова В.В., Ануфриева О.В., СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ, СВЯЗАННЫЕ С РЕЛИГИОЗНЫМ ЭКСТРЕМИЗМОМ	163
---	------------

Гожя Е.Е.,

ИНТРАГРУППОВОЙ СТАТУС ШКОЛЬНИКОВ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ..... **166**

РЕЦЕНЗИИ

Пашенцев Д.А.,

РЕЦЕНЗИЯ НА НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ «ИДЕЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА»:
КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ ПО ИТОГАМ КРУГЛОГО СТОЛА № 9
В МОСКОВСКОМ ИНСТИТУТЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА **173**

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF SCIENCE OF LAW

Polyakova T., Afinogenov D., THE ROLE OF STRATEGIC PLANNING IN IMPROVING PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION	11
Chernyavskiy A., THE METHODOLOGICAL ASPECTS OF CORRELATION OF THE NATURE OF LAW AND HUMAN INTERESTS	19
Bazhanov S., THE PHENOMENON OF THE PROSECUTOR'S MANUAL THE CRIMINAL PROSECUTION FROM THE POSITIONS OF MANAGEMENT THEORY	24
Merkur'ev V., Tarakanov I., THE NECESSARY DEFENSE LIMITS: REVISITING THE PROVISIONS IMPROVEMENT OF ARTICLE 37 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	30
Shamarov V., REVISITING THE CONCEPTS CONTENT "LAW-FORMATION", "LAWMAKING", "LAW-CREATION" AND THEIR RULES CLASSIFICATION	35
Gruditsyna L., WHETHER THE MODEL OF SELECTIVE DEMOCRACY IS NECESSARY TO RUSSIA?.....	40
Veselkova E., ON THE CONCEPT "LEGAL REGIME FOR FOREIGN INVESTMENTS".....	47
Kaybzhanov M., CRIMINOLOGICAL PREVENTION OF THEFT OFFENCES BY PROSECUTION AUTHORITIES (BY AN EXAMPLE OF KOSTANAY REGION)	51
Kiseleva E., Mamaeva E., ANTI-FAMILY ASPECTS OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS PROTECTION ACTIVITIES AT THE UNIVERSAL LEVEL	57
Kudrin S., Kudrin A., REVISITING THE LEGAL AND ANTI-LEGAL IMPACT IN THE LABOUR RELATIONS	64
Tseloval'nikova I., FUNDAMENTALS LEGAL PRINCIPLES FOR THE INVESTMENT STRATEGY	68
Tret'yakova E., EXTERIOR POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NINETEENTH CENTURY AND ITS LEGAL IMPLEMENTATION	73
Ul'yanov M., DEMOGRAPHIC CHANGES AND EXTREMIST CRIMINALITY TRENDS: THE FOREIGN AND DOMESTIC EXPERIENCE.....	78
Voenkova E., REVISITING THE ISSUE OF TECHNICAL-JURIDICAL CONSTRUCTION OF CRIMINAL-LEGAL NORMS, REGULATING RESPONSIBILITY FOR THE COMPLETED OFFENCES IN THE MATTER OF MIGRATION	85

Akhmadullina A., FEATURES OF CIVIL-LEGAL STATUS OF THE INSIDER.....	88
---	-----------

ISSUES OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

Salikhov B., Salikhova I., THE QUALITY IMPROVEMENT OF IMPLICIT KNOWLEDGE AS A COGNITIVE ONTOLOGY DEVELOPMENT OF A MODERN ECONOMY	96
Shkodinskiy S., Volkov V., THE "LABOUR QUESTION" OF THE EUROPEAN RUSSIA IN AGRICULTURE	105
Tarasov M., THE MAIN ISSUES OF MACROECONOMICS: THE CONVERGENCE OF LABOR AND CAPITAL, SOCIAL PARTNERSHIP	112
Novikov V., THE HUMAN CAPITAL: ITS ESSENCE AND CONTENT AS THE BASIC SOCIAL-ECONOMIC CATEGORY AND A SECTORAL ELEMENT.....	117
Lozovskiy A., THE EFFICIENCY ASSESSMENT OF TAX EXEMPTIONS AND PREFERENCES.....	124

TOPICAL ISSUES OF PEDAGOGY

Karakhanova G., Orudzhaliyeva E., Shamkhalova B., THE PROCESS TECHNOLOGY OF PEDAGOGICAL TOLERANCE FORMATION IN THE INTENDED BACHELORS OF EDUCATION	128
Rostovskaya T., Shimanovskaya Ya., THE SOCIAL HEALTH AS A FACTOR OF THE SENIOR PUPILS ACADEMIC ACHIEVEMENTS	135
Kovtunovich M., Kungurtseva A., Shunaylova S., THE QUALITY IMPROVEMENT OF MATHEMATICS EDUCATION THROUGH THE IMPLEMENTATION OF COMPETENCE APPROACH AS A PART OF THE STUDENT OLYMPIAD MOVEMENT	141
Potekhina E., THE IMPROVEMENT OF MATHEMATICS EDUCATION BY MEANS OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION.....	146
Frolova M., THE ANIMATION ACTIVITIES AS A MEANS OF STUDENTS' TOLERANCE FORMATION IN ARTISTIC EDUCATION (BY AN EXAMPLE OF THE COURSE-PROJECT "FROM THE BRIEF TALE TO THE GREAT HEART")	152
Burkina I., Miroshnichenko E., Eshchenko Yu., THE METHODOLOGY AND EDUCOLOGY PARADIGMATICS OF THE UNIVERSITY TRAINING OF AN INTENDED EDUCATOR WITH THE ATTITUDES OF ECO-CULTURAL COMPETENCES REQUIREMENTS.....	157
Komarova V., Anufrieva O., THE SOCIAL-PEDAGOGICAL ISSUES OF DEVIANT BEHAVIOR PREVENTION AMONG THE YOUTH, LINKED TO RELIGIOUS EXTREMISM	163

Gozhaya E., INTRA-GROUP STATUS OF PUPILS AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT PSYCHOLOGICAL SAFETY.....	166
---	------------

REVIEWS

Pashentsev D., REVIEW FOR THE SCIENTIFIC PUBLICATION "THE IDEA OF A LAWFUL STATE": COLLECTIVE MONOGRAPH ON THE RESULTS OF THE ROUND TABLE № 9 IN THE MOSCOW INSTITUTE OF PUBLIC ADMINISTRATION AND LAW	173
---	------------

УДК 342.3

Полякова Т.А.,

доктор юридических наук, доцент, заведующая сектором информационного права Института государства и права Российской Академии Наук, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса

Афиногенов Д.А.,

доктор политических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, эксперт Российской Академии Наук

РОЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы совершенствования качества и повышения эффективности государственного управления на основе формирования нормативных правовых актов, необходимых для реализации Федерального закона №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Особое внимание уделяется формированию и оптимизации системы документов стратегического планирования, как важнейших правовых инструментов и исполнительных механизмов стратегического планирования.

На основании системного анализа изданных нормативных правовых актов, необходимых для реализации указанного Федерального закона, с учетом базовых принципов стратегического планирования, обосновывается вывод о повышении его роли в государственном управлении, о необходимости наращивания усилий по информационно-аналитическому и нормативно-правовому сопровождению реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности, а также о совершенствовании системы показателей национальной безопасности.

Ключевые слова: государственное управление, стратегическое планирование, система, национальная безопасность, информационная безопасность, вызовы и угрозы, мониторинг

Polyakova T.,

Doctor of Law, Associate Professor, Head of Information Law Department of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 3rd Class Full State Counselor of Justice of the Russian Federation

Afinogenov D.,

Doctor of Political Sciences, 3rd Class Full State Counselor of the Russian Federation, Adept of the Russian Academy of Sciences

THE ROLE OF STRATEGIC PLANNING IN IMPROVING PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the issues to improve the quality and increased efficiency of public administration through the development of normative legal acts for the application of Federal Law № 172-FL "On strategic planning in the Russian Federation". Special attention is given to the development and system optimization of the strategic planning documents as the most important legal tools and strategic planning executive mechanisms.

On the grounds of a systematic analysis of constituted normative legal acts, needed for application of the specified Federal Law, including the strategic planning fundamental principles the conclusion is substantiated to raise its role in the public administration, the necessary to increase efforts on information-analytical and normal-legal support of realization of state policy in the sphere of ensuring national security as well as improving the system of national security indicators.

Keywords: public administration, strategic planning, system, national security, information safety, challenges and threats, monitoring

Вопросы совершенствования качества и повышения эффективности государственного управления в современных условиях нарастания новых вызовов и угроз национальной безопасности, имеющих комплексный характер, а также роста международной напряженности, приобретают особую актуальность. Государственное управление как универсальный инструмент реализации стратегических замыслов должно рассматриваться как важный и эффективный компонент государственной политики обеспечения национальной безопасности.

О необходимости повышения эффективности государственного управления неоднократно отмечалось в посланиях Президента России В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации, а также в ряде указов Президента Российской Федерации от 12 мая 2012 года, Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2018 года. Важность проблемы также подтверждается целым рядом указаний Президента России и Председателя Правительства Российской Федерации, направленных на повышение качества и оперативности государственного управления. В частности, в декабре 2015 года в послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент России В.В.Путин поставил задачу перехода к проектному управлению, что предполагает, прежде всего, развитие горизонтальных связей и повышение ответственности федеральных органов исполнительной власти.

Вопросы государственного управления за весь период новейшей истории России никогда не выходили из разряда самых актуальных и острых. Масштабная административная реформа, которая была предпринята в 2004 году, в значительной степени определила облик существующей системы федеральных органов исполнительной власти, дала импульс реформированию государственной службы, бюджетной системы, местного самоуправления, способствовала выработке мер по борьбе с коррупцией, а также решению задач обеспечения стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства.

Задачи совершенствования государственного управления затронули в полном объеме военную организацию страны и вылились в масштабную военную реформу, которая позволила сформировать новый облик Вооруженных Сил России. Качественно новый формат приобрела правоохранительная система, управление преобразованиями которой связано и с созданием нового федерального органа исполнительной власти – Росгвардии, укрупнением МВД России и ликвидацией ФСКН, созданием Следственного комитета России и целым рядом организационных преобразований в правоохранительных структурах на региональном уровне.

Вопросы совершенствования государственного управления актуальны и для других стратегических

национальных приоритетов, в том числе, связанных с обеспечением экономической и информационной безопасности Российской Федерации. Они остаются основными при реализации таких стратегических национальных приоритетов, как наука, технологии и образование, культура, обеспечение экологической безопасности и др.

При этом в управленческом процессе ключевым звеном все настойчивее становится стратегическое планирование, как важнейший инструмент решения комплексных задач обеспечения обороноспособности и суверенитета Российской Федерации, повышения конкурентоспособности ее национальной экономики, достижения высокого качества жизни российских граждан. Стратегическое планирование – одна из ключевых научно-практических задач, рассмотрение которой в контексте противодействия глобальным угрозам безопасности на принципах и методах стратегического планирования должно стать одной из основ повышения эффективности государственного управления [1].

Как справедливо отмечает академик РАН А.А.Кокошин в работе «О стратегическом планировании в политике»: «...применение стратегического планирования означает значительно более высокий уровень управления, нежели рефлексивное ситуационное управление» [2].

Особенно отчетливой в информационном обществе и электронном государстве сегодня становится актуальность вопросов, связанных с информационно-аналитическим обеспечением стратегического планирования и государственного управления в современных условиях, широкого внедрения современных информационных и коммуникационных технологий во все сферы жизни и деятельности современного государства и общества.

Важно отметить, что в систему документов стратегического планирования в соответствии с Федеральным законом о стратегическом планировании входит Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации и разработанная в целях повышения прозрачности и подотчетности государственного управления и удовлетворенности граждан качеством государственного управления, эффективности и результативности приоритетных мероприятий по совершенствованию системы государственного управления, определенных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [3].

Вместе с тем научные исследования исторических основ введения в политическую, хозяйственную и экономическую практику понятия «стратегическое планирование» показывают, что идеологические и

философские основы стратегического планирования отчетливо прослеживаются в работах великого русского мыслителя, патриота, философа и ученого И.А.Ильина. По его образному выражению, только ответственная идея государственно-исторического, государственно-национального, государственно-патриотического и государственно-религиозного переустройства может спасти Россию [4]. Это во многом является аналогом сегодняшнего понимания стратегического целеполагания в глобальном масштабе и отражает сущностное наполнение стратегического планирования.

В настоящее время под стратегическим планированием понимают процесс определения стратегических целей системы (ее функционирования и развития), выбора последовательности действий, обеспечивающих наиболее эффективное их достижение, и разработки стратегического плана.

В тоже время следует отметить, что в трудах академиков РАН А.Д.Некипелова и А.Г.Осипова стратегическое планирование понимается как важнейший инструмент обеспечения деятельности государства (организации) на долгосрочную перспективу, часть стратегического управления и особый вид управленческой деятельности государства, обеспечивающей реализацию эффективной стратегии снижения рисков и устранения негативных условий в области подготовки стратегических решений развития страны, гражданского общества России и обеспечения ее национальной безопасности [5].

Анализ зарубежного опыта показывает, что под стратегическим планированием понимается процесс разработки и поддержания стратегического равновесия между целями и возможностями организации (госструктуры, коммерческой структуры, партии, движения и т.п.) в динамично и непредсказуемо изменяющихся условиях современного мира.

Наиболее полно понятие «стратегическое планирование» определено в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации», который стал важным шагом в развитии системы документов стратегического планирования и государственного управления. В нем стратегическое планирование понимается как деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и

обеспечение национальной безопасности Российской Федерации [6].

Он устанавливает правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации, полномочия органов государственной власти всех уровней, органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с общественными, научными и иными организациями в сфере стратегического планирования. Данный Федеральный закон определяет научно обоснованный механизм государственного управления на основе стратегического целеполагания и планирования, в нем впервые сформулированы положения, направленные на координацию государственного и муниципального стратегического управления, и бюджетной политики.

Кроме того, Закон учитывает особую чувствительность для обеспечения национальной безопасности таких предметных областей, как национальная оборона, государственная и общественная безопасность, международная безопасность и обеспечение стратегической стабильности и равноправного стратегического партнерства. Поэтому он предусматривает установление особого порядка формирования документов стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности.

Стратегическое планирование в соответствии с указанным Федеральным законом – это деятельность по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, ее субъектов и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, которая направлена на решение задач устойчивого социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности нашей страны.

В пункте 2 статьи 3 указанного Федерального закона государственное управление определяется как деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Следует также отметить, что в этом Федеральном законе сохранена важнейшая, с точки зрения научно-практического понимания сущностного смысла государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, связь устойчивого развития и обеспечения безопасности. Это подтверждает, что стратегическое планирование является важнейшей составной частью государственного управления.

Каковы же методологические, организационно-правовые основы и стратегического планирования обеспечения национальной безопасности Российской Федерации?

Основные положения методологии стратегического планирования развития и обеспечения безопасности Российской Федерации заключаются в выработке принципов организации стратегического планирования и определения роли и места стратегического планирования в системе государственного стратегического управления Российской Федерации [7].

В соответствии с требованиями Федерального закона № 172-ФЗ стратегическое планирование осуществляется на федеральном уровне, уровне субъектов Российской Федерации и уровне муниципальных образований и включает отношения, возникающие между участниками стратегического планирования в процессе целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования.

Ключевое значение при этом приобретает вопрос формирования и реализации базовых принципов стратегического планирования [8].

Поскольку каждый участник стратегического планирования вовлечен в этот процесс в объеме тех прав и полномочий, которые определены федеральным законодательством, а также соответствующими подзаконными нормативными правовыми актами, издаваемыми Президентом и Правительством Российской Федерации, важно значение строгого соблюдения принципа единства и целостности, а также разграничения полномочий и ответственности органов государственной власти и органов власти местного самоуправления при реализации положений данного закона.

В рамках данной статьи обратим внимание на принцип, особенно актуальный для государственного управления, разграничения полномочий. Этот принцип означает осуществление установленных законодательством Российской Федерации полномочий органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления муниципальных образований в пределах которых участники стратегического планирования самостоятельно определяют цели и задачи социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также пути достижения этих целей и решения этих задач (пункт 3 ст. 7).

В практическом плане реализацию этого принципа можно проследить на примере государствен-

ной политики по развитию Дальнего Востока, которая реализуется Государственной комиссией по проблемам развития Дальнего Востока и Байкальского региона. В частности, в рамках указанной Комиссии с учетом необходимости распределения ответственности между федеральным центром, регионами России и предпринимательским сообществом в рамках реализации крупных инвестиционных проектов была проведена проработка такого эффективного инструмента развития, как территория опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). Необходимо отметить, что сегодня практика таких территорий уже имеет место и в развитии других регионов Российской Федерации.

Что касается организационных основ стратегического планирования, то главное значение имеет выстраивание вертикали стратегического планирования. Общее руководство и управление стратегическим планированием осуществляет Президент Российской Федерации. Основные участники системы – Администрация Президента Российской Федерации и полномочные представители Президента Российской Федерации в федеральных округах, Правительство Российской Федерации и Федеральное Собрание Российской Федерации.

Поскольку круг субъектов стратегического планирования достаточно велик, необходима разработка основных функций системы управления стратегическим планированием и определение четкого алгоритма действий всех участников этого процесса. Учитывая недостаточную разработанность самого механизма стратегического планирования, сегодня актуальными являются такие функции, как формирование и осуществление государственной политики в сфере стратегического планирования, формирование государственных органов управления процессами стратегического планирования и организация государственной системы подготовки и повышения квалификации кадров в области стратегического планирования.

Научные исследования, проведенные в этой сфере, позволяют сделать вывод, что формирование государственной политики в данной области и создание государственных органов управления стратегическим планированием целесообразно возложить на Совет Безопасности России и его аппарат, а вопросы, связанные с подготовкой научных кадров в сфере стратегического планирования, на Российскую академию наук.

Решение этой задачи направлено на повышение роли и значения такой функции управления стратегическим планированием как правовое регулирование отношений в пределах компетенции, полномочий и ответственности участников стратегического планирования, а также издание нормативных документов, осуществление надзора и контроля ис-

полнения законодательства Российской Федерации в области стратегического планирования. Это подтверждается и анализом зарубежного опыта, который показывает, что в качестве одного из ключевых условий обеспечения требуемого государственного управления признается целенаправленное правовое урегулирование процесса стратегического планирования и государственного управления.

Это объемный и масштабный блок работы. Остро стоит вопрос разработки новых и модернизации действующих нормативных правовых актов в интересах обеспечения верховенства права в вопросах стратегического планирования не только государства, но и бизнес-сообщества.

Необходимо также провести мониторинг (инвентаризацию) всего нормативно-правового массива в целях унификации и исключения в нормативных правовых актах различных толкований используемых терминов и определений в области стратегического планирования.

Для решения этой задачи в целях создания механизма реализации Федерального закона № 172-ФЗ предусмотрено принятие подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих отдельные вопросы осуществления стратегического планирования на федеральном уровне. В настоящее время Правительством Российской Федерации принят ряд таких актов, которые направлены на повышение эффективности государственного управления.

Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2015 г. № 631 утвержден Порядок государственной регистрации документов стратегического планирования и ведения федерального государственного реестра документов стратегического планирования. С точки зрения такого принципа государственного управления, как системность (т.е. рассмотрение государственного управления как целостной системы во взаимосвязи всех ее элементов, обладающей новыми качественными характеристиками), этот подзаконный акт направлен на формирование участниками процесса стратегического планирования на основе документов стратегического планирования единой информационной базы, позволяющей получить данные об основном содержании стратегий, концепций, прогнозов, основ государственной политики в той или иной предметной области, иных документов стратегического планирования на федеральном и региональном уровне.

Кроме того, постановлениями Правительства Российской Федерации утверждены: от 4 августа 2015 г. № 789 – Правила разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации; от 8 августа 2015 г. № 822 – Положение о содержании составе, порядке разработ-

ки и корректировки стратегий социально-экономического развития макрорегионов; от 8 августа 2015 г. № 823 – Правила разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации и др. Все эти документы направлены на реализацию, в том числе, такого важнейшего принципа государственного управления, как принцип устойчивой связи между стратегическими целями и приоритетами развития на среднесрочный период.

Кроме того, в рамках реализации Федерального закона № 172 – ФЗ Правительство Российской Федерации разработало целый ряд подзаконных актов, направленных на реализацию такого важнейшего принципа государственного управления, как непрерывность, объективность и комплексность. В частности, это постановление Правительства Российской Федерации от 29 октября 2015 г. № 1162

«Об утверждении Правил разработки, корректировки и осуществления мониторинга и контроля реализации отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации по вопросам, находящимся в ведении Правительства Российской Федерации», направлено на внедрение комплексного подхода к разработке документов стратегического планирования [9].

В этой связи также целесообразно упомянуть постановление Правительства Российской Федерации от 31 августа 2015 г. № 914 «О бюджетном прогнозе Российской Федерации на долгосрочный период» (вместе с «Правилами разработки и утверждения бюджетного прогноза Российской Федерации на долгосрочный период»), который закладывает реальные возможности государства по развитию как «силовой» компоненты, так и с точки зрения бюджетного планирования социально-экономического развития России на средне и долгосрочную перспективу.

Кроме того, на основании Указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности субъектов Российской Федерации» и постановления Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2009 г. № 322 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности субъектов Российской Федерации» в России сформирована система постоянного мониторинга и анализа Правительством Российской Федерации и Администрацией Президента Российской Федерации почти 300 показателей, характеризующих состояние социально-экономического развития и деятельности руководителей регионов. Это является базовой основой для подготовки важнейших управленческих решений.

В целом следует отметить, что на направлении развития и совершенствования документов стратеги-

ческого планирования в Российской Федерации организационно-структурные принципы государственного управления, отражающие характер, закономерности и специфику организационной структуры государственного управления (главным образом системы его органов), а также показывающие порядок формирования тех или иных документов стратегического планирования, реализованы достаточно полно.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что подзаконные нормативные правовые акты, необходимые для реализации Федерального закона о стратегическом планировании, Правительством Российской Федерации в основном приняты. И в этом усматривается прямая взаимосвязь стратегического планирования с вопросами повышения эффективности государственного управления.

Не менее важным для повышения качества государственного управления представляется развертывание на базе Стратегии масштабной работы по формированию и оптимизации системы документов стратегического планирования. Документы стратегического планирования играют ключевую роль в управлении, так как именно посредством их реализуются на практике принятые управленческие решения. По сути такого рода документы – это и способ и, одновременно, форма передачи управляющего воздействия от одного субъекта стратегического планирования к другому.

Следует признать, что ситуация в этой области пока далека от совершенства. Так, до последнего времени разработка документов стратегического планирования велась на различной методологической основе в зависимости от вызовов и угроз безопасности. Некоторые документы стратегического планирования, особенно на региональном уровне, подготовлены без учета вектора общегосударственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности. Нередко планирующие документы не объединены единым замыслом и методологически разрознены, сохраняется множественность документов стратегического планирования, часть которых дублирует друг друга.

Необходимо обратить внимание на то, что в настоящее время в Российской Федерации на федеральном уровне разработано более 250 документов стратегического планирования. В это число входят 2 долгосрочных прогноза, 7 доктрин, 28 основ государственной политики, 50 стратегий, комплекс планово-организационных документов, связанных с обороной, а также концепции, государственные и федеральные целевые программы как отраслевого, так и регионального характера (всего более 100). Разрабатывается Стратегический прогноз Российской Федерации.

Вместе с тем массив принятых документов стратегического планирования по стратегическим национальным приоритетам распределен неравно-

мерно. Сохраняется разбалансировка при подготовке основных концептуальных и программных документов устойчивого развития страны и обеспечения национальной безопасности.

Отмечается недостаточная концептуальная и программно-целевая проработка документов стратегического планирования на направлении реализации некоторых стратегических национальных приоритетов (здравоохранение, повышение качества жизни российских граждан). Это влияет на недостаточную эффективность реализации государственной политики по отдельным приоритетам, а также на степень защищенности от различного вида вызовов и угроз и соответственно на качество государственного управления.

Для исключения таких недостатков из практики государственного управления ключевое значение имеет формирование системы документов стратегического планирования, а также мониторинга их контроля и реализации, обеспечение целенаправленной и скоординированной деятельности всех участников стратегического планирования по реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности. Важной является типология, сущность и требования к содержанию, порядку разработки и утверждения документов в зависимости от типа и целевого назначения всех основных документов стратегического планирования концепций, стратегий, доктрин и основ государственной политики Российской Федерации в различных областях.

Рассматривая организационные принципы государственного управления, следует учитывать, что в практической работе органов государственной власти этот принцип реализуется в соответствии с п.5 статьи 10 Федерального закона № 172-ФЗ утверждением (одобрением) Президентом Российской Федерации документов стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и по другим вопросам, отнесенным к его полномочиям, включая определение порядка их разработки и корректировки.

Нельзя не отметить и такой существенный вопрос, как обеспечение информационной безопасности в процессе стратегического планирования.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности информационная безопасность пронизывает всю систему национальной безопасности и исходит из принципа рациональной достаточности и эффективности, что особенно актуально в условиях мирового кризиса и политических реалий современной действительности [10].

На этом направлении по поручению Правительства Российской Федерации создана Система «Управление», которая представляет собой единую распределенную государственную информацион-

ную систему, обеспечивающую сбор, учет, обработку и анализ данных, содержащихся в государственных и муниципальных информационных ресурсах, данных официальной государственной статистики, а также иных сведений, необходимых для обеспечения поддержки принятия управленческих решений в сфере государственного управления [11].

В частности, указанная система предназначена для осуществления мониторинга, анализа и контроля за исполнением принятых органами государственной власти Российской Федерации и органами местного самоуправления решений, в том числе за реализацией государственных программ Российской Федерации, основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации и выполнения приоритетных национальных проектов [12].

Формирование такой системы, в совокупности с работами, которые ведутся на направлении совершенствования системы документов стратегического планирования, существенно повысит эффективность государственного управления.

В тоже время следует отметить, что механизм правореализации Федерального закона № 172 ФЗ завершен пока не в полной мере. Ряд необходимых актов пока еще отсутствует. В частности, не приняты акты, регламентирующие:

порядок разработки, корректировки и утверждения (одобрения) стратегического прогноза Российской Федерации, который в соответствии с частью 5 статьи 23 Федерального закона о стратегическом планировании определяется Правительством Российской Федерации;

порядок согласования проекта стратегии социально-экономического развития субъекта Россий-

ской Федерации в части полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации с документами стратегического планирования, разрабатываемыми и утверждаемыми (одобряемыми) органами государственной власти Российской Федерации (в соответствии с частью 8 статьи 32 Федерального закона № 172-ФЗ определяется Правительством Российской Федерации);

порядок разработки и корректировки стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, а также порядок мониторинга ее реализации (в соответствии с частью 2 статьи 18.1 Федерального закона о стратегическом планировании определяется Правительством Российской Федерации).

Таким образом, проведенные исследования в данной сфере дают основания полагать, что проблематика совершенствования стратегического планирования в интересах повышения эффективности государственного управления сегодня является не просто актуальной, а неотложной государственной задачей, требующей разработки концептуальных документов для нормативного правового закрепления вопросов социально-экономического развития России и обеспечения национальной безопасности.

Особого внимания сегодня заслуживают документы стратегического планирования в информационной сфере, касающиеся развития информационного общества – Стратегия развития информационного общества 2008 года и Доктрина информационной безопасности 2000 года – которые требуют корректировки (модернизации) на основе новой Стратегии национальной безопасности и Федерального закона о стратегическом планировании [13].

Список литературы

1. Афиногенов Д.А. Методологические аспекты применения принципов стратегического планирования в сфере государственного управления: Монография / М.: Триумф, 2012. С.5.
2. Кокошин А.А. О стратегическом планировании в политике. Институт проблем международной безопасности РАН, Факультет мировой политики МГУ им. М.В.Ломоносова. М.: Ком. Книга, 2007. С.8.
3. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Свод Законов РФ. 07.05.2012, № 19, Ст. 2338.
4. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М.: Хранитель АСТ, 2006.
5. Материалы к заседанию секции по проблемам стратегического планирования научного совета Совета Безопасности Российской Федерации по вопросу «Научное обоснование методологии оценки и анализа показателей национальной безопасности». М., 2009 г.
6. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Свод Законов РФ. 2014 № 26 (ч.1). Ст.3378.
7. Афиногенов Д.А. Методологические основы формирования государственной политики в области защиты национальных интересов Российской Федерации: Монография / М.: Триумф, 2012. С.30.
8. Полякова Т.А. «Базовые принципы обеспечения информационной безопасности» / Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Под ред. Т.А.Поляковой, А.А. Стрельцова. Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс. М.: Юрайт, 2016. С.62.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 октября 2015 г. № 1162 «Об утверждении Правил разработки, корректировки и осуществления мониторинга и контроля реализации отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации по вопросам, находящимся в ведении Правительства Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

10. Полякова Т.А. Характеристика законодательства, направленного на развитие информационно-телекоммуникационных технологий в публичном управлении / Систематизация и электронное кодирование функций и полномочий в системе публичного управления: монография / колл. авторов под ред. И.Л. Бачило, М.А. Лапиной. М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. С.62.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2011 г. № 759 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2009 г. № 1088» // СПС Консультант Плюс.
12. Полякова Т.А., Афиногенов Д.А. Роль мониторинга состояния национальной безопасности в Российской Федерации в повышении эффективности государственного управления // Административное право и процесс. 2014. № 4. С.19-23.
13. Полякова Т.А. Стратегия национальной безопасности. Актуальные правовые проблемы теории и практики обеспечения информационной безопасности / Новые вызовы и угрозы информационной безопасности: правовые проблемы / Отв.ред. Т.А.Полякова, И.Л. Бачило, В.Б.Наумов / Сб. науч. работ. М.: ИГП РАН, «Канон», «Реабилитация», 2016. С. 9.

Reference list

1. Afinogenov D. Methodological aspects of applying the principles of strategic planning in public administration: Monograph / M.: Triumph, 2012. P.5.
2. Kokoshin A. On strategic planning in politics. The Institute of International Security Problems of the Russian Academy of Sciences, the Faculty of World Politics of Lomonosov Moscow State University. M.: Kom. Kniga, 2007. P.8.
3. The Decree of the President of the Russian Federation of 7th of May, 2012 № 601 "On main directions of improving the system of public administration" // Code of Laws of the Russian Federation. 07.05.2012, № 19, Art. 2338.
4. Ilyin I. The general theory of law and state. M.: Khranitel' AST, 2006.
5. Proceedings for the meeting of the section on strategic planning of the Scientific Council of the Security Council of the Russian Federation on the issue "Scientific substantiation of the assessment methodology and analysis of national security indicators". M., 2009.
6. The Federal Law of June 28, 2014 № 172-FL "On strategic planning in the Russian Federation" // Code of Laws of the Russian Federation. 2014 №. 26 (part 1). Art.3378.
7. Afinogenov D. Methodological frameworks of state policy formation in the field of national interests' protection of the Russian Federation: Monograph / M.: Triumph, 2012. P. 30.
8. Polyakova T. "Fundamental principles of information security ensuring" / Organizational and legal information security ensuring: Practical textbook for bachelor and master courses / Under the editorship of T. Polyakova, A. Strel'tsov. Series: Bachelor and Master. An academic course. M.: Yurayt, 2016. P. 62.
9. Resolution of the Government of the Russian Federation from October 29, 2015 №1162 "About approval of rules of development, adjustment and implementation of monitoring and control of implementation of sectoral strategic planning documents of the Russian Federation on issues under the jurisdiction of the Government of the Russian Federation" // Reference Legal System "Consultant Plus".
10. Polyakova T. Characteristics of the legislation aimed at information and telecommunication technologies development in public administration / Taxonomy and keying functions and powers in the system of public administration: Monograph / Authors team, under the editorship of I. Bachilo, M. Lapina. M.: YUSTITSIYA, 2016. P. 62.
11. Resolution of the Government of the Russian Federation from 8th of September, 2011 № 759 "On amendments to Resolution of the Government of the Russian Federation of 25th of December, 2009 № 1088" // Reference Legal System "Consultant Plus".
12. Polyakova T., Afinogenov D. The role of monitoring the state of national security in the Russian Federation in improving the efficiency of public administration // Administrative Law and Process. 2014. №. 4. P. 19-23.
13. Polyakova T. The national security strategy. Actual legal issues of the theory and practice of information safety / New challenges and threats to information safety: Legal issues / Executive editors T. Polyakova, I. Bachilo, V. Naumov / Collection of scientific works. M.: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, "Kanon", "Reabilitatsiya", 2016. P.9.

УДК 340.1

Чернявский А.Г.,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Московского института государственного управления и права

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООТНЕСЕНИЯ ПРИРОДЫ ПРАВА И ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

В статье на основе исторического метода рассматривается вопрос о развитии правовых норм, который одинаково наглядно понятен любому члену общества, независимо от его финансового положения, а именно экономического интереса, интереса собственности. С этих позиций автор утверждает, что право необходимо рассматривать как результат гармонии человеческих интересов.

Ключевые слова: равенство в правах, индивидуум, самоограничение, правовые идеалы, юридическое содержание, взаимное запрещение, правовая культура, правосознание, правовая политика

Chernyavskiy A.,

Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State-Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

THE METHODOLOGICAL ASPECTS OF CORRELATION OF THE NATURE OF LAW AND HUMAN INTERESTS

On the basis of the historical method this article deals with the issue that the initial development of legal rules is stating with protecting such interest which is equally clearly understandable to any member of the society, regardless of its financial means, specifically the economic interest, interest of ownership. From these viewpoints the article author argues that it is necessary to look at law as a result of the human interests' harmony.

Keywords: equal rights, individual, self-restraint, legal ideals, legal content, mutual prohibition, legal culture, legal consciousness, legal policy

Об индивидууме и его правах, о государстве и его роли, а также о целях социальной и политической жизни некоторые великие умы XVIII века составили понятие, которое в любое время можно назвать новым, это понятие индивидуалистическое.

Взаимство и равенство в праве, как движущие силы самоограничения – простейшие идеи, которые являются протоплазмой всего феномена права, которое развивается, прежде всего, в отношениях между теми, кто находится приблизительно в одинаковых фактических условиях, даже в настоящем сложнейшем лабиринте правовых отношений, право далеко не одинаковая объемлющая сила во всех тех направлениях, которые фактически находятся не в одинаковых условиях.

С точки зрения правовых идеалов, «политики права», это, конечно, – явление отрицательное, но с точки зрения идеи эволюции права и его сущности, оно вполне логично и неизбежно, если смотреть на право, как на результат взаимного трения человеческих интересов.

Чем тот или иной интерес становится более наглядно доступным пониманию каждого, потому что он есть у каждого, тем больше оснований для

возведения его в степень правового. Этим объясняется явление первоначального развития правовых норм, начинающихся с охраны такого интереса, который одинаково наглядно понятен и могущественному вождю, и самому отдаленному от правовой культуры члену общества, а именно интереса экономического, интереса собственности, потому что чувство собственника – чувство одинаково знакомое каждому, и обладателю дворцов и жителю хижины. Уважение к этому чувству является, несомненно, одним из главнейших двигателей эволюции правосознания, вплоть даже до таких высших его публично-правовых форм, как сама идея народного представительства. Идея бюджета, развившаяся прежде всего в Англии на почве идеи необходимости соглашения с подданными в вопросах ограничения их собственности для передачи её в пользу нужд короля и государства, и отдающая и сейчас дань этому своему происхождению, принадлежащую деятельности народного представительства.

Один из наиболее выдающихся русских философов В.С.Соловьев, высказал хоть и не в юридиче-

ской форме, но мысль полную глубочайшего юридического содержания: «Право есть свобода, обусловленная равенством». У него – это не только воспроизведение Кантовской формулы права в его строго формальном значении уравнения каждому действовать так, чтобы его свобода совмещалась со свободой всех. Содержание соловьевской формулы прежде всего материальное, т.е. равенство есть пред условие совершенной свободы, которая представляет собой право. Кроме того, по мнению первого отечественного профессора права С.Е. Десницкого (1740-17890) юриспруденцию необходимо рассматривать «порядком» историческим, метафизическим и политическим, сносая законы российский с «натуральным о них рассуждением» [9]. Фонвизин различал государство как вид общественной связи, допускающей насилие и беззаконие, и как Отечество, в котором «политическое тело соединяется узлом взаимных прав и обязанностей» [10].

Само собою ясно, что под выражением «равенство» нельзя и не следует понимать, с рассматриваемой здесь точки зрения, количественное равенство всей суммы благ, какими может обладать человек. Но по мере того, как в силу условий исторических и социальных, то, или отдельное данное благо становится одинаково для всех равным, одинаково для всех ценным и нуждающимся, поэтому в безопасности у каждого появляется мысль обеспечить эту безопасность взаимным запрещением этого нарушения, которое и есть не что иное, как право. Поэтому вся система правовой культуры являет собой, конечно, не частичное осуществление того идеального фонда правовых идеалов, каким, с точки зрения, – к сожалению для научной разработки права, – громаднейшего большинства представляется эта система, как какая-то величина заранее предопределенная и, вместе с тем, по мере прогресса человечества, бесконечно увеличивающаяся, к которой человек должен стремиться в силу отвлеченных велений, а прежде всего накопление ряда, хотя и безмерно увеличивающихся в общем числе, но все же отдельных по их происхождению, взаимных ограничений, взаимных интересов, к которым каждая из сторон вынуждается правильным сознанием этих собственных своих интересов.

Между человеческими существами, поставленными всей социальной обстановкой в условия полного отсутствия между ними равенства, не может быть и права. Таким было, например, в эпоху рабства состояние взаимоотношений между господином и рабом. В эпоху крепостничества, конечно, не было никакого права между помещиком и его крепостным. Отмена крепостничества, быть может, более чем какой-либо иной правовой акт. Может служить в большом масштабе нагляднейшим приме-

ром сознания того, что право рождается именно на почве увеличивающегося равенства, и что не только право, конечно, ведет к равенству, но и равенство ведет к установлению права. Известны слова Царя-Освободителя, имевшие целью сломить сопротивление крепостников, о том, что лучше отменить рабство сверху, чем ожидать его самоотмены снизу. Эти слова красноречивее всего вскрывают сущность такого явления как движение правовой эволюции в тот момент, когда наряду с интересом стороны, направленным на защиту того или иного ее блага, действуют взаимно различные противоположные стороны, предотвращающие возможные нежелательные последствия отсутствия удовлетворения другой стороны. И мудрость законодателя и заключается в том, чтобы учесть, в нужный момент, этот элемент взаимства интереса, благодаря которому возможно сохранить равновесие и создать гармонию права.

Понятие равенства, конечно, опять-таки не следует, с рассматриваемой здесь точки зрения эволюции права, представлять его в том, так сказать, алгебраическом, абсолютном смысле, как оно писалось на знаменах 1789 года. Напротив, для всякого, кто хочет оставаться в пределах реалистического исследования, ясно, что речь идет именно о движении не от бесконечно великого к меньшему, а от бесконечно малого к большему, что право в его, так сказать, будничной, текущей эволюции образуется все не в силу стремлений к абсолютному равенству, а в силу сознания равенства и взаимности, уже имеющего налицо относительно отдельного данного интереса, накопление которого в качестве отдельных слагаемых постепенно и создает общую сумму, – систему права, представляющую собой не что иное, как совокупность тех и только именно тех интересов, которые уже возведены общественным сознанием на степень общих взаимоотношений – и поэтому правовых. И чем глубже это сознание взаимной ценности данного интереса, тем более твердым и обеспеченным представляется действие, касающееся его нормы.

В бесконечно широком диапазоне этих норм, конечно, этот момент взаимности яснее в вопросе такого явного для всех общего значения, как например, вопрос об охране собственности, потому что собственником, в той или иной мере является каждый, чем в вопросе столь сложном и далеком от фактической каждому близости. Но в основе правового значения как одного, так и другого вопроса качественно лежит все тот же момент всеобщей обоюдной заинтересованности, который также должен удерживать от неправильного применения основных законов данного общества, как от нарушения прав собственности, поскольку в основе правовой охраны и того другого интереса лежит формула «*hodie mihi cras, tibi*»- «сегодня мне, завтра тебе».

Право в его генетическом происхождении – не воспроизведение отвлеченных идеалов, не сведение с неба на землю преопределенных начал, не «свидетельствование» об этих вечных началах абсолютного. Право – в полном смысле слова творение рук человеческих, прежде всего результат практических требований взаимного страхования от умеренного проявления силы. Это не значит, конечно, чтобы и в этой отрасли права не было идеалов, и чтобы идея «политики права» или сегодняшней правовой политики или еще конкретней идеологической функции права [8], стремления в этой области к определенным желанным началам, могла быть лишеной своего смысла и значения.

Напротив того, и эта идея, и ее правильная разработка имеют, несомненно, свое громадное положительное значение в качестве мощной культурной силы, содействующей в ряду других и даже в одном из первых их рядов правильному сознанию необходимости правовой защиты того или иного интереса. Но непосредственно движущей творческой силой права является и все же остается именно рождение этого сознания, работа же «политики права» есть, есть по существу своему, работа, хотя по поводу права и в связи с правом, но общекультурная ход которой очень часто совпадает с развитием правовой охраны тех или иных интересов, потому что культура движется прогрессом, но также и нередко расходится с этим развитием, смотря по тому, как складываются общие социальные условия самой жизни, зависящие от тысяч различных причин, которыми движется, в бесконечно многогранных условиях жизни, эволюция права.

Если позволить себе говорить метафорически, то можно сказать, что «карта» этой эволюции не есть план города, строящегося по американскому способу, в котором заранее проложены улицы. Нет, это скорее своего рода «немая» географическая карта, на которой сама природа нанесла лишь ряд естественных данных, тех свойств человеческой натуры, от каких – подобно тому, как от расположения гор и рек зависит расселение человека, при переходе его от кочевого состояния к оседлому, – зависит также и правовое строительство, эволюция права, заложение самых его основ. «Карта» эта, подобна, например, карте Европы, наполняющаяся с каждым веком новыми узлами человеческого общения, по мере развития в них тех или иных интересов, при чем лишь очень редко бывает так, чтобы возникновение того или иного узла вызывалось к жизни по закону политики права, а не тем долгим, упорным процессом, который вполне справедливо окрещен Р. Иерингом именем «борьбы за право».

В развитии этого процесса нет и не может быть сколько-нибудь достаточно определенной си-

стемы, помимо той, какая может быть в самых условиях исторической жизни человечества; и карта эволюции права, при всех ее возможных несовершенствах в каждый данный момент, представляется однако законченной в том же смысле, как законченной была для своего момента карта Европы хотя бы и в средние века, несмотря на то, что она имела общего с современной ее картой разве только ее естественные неизменные условия и всего лишь небольшое количество населенных пунктов, столь ничтожное по сравнению с современным их количеством. Так что к слову сказать, и область права, например, международного, в которой в настоящее время есть, быть может, всего лишь ничтожное количество твердо установленных правовых начал, есть все таки область права точно так же как есть карта Европы XIII века, есть все же карта Европы, хотя и столь далекой от ее теперешнего состояния, явившегося результатом дальнейшего развития, никем не предусмотренного и никакой общей идеей, кроме, конечно, всеобщей идеи человеческой культуры и прогресса, не направлявшегося.

Могущественнейшим двигателем этого прогресса является, прежде всего, интерес человека, и там где этот интерес требует согласования человеческих интересов, возникает право. И если организованная мила, принуждение представляется вернейшим средством защиты права, то с другой стороны, именно опасность злоупотребления неорганизованной силой служит, прежде всего, стимулом к рождению права, к взаимограничению этой силы.

Сущность права сводится к тому, что люди, живя в том общении, которое является, прежде всего, потребностью человека по его природе, неизбежно должны делать друг другу взаимные уступки, неизбежно должны приходиться к необходимости целого ряда ограничений их «естественной» свободы, которые и представляют собой право. *Ubi societas, ibi ius.* – Где общество, тут и право. Права не было бы и не могло бы быть, если бы на свете существовал только один человек. Идея права могла родиться на свете лишь тогда, когда явились два человека, одинаково свободные и независимые. Права не могло быть при первом, единственном человеке, но уже при первых его двух сыновьях родилось право и его нарушение.

Рождаясь в историческом своем происхождении на почве взаимограничения людьми их «естественной» свободы, право впоследствии лишь внешне утрачивает непосредственную связь с этой почвой по мере того, как все строение права как бы подводится под своды устанавливающей свое господство над отдельными людьми государственной власти, поднимающейся над этими межлюдскими отношениями и своим авторитетом подтверждаю-

щим над ними право, первоначально возникающее помимо этой власти. Она является, таким образом, по существу, не столько создателем права, хотя в последующем его развитии она и создает формально новые правовые нормы, сколько их выразителем и хранителем, стоящим на страже соблюдения права всеми членами государственного союза и, прежде всего, его наименее общественными элементами.

Организационное принуждение и является, в этом случае, наиболее экономным средством борьбы с возможными правонарушениями, поскольку, конечно, деятельность власти отвечает общему правосознанию. Вместо того чтобы всем или многим членам общества соединяться каждый раз для физического реагирования на совершившееся правонарушение в тех случаях, когда такая реакция бывает необходима, работа эта выполняется органами государственной власти, облеченными общественным доверием и, по самому существу их деятельности, поставленными в условия беспристрастия и отсутствия личной заинтересованности в деле. Конечно бывают исключения, когда государственная власть идет не в ногу с общественным правосознанием и тогда нередки случаи, в которых члены общества даже игнорируют, когда это возможно, ее деятельность, предпочитая жертвовать каким-нибудь своим интересом, чтобы избежать, к примеру, судебной волокиты, связанной с недостаточной уверенностью в беспристрастии суда, или оставляя, например, без общественной реакции отношение к лицам, подвергшихся неправомерному, по убеждению большей части общества, судебному приговору.

Но такие случаи, являясь, конечно, отклонениями от нормального порядка вещей, при котором государственная власть представляет собой как бы центр отражения общественного правосознания, являясь воплощением его общих интересов. При обычных условиях принуждение представляется не чем иным, как осуществляемым от лица общества и в согласии с его правосознанием мерой восстановления права, терпящего нарушение со стороны его наименее общественных элементов. Можно даже с этой точки зрения называть право, следуя образному выражению Иеринга, «розгами» и даже признавать, что в процессе укрепления правовых начал в отношении наименее общественных элементов, не связанных с другими членами общества взаимодействием интересов, принудительный характер этих норм имеет свое, несомненно, первостепеннейшее значение, но во всяком случае, было бы неосновательно только в существовании этих «розг» видеть сущность права, если только не считать, что право существует только для одних негодяев.

Для тех противообщественных элементов, которые поставляют из своей среды главный кон-

тингент правонарушителей, угроза физическим принуждением потому и необходима, что для них не имеет значение страх возможности нарушения отсутствующих у них интересов со стороны других членов общества. Но для громадного большинства сдерживающим началом служит, помимо нравственных мотивов, естественный даже для грубого эгоиста расчет – не нарушать чужих интересов для того, чтобы не вызывать этим нарушения своих интересов.

Право есть не что иное, как нагляднейшее проявление того чувства взаимства, которому можно дать парадоксальное только на первый взгляд определение «эгоистического альтруизма» – внимание к интересу другого человека, в заботе о своем собственном интересе, на случай возможного его нарушения.

В сущности, это признает также и такой апологет принудительной теории права, как Шершеневич Г.В., когда он говорит: «мотивом, побуждающим гражданина сообразовать свое поведение с нормами права, помимо унаследованной и усвоенной воспитанием привычки, и даже при отсутствии таковой, является сознание собственного интереса. Этот интерес – двоякого рода. Во-первых, члену общества представляется выгодным соблюдать норму в данном отдельном случае, например, продавец, выполняя в точности свои обязанности, согласно нормам права, приобретает возможность, на этом основании требовать от покупателя исполнения им своей обязанности. Во-вторых, члену общества выгодно приобрести уверенность, что все его сограждане будут сообразовать свое поведение с установленными нормами права. Поэтому он должен, в собственном интересе, преграждать другим возможность нарушать чужие права и сам не выходить из пределов этого права» ... «Однако, все указанные мотивы могут оказаться недостаточными... тогда выступает на сцену страх перед угрозой, соединенной с нормой права» [4].

После всего сказанного относительно принуждения лишь как о наиболее совершенном способе восстановления нарушенного права, а не как об имманентном самому понятию права ингредиенте, хотя бы уже только с развитой выше формальнологической точки зрения, можно с достаточным основанием отметить, что при современном состоянии науки права, эволюция этого наиболее основного ее вопроса о соотношении между принуждением, силою – с одной стороны, и правом – с другой, может быть без какой-либо натяжки сравнена с развитием в науке космографии вопроса о соотношении движения земли и солнца.

Было время, когда не возбуждалось даже сомнения в том, что земля является центром мирозда-

ния, что она именно представляет собою неподвижную, командующую точку, вокруг которой совершает свой путь солнце. И точно также было время, когда не возбуждалось сомнений в том, что физическая сила принуждения является источником жизни права, той точкой, вокруг которой вращается все его существование. Но великие умы, начиная от Гроция, сделали в этой области то, что совершил Галилей и его последователи, точно также как несмотря на то, что вращение земли никем не осязается, бесспорною однако в настоящее время истиною является то, что не солнце вращается вокруг земли, а земля вокруг небесного светила, и что в основании равновесия всей системы планет лежит гармония их взаимного притяжения, точно так же все более бесспорно становится в науке права та истина, что не право вращается вокруг идеи принуждения, а есть какая-то другая внутренняя движущая сила, которая дает ему жизнь и существование независимо от идеи принуждения.

Эта сила есть также гармония на почве взаимности, – взаимности основанного на том явлении

практического альтруизма, в основании которого лежит правильно осознанный по своему существу эгоистический интерес гармонии человеческого общежития, ограничения свободы каждого на пользу свободы всех и прежде всего интересов собственной свободы и своей личности, своей безопасности, когда они могут оказаться затронутыми своими действиями.

Не углубляясь в далекие исторические дебри, философии права, и ограничиваясь только последним столетием ее развития, начиная от Канта, резюмировавшего всю эту философию своим формальным императивом «действуй так, чтобы твоя свобода сочеталась со свободой каждого», достаточно рассмотреть здесь главнейшие последовавшие за Кантом попытки вложить в этот формальный императив материальное содержание, чтобы убедиться в какой мере оно все более и более приближается к признанию именно момента взаимности за движущее начало идеи права, как гармонии человеческих интересов.

Список литературы

1. Соловьев В.С. Право и нравственность. Т.8. С.-Петербург, 1914.
2. Коркунов Н.М. Русское государственное право. С.-Петербург, 1909.
3. Меркель А. Юридическая энциклопедия. С.-Петербург, 1902.
4. Шершеневич Г.В. Общая теория права. Москва, 1910. Стр. 294.
5. Иеринг Р. Борьба за право. С.-Петербург, 1912.
6. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2015.
7. Чернявский А.Г. Роль и значение идеологии для государства и права: монография. Сер. Научная мысль. Москва, 2016.
8. Чернявский А.Г., Погребная Ю.К. Идеологическая функция права. Москва, 2015.
9. Стрелецкий Я.И. Общество и право. 2005. №4(10). С.84.
10. Русская философия второй половины XVIII века. Свердловск, 1990.С. 174.

Reference list

1. Solov'ev V. Right and morals. Vol. 8. St. Petersburg, 1914.
2. Korkunov N. The Russian national law. St. Petersburg, 1909.
3. Merkel A. Legal encyclopedia. St. Petersburg, 1902.
4. Shershenevich G. General theory of law. Moscow, 1910. P. 294.
5. Rudolf von Ihering. The Struggle for the Right. St. Petersburg, 1912.
6. Kant I. Criticism of Pure Mind. M.: Eksmo, 2015.
7. Chernyavskiy A. The role and importance of ideology for the state and law: Monograph. Series "Scientific thought". Moscow, 2016.
8. Chernyavskiy A., Pogrebная Yu. The ideological function of law. Moscow, 2015.
9. Streletskiy Ya. The society and law. 2005. №. 4(10). P.84.
10. The Russian philosophy of the second half of the eighteenth century. Sverdlovsk, 1990. P. 174.

УДК 343.1

Бажанов С.В.,

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, старший советник юстиции

ФЕНОМЕН ПРОКУРОРСКОГО РУКОВОДСТВА УГОЛОВНЫМ ПРЕСЛЕДОВАНИЕМ С ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ

В настоящей статье анализируется такое понятие как «прокурорское руководство уголовным преследованием», встречающееся в большей мере в теории уголовно-процессуального права и прокурорского надзора в части, касающейся процессуальной деятельностью органов предварительного расследования.

Ключевые слова: прокурор, надзор, уголовное преследование, уголовный процесс, преступление, руководство уголовным преследованием

Bazhanov S.,

Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Senior Counselor of Justice

THE PHENOMENON OF THE PROSECUTOR'S MANUAL THE CRIMINAL PROSECUTION FROM THE POSITIONS OF MANAGEMENT THEORY

This article looks at such a thing as "prosecutor's manual the criminal prosecution" that can be found in the theory of criminal procedural law to a great extent and prosecutor's supervision in the part, concerning the procedural activities of the preliminary investigation authorities.

Keywords: Prosecutor, supervision, criminal prosecution, criminal process, act of crime, manual criminal prosecution

Как известно, основными компонентами научной организации труда (НОТ) являются организация (как деятельность) и управление, направленные на согласование коллективных устремлений людей для достижения стоящих перед ними целей оптимальным образом [1]. В решении этой задачи действенную помощь оказывает метод декомпозиции, позволяющий расчленять сложные явления на простые составляющие, что способствует более полному проникновению в их суть, а стало быть правильному определению предназначения. Так, систему управления сотрудниками (персоналом) дифференцируют на подсистемы, подсистемы – на функции, функции – на процедуры, процедуры – на операции [2].

В контексте темы, вынесенной в заголовки настоящей статьи, представляется занимательной смысловая нагрузка ключевых понятий «руководство» (в том числе процессуальное) и «управление». Термин «управление» происходит от слова «управлять», трактуемого в Толковом словаре русского языка так: направлять ход, движение кого-чего-нибудь; руководить, направлять деятельность, действия кого-чего-нибудь [3]. Аналогичная дефиниция предлагается

термину «руководить» – направлять чью-нибудь деятельность; управлять, заведовать [3], что даёт основания для отнесения их к разряду взаимозаменяемых.

По мнению А.Ф. Смирнова, управление есть процесс воздействия его субъектов на объекты с целью достижения согласованных результатов. Воздействие осуществляется через управленческие функции путем принятия и реализации соответствующих решений [4]. Данное понятие тесно связано с функцией организации, подразумевающей деятельность, связанную с постановкой целей и задач для уже существующей организационной системы, определением направлений ее деятельности, а также управлением процессом исполнения того, что намечено [4].

Об этом же пишут авторы учебника по управлению персоналом организации, подчеркивая, что существо труда руководителя заключается в обеспечении общего руководства процессом функционирования и развития системы управления. По их версии, под управленческим трудом следует понимать вид трудовой деятельности по выполнению функции управления в организации, назначением которого является обеспечение целенаправленной и скоордини-

нированной деятельности её трудового коллектива по решению стоящих перед ним задач [2].

Аналогичную позицию, но в приложении к прокурорской надзорной практике, занимает и Р.М. Гасанов, акцентирующий внимание, в частности, на том, что «организация работы прокурорского надзора»¹ включает в себя два разноплановых уровня, подчиненных решению одной проблемы:

организация как элемент управленческой деятельности прокурора и

организация как элемент надзорной деятельности, включающей в себя определение путей ее подготовки и совершенствования [5].

Ввиду наблюдаемого ныне в теории уголовно-процессуального права смешения и даже отождествления таких основополагающих понятий как «надзор» и «процессуальное руководство» образовалось ненормальное положение, тонко подмеченное профессором А.Б. Соловьевым: прокуроры стали ответственны за ту работу, за законностью которой они призваны наблюдать. С точки зрения разделения функций в уголовном процессе предпочтительной следует признать такую ситуацию, когда начальник следственного отдела органа внутренних дел осуществляет процессуальное руководство расследованием по делам подчиненных ему следователей, а прокурор сосредоточен на надзорной деятельности. На наш взгляд, включает названный ученый, решение этого вопроса обуславливает необходимость внесения:

1) определенных уточнений в концепцию прокурорского надзора;

2) дополнений в уголовно-процессуальный закон;

3) корректировки надзорной практики [6].

С ним солидаризуется М.Е. Токарева, подчеркивающая, что прокурор должен быть освобожден от руководства следствием, координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, от прямой ответственности за её состояние, а также за раскрываемость уголовно наказуемых деяний [7].

Соглашаясь с ними в этой части, автор настоящей статьи, тем не менее, принимает точку зрения тех авторов, которые убеждены в том, что организацию работы в прокуратуре следует представлять как процесс, состоящий из нескольких этапов. Начинается он с выявления потребности; в системе органов прокуратуры – это в основном потребности в выполнении определенного вида и объема работы или в формировании конкретного направления деятельности. На втором этапе проектируется определенная структура, состоящая из должностей, закрепленных видов деятельности или участков, определяются взаимос-

вязи элементов, составляющих структуру организационной системы [8].

Вступая в полемику на предмет состоятельности концепции так называемого прокурорского руководства уголовным преследованием, не следует забывать о том, что одним из принципов научного управления является принцип скалярной цепи, заключающийся в передаче распоряжений и осуществлении коммуникаций между различными уровнями иерархии через непрерывную (передаточную) цепь команд («цепь начальников»). Характер труда управленцев вытекает из сущности управления как вида деятельности, ориентированной на постановку целей и объединение усилий множества людей для их своевременного и эффективного достижения. Именно в этом смысле под руководителем целесообразно понимать члена (именно той) организации, который чаще всего имеет в своем административном подчинении других ее (организации) работников, наделенного полномочиями направлять их действия и нести всю полноту ответственности за состояние управляемого объекта. В данном контексте автор настоящей статьи и не приемлет словосочетание «прокурорское руководство уголовным преследованием», относя прокурора к разряду «внесистемных» (нештатных) руководителей.

Не вредно осознавать и то, что процесс управления есть определенная совокупность управленческих действий, логически связанных друг с другом в обеспечение достижения поставленных целей путем преобразования ресурсов на «входе» в продукцию или услуги на «выходе» системы. Между структурой управления и организационной структурой существует тесная взаимная связь: структура организации отражает принятое в ней разделение работ между подразделениями, группами и исполнителями, а структура управления создает механизмы координации, обеспечивающие эффективное достижение её общих целей и задач.

Стало быть, структура управления представляет собой упорядоченную совокупность связей между звеньями и работниками, занятыми решением управленческих задач, где элементами выступают службы, группы и отдельные сотрудники, выполняющие конкретные функции управления в соответствии с принятым разделением управленческих задач, функций и работ. Отношения между элементами системы (организации, учреждения) поддерживаются благодаря связям, подразделяемым на горизонтальные и вертикальные. Горизонтальные связи носят характер согласования; как правило, они одноуровневые. Вертикальные связи – рассматриваются в качестве связей соподчинения; необходимость в них возникает при иерархичности управления, то есть при наличии нескольких его уровней.

¹ Так в оригинале. – прим. авт.

Все это не свойственно взаимоотношениям типа «прокурор – следователь» и «прокурор – дознаватель», где незримо присутствует некое промежуточное звено в облике начальника подразделения (органа) дознания, руководителя следственного органа, его заместителя и проч. Субординационные контакты (отношения) между перечисленными должностными лицами в аспекте прокурорского руководства уголовным преследованием нисходят к «шахтному» принципу построения, что в контексте изложенного представляется весьма уязвимым.

К тому же в теории управления наличествует и такой феномен как пространственная дифференциация, под которой принято подразумевать территориальную удаленность прокуроров от поднадзорных им объектов (в данном случае – от органов предварительного расследования). В подобных ситуациях проявляет себя фактор формализации, характеризующийся масштабом использования правил и регуляторных механизмов для управления поведением непосредственных, но ситуационно удаленных от прямого управляющего воздействия, исполнителей. Другими словами, формализация отражает уровень стандартизации работ, однако, опять же и по общему правилу исключительно внутри организации [9].

С точки зрения профессора В.П. Божьева «... процессуальное руководство деятельностью по расследованию преступлений – это сложный многоуровневый комплексный феномен. Попытка вычлнить здесь только процессуальный аспект может быть решена лишь частично и в высшей степени условно, так как в реальной действительности процессуальная и организационно-управленческая деятельность по руководству следователями переплетаются между собой» [10].

Автор настоящей статьи присоединяется к мнению названного ученого, памятуя о том, что в теории управления признаётся аксиоматичным: руководят, как правило, не процессом, а людьми. «Волевое» возложение на прокурора функции руководства уголовным преследованием предполагает два варианта его действий в заданном направлении. Первый: он (так сказать процессуально) руководит лишь одним дознавателем или следователем. Подобная организация прокурорской надзорной практики может быть охарактеризована как опека, но не управление; и второй: он, фактически подменяя многочисленных ведомственных начальников органов (подразделений) дознания, руководителей следственных органов, их заместителей, «командует» всеми без исключения дознавателями и следователями, работающими в сфере его юрисдикции. В среднестатистическом органе внутренних дел², будем считать, работает 3 – 4 дозна-

вателя (вместе с соответствующим руководителем), а в следственных подразделениях – 10 – 12 следователей, включая непосредственных начальников и их заместителей. У каждого в производстве примерно 10 – 12 уголовных дел, не считая «висяков» и материалов процессуальных проверок. Получается, что прокурор уполномочивается осуществлять руководство уголовным преследованием, под которым мы вправе понимать систематическую ежедневную уголовно-процессуальную деятельность, примерно по 170 – 200 уголовным делам ежемесячно. Есть ли необходимость в комментариях?

Общепризнано, что под системой прокуратуры понимается совокупность организаций, однородных по своим задачам, или учреждений, организационно объединенных в одно целое, что, собственно, и провозглашено в статье 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»: прокуратура Российской Федерации является единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации [11].

В одной из прошлых своих публикаций автор настоящей статьи уже писал о том, что термины «органы дознания» и «органы предварительного следствия» («следственные органы») в юридико-семантическом смысле являются не состоятельными, поскольку в Российской Федерации отсутствуют единые, строго централизованные, построенные по иерархическому принципу государственные структуры, занимающиеся исключительно дознанием или предварительным следствием [12].

Не следует забывать и о том, что прокурор является одним из представителей стороны обвинения (п. 47 ст. 5 УПК), что до некоторой степени оправдывает интерпретацию его правового положения в досудебных стадиях уголовного процесса в качестве руководителя уголовным преследованием. Составители учебника по уголовному процессу так и пишут: «Прокурор... вправе осуществлять процессуальное руководство органом предварительного следствия, как и другими государственными органами уголовного преследования» [13].

В свете установлений Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [14] сказанное становится особенно актуальным ввиду открытия новых полномочий прокурора по процессуальному руководству, но только не

дикции прокурора органов предварительного расследования из других ведомств. – прим. авт.

² Следует учитывать и возможное наличие в сфере юрис-

уголовным преследованием в форме дознания, как принято считать, а, строго говоря, органами дознания. А это уже другая, не такая смешная тема.

В комментируемых тенденциях развития уголовно-процессуального законодательства просматривается скрытое стремление новоиспеченных российских реформаторов в который уж раз занять толику сомнительного международного опыта в пику утраченному отечественному, и привнести его на родную почву. Таким образом форматируется плохо подготовленное правовое поле для легализации того, что в современной юридической литературе именуется полицейским дознанием, производимым под руководством прокурора при внешнем (стороннем, независимом) судебном контроле. Однако установления части 1 статьи 37 УПК РФ позволяют сделать вывод о том, что руководство (со стороны прокурора) уголовным преследованием, производимым органами дознания и предварительного следствия, совмещается у него с функцией надзора за таковым, что абсолютно не вписывается в рамки традиционных представлений о формах прокурорского участия в досудебном производстве по уголовным делам. К тому же прокурорский надзор отягчается еще и судебным контролем – печальный опыт, уже имевший место быть в истории советских правоохранительных органов (20-е гг. XX в.), когда следственные аппараты, выведенные из судебной системы, в организационном отношении были переподчинены прокуратуре. Маститыми учеными того периода времени подобная организация «следственной части» была подвергнута резкой и, как представляется, вполне заслуженной критике [15]. Однако, спустя практически 100 лет, ситуация не изменилась, по крайней мере, в лучшую сторону.

Таким образом, отсутствующая в федеральном законодательстве, но широко комментируемая в научной литературе суррогатная функция руководства уголовным преследованием предполагается к реализации практически по всем без исключения уголовным делам, что для районных (городских) прокуроров является обременительным ввиду малочисленности штатов возглавляемых ими учреждений.

Дисгармонирует руководство уголовным преследованием и с поддержанием обвинения в суде (ч. 3 ст. 37 УПК РФ), где прокурор уполномочивается обеспечивать законность возлагаемого на него действия по результатам расследования, проведенного при его же активном («руководящем») участии. И здесь совершенно не важно, какое (то же или другое) должностное лицо прокуратуры выступает в суде в качестве государственного обвинителя. Можно сказать и больше; в предложенной российскими парламентариями конструкции различие между понятиями «судебное производство» и «уголовное судопроизводство» едва уловимо, а термин «судебное производство» ложно

ориентирует исследователей не только на стадию судебного разбирательства, которую, надо полагать, и имел в виду законодатель, но и на стадии апелляционного, кассационного и судебнно-надзорного производства.

Ввиду широко рекламируемой ныне так называемой пассивной роли суда при рассмотрении и разрешении уголовных дел возникает вопрос и о том, кто же всё-таки должен осуществлять уголовное преследование и (тем более) руководство оным (если принимать данную парадигму) подсудимого в ходе судебного следствия. По логике закона, опять же государственный обвинитель. Подразумевая это, часть 1 статьи 246 УПК РФ обращает внимание на обязательное участие в судебном разбирательстве обвинителя – участника уголовного процесса, правовой статус которого в УПК РФ, включая статью 5, никак не определен. Лишь статья 43 названного кодифицированного законодательного акта упоминает о частном обвинителе. Однако и здесь возникает недоумение: в каком соотношении находятся понятия «уголовное преследование» и «поддержание обвинения в суде»? Представляется, что уравнивать их нельзя, поскольку поддержание обвинения в судебном заседании есть, строго говоря, отстаивание государственным обвинителем посредством «судоговорения», то есть дискуссии, обоснованного в ходе досудебного производства обвинительного тезиса следователя (дознателя) по поводу, прежде всего, главного факта. Активное производство судебнно-следственных действий («процессуальных действий познавательного характера») выходит за рамки рассматриваемой процедуры. В любом случае и при любом прочтении нормативная правовая регламентация полномочий прокурора в стадии судебного разбирательства в статье 246 УПК РФ представлена не очень вразумительно: «Государственный обвинитель, читаем в её пятой части, *представляет доказательства и участвует в их исследовании, излагает* суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, *высказывает* суду предложения о применении уголовного закона и назначении подсудимому наказания».

Из в целом неудачного содержания части 1 статьи 37 УПК можно заключить, что прокурор в рамках *уголовного преследования* вправе (лично) производить в том числе следственные действия на всем протяжении уголовного процесса, поскольку согласно пункта 56 статьи 5 УПК РФ уголовное судопроизводство представляет собой досудебное и судебное производство. Надо заметить, что пункт 3 части 2 статьи 37 УПК РФ³ в одной из прежних редакций говорил об

³ В старой редакции и применительно исключительно к досудебному производству. – прим. авт.

этом прямо. Так чем же все-таки должен заниматься прокурор в досудебных стадиях уголовного процесса: уголовным преследованием, руководством оным или надзором за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования (а не органов уголовного преследования)? Элементы всех перечисленных форм уголовно-процессуальной деятельности прокурора в его «именной» статье (37) УПК РФ представлены в избытке. Комментировать подобные нормативные правовые декларации можно решительно по-разному, что, впрочем, и наблюдается. Однако не следует забывать старую аксиому о том, что в любом законодательстве присутствует лишь ма-

лая толика мест, которые невозможно исказить толкованием. Ситуация осложняется, если толкованию подвергаются изначально порочные юридические конструкции, институты, равно как и отдельные, составляющие их нормы.

В виду изложенного представляется очевидным, что грамотное употребление в разрабатываемых проектах федеральных законов устоявшегося понятийного аппарата в состоянии более чётко расставить все точки над «i» в описанной здесь проблеме, избавив её будущих потенциальных исследователей от неизбежных добросовестных заблуждений.

Список литературы

1. Михайлов А.И., Соя-Серко Л.А., Соловьев А.Б. Научная организация труда следователя. М.: Юридическая литература, 1974. С. 6- 7.
2. Управление персоналом организации: учебник / под ред. А.Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 1997.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 3-е изд., стереотипн. М.: АЗЪ, 1995.
4. Смирнов А.Ф. Прокуратура и проблемы управления. М.: Криминологическая ассоциация, 1997.
5. Гасанов Р.М. Организация работы районной прокуратуры в современных условиях (по материалам деятельности прокуратуры г. Москвы). М.: ИД «Камерон», 2006.
6. Соловьев А.Б. Соотношение надзора и ведомственного контроля при расследовании преступлений органами внутренних дел // Проблемы повышения эффективности прокурорского надзора за законностью расследования преступлений: материалы научно-практической конференции. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 1992.
7. Токарева М.Е. Организация надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия // Проблемы повышения эффективности прокурорского надзора за законностью расследования преступлений: материалы научно-практической конференции. М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 1992.
8. Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации: учебник / под ред. А.Ф. Смирнова. М.: Институт повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2005.
9. Румянцева З.П. Общее управление организацией. Теория и практика: учебник. М.: ИНФРА-М, 2007.
10. Божьев В.П. Проблемы организации процессуального руководства производством предварительного следствия // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства: материалы межвузовской научно-практической конференции 10 апреля 2008 г. М.: Академия управления МВД России, 2008. Ч. 1.
11. Свод Законов РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
12. Бажанов С.В. Правовое положение подразделений следствия и дознания в уголовном процессе Российской Федерации // Российский следователь. 2007. № 1.
13. Уголовный процесс: учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва / науч. ред. В.Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003.
14. Свод Законов РФ. 2007. № 24. Ст. 2830. Редакция от 22.12.2014.
15. Резолюция V Всероссийского съезда деятелей советской юстиции п. п. 4 – 8. М., 1924; СУ РСФСР. 1928. № 117. Ст. 773.

Reference list

1. Mikhaylov A., Soya-Serko L., Solov'ev A. The scientific organization of the investigator's work. M.: Legal Literature, 1974. P. 6 – 7.
2. The Personnel management organization: Textbook / Under the editorship of A. Kibanov. M.: INFRA-M, 1997.
3. Ozhegov S., Shvedova N. Explanatory dictionary of the Russian language, 3rd edition, stereotype. M.: AZ, 1995.
4. Smirnov A. The Prosecutor's Office and management issues. M.: Criminological Association, 1997.
5. Gasanov R. Organization of the regional Prosecutor's Office in the contemporary conditions (According to the proceedings of the Moscow Prosecutor's Office activities). M.: Publishing house "Kameron", 2006.
6. Solov'ev A. The interrelation of supervision and institutional control in the crimes investigation by internal affairs authorities // Issue of increase of prosecutorial supervision effectiveness over legality of crimes investigation: Proceedings of scientific-practical conference. M.: Research Institute of Issues of Consolidation of Legality and the Law Enforcement under the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 1992.

7. *Tokareva M.* The organization of supervision over implementation of laws by of inquiry authorities and preliminary investigation // Issue of increase of prosecutorial supervision effectiveness over legality of crimes investigation: Proceedings of scientific-practical conference. M.: Research Institute of Issues of Consolidation of Legality and the Law Enforcement under the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 1992.
8. Fundamentals of organization and management in the prosecution authorities of the Russian Federation: Textbook / Under the editorship of A. Smirnov. M.: Institute of Advanced Training of Leading Cadres of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2005.
9. *Rumyantseva Z.* The overall management of the organization. Theory and practice: Textbook. M.: INFRA-M, 2007.
10. *Bozh'ev V.* Issue of organization of the procedural leadership of the preliminary investigation // Issue of management investigation authorities of crimes in connection with change of criminal procedural law: Proceedings of the interuniversity scientific-practical conference 10th of April 2008. M.: Academy of Management of the Russian Ministry of Internal Affairs, 2008. Part 1.
11. The Code of Laws of the Russian Federation. 1995. №. 47. Art. 4472.
12. *Bazhanov S.* The legal status of investigation units and questioning in a criminal procedure of the Russian Federation // The Russian Investigator. 2007. №. 1.
13. The criminal process: Textbook / A. Aleksandrov, N. Kovtun, M. Polyakov, S. Serebrova / Scientific edition by V. Tomin. M.: Yurayt-Izdat, 2003.
14. The Code of Laws of the Russian Federation. 2007. №. 24. St. 2830. Updated on 22.12.2014.
15. The Resolution V all-Russian Congress of Figures of the Soviet Justice p. p. 4 – 8. M., 1924; Assembly Instructions of the RSFSR. 1928. №. 117. Art. 773.

УДК 343.23.01

Меркурьев В.В.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, старший советник юстиции

Тараканов И.А.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, подполковник внутренней службы

ПРЕДЕЛЫ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ: К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 37 УК РФ

Статья посвящена исследованию особенностей установления пределов необходимой обороны для посягательств на различные объекты уголовно-правовой охраны. Авторами анализируются причины неправильной оценки соразмерности оборонительных действий характеру и опасности посягательства, рассматривается высказанное в юридической литературе предложение об отмене пределов необходимой обороны. Обращается внимание на то, что действующая редакция статьи 37 УК РФ не позволяет обороняющемуся безошибочно определить, какой вред посягающему в конкретной ситуации будет признан правомерным. Исследуется вопрос о возможности расширения ситуаций «беспредельной обороны» при посягательствах на здоровье и половую свободу личности. На основе проведенного исследования предлагаются изменения в текст статьи 37 УК РФ. Утверждается, что расширение пределов необходимой обороны позволит сделать оборонительные действия более уверенными и эффективными, что будет способствовать реализации гражданами предусмотренного статьей 45 Конституции РФ права защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Ключевые слова: необходимая оборона, посягательство, пределы необходимой обороны, оборонительные действия, соразмерность, насилие, жизнь, здоровье, причинение вреда, защита

Merkur'ev V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Criminal Law and Forensics of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Senior Counselor of Justice

Tarakanov I.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Criminal Law and Forensics of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Lieutenant Colonel of Internal Service

THE NECESSARY DEFENSE LIMITS: REVISITING THE PROVISIONS IMPROVEMENT OF ARTICLE 37 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article describes the peculiarities research to assign the necessary defense limits for infringements of the various objects of criminal-legal protection. The article authors are analyzed the reasons of wrong estimate of the defense actions proportionality to the nature and danger of an infringement; they are considered a made suggestion about abolition of the necessary defense limits in the juridical literature. In the article there is draw attention to the current version of Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation which doesn't allow to accurately identify for a defender what harm will be recognized as a lawful for the infringe in a particular situation. The issue is analyzed the possibilities to extend situations of "unlimited defense" in the trespasses against health and sexual freedom of the personality. Through the conducted research the article authors are submitted the amendments in the text of Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is argued that the limits extension of necessary defense will make the defense actions more confident and effective and it would contribute implementation of the protection of citizens' rights and freedoms by all means which are not prohibited by the law that is provided Article 45 of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: necessary defense, infringement, necessary defense limits, defense actions, proportion, violence, life, health, causing of harm, protection

Статья 45 Конституции РФ закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Одним из таких способов выступает необходимая оборона, предусмотренная статьей 37 УК РФ. Однако реализация права на необходимую оборону связана с серьезными проблемами. О таких проблемах упоминают А.О. Чудиновских, С.Д. Игнатов: «Но в наше время получается так, что зачастую лицо, использовавшее свое право на защиту, оказывается на скамье подсудимого и в отношении его все чаще и чаще выносятся обвинительные приговоры. Действия человека, которому из-за стечения обстоятельств пришлось самому защищать свои права (пусть даже путем причинения смерти или тяжкого вреда здоровью), признают как превышение пределов необходимой обороны либо квалифицируют по основным составам преступлений. Не исключены случаи обвинительного уклона со стороны следователя при расследовании дел о необходимой обороне, которые исходят из тяжести причиненного вреда, не исследуя должным образом всех обстоятельств дела, при которых был причинен данный вред» [10, с. 9].

Одной из наиболее распространенных причин обвинительного уклона является ошибка правоприменителя в правомерности причиненного при оборонительных действиях вреда посягающему, иными словами – в установлении пределов необходимой обороны для конкретной ситуации посягательства. По этому поводу А.А. Ключев указывал: «Для оценки общественно опасного посягательства с точки зрения появления права на необходимую оборону важен факт установления его характера, от которого зависят иные условия правомерности, а в частности, необходимость учета соразмерности причинения вреда посягающему. Если проанализировать ч. 1 и ч. 2 ст. 37 УК РФ, то обнаруживаются две разные по характеру разновидности общественно опасного посягательства – насилие, опасное для жизни (угроза применения данного насилия), и насилие, не опасное для жизни (угроза применения данного насилия)» [4, с. 28].

В ч. 1 ст. 37 УК РФ речь идет о посягательстве, сопряженном с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Необходимая оборона от такого посягательства не имеет пределов. Это подчеркивает Д.А. Даровских: «Следует заметить, что любые оборонительные действия против такого посягательства и без соответствующего указания на то в законе не должны признаваться эксцессом обороны, так как полностью соответствуют посягательству по характеру опасности. Возможные же различия по степени опасности не дадут явно-го несоответствия. Однако провозглашение режима беспредельной обороны в данном случае не лишено

смысла: таким образом, подчеркивается ценность основного естественного права человека на жизнь, акцентируется недопустимость ограничения права на необходимую оборону при ее защите» [2, с. 8].

Также, согласно ч. 2.1 ст. 37 УК РФ, отсутствуют пределы необходимой обороны от неожиданного посягательства.

В ч. 2 ст. 37 УК РФ устанавливается, что оборонительные действия от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, не должны превышать определенных пределов. В противном случае эти действия могут стать преступными в связи с превышением пределов необходимой обороны. Под таким превышением понимается совершение умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства.

Превышение пределов необходимой обороны является оценочной категорией, что отмечалось многими исследователями. Так, А.В. Неврев указывал: «Понятие пределов необходимой обороны в законе изложено в оценочной форме, что дает широкий простор для усмотрения правоприменителя» [7, с. 85-90].

Оценочный характер пределов необходимой обороны создает серьезную проблему для лица, реализующего свое право на правомерное причинение вреда посягающему. Об этой проблеме писал М.А. Фомин: «Законодательство о необходимой обороне ставит обороняющегося в такую ситуацию, при которой он не только должен дожидаться момента начала самого посягательства, но определить степень и выяснить характер применяемого насилия. В итоге обороняющийся должен в момент отражения посягательства решить все вопросы, относящиеся к необходимой обороне согласно закону, которые вызывают трудности даже у специалистов. Таким образом, сложившееся в настоящее время положение дел относительно применения рассматриваемого института никак не отвечает интересам обороняющегося, поскольку правоприменительная практика стабильно идет по пути привлечения к уголовной ответственности в первую очередь лица, прибегнувшего к акту необходимой обороны, а не того, кто совершил посягательство. В результате обороняющемуся лицу приходится защищаться дважды: сначала от общественно опасного посягательства, а затем от предъявления к нему со стороны органов следствия обвинения. Такую ситуацию можно объяснить прежде всего несовершенством закона о необходимой обороне из-за высокого уровня оценочного характера его понятий. Следственно-судебным органам необходимо давать правовую оценку как действиям обороняющегося, так и действиям посягающего, проводить сопоставления действий посягающего и обороняющегося с точки зрения харак-

тера и момента их совершения. Оценивается также психологическое восприятие ситуации обороняющимся. Используется многолетняя традиция рассмотрения условий правомерности необходимой обороны с подразделением их на условия, относящиеся к посягательству и условия, относящиеся к защите. Исходя из этого, невыполнение обороняющимся хотя бы одного из условий правомерности влечет для него неблагоприятные последствия. Обороняющийся поставлен в такие условия, что он должен думать не о том, как отразить посягательство, а о том, как бы не превысить пределы обороны»[9, с. 159-160].

Сложность установления пределов необходимой обороны порождает еще одну существенную проблему – лица, подвергающиеся общественно опасному посягательству, не уверены в правомерности своих оборонительных действий. В результате они либо стремятся избежать посягательства, либо предпочтут стать его жертвой, лишь бы не испытывать проблем с законом.

Укреплению уверенности граждан в допустимости причинения вреда при необходимой обороне будет способствовать такое изменение статьи 37 УК РФ, которое позволит безошибочно, буквально за доли секунды, определить обороняющемуся, в каких пределах можно причинить вред в ситуации конкретного посягательства. Следует признать справедливым мнение М.А. Фомина: «Не следственно-судебные органы, а само лицо должно определять и оценивать обстановку, при которой оно может прибегнуть к обороне. С этой целью уголовно-правовые нормы, касающиеся необходимой обороны, должны быть построены таким образом, чтобы было ясно и понятно, при каких обстоятельствах можно, не боясь уголовного преследования, причинить, например, смерть посягающему. При такой постановке вопроса не нужно оценивать обстановку, соизмерять средства защиты и нападения – достаточно посмотреть закон»[9, с. 162].

В теории уголовного права выдвигалось предложение отказаться от установления пределов необходимой обороны. Так, Н.И. Коржанский предлагал вообще исключить понятие превышения пределов необходимой обороны, утверждая при этом следующее: «Привлечение к уголовной ответственности лица, причинившего вред нападающему при отражении общественно опасного посягательства... переворачивает общее представление о добре и зле, о справедливости, извращая правосознание... Суд должен решить только один вопрос: было ли у защищавшегося и причинившего вред право на необходимую оборону. И если такое право было, то причиненный вред должен признаваться правомерным независимо от его тяжести»[6, с. 75]. Аналогичного мнения придерживалась Г. Колмакова, утверждая, что «освобождение закона от необходимой обороне от такого понятия, как превы-

шение пределов необходимой обороны, – основной шаг к его совершенствованию»[5, с. 17].

Однако представляется нецелесообразным полностью отказываться от установления пределов необходимой обороны. Вряд ли можно назвать правомерным причинение смерти лицу, совершающему хищение сельскохозяйственной продукции с поля или приусадебного участка. Поэтому видится более обоснованным законодательное увеличение количества случаев, допускающих беспредельную оборону.

В связи с этим заслуживает внимание мнение А.В. Неврева: «Предложение о полном исключении из уголовного закона понятия превышения пределов необходимой обороны, на наш взгляд представляется слишком категоричным. По нашему мнению, для решения этой проблемы необходимо четко определить круг объектов, при отражении посягательства на которые любой причиненный нападающему вред будет считаться правомерным. К числу таких объектов следует отнести не только жизнь, но и здоровье и полную неприкосновенность. Однако вряд ли оправдано, исходя из норм нравственности, моральных и религиозных ценностей, причинять смерть нападающему при защите собственности, материальных ценностей. Человеческую жизнь следует оценивать выше собственности, даже если это жизнь преступника. В то же время, в случае угрозы причинения тяжкого вреда здоровью или лишения жизни, правомерно будет причинять нападающему любой вред. Другое дело, если в процессе защиты собственности возникнет угроза жизни и здоровью защищающегося, а следовательно, и право на необходимую оборону уже этих объектов защиты»[7, с. 109-110].

Следует согласиться с указанным мнением. При этом необходимо заметить, что и другие исследователи уже предлагали расширить перечень случаев, дающих право на «беспредельную оборону»[1, с. 77; 8, с. 240].

Причинение смерти лицу, совершающему покушение на изнасилование или насильственные действия сексуального характера, не образует явного несоответствия между защитой и посягательством. Допустимость же беспредельной обороны от посягательств на здоровье можно аргументировать следующим образом. Очевидно, что причинение смерти лицу, пытающемуся причинить тяжкий вред здоровью, не является превышением пределов необходимой обороны. Однако только посягающий относительно отчетливо представляет, какой вред он намеревается причинить. Требовать же от обороняющегося «оптимистично» рассчитывать на минимально возможные последствия для своего здоровья в результате посягательства представляется несправедливым и необоснованным. На это указывает И. Звечаровский: «По крайней мере, представляется сомнительной реко-

мендация Пленума о том, что для обороны в режиме, предусмотренном ч. 1 ст. 37 УК РФ, необходимо, например, «дождаться» ранения жизненно важных органов, применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушения, поджога»[3, с. 29].

Следовательно, при отражении посягательств, сопряженных с применением насилия, опасного для здоровья обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, допустимо причинение любого вреда посягающему лицу.

Пределы же необходимой обороны следует сохранить для защиты других объектов уголовно-правовой охраны, таких как честь и достоинство личности, собственность, общественный порядок и др. При этом следует заметить, что если посягательство на эти объекты становится опасным для жизни, здоровья или половой свободы, то обороняющийся наделяется правом причинить любой вред при необходимой обороне.

С учетом вышеизложенного предлагается ч. 1 и ч. 2 ст. 37 УК РФ изложить в следующей редакции:

«1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом

интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни, здоровья или половой свободы обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

2. Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, указанным в части первой настоящей статьи, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства».

Не следует думать, что данная редакция статьи 37 УК РФ повлечет своеобразный «всплеск» насилия среди граждан. Оборонительные действия по своей сущности являются вынужденной реакцией на общественно опасное посягательство и не могут существовать вне ситуации необходимой обороны. А расширение пределов необходимой обороны позволит сделать эти действия более уверенными и эффективными. Это, в свою очередь, будет способствовать реализации гражданами предусмотренного статьей 45 Конституции РФ права защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Список литературы

1. *Бахтеева Е.И.* Превышение пределов необходимой обороны: проблемы квалификации. Дис.... канд. юрид. наук / Е.И. Бахтеева. Екатеринбург, 1997.
2. *Даровских Д.А.* Некоторые теоретические аспекты определения превышения пределов необходимой обороны / Д.А. Даровских // Российский следователь. 2010. № 3.
3. *Звечаровский И.* Кому необходима необходимая оборона? / И. Звечаровский // Уголовное право. 2013. № 1.
4. *Клюев А.А.* Насилие, опасное для жизни, или угроза применения такого насилия как разновидность общественно опасного посягательства при необходимой обороне / А.А. Клюев // Российский судья. 2015. № 7.
5. *Колмакова Г.* Превышение пределов необходимой обороны / Г. Колмакова // Законность. 1992. № 11.
6. *Коржанский Н.И.* Очерки теории права / Н.И. Коржанский. – Волгоград, 1992.
7. *Неврев А.В.* Необходимая оборона: проблемы квалификации и правоприменения. Дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Неврев. М., 2003.
8. *Пархоменко С.В.* Деяния, преступность которых исключается в силу полезности и необходимости. Дис.... д-ра юрид. наук / С.В. Пархоменко. Иркутск, 2004.
9. *Фомин М.А.* Проблемы совершенствования института необходимой обороны в уголовном праве России. Дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Фомин. М., 2000.
10. *Чудиновских А.О.* К вопросу об особенностях доказывания по делам о превышении пределов необходимой обороны / А.О. Чудиновских, С.Д. Игнатов // Российский следователь. 2011. № 23.

Reference list

1. *Bakhteeva E.* The exceeding the necessary defense limits. Thesis of PhD in Law / E. Bakhteeva. Ekaterinburg, 1997.
2. *Darovskikh D.* Some theoretical aspects of determination of excess of the necessary defense limits / D. Darovskikh // The Russian Investigator. 2010. № 3.
3. *Zvecharovkiy I.* Who does need the self-defense? / I. Zvecharovkiy // The Criminal Law. 2013. № 1.
4. *Klyuev A.* The violence, dangerous to life, or threat to use such violence as a kind of socially dangerous infringement if the necessary defense / A. Klyuev // The Russian Judge. 2015. № 7.
5. *Kolmakova G.* Exceeding the necessary defense limits / G. Kolmakova // The Justice. 1992. № 11.
6. *Korzhaniskiy N.* Essays on the theory of law / N. Korzhanskiy. Volgograd, 1992.
7. *Nevrev A.* The necessary defense: Issues of classification and law-enforcement. Thesis of PhD in Law / A. Nevrev. M., 2003.

8. *Parkhomenko S.* The acts, criminality which are excluded because of the usefulness and necessity. Thesis of Doctor of Law / S. Parkhomenko. Irkutsk, 2004.
9. *Fomin M.* The issues of improvement of the institution of necessary defense in the criminal law of Russia. Thesis of PhD in Law / M. Fomin. M., 2000.
10. *Chudinovskikh A.* Revisiting the peculiarities of proof in cases of exceeding the necessary defense limits / A. Chudinovskikh, S. Ignatov // The Russian Investigator. 2011. №. 23.

УДК 340

Шамаров В.М.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Московского института государственного управления и права

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЙ «ПРАВООБРАЗОВАНИЕ», «ПРАВОТВОРЧЕСТВО», «ПРАВОСОЗИДАНИЕ» И КЛАССИФИКАЦИИ ИХ ПРИНЦИПОВ

В статье рассматривается содержание понятий правообразование, правотворчество, правосозидание и их соотношение. Предложена классификация принципов правотворчества в зависимости от этапа принятия правового акта: правообразования, правотворчества, вступления принятого акта в юридическую силу.

Ключевые слова: правообразование, правотворчество, правосозидание, принципы правосозидания, классификация принципов правосозидания

Shamarov V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State-Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

REVISITING THE CONCEPTS CONTENT "LAW-FORMATION", "LAWMAKING", "LAW-CREATION" AND THEIR RULES CLASSIFICATION

The article deals the concepts content "Law-formation", "Lawmaking" and "Law-creation" and their interrelation. There is proposed the classification of lawmaking rules according the following stage of a legal act adoption: "Law-formation", "Lawmaking", the entry of the adopted act into legal force.

Keywords: law-formation, lawmaking, law-creation, law-creation rules, classification of law-creation rules

Анализ научных взглядов ученых-теоретиков права по вопросу содержания правового механизма принятия (исправления, отмены) нормативных правовых актов позволяет констатировать их существенные различия. Как правило, этот правовой механизм рассматривают как деятельность субъектов права, наделенных правотворческой компетенцией по принятию, изменению и отмене нормативных правовых актов, и именуется *правотворчеством*.

При этом необходимо подчеркнуть, что возведение государственной воли в закон [1] – основополагающая правовая константа процесса правотворчества.

В теории права существует множество определений правотворчества. Одни ученые считают, что это государственная деятельность либо деятельность государственных органов и должностных лиц (С.С.Алексеев, Л.А.Морозова, М.Н.Марченко и Е.М.Дерябина, М.Б.Смоленский, Н.М.Чистяков, С.А.Комаров и многие другие) [2].

Другие теоретики права не столь категоричны. Они полагают, что государственные органы играют преобладающую роль в правотворчестве, т.к. из анализа их формулировок (выражений «прежде всего»,

«главным образом») они допускают наличие и других субъектов правотворчества. К таким авторам относятся А.В. Малько, А.ЮЛарин, Д.А.Липинский [3].

Ряд теоретиков выделяет в дефиниции тех или иных субъектов правотворчества (В.К.Бабаев, И.А.Иванников, Н.А. Власенко), другие их не называют.

По нашему мнению, наиболее научно состоятельна формулировка, которая определяет, что правотворчество – это деятельность субъектов, наделенных нормотворческой компетенцией (управомоченных субъектов), по созданию юридических норм [4]. Таким образом, авторы, персонально не называя субъектов правотворчества, полагает, что их несколько, а не только государственные органы, как считают многие теоретики права.

Наблюдается неоднозначное отношение авторов к содержанию правотворческой деятельности, т.к. в предложенных ими понятиях не выделяется организационная деятельность при создании правовых актов. Зато характеристика этой деятельности как процессуальной в ряде случаев отмечается (М.М.Рассолов, М.Н.Марченко, В.В.Оксамытный, Р.Х.Макуев) [5].

Со своей стороны полагаем, что правотворчество, с одной стороны – это **организационная деятельность** соответствующих компетентных субъектов правотворчества, а с другой – это **процессуальная деятельность этих субъектов** при принятии, изменении и отмене норм права.

К этому дополним, что большинство авторов в понятие «правотворчество» не включают те обстоятельства, что правотворческая деятельность осуществляется на основе определенных принципов и с использованием механизмов юридической техники.

Полагаем, что на основе проведенного анализа, можно сформулировать авторское понятие «правотворчество».

Правотворчество – это организационная и процессуальная (процедурная) деятельность субъектов, наделенных правотворческой компетенцией, по принятию, изменению и отмене юридических норм на основе принципов правотворчества и с использованием приемов и механизмов юридической техники.

В теории права рядом ученых правотворчество рассматривается как комплексное понятие, которое состоит из подготовительного этапа, представляющего собой выявления общественной потребности принятия того или иного нормативно правового акта и именуемого *правообразованием* [2], а также этапа организационной и процессуальной деятельности субъекта права по принятию, изменению и отмене правового акта, получившего название *правотворчество*.

Отдельными теоретиками права, наряду с понятием «правотворчество», сформулировано понятие «правообразование». По мнению ряда ученых, «правообразование – это процесс от возникновения потребности в правовом регулировании к первоначальному зарождению норм права в недрах общественных отношений и до их закрепления в законе» [6]. При этом необходимо согласиться, что «правообразование и правотворчество процессы неразрывно взаимосвязанные, но не идентичные. Правообразование – это двигатель правотворчества, без него право было бы статичной, застывшей, не обновляющейся системой» [7]. Именно поэтому в данном контексте правообразование – первичная стадия правотворчества.

Своеобразен подход, предложенный С.А.Жинкиным и В.Д.Переваловым [8]. По их мнению, правотворчество необходимо рассматривать в двух ипостасях: в узком и широком смыслах слова. При этом *правотворчество в узком смысле* – это деятельность специально уполномоченных государственных органов по установлению, изменению и отмене правовых норм, а *правотворчество в широком смысле слова* – деятельность по познанию потребности в нормативном регулировании тех или иных общественных отношений» [8].

Другими словами, авторы под правотворчеством в широком смысле слова понимают деятельность, которую в научном сообществе понимают как правообразование.

С позиций авторского подхода Н.А.Власенко рассматривает правообразование как широкое понятие. По его мнению, правообразование включает в свое содержание не только «анализ и оценку правовой действительности, выработку взглядов и концепций о будущем правового регулирования», но также и «разработку и принятие нормативных предписаний» [9]. Другими словами, правотворчество – это элемент понятия правообразование.

Попытку объединить содержание понятия «правообразование» и понятия «нормотворчество» в единое предпринял И.Н.Сенякин: «*правотворчество* (выделено нами – В.Ш.) – это особая форма государственной деятельности по созданию, изменению, и отмене правовых норм, основанная на познании объективных социальных потребностей и интересов общества» [10].

Полагаем, что подобная научная позиция требует пояснения. С тем, что два устоявшихся в науке понятия «правотворчество» и «правообразование» объединены в одно, возражений не имеется, но то, что это новое интегративное понятие сохранило наименование – *правотворчество* (выделено нами – В.Ш.), спорно.

Полагаем, что с целью недопущения терминологической путаницы подобное интегративное объединение двух понятий в единое необходимо именовать другим термином.

Подводя итог вышеизложенного необходимо отметить, что ряд теоретиков права в правовом механизме принятия (исправления, отмены) нормативно правовых актов выделяют два этапа – первоначальный, связанный с выяснением общественной потребности в принятии (исправлении, отмене) того или иного акта в конкретный исторический период, т.е. правообразование. И последующий этап – деятельность субъектов права в соответствии с их компетенцией по принятию (исправлению, отмене) того или иного вида правовых актов, другими словами осуществление правотворчества.

Вместе с тем, в изложенном выше правовом механизме принятия (исправления, отмены) нормативно правового акта, наличествует, по нашему мнению, наряду с двумя названными этапами, третий – этап вступления акта в юридическую силу.

Отсюда следует, что интегративное объединение этих этапов в одно понятие обуславливает необходимость его наименования. Полагаем, что таким интегративным термином является **правосозидание**.

Зададим вопрос: чем отличаются правотворчество от правосозидания по своему содержанию?

В Словаре русского языка под авторством С.И.Ожегова *творчество* понимается как создание новых по замыслу культурных, материальных ценностей, а *созидание* идентифицируется с высоким творческим трудом [11]. Другими словами, содержание правосозидания более широкое, чем правотворчество. Оно включает в себя не только создание новых интеллектуальных ценностей, но и обуславливает результативную творческую (новаторскую по своей сути) деятельность субъектов правосозидания.

Таким образом, под **правосозиданием** следует понимать *выявление общественных потребностей в необходимости регулирования правом актуальных общественных отношений, организационная и процессуальная (процедурная) деятельность субъектов, наделенных правотворческой компетенцией, по принятию, изменению и отмене юридических норм, закрепление результатов этой деятельности в официальных источниках права с последующим вступлением последних в юридическую силу.*

Исследуя проблему правосозидания, ученые – теоретики права, как правило, выделяют ее принципы. Вместе с тем единство взглядов на данную проблему отсутствует. Каждый ученый называет свои принципы, зачастую весьма отличные, от предложенных другими авторами.

Необходимо отметить, что в Энциклопедическом словаре Ф.Брокгауза, И.Ефрона под принципом понимают начало, основание для существующего, руководящее правило [12]. В философском словаре термин «принцип» рассматривается как первоначало, руководящая идея, основное правило поведения [13].

Таким образом, в свое содержание эти принципы выражают основополагающие идеи, руководящие правила правотворческой деятельности.

Проведенный автором анализ показал, что наряду с принципами, которые признаются практически всеми учеными (законность, научность, профессионализм) [14], вычлняются и другие, разделяемые лишь отдельными авторами.

При рассмотрении подходов к классификации принципов правосозидательной деятельности отметим, что среди авторов в научной и учебной литературе наблюдается полное единодушие только в одном вопросе – в выделении принципов, которые характерны для этапа принятия, изменения и отмены нормативно правового акта, т.е. этапа правотворчества. При этом процесс правообразования, т.е. выявление общественных потребностей в принятии «правовых нововведений» [2], а также этап вступления принятых актов в юридическую силу принципами не охватываются, что нами оценивается критически (см.схему).

По нашему мнению, этапу правообразования соответствуют о следующие принципы: выявления общественных потребностей в необходимости при-

нятия нормативно правового акта; своевременности; целесообразности.

Принцип *выявления общественных потребностей в необходимости принятия нормативно правового акта* включает в свое содержание выявление научными методами потребности общества, государства в изменении тех или иных общественных отношений, правовое закрепление которых объективно необходимо в тот или иной исторический период, либо отмена устаревших, препятствующих позитивному развитию общества.

Принцип *своевременности* выделяют только отдельные ученые. По их мнению, принцип своевременности – это правильное определение времени подготовки и принятия актов [4], учет степени зрелости регулируемых общественных отношений [15].

Принцип *целесообразности* предполагает оценку соответствия объективной необходимости принятия того или иного акта на том или ином историческом этапе экономическим, политическим и социальным последствиям его принятия, объема финансовых и материальных расходов, а также возможности кадрового обеспечения принятого акта.

Для этапа вступления принятого акта в юридическую силу присущ, по нашему мнению, принцип *гласности*, который В.В.Лазаревым, С.В.Липенем, Т.Н.Радько, С.А.Комаровым, М.Б.Смоленским рассматриваются как принцип правотворчества.

По нашему мнению, принцип гласности на этом этапе правосозидания имеет более узкое содержание, чем то, которое в него вкладывают вышеназванные теоретики права.

По их мнению, содержание принципа гласности в системе принципов правотворчества предполагает открытость правотворческой деятельности, охватывает как знакомство широкой общественности с проектами принимаемых нормативно правовых актов [16], так и официальное информирование граждан о вступлении этих актов в юридическую силу [7].

При этом можно согласиться, что принцип гласности не сводится только к обязательному опубликованию принятого акта [9].

Вместе с тем не надо забывать, что акты принимают как законодательные, так и исполнительные органы власти. И если законодательному процессу присуще публикация проектов с последующим учетом мнения экспертного сообщества, то для исполнительных органов – подобный подход нонсенс, т.к. это «правотворчество связано с «непрозрачностью» процесса принятия нормативных актов» [17].

К тому же надо иметь в виду, что принцип демократизма в законотворчестве охватывает своим содержанием участие общественности в обсуждении проектов принимаемых нормативно правовых актов.

Следовательно, исходя из Ст.18 Конституции Российской Федерации, о том, что неопубликованные

официально законы не применяются, принцип гласности для этапа вступления нормативно правового акта в юридическую силу предполагает, с одной стороны, общую информированность всех граждан как через официальное опубликование, так и издание и распространение текста акта в негосударственных СМИ, с другой, индивидуальное информирование лиц – непосредственных исполнителей, с той или иной нормой принятого акта, за исполнение (контроль) которой он несет персональную ответственность.

Необходимо отметить важную особенность теоретических исследований этапа правотворчества. Его характерной особенностью является отсутствие в работах ученых дифференциации принципов в зависимости от вида принимаемого нормативного правового акта – закона или подзаконного акта.

Между тем, механизм подготовки, принятия и вступления в силу законов и других нормативно правовых актов (Указов Президента РФ, Постановлений Правительства РФ, решений органов местного самоуправления) различен. Именно эти обстоятельства и обуславливают такой многообразный спектр принципов правотворчества (свыше двадцати).

Полагаем, что, принимая за основания классификации предмет правотворчества, можно систему принципов правотворчества подразделить на три подгруппы. В первую группу, которую можно назвать «*общие принципы правотворчества*» целесообразно включить те принципы, которые распространяются как на законотворчество, так и на подзаконное правотворчество. Во вторую группу предлагается включить принципы правотворчества, характерные для подготовки и принятия Федеральных законов и законов субъектов Федерации. Эту группу можно именовать – «*принципы законотворчества*». Последняя группа – «*принципы подзаконного правотворчества*».

Полагаем, что данный подход позволяет выше-названные принципы правотворчества сгруппировать в следующие подгруппы.

1 подгруппа – *Общие принципы правотворчества*

- конституционность;
- законность;
- научность;
- системность.

2 группа – *Принципы законотворчества*

- демократизм;
- плановость;
- профессионализм;
- учет правового опыта;
- технико-юридическое совершенство.

3-я подгруппа – *Принципы подзаконного правотворчества*

- исполнительности;
- оперативности (своевременности);
- справедливости;
- связи с практикой.

В теории права, названные выше принципы, детально исследованы и поэтому раскрытие их содержания в данной статье представляется излишним [18].

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

во-первых, предпринятая попытка внесения корректив в терминологический аппарат позволяет уточнить содержание ряда правовых понятий в проблеме правосозидания;

во-вторых, правосозидательную деятельность, по нашему мнению, можно разделить на три этапа: правообразование, правотворчество и вступление принятого акта в юридическую силу;

в-третьих, дифференциация принципов правотворчества на подгруппы (общие принципы, принципы законотворчества, принципы подзаконного правотворчества) позволяют вычленил среди их широкой палитры только те, которые выражают сущность правотворческого процесса по принятию законов и подзаконных нормативных правовых актов.

Список литературы

1. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Основы права: Учебник. М.: Проспект, 2009.С. 252
2. Алексеев С.С. Теория права. М., 1993.С. 80.
3. Малько А.В. Теория государства и прав в вопросах и ответах. М.: Юрист, 1999.
4. Рассказов Л.П. Теория государства и права: Учебник. М.: Риф, 2008, С. 312.
5. Марченко М.Н. Теория государства и права: Учебник.- М.: МГУ, 2007. С.548.
6. Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник для бакалавров М.: Проспект. 2013. С. 201.
7. Радько Т.Н. Актуальные проблемы права: Учебник для магистров. М.: Формула права, 2014. С.275.
8. Жинкин С.А. Теория государства и права: Конспект лекций. Ростов на Дону: Феникс. 2003. С. 119.
9. Власенко Н.А. Теория государства и права: Учебное пособие. – 2-е изд. М.: Проспект, 2015.С. 161.
10. Сенякин И.Н. Правотворчество и законодательство //Теория государства и права. Курс лекций. (под ред. Н.И.Матузова, А.В.Малько. М.: Юрист, 2001.С. 415.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык. 1988. С. 645- 607.
12. Брокгауз Ф.А, Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: Современная версия. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С.465.
13. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М.: Политиздат, 1981. С.294.

14. *Радько Т.Н.* Теория государства и права: Учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2009. С.365.
15. *Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А.* Теория государства и права в схемах и определениях: Учебное пособие. М.: Юристъ, 2003. С.6
16. *Енгибарян Р.В., Краснов Ю.К.* Теория государства и права: Учебное пособие. – М.: Норма, 2010. С. 434.
17. *Малько А.В., Нырков В.В., Шундрик К.В.* Теория государства и права. Элементарный курс. – 5-е изд., стереотипное. М.: Кнорус. 2015. С. 116.
18. *Шамаров В.М.* К вопросу о классификации принципов правотворчества // Вестник Академии права и управления. 2009. № 4.

Reference list

1. *Marchenko M., Deryabina E.* The foundations of law: Textbook. M.: Prospekt, 2009. P. 252
2. *Alekseev S.* The theory of law. M., 1993. P. 80.
3. *Mal'ko A.* The theory of state and law in questions and answers. M.: Yurist, 1999.
4. *Rasskazov L.* The theory of state and law: Textbook. M.: Rif, 2008, P. 312.
5. *Marchenko M.* The theory of state and law: Textbook. M.: Moscow State University, 2007. P. 548.
6. *Rad'ko T., Lazarev V., Morozova L.* The theory of state and law: Textbook for Bachelors, M.: Prospekt. 2013. P. 201.
7. *Rad'ko T.* The actual issues of law: Textbook for Masters. M.: Formula Prava, 2014. P.275.
8. *Zhinkin S.* The theory of state and law: Lectures. Rostov-on-Don: Feniks. 2003. P. 119.
9. *Vlasenko N.* The theory of state and law: Textbook. 2nd edition. M.: Prospekt, 2015. P. 161.
10. *Senyakin I.* The lawmaking and law // The theory of state and law. A course of lectures. (Under the editorship of N. Matuzov, A. Mal'ko. M.: Yurist, 2001. P. 415.
11. *Ozhegov S.* Dictionary of the Russian language. M.: Russkiy Yazyk. 1988. P. 645- 607.
12. *Brokgaуз F., Efron I.* The encyclopedic dictionary: The modern version. M.: Eksmo-Press, 2002. P. 465.
13. The philosophical dictionary / Under the editorship of I. Frolov. 4th edition. M.: Politizdat, 1981. P. 294.
14. *Rad'ko T.* The theory of state and law: Textbook. 2nd edition. M.: Prospekt, 2009. P. 365.
15. *Babaev V., Baranov V., Tolstik V.* The theory of state and law in schemes and definitions: Textbook. M.: Yurist, 2003. P.6
16. *Engibaryan R., Krasnov Yu.* The theory of state and law: Textbook. M.: Norma, 2010. P. 434.
17. *Mal'ko A., Nyrkov V., Shundrikov K.* The theory of state and law. Elementary course. 5th edition, stereotypical. M.: KnoRus. 2015. P. 116.
18. *Shamarov V.* Revisiting the classification of principles of lawmaking // Bulletin of Academy of Law and Management. 2009. №. 4.

УДК 342.8

Грудцына Л.Ю.,

доктор юридических наук, профессор, профессор Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II, почетный адвокат России

НУЖНА ЛИ РОССИИ МОДЕЛЬ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ?

Автор статьи предпринимает попытку развенчания демократичности всеобщих выборов на данном историческом этапе развития России, поскольку выбор должен быть осознанным и ответственным. Требовать от власти результатов и привлекать наделенных властью лиц к ответственности имеют моральное и юридическое право граждане, которые принимали участие в выборах политической партии, президента, главы муниципального образования. Если человек не пришел на выборы, это его своеобразный «выбор», но и требовать от власти чего-то, на наш взгляд, этот несостоявшийся избиратель не может. Российский народ (не все, но значительная часть избирателей сегодня), во-первых, не осознает саму ценность предоставленного права выбора и делает его во многом неосознанно и не вдумчиво, во-вторых, не осознает и не несет ответственности за сделанный выбор (не только перед собой, но и перед своими детьми и последующими поколениями граждан страны).

В статье предлагается новая модель «избирательной демократии», когда конституционное право выбора может принадлежать не всем гражданам России, но не путем прямого запрета и насильственной дискриминации некоторых граждан, а по их воле: государство предоставляет гражданину право выбора – быть избирателем и использовать свое активное избирательное право или отказаться от него, выбрав, например, денежную компенсацию. Если человек не приходит на выборы (тревожно низкую явку продемонстрировали выборы 7-го созыва Государственной Думы Совета Федерации РФ) или приходит и не понимает, кому отдать свой голос, возможны две опасные тенденции: его голосом могут воспользоваться недобросовестные члены избирательных комиссий, «голосующие за неявившегося» избирателя; неосознанный и невдумчивый выбор чреват серьезными ошибками, последствия которых все граждане страны могут испытать на себе.

Ключевые слова: демократия, выборы, право на самоопределение, представительное правление, формирование институтов гражданского общества

Gruditsyna L.,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Moscow State University of Railway Engineering of the Nicholas II Emperor, Honorary Lawyer of Russia

WHETHER THE MODEL OF SELECTIVE DEMOCRACY IS NECESSARY TO RUSSIA?

The author of this article makes an attempt of a dethronement of democratic character of a general election at this historical stage of development of Russia as the choice shall be conscious and responsible. To demand from the power of results and to make the persons allocated with the power citizens who took part in choices of political party, the president, head of the municipality responsible have the moral and legal right. If the person didn't come to choices, it is his peculiar "choice", but also this unaccomplished voter can't demand from the power something, in our opinion. The Russian people (not everything, but the considerable part of voters today), first, don't realize the value of the granted option and do it in many respects unconsciously and not thoughtfully, secondly, don't realize and don't bear responsibility for the made choice (not only before itself, but also before the children and the subsequent generations of citizens of the country).

In article the new model of "selective democracy" when the constitutional right of a choice can belong not to all citizens of Russia, but not by the direct prohibition and violent discrimination of some citizens, and at their will is offered: the state grants to the citizen an option – to be a voter and to use the active electoral right or to refuse it, having selected, for example, monetary compensating. If the person doesn't come to choices (it is disturbing a low appearance showed choices of the 7th convocation of the State Duma of the Federation Council of the Russian Federation) or comes and doesn't understand to whom to give the vote, two dangerous tendencies are possible: unfair members of election commissions, "voting for the voter who didn't

be" can use its voice; the unconscious and perfunctory choice is fraught with hard errors by which consequences all citizens of the country can be influenced.

Keywords: democracy, choices, right for self-determination, representative board, formation of institutions of civil society

Демократия имеет свои жизненные основы – в духе народа, в его правосознании, в его социальном укладе. Нет этих основ, и демократия вырождается – или в охлократию (засилье черни), или в тиранию.

Ильин И.А.

Большое преимущество избрания представителей в том, что они способны обсуждать дело. Народ для этого совсем не пригоден, что и составляет одну из слабейших сторон демократии.

Руссо Ж. Ж

Что такое демократия? Демократия (др.-греч. δῆμοκρατία – «власть народа», от δῆμος – «народ» и κράτος – «власть»), как определяют ее словари, – это политический режим, в основе которого лежит метод коллективного принятия решений с равным воздействием участников на исход процесса или на его существенные стадии (народоправство). Хотя такой метод применим к любым общественным структурам, сегодня его важнейшим приложением является государство, так как оно обладает большой властью.

Демократия имеет свое начало в Древней Греции и Древнем Риме, традициях средневековых городов-государств и развитии представительных органов власти в Европе и некоторых британских колониях в новое время. В античных городах-государствах верховной законодательной, исполнительной и судебной властью обладало собрание, включавшее в себя всех граждан. Это было возможно потому, что население этих городов редко превышало 10 000 человек, а женщины, неграждане и рабы не имели политических прав. Граждане имели право занимать различные исполнительные и судебные должности, некоторые из последних были выборными, а другие назначались по жребию.

В средневековой Европе ключевую роль в зарождении принципов демократического правления сыграли концепции религиозного, естественного и обычного права как ограничений произвола власти. Большое значение имело распространение практики, когда монархи стремились получить одобрение своих распоряжений со стороны различных сословий. Съезды представителей этих сословий были прообразами современных законодательных собраний. Иными словами, демократия предполагает в народе способность, желание и умение править государством (управлять). Для этого народу, как верно писал

И.А. Ильин,¹ необходимо уверенное и живое чувство государственной ответственности: «От того, что я делаю, как я держу себя и за что голосую, – зависит судьба моего народа, моих детей и внуков; за все это я отвечаю; все это я должен делать по чести и совести. Народ, лишенный чувства ответственности, не способен к народоправству» [6].

«Демократические процедуры» обязывают гражданина прилагать большие усилия, дабы разобрататься в предвыборных лозунгах различных партий и кандидатов и «с умом» реализовать свое право голоса. Кто же будет спорить, что для гражданина «демократического государства» очень сложно и трудно определить для себя, что именно в «разноцветье» идеологий и политических платформ есть правда, а что ложь? Кому и чему верить, а кого и что отвергнуть?

Приверженцы формальной демократии стремятся даже всемерно расширить право голосования: они жаждут признать политический авторитет за всяким не сумасшедшим взрослым, призвать к свободе некомпетентного и злокозненного суждения и допустить к урнам возможно большее количество обывателей. К сожалению, надо признать, что это тяготение к расширению голосующего кадра считается у приверженцев формальной демократии сущим проявлением «демократичности» или прямо ее критерием: чем большее количество людей имеет право голоса, тем «демократичнее» данный режим... Ибо они исходят из ложного воззрения, будто человек «воистину» участвует в государственной жизни тогда и именно тем, что от времени до времени опускает в государственную «урну» установленный бюллетень, чтобы

¹ Заслуга Ивана Ильина в том, что он «развенчал» саму идею «демократии» как всеобщего блага, как якобы универсальной, для всех пригодной и для всех обязательной формы власти.

высказаться по вопросу, в котором он мало что или ничего не понимает, и выдать свое личное, классовое или партийное мнение или безразличие за всенародную и государственную пользу [6].

В этом случае определение демократии обычно сужают до одного из следующих признаков:

а) назначение лидеров управляемыми ими людьми происходит путем честных и состязательных выборов;

б) народ является единственно легитимным источником власти;

в) общество осуществляет самоуправление ради общего блага и удовлетворения общих интересов.

Народное правление требует обеспечения ряда прав для каждого члена общества. С демократией связан ряд ценностей: законность, политическое и социальное равенство, свобода, право на самоопределение, права человека.

Теории конституционного права известны два основных способа осуществления народом своей власти: непосредственное выполнение властных функций (непосредственная демократия) и осуществление властных полномочий через органы государственной власти и местного самоуправления, другими словами, посредством представительства – представительная демократия (ч. 2. ст. 3 Конституции РФ) [15].

Провозвестником теории народного суверенитета традиционно считают Дж. Локка, который провозгласил, что народный суверенитет предполагает право народа на восстание. Полное же и всестороннее развитие идея народного суверенитета получила в работах Ж.-Ж. Руссо [13]. С точки зрения Ж.-Ж. Руссо, единственным носителем суверенной власти является народ. Общественный договор же, по Ж.-Ж. Руссо, имеет лишь одну цель – установление суверенитета народа. Народ является носителем «общей воли», в отличие от индивида, который может иметь «частную волю». «Только общая воля может управлять силами Государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо» [14, с. 160], – писал Ж.-Ж. Руссо. Следовательно, суверенитет, по Ж.-Ж. Руссо, есть осуществление общей воли.

Ж.-Ж. Руссо был наиболее последовательным сторонником непосредственного осуществления народом властных функций [3]. Для него непосредственная демократия была своеобразным политическим идеалом. При этом законодательная власть, согласно его теории, должна принадлежать народному собранию, в котором должны участвовать все граждане. Все другие властные органы обязаны всецело подчиняться народному собранию, быть не только послушным орудием суверена – законодателя, но и избираться суверенным народом, быть полностью ответственным перед ним, а также могут быть в любой момент им смещены. Вместе с тем непосредственная

реализация народного суверенитета (минуя народное представительное собрание), позиционируемая Ж.-Ж. Руссо, сегодня является идеей довольно популярной, но в то же время и труднореализуемой. Именно поэтому народ осуществляет функцию управления государством в рамках парламента, используя его представительскую функцию.

Ш. Монтескье отмечал: большое преимущество избрания представителей в том, что они способны обсуждать дело. Народ для этого совсем не пригоден, что и составляет одну из слабейших сторон демократии [10, с. 293].

Большой сторонник института представительства, Дж. С. Милль, признавая представительное правление идеальным типом, связывал его с развитием определенного уровня культуры, отмечая, что представительное правление «тем больше угодно для народа, чем выше его культурное развитие» [9, с. 69]. Считается, что право представительства – важнейший признак демократии, позволяющий в то же время избежать непродуманного или злонамеренного решения. Именно в борьбе за право представительства рождается парламентаризм и связанные с ним политические доктрины [8]. Здесь существует один аспект, который серьезным образом характеризует парламент как орган представительной власти. Представительство бывает разного рода. Например, избираемый народом президент также является его представителем. Но его не называют представительским учреждением не столько по той причине, что он единоличен и нет коллегиальности, сколько исходя из его функций [8].

В реальной жизни мнение граждан слабо влияет на деятельность законодателей. Это объясняется разной степенью заинтересованности, информированности и политической вовлеченности граждан. Достаточно вспомнить, что в большинстве развитых стран в парламентских выборах принимает участие лишь от одной трети до половины избирателей, пользующихся правом голоса, чтобы понять, какова степень пассивности граждан и как условно бывает представительство законодателей, пользующихся поддержкой меньшей части электората. Так что для значительных слоев населения представительная функция парламентаризма носит зачастую второстепенный характер. Тем не менее она сохраняется, поскольку помогает сводить к общим интересам системы противоречивые интересы и устремления различных слоев и групп населения, позволяет учитывать социально-политические сдвиги в обществе и корректировать государственный курс в нужном направлении.

Как утверждал И.А. Ильин, «участник народоправства должен иметь волевою независимость и гражданское мужество. Это дается нелегко. Легче

всего это дается человеку, имущественно стоящему на своих ногах: крестьянину-собственнику, людям «среднего класса», богатым гражданам. Именно в этих слоях демократия и имеет свою главную опору. Обнищавший народ, опустившийся до состояния черни, быстро вырождает и погубит всякое народоправство».

Сегодня большинство граждан России не имеют демократических способностей, однако наделены правом выбора, делать который они не хотят, не готовы, часто по незнанию или безразличию, неверию в то, что могут на что-то повлиять (правовой нигилизм). Это равносильно тому, что человеку дали технически сложный инструмент, назначение которого не объяснили и, следовательно, пользоваться которым правильно человек не умеет.

Избирательная демократия и социальная система

Как верно писал В.Г. Афанасьев, человек есть последний, в известном смысле слова элементарный носитель социального системного качества. В то же время, будучи компонентом любой социальной системы, воплощением ее сущности, человек есть лишь часть социальной системы. Только будучи включен в определенную общественную систему, индивид обретает свою социальную сущность [2, с. 23]. Действительно, опираясь на эту научную теорию, применительно к рассматриваемой в статье проблеме можем сделать следующие важные выводы:

1) если человек является компонентом (элементом) социальной системы, то его нахождение в ней предполагает выполнение человеком определенных функций в этой системе, которые, во-первых, структурно связывают его с системой, во-вторых, качественно меняют саму систему. Таким образом, и человек в отдельности, и сама система в целом развиваются, обретая новые качества и признаки. Чем развитие конкретного человека в его взаимодействии с другими людьми (элементами системы) будет интенсивнее, тем быстрее будет совершенствоваться сама система [5, с. 152];

2) человек, являясь избирателем, по идее должен совершенствовать саму правовую и законодательную систему государства, в рамках которых развивается общество. По крайней мере, развитие государства и общества в части, зависящей от принятых гражданами решений (путем всеобщего волеизъявления), должно происходить согласно этим решениям (например, голосованию за КПРФ или «Единую Россию», имеющим разные концепции и программы развития, и т.д.). Таким образом, от голосования граждан должно что-то зависеть и голосование граждан должно что-то менять. Новейшая российская история учит отнюдь не этому, напротив, по мере открытия архивов и изучения недоступной в 1990-е гг. инфор-

мации становится понятно, что от института голосования ничего не зависит в значительной степени потому, что неразбирающийся и подчас малограмотный избиратель голосует «сердцем», не вдумчиво и безответственно. Как правило, это правовые нигилисты или, что чаще, люди, не имеющие образования и не разбирающиеся в сути событий, люди, которыми, вследствие отсутствия образования и свободного самостоятельного мышления, государству проще манипулировать. Сложнее манипулировать институтами гражданского общества, которых в современной России очень мало, хотя бы потому, что государство не заинтересовано в их развитии. Иными словами, чем свободнее и интенсивнее будет развиваться человек, индивиды, народ конкретного государства, тем быстрее его развитие будет (по некоторым направлениям) переходить в саморазвитие и формирование институтов гражданского общества. Их наличие и саморазвитие станет сигналом (в нашем случае речь идет о России) для возможного перехода с «избирательной демократии» на «всеобщую демократию».

Самоорганизация граждан и наличие не контролируемых государством сфер так называемой гражданской активности (в этом случае государство делает определенные волевые усилия для самоограничения собственной власти во имя полноценного развития всей системы) является важным симптомом благополучного развития всей системы, сравнимым с наличием иммунитета в организме. Иными словами, чем больше возможностей предоставляет государство как управляющий субъект, являющийся частью системы (государство – общество), управляемому объекту (гражданскому обществу) в сфере самоидентификации и самоорганизации, тем меньше риск «заболевания» всей системы как единого организма, части которого могут влиять друг на друга. Именно государство в данном случае может стать как рычагом, так и тормозом всего процесса. В современной России после принятия Конституции РФ 1993 г. это особенно актуально, ведь политическое устройство, как верно отметил Р.Г. Абдулатипов, – один из элементов отражения социального опыта народов страны и культурного, цивилизованного устройства форм их развития и взаимодействия [1, с. 33].

Устранение интегрирующего государственного начала, противостоящего индивидуализму субъектов гражданского общества, превращает гражданское общество в ничем не связанную совокупность индивидов, что способно привести к воцарению анархии [12, с. 6, 7]. Здесь не будет ни государства, ни гражданского общества. История дает множество примеров, когда из-за ослабления или гибели государства общество погружалось в анархию и смуту со всеми сопутствующими им бедствиями и кровопролитиями. Достаточно вспомнить Россию конца XVI – начала

XVII вв. Самая яркая иллюстрация из новейшей отечественной истории – перестройка и реформы, которые привели к крушению Советского Союза.

На наш взгляд, построение государством «сверху» в условиях его общей неразвитости и наличия массовых стереотипов советского тоталитаризма в общественном сознании гражданского общества имеет ряд преимуществ, хотя бы с позиций метода системного анализа.

В-первых, государству (и не только ему) легче управлять обществом как подсистемой, когда основные элементы системы (государство – общество) упорядочены, соотнесены друг с другом, когда понятны их внутренние связи и соподчиненность. Сложнее (и почти невозможно) управлять хаосом, беспорядком, в котором управляемые элементы разрозненны и не имеют четких связей друг с другом.

Во-вторых, в современной России, где проживает более 200 различных народов и этнических групп, различающихся по языку, самобытным особенностям своей материальной и духовной культуры, конфессиональной принадлежности, необходимость «управляемой свободы» очевидна и вполне логична. Государство не просто является регулятором и реформатором данной сферы, но и сам факт государственного вмешательства в процессы формирования институтов гражданского общества – процесс во многом естественный и неизбежный с учетом исторических традиций нашей страны. Россия – это община как продукт эволюции сообщества народов, это и общность как совокупность людей, имеющих общую историю, на базе которой формируются общие духовно-нравственные признаки. Взаимовлияние культур и традиций многих народов шло веками вокруг русского этноса [1, с. 27]. Тем не менее нельзя забывать и об ответственности власти, стремящейся создать институты гражданского общества, поскольку этот, в общем-то, позитивный процесс может быть использован в качестве особого инструмента государственного управления для манипулирования объективными процессами в социуме, где при наличии демократических предпосылок, сколько бы слабыми они ни были, гражданское общество неизбежно вырастает и снизу. Поэтому в идеале приоритет в государственном управлении должен быть отдан именно содействию формированию гражданского общества, а не административному созданию удобных власти его институтов.

Например, одни авторы, в частности Л.С. Мамут, следуя широкому пониманию гражданского общества, подчеркивают, что в основе такого общества лежат экономические, исторические, социокультурные, языковые, этнические, конфессиональные, территориальные, этические отношения, т.е. условия жизни людей, в которых происходит реализация их партикулярных интересов и где нет места субордина-

ции [7, с. 101]. Отсюда гражданское общество – ипостась любого цивилизованного (базирующегося на общественном разделении труда) человеческого общества. Оно было, есть и всегда будет. Другое дело, что всякий раз гражданское общество выступает в определенной конкретно-исторической форме. К тому же отличительной чертой гражданского общества является такая его архитектоника, как наличие определенных горизонтальных связей, а не организации со всеми присущими ей атрибутами [4, с. 31].

Другие исследователи, например В.А. Четвернин, полагают, что гражданское общество – это сфера свободной, автономной активности, в которой действуют индивидуальные и коллективные субъекты, преследующие свои частные цели и интересы, и что отношения между ними не опосредованы публичной властью [16, с. 20]. И это общество, в котором все становятся в равной мере свободными, обладающими естественными и неотчуждаемыми правами. Таким образом, гражданское общество является сложной системой, предполагающей взаимодействие организованных субъектов – людей, групп, коллективов, сообществ, а это взаимодействие означает объединение людей по социально-групповому, организационному и поселенческому принципам [11, с. 285, 315, 329; 16, с. 22].

Если гражданское общество толковать буквально, как совокупность граждан страны, их качественное и регулируемое общепризнанными в данном обществе социальными регуляторами взаимодействие друг с другом и с государством, то народ страны, еще не осознавший возможности саморегулировать свои социально-экономические потребности и не выработавший пригодные для этого социальные регуляторы, можно считать начальной ступенью на пути развития от народа к гражданскому обществу. Таким образом, одним из рецептов «ускорения» такого развития от народа к гражданскому обществу может быть усиление социальных связей внутри общества, которое политически оформляется в народ. Можно говорить также об «активном» или «пассивном» гражданском обществе. Поскольку гражданское общество есть сфера действия эгоистических интересов индивидов, более того, «войны всех против всех», то применение по отношению к нему слова «активное» следовало бы по логике вещей понимать в смысле особенно активного ведения этой самой «войны». Если же речь идет о состоянии гражданского общества, то о нем больше может сказать степень его диссоциации. Гражданское общество как сфера господства частного, эгоистического интереса, будучи неподконтрольным государству и полностью предоставленным самому себе, движется в направлении анархии.

Важными показателями демократизма любой избирательной системы являются гарантии свобо-

ды выборов и совершенства их механизма. Под гарантиями свободы выборов понимаются условия и средства, обеспечивающие избирателям реальную, осознанную и ответственную свободу волеизъявления. Условия – это политический режим, в котором осуществляются выборы, т.е. степень соответствия официальных конституционных и правовых деклараций политическим реалиям. Средства – это механизм и материальные источники, обеспечивающие избирателям свободу волеизъявления. Система гарантий состоит из политических, организационных, материальных и правовых средств, обеспечивающих свободу выборов. Следует отметить, что все гарантии находятся во взаимной зависимости, дополняя друг друга, и действуют как единый механизм, обеспечивающий реальную свободу выборов, при этом один и тот же фактор может одновременно быть элементом различных видов гарантий.

К политическим гарантиям относятся: демократизм выдвижения кандидатов в депутаты; равноправие избирателей на выборах; свобода предвыборной агитации; добросовестность кандидатов составления и делать достоянием гласности программу своей деятельности, ответственность депутатов перед избирателями, контроль над ходом проведения выборов и др.

Организационные гарантии обеспечивают свободу выборов средствами, исключающими искажение воли избирателей.

Материальные гарантии заключаются в том, что государство финансирует организацию и проведение выборов и закон регламентирует формирование избирательных фондов.

Правовые гарантии как вид гарантий свободы выборов называется так потому, что эта свобода обеспечивается исключительно правовыми способами, в том числе установлением юридических санкций за нарушение законов о выборах. К ним относятся: а) право граждан на обжалование неправильностей в списках избирателей; б) неприкосновенность депутатов; в) запрещение предвыборной агитации за день до выборов; г) признание недействительными выборов, проведенных с нарушением закона о выборах; д) право граждан обжаловать в суд результаты выборов; е) привлечение к административной и уголовной ответственности лиц, виновных в нарушении избирательных прав граждан и законов о выборах.

Поиск оптимальной для страны избирательной системы чрезвычайно сложен. Такая система должна опираться на базовые ценности демократического общества и одновременно учитывать приоритеты социального и политического развития страны. Должен быть найден компромиссный ответ как в науке, так и в правоприменительной деятельности на вопрос о том, что есть избирательная система. В случае его нахождения будет обеспечено функционирование механизма

электоральной демократии. Этот механизм есть залог демократического будущего российской государственности, основанной не на административно-бюрократической системе, а на социальном партнерстве.

Согласно демократическому элитизму (democratic elitism) элита не властвует, а осуществляет управление массами в интересах этих масс и при их добровольном согласии. Влияние элит ограничивается главным образом участием в периодических выборах политических лидеров. Например, в демократической Германии институт референдумов конституцией не предусмотрен. Они полагают, что политическое равновесие там регулируется развитым гражданским обществом, независимостью прессы и обязательностью исполнения предвыборной программы. И, хотя мы старательно мимикрируем под Запад, наша демократия устроена несколько по-другому.

Обязательное голосование как перспектива развития избирательного права

Исторически появившееся как средство борьбы с абсентеизмом избирателей, обязательное голосование обеспечивает высокую явку на выборах и, вследствие этого, исключает нерезультативный исход избирательного процесса. Однако у подобных мер есть много побочных эффектов:

- за неявку на такие обязательные выборы гражданину (по опыту зарубежных стран, например Аргентины, Австралии, Бразилии, Кипра, Эквадора, Лихтенштейна, Люксембурга, Уругвая, Сингапура и даже Северной Кореи) грозит штраф. Представим ситуацию, когда гражданин России не пошел на выборы и не был оштрафован. У него два пути: промолчать, понимая, что если штраф не наложен, то, скорее всего, его голосом кто-то воспользовался, или пойти разбираться и качать права, выясняя факт незаконного использования бюллетеня, но в таком случае он попадает на штраф, поскольку на избирательный участок не явился;

- принуждение избирателя к голосованию неизбежно влечет за собой угасание качественного интереса избирателя к выборам, что ставит под сомнение искренность и обоснованность его волеизъявления. Иными словами, количество избирателей увеличится, а их качественный уровень (интеллектуальный, осознанный выбор) рухнет;

- таким образом, в случае реализации идеи об обязательном голосовании граждане, которые раньше не ходили на выборы, показывая власти свое отрицательное или безразличное отношение к ней, сейчас будут обязаны сделать, по сути, непредсказуемый выбор.

Требовать от власти результатов и привлекать наделенных властью лиц к ответственности имеют моральное и юридическое право граждане, которые принимали участие в выборе политической партии, прези-

дента, главы муниципального образования. Если человек не пришел на выборы – это его своеобразный «выбор», но и требовать от власти чего-то, на наш взгляд, этот несостоявшийся избиратель не может. Конечно, сейчас это прозвучит провокационно, но через какое-то время должно прийти понимание того, что конституционное право (в будущем – обязанность) выбирать должна принадлежать не всем гражданам России.

Почему же не продумать пока новый для нашей страны правовой инструмент – образовательный ценз? Голосовать осознанно могут и должны люди, имеющие высшее образование (качественный упадок которого – отдельная тема). Высшее образование дает человеку систему ценностей, умение воспринимать и анализировать информацию, мыслить и делать выводы. Конечно, многие будут возражать. Это нормально: к новым правовым инструментам развития демократии придется еще привыкнуть. Как вариант приведу циничный пример: если человеку в россий-

ской глубинке предложить за голос на избирательном участке 5 тыс. руб., что он выберет?

Сейчас это прозвучит провокационно, но через какое-то время должно прийти понимание того, что конституционное право (в будущем – обязанность) выбирать должно принадлежать не всем гражданам России. То, что многие граждане добровольно отказались от своего (пока) права избирать, – сегодняшняя реальность и статистика. И, как правило, отказавшиеся – малообразованная или просто безразличная к политике часть общества. Если образовательный ценз многим покажется несправедливой идеей, то что же несправедливого будет в предоставлении человеку выбора: получить, например, 5 тыс. руб. (по сути, продать свой голос) и не ходить на выборы или пойти и реализовать свое пассивное избирательное право и долг перед собой, своей семьей и страной? Все это – новые технологии избирательной демократии, которых так не хватает России.

Список литературы:

1. *Абдулатипов Р.Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России. М.: Славянский диалог, 2000.
2. *Афанасьев В.Г.* Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981.
3. *Бегазян А.* О понятии парламентаризма // *Право и жизнь*. 2003. № 61 (9).
4. Гражданское общество, правовое государство и право.
5. *Грудцына Л.Ю.* Государство и гражданское общество: Монография / Под ред. проф. С.М. Петрова. М.: ЮРКОМПАНИ, 2010.
6. *Ильин И.А.* Наши задачи. В 2-х тт. Том 2. М., 1992.
7. *Мамут Л.С.* Гражданское общество и государство: проблемы соотношения // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5.
8. *Махачев Г.* Необходимость и условия формирования парламентаризма // *Право и жизнь*. 2000. № 31.
9. *Милль Дж.С.* Размышления о представительном правлении. СПб., 1863.
10. *Монтескье Ш.-Л.* Избранные произведения. М., 1955.
11. *Нерсисянц В.С.* Общая теория права и государства. Учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 560 с.
12. *Поздняков Э.А.* Российское гражданское общество. Иллюзии и реальность // *Политический класс*. 2006. № 22.
13. Проблемы общей теории права и государства / Под общей ред. В.С. Нерсисянца. М., 1999.
14. *Руссо Ж. Ж.* Трактаты. М., 1969.
15. Теория государства и права: Учебник / Под ред. проф. В.В. Лазарева. М.: Право и закон, 1996.
16. *Четвернин В.А.* Общество и государство // *Феноменология государства*. М., 2004. Вып. 2.

Reference list

1. *Abdulatipov R.* The national issue and state system of Russia. M.: Slavyanskiy Dialog, 2000.
2. *Afanas'ev V.* The society: Systemacity, cognition and management. M.: Politizdat, 1981.
3. *Begazyan A.* The conception of parliamentarism // *Law and Life*. 2003. №. 61 (9).
4. Civil society, legal state and law. (Unknown source).
5. *Gruditsyna L.* The state and civil society: Monograph / Under the editorship of Professor S. Petrov. M.: YURKOMPANI, 2010.
6. *Ilyin I.* Our tasks. In 2 volumes. Vol. 2. M., 1992.
7. *Mamut L.* Civil society and the state: Issues of correlation // *Public Sciences and Modernity*. 2002. №. 5.
8. *Makhachev G.* The necessity and conditions of parliamentarism formation // *Law and Life*. 2000. №. 31.
9. *John Stuart Mill.* Considerations on Representative Government. SBR., 1863.
10. *Charles-Louis de Montesquieu.* The selected works. M., 1955.
11. *Nersesyants V.* The general theory of law and state. Textbook. M.: Norma, INFRA-M, 2012. 560 p.
12. *Pozdnyakov E.* The Russian civil society. Delusions and reality // *Political Class*. 2006. №. 22.
13. Issues of the general theory of state and law / Under the general editorship of V. Nersesyants. M., 1999.
14. *Jean-Jacques Rousseau.* Treatises. M., 1969.
15. The theory of state and law: Textbook / Under the editorship of Professor V. Lazarev. M: Right and Law, 1996.
16. *Chetvernin V.* The society and state // *The State Phenomenology*. M., 2004. Number 2.

УДК 349

Веселкова Е.Е.,кандидат юридических наук, доцент кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин
Российской государственной академии интеллектуальной собственности**О ПОНЯТИИ «ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ»**

Эволюция современного российского общества, параллельно с процессом расширения охвата правового регулирования общественных отношений, объективно требует совершенствования и самого качества регламентации, формирования адекватного порядка, который позволил бы предельно эффективно, действенно и в строгом соответствии с законом урегулировать ту или иную жизненную ситуацию (юридическое дело), гарантировать законность и правопорядок в обществе. Этой особой конструкцией, отдельным явлением, которое характеризует постоянство, и одновременно динамика, и которое отличает допустимость своевременно отвечать на сбои в социальной жизни и предотвращать нарушения в правовом регулировании, является правовой режим. В данной статье автор формулирует понятие «правовой режим иностранных инвестиций», основываясь на анализе существующих определений, представленных в доктрине, а также в национальном и международном законодательстве. Особое внимание уделяется анализу правового режима, предоставляемого иностранным инвесторам в России.

Ключевые слова: правовой режим иностранных инвестиций, иностранные инвестиции, иностранный инвестор

Veselkova E.,PhD in Law, Associate Professor of Chair of Copyright Law, Neighboring Rights and Private Law Disciplines
of the Russian State Academy of Intellectual Property**ON THE CONCEPT "LEGAL REGIME FOR FOREIGN INVESTMENTS"**

Alongside with the process of expanding the legal regulation scope of social relations the evolution of the contemporary Russian society is objectively required an improvement and the regulation quality, the development of sufficient order, which would arrange any given life situation (the legal life) very effectively, effectually and in strict accordance to law, to guarantee legitimacy and legal order in the society. The legal regime is the special design; it is a special phenomenon, characterizing the regularity and the dynamics simultaneously, it is this which distinguishes the validity to response timely to social life disruptions and to prevent violations in the legal regulation. After the analysis of existing definitions, having been presented in the doctrine as well as in the national and international legislation, in this article the author is formulated the concept "Legal regime for foreign investments". Special attention is given to the analysis of the legal regime, which is providing for foreign investors in Russia.

Keywords: legal regime of foreign investments, foreign investments, foreign investor

В доктрине отмечается, что динамика развития современного российского общества, наряду с расширяющейся сферой правовой регуляции общественных отношений, объективно требует модернизации самого качества регулирования, создания такого оптимального порядка, который позволил бы максимально эффективно и в строгом соответствии с законом разрешить ту или иную жизненную ситуацию (юридическое дело), обеспечить законность и правопорядок в целом.

Именно таким специально организованным механизмом, отличающимся стабильностью, и в то же время динамичностью, возможностью своевременно реагировать на отклонения в социальной ситуации и

предотвращать сбои в правовом регулировании, выступает правовой режим.

Правовые режимы обеспечивают устойчивое нормативное регулирование общественных отношений, что особенно важно в период экономических, политических и социальных преобразований. Они олицетворяют функциональную характеристику права – определенный порядок правового регулирования, воплощаемый в комплексе правовых средств, с помощью которых и достигаются цели правового регулирования.

Сегодня понятие «правовой режим» активно используется как в нормативно-правовых актах различного уровня, так и в научной литературе, являясь

одной из важнейших и широко распространенных категорий в общей теории права и государства и в отраслевых науках.

В самом общем виде правовой режим определяется как комплексная система таких составляющих его элементов, как правовые средства и способы правового регулирования, правовые принципы и правовые гарантии, определяющих специфический порядок правового регулирования [1].

Встречаются и другие понятия правового режима. Например, правовой режим – это порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования [2]. Правовой режим – одно из проявлений нормативности права, но на более высоком уровне. Он соединяет в единую конструкцию определенный комплекс правовых средств, который диктуется возникающими целями [3].

Расхождение во взглядах учёных, изучающих феномен «правового режима» как в определении понятия, так и в структуре правовых режимов и их функциях, показывает дискуссионность и неоднозначность восприятия данного правового явления ввиду его сложности и многоаспектности [4].

Применительно к иностранным инвестициям также отсутствует единообразное понятие правового режима. В самом общем виде **правовой режим деятельности иностранных инвесторов** определяется как совокупность условий инвестиционной деятельности, комплекс льгот и гарантий прав и законных интересов иностранных инвесторов.

Однако в научной литературе общепризнанным является классификация правовых режимов в области иностранных инвестиций на абсолютные и относительные. Под абсолютным режимом понимается полная и абсолютная защита, гарантированность иностранных инвестиций. В отличие от абсолютного режима относительные режимы предоставляют иностранным инвесторам больший или меньший объем прав, по сравнению с инвесторами из своей страны или какой-либо другой, определенной в договоре страны или стран, то есть относительно других инвесторов. Наиболее часто, как отмечают отдельные авторы, государства придерживаются следующих режимов иностранных инвестиций:

а) национальный режим. При использовании данного режима иностранные инвесторы приравниваются в правах к инвесторам своей страны, то есть одно государство предоставляет на своей территории другому государству такие же права, льготы и привилегии, какие предоставляются ее собственным физическим и юридическим лицам и торговым судам;

б) режим наибольшего благоприятствования. Под режимом наибольшего благоприятствования понимается предоставление одним государством инвесторам другого государства такого же широкого объема гарантий, прав, преимуществ и льгот, какими пользуется и (или) будет пользоваться в дальнейшем любое третье государство на территории первого. То есть режим наибольшего благоприятствования подразумевает предоставление максимально благоприятного для других стран режима и является наглядным воплощением принципа недискриминации;

в) преференциальный режим – особый экономический режим, предоставленный одним государством инвесторам определенного другого государства, не распространяющийся на какие-либо третьи страны;

г) специальный режим является договорным режимом и устанавливается путем указания конкретных специальных прав, предоставляемых, как правило, на основе взаимности, договаривающимися государствами друг другу. Конкретные права, льготы и привилегии должны быть четко указаны в договоре;

д) специальный и дифференцированный (более благоприятный режим) – режим, как правило, предоставляемый развивающимся странам. В общей форме эти льготы выражаются в виде права использовать преференциальные ставки таможенных пошлин в развитых странах при экспорте своих товаров; обязательства развитых стран оказывать техническое содействие в деле приведения законодательных и иных инструментов развивающихся стран в соответствие с требованиями ВТО [5].

Вопрос режима инвестиционной деятельности закреплен в подавляющем большинстве международных соглашений в рассматриваемой сфере, а также абсолютно во всех двусторонних договорах, включая двусторонние договоры Российской Федерации.

Большое значение в регулировании вопроса режима иностранных инвестиций имеют резолюции Генеральной ассамблеи ООН, в которых отстаивается право государства на национализацию и предусматривается выплата компенсации собственнику национализированного имущества. В немалой степени рассмотрением этого вопроса занимаются международные организации, страны-участницы которых активно занимаются иностранным инвестированием. Сюда относятся Кодекс либерализации движения капиталов ОЭСР, Кодекс либерализации текущих невидимых операций ОЭСР и Руководство по регулированию прямых иностранных инвестиций Международного банка реконструкции и развития.

В Руководстве по регулированию прямых иностранных инвестиций предусматривается, что «каждое государство сохраняет за собой право регулировать допуск иностранных частных инвестиций в национальную экономику и что открытым может признаваться допуск

иностранных инвестиций в рамках списка отраслей, открытых для иностранных частных инвестиций (при существовании списка ограниченного числа отраслей, видов деятельности, закрытых для иностранных инвестиций или требующих оценки условий допуска, лицензирования)». Подобные приемы допуска иностранных инвестиций в национальную экономику кажутся максимально оправданными. Руководство по регулированию прямых иностранных инвестиций вполне резонно отмечает, что принимающее иностранные инвестиции государство должно избегать нагромождений и усложнений процедуры допуска иностранного капитала или закрепления в национальном законе запутанных условий, выполнение которых необходимо для выполнения допуска иностранного капитала. Руководство исходит из того, что равный режим инвесторов, работающих в равных условиях, свободная конкуренция между ними являются предпосылками для формирования благоприятного инвестиционного климата в стране, принимающей инвестиции. В итоге, говоря обобщенно, Руководство по регулированию прямых иностранных инвестиций закрепляет национальный режим в качестве международного стандарта.

В научной литературе встречаются разные мнения относительно того, какой именно режим установлен в России для иностранных инвесторов. Зачастую высказывается мнение, что в российском законодательстве закреплён национальный режим в отношении иностранных инвесторов [6].

Эта позиция подвергается критике Т.Н. Нешатаевой. По её мнению, а с ним следует согласиться, в законодательстве РФ для иностранных инвесторов последовательно регламентируется режим наибольшего благоприятствования [7].

В своём современном международно-правовом толковании режим наиболее благоприятствуемой нации был закреплён в Генеральном Соглашении по тарифам и торговле (ГАТТ). Статья 1 ГАТТ озаглавлена «Общий режим наиболее благоприятствуемой нации» и предусматривает следующее правило: «любое преимущество, благоприятствование, привилегия или иммунитет, предоставляемые любой договаривающейся стороной в отношении любого товара, происходящего из любой другой страны или предназначенного в любую другую страну, должны немедленно и, безусловно, предоставляться подобному же товару, происходящему из территории всех других договаривающихся сторон, или предназначенному для территории всех других договаривающихся сторон» [8].

Из текста ГАТТ следует, что режим наибольшего благоприятствования уравнивает всех иностранных граждан при введении действия какой-либо льготы или ограничения. Если в договаривающемся государстве была установлена преференция для инвесторов из какой-то одной страны, то после вступления в силу

ГАТТ эта преференция должна касаться также инвесторов из всех других договаривающихся стран.

При этом необходимо отметить, что вследствие приведённой статьи предполагаются в основном таможенные пошлины, сборы и расчеты за экспорт и импорт товаров.

Национальный режим закреплён в том же документе. Статья 3 ГАТТ «Национальный режим в отношении внутреннего налогообложения и регулирования» устанавливает, что товары, происходящие с территории какой-либо договаривающейся стороны, не должны облагаться, прямо или косвенно, внутренними долгами или другими внутренними сборами любого рода, превышающими, прямо или косвенно, налоги и сборы, применяемые к аналогичным товарам отечественного происхождения. Следовательно, национальный режим для иностранцев означает их уравнивание в правах и обязанностях с резидентами. При этом следует отметить, что статья 3 ГАТТ охватывает внутренние налоги и сборы, ничего не упоминая о таможенных пошлинах и режиме осуществления трансграничных коммерческих платежей.

Особо ГАТТ освещает вопросы преференций. Практически в каждой статье ГАТТ имеются оговорки по этим вопросам. Преференциальный режим отличается исключительностью. В случае предоставления преференциального режима не взимаются никакие таможенные пошлины, налоги и сборы. В большинстве случаев он назначается для продукции и товаров из развивающихся стран.

В научной литературе указывается на двусмысленность «записи о режиме иностранных капиталовложений в российском законодательстве», поскольку легальные формулировки содержат «элементы как режима наибольшего благоприятствования, так и национального режима» [7]. Однако, при этом не обращается внимание на одновременное сочетание сразу трёх режимов в самом ГАТТ. А именно: при совершении таможенных процедур на иностранцев распространяется режим наибольшего благоприятствования, при налогообложении – национальный, в исключительных случаях могут устанавливаться национальные преференции. Следовательно, и в одновременном существовании нескольких режимов для иностранных инвесторов в РФ нет ничего удивительного. Почти всегда для иностранных инвесторов государства предоставляют и льготы и ограничения. Это вполне естественно, так как «внутреннее право государства, находясь в действии, образует правовой режим, состоящий из множества режимов с разным сочетанием способов, методов, типов правового регулирования» [9].

Очевидно, что в России для иностранного инвестирования одновременно существуют режим наибольшего благоприятствования и национальный режим. Было бы неправильно заявлять, что существует

только режим наибольшего благоприятствования или национальный режим.

В отдельных сферах хозяйственной деятельности закон не разграничивает субъекты разной национальности, а, даже напротив, указывает на их равенство. В таких случаях речь идет о национальном режиме. В других случаях прямо указывается на различие между деятельностью национальных и иностранных лиц. Тогда говорится о режиме наибольшего благоприятствования. Но изъятия ограничивающего характера устанавливаются одинаково для всех

иностранцев независимо от страны происхождения инвестора, либо в нормативном документе напрямую фиксируется правило о режиме наибольшего благоприятствования.

Таким образом, применительно к иностранным инвестициям понятие правовой режим можно определить как совокупность правовых средств и методов правового регулирования инвестиционных правоотношений, включающую правовые начала и правовое обеспечение, определяющие специальный регламент деятельности иностранных инвесторов.

Список литературы

1. *Беляева Г.С.* Правовой режим: общетеоретическое исследование: автореферат дисс...д.ю.н. 12.00.01. Курск, 2013.
2. *Ситников А. П.* Вопросы соотношения категорий «правовой режим», «правовое состояние», «правовой порядок» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 31.
3. *Романовская В. Б.* Правовой режим как общетеоретическая категория: проблемные аспекты понимания / В.Б. Романовская, В.В. Пужаев // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 4.
4. *Братановский С.Н.* Понятие и виды правовых режимов в российском законодательстве и правовой науке // Специальные правовые режимы информации. М.: Директ-Медиа, 2014.
5. www.underlaw.ru Дата обращения 10.03.2016
6. *Международное частное право* / Отв. ред. Н.И. Марышева. М., 2000. С. 148.
7. *Нешатаева Т.Н.* Иностранные инвестиции в Российской Федерации: правовое регулирование и судебная практика // Вестник ВАС. 2000. № 7.
8. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) от 30 октября 1947 года (вступило в силу 1 января 1948 года) // *Международное частное право. Сборник документов.* М., 1997.
9. *Шумилов В.М.* Международное публичное экономическое право. М., 2001. С. 36.

Reference list

1. *Belyaeva G.* Legal regime: Theoretical study: Synopsis of a thesis of Doctor of Law. 12.00.01. Kursk, 2013.
2. *Sitnikov A.* The correlation of categories "legal regime", "legal state", "legal order" // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2009. №. 31.
3. *Romanovskaya V.* The legal regime as a theoretical category: The problematic of understanding aspects / V. Romanovskaya, V. Puzhaev / Bulletin of the Kostroma State University named after N. Nekrasov. 2014. Vol. 20. №. 4.
4. *Bratanovskiy S.* The concept and types of legal regimes in the Russian legislation and legal science // Special legal regimes of information. M.: Direkt-Media, 2014.
5. www.underlaw.ru Date of access:10.03.2016.
6. *Private international law* / Executive editor N. Marysheva. M., 2000. P. 148.
7. *Neshataeva T.* Foreign investments in the Russian Federation: legal regulation and court practice // Bulletin of the Supreme Commercial Court. 2000. №. 7.
8. The General Agreement on Tariffs and Trade (GATT) of 30th of October, 1947 (entered into force on 1st of January, 1948) // *International Private Law. A collection of documents.* M., 1997.
9. *Shumilov V.* Public international economic law. M., 2001. P. 36.

УДК 343.9

Кайбжанов М.Ж.,

соискатель Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокурор Костанайской области, государственный советник юстиции 3 класса

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА КРАЖ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ КОСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ)

Настоящая статья посвящена проблеме предупреждения краж чужого имущества. Автором обосновывается повышенная общественная опасность данного вида преступлений против собственности. Рассматриваются общие вопросы понятия и содержания, видов предупреждения преступности. В результате изучения распространенных в научной литературе определений, высказывается мнение о соотношении терминов «предупреждение» и «профилактика» преступности.

Автором делается вывод о ключевой роли органов прокуратуры как координатора деятельности всех правоохранительных органов в борьбе с преступностью. На основании анализа статистических материалов и практического опыта обосновывается необходимость тесного взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов с бизнес-структурами и общественностью как одного из важнейших условий в профилактике краж. Предлагаются меры по повышению эффективности борьбы с данным видом преступлений, прошедшие апробацию на практике и давшие определенный положительный результат.

Ключевые слова: криминология, предупреждение преступлений, профилактика краж чужого имущества, деятельность органов прокуратуры по предупреждению краж, повышение эффективности борьбы с кражами

Kaybzhanov M.,

Degree-seeking student of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Prosecutor of the Kostanay Region, 3rd Class State Counselor of Justice

CRIMINOLOGICAL PREVENTION OF THEFT OFFENCES BY PROSECUTION AUTHORITIES (BY AN EXAMPLE OF KOSTANAY REGION)

This article focuses the prevention issue of stealing other people's property. The article author substantiates the increased public danger of this type of crimes against the property. There are discussed the general issues of the concept and content, types of the crimes prevention. The opinion is expressed the correlation of the terms "Warning" and "Prevention" with the reference to the concepts study, widespread in the scientific literature.

The article author does a conclusion about the prosecution authorities' integral role as a facilitator of all enforcement agencies activities in combating criminality. Based on the statistical data analysis and practical experience, the necessity is substantiated the close coordination of enforcement agencies and state authorities with business entities and the society – one of the essential conditions in the theft offences prevention.

Keywords: criminology, crimes prevention, theft offences prevention of stealing other people's property, prosecution authorities' activities on theft offences prevention, efficiency improvement in combating theft offences

Среди всех преступлений против собственности самым распространенным и самым интенсивно растущим преступлением является кража. Согласно четырем обзорам ООН о тенденциях преступности, проведенным в период с 1970 по 1990 годы, кражи составляли наибольший удельный вес в структуре учитываемой преступности (около 70% в развивающихся и около 80% в развитых странах). При этом кражи не только доминировали в структуре преступности, но и интенсивнее всех росли, особен-

но в развитых странах. В 1975 г. их уровень на 100 тыс. населения составил около 2 100, в 1980 г. – 2 500, а в 1985 г. – 4 100 [12, с. 480-482].

Подобная ситуация наблюдалась и в СССР. За период с 1956 по 1991 г. абсолютное число зарегистрированных краж увеличилось в 9,5 раза и составило 1779432 преступления. Доля краж в структуре преступности в 1991 г. составила 55,2% [12, с. 484-485].

Кражи остаются наиболее распространенными преступлениями и в настоящее время. По данным

Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК за последние четыре года доля краж в общей массе совершаемых в Республике Казахстан преступлений составляла не менее 50%: в 2012 – 62%, в 2013 – 58%, в 2014 – 61%, в 2015 – 57% (URL: <http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat>).

Как показывает практика, борьба с преступностью (в том числе и с кражами) только путем изменения (ужесточения или гуманизации) уголовного законодательства и привлечения к ответственности за уже совершенные преступления малоэффективна. Кражи относятся к числу латентных, трудно раскрываемых преступлений. Так, хотя за последние 4 года по Костанайской области отмечался относительный рост раскрываемости краж (2012 – 15,8%, 2013 – 16,2%, 2014 – 23,9%, 2015 – 29,2%), в целом процент раскрываемости данного преступления не превышает 30%.

При этом ущерб от краж, даже в случае установления виновного и привлечения его к ответственности, редко возмещается в полном объеме. Поэтому именно предупредительная деятельность должна стать одним из основных направлений борьбы с кражами.

Так еще Монтескье в своем сочинении «О духе законов» писал: «Хороший законодатель не столько заботится о наказаниях за преступления, сколько о предупреждении преступлений» (URL: <http://lex.am/docs/sharle.pdf>).

М.А.Вольтер, комментируя труд Ч.Беккариа «О преступлениях и наказаниях», сформулировал принципиальное важное положение о том, что «предупреждение преступлений есть истинная юриспруденция в цивилизованном обществе» [7, с. 371].

В отечественной криминологической науке отсутствует единое определение предупреждения преступности.

Н.Ф. Кузнецова понимала под предупреждением преступлений многоуровневую систему государственных и общественных мер, направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступности [10, с. 134].

В.Д. Малков выделяет предупреждение преступлений в широком и узком смысле. Предупреждение преступлений в широком понимании есть криминологическая категория, обозначающая исторически сложившуюся систему преодоления объективных и субъективных предпосылок этих негативных явлений, реализуемого путем целенаправленной деятельности всех институтов общества по устранению, уменьшению и нейтрализации факторов, детерминирующих существование преступности и совершение преступлений. Предупреждение преступлений в более узком, прикладном значении представляет собой деятельность, направленную на недопущение их совершения путем выявления

и устранения причин преступлений, условий, способствующих их совершению, оказания предупредительно го воздействия на лиц с противоправным поведением [9, с. 116-117].

По мнению некоторых авторов, предупреждение преступности представляет собой органическое единство трех направлений целенаправленной социальной деятельности: общей организации борьбы с преступностью, профилактики преступлений, правоохранительной деятельности. Первое направление включает в себя информационно-аналитическую деятельность, прогнозирование, определение стратегии борьбы с преступностью, правовое регулирование и т.д. Второе – комплекс мероприятий, осуществляемых государством, посредством выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений. Третье – деятельность правоохранительных органов и судов по привлечению лиц к уголовной и административной ответственности и отбытию наказания виновными [3, с. 24; 4, с. 5].

Анализ определений предупреждения преступности позволяет выделить ряд общих признаков данного явления. Содержание предупреждения преступности составляет деятельность государства (в лице его законодательных, правоохранительных, судебных и иных органов) и общества. Эта деятельность носит многоуровневый, системный характер и направлена на достижение конкретных целей – устранение причин и условий совершения преступлений, привлечение к ответственности и наказание лиц, совершивших преступление.

Наряду с термином «предупреждение преступлений» в юридической литературе широко используется термин «профилактика преступлений». При этом если одни авторы рассматривают его как синоним предупреждения [8, с. 185], то другие считают, что эти термины не являются тождественными и выделяют «профилактику» как составную часть «предупреждения» [6, с. 333-335].

Так И.А. Гельфанд и П.П. Михайленко утверждали, что не следует искать различия в содержании терминов «предупреждение», «предотвращение», «профилактика», «пресечение», так как они являются синонимами, выражающими мысль о необходимости предпринять такие меры, которые предупреждали бы, а потом и совершенно исключили появление у отдельных лиц каких-либо проступков, наносящих вред обществу [13, с. 12-13].

Схожей точки зрения придерживается В.Д. Малков, по мнению которого «Термины предупреждение и профилактика, означая «недопущение чего либо», семантически близки, поэтому могут использоваться как синонимы» [9, с. 117].

А.Г. Лекарь и А.Ф.Зелинский, напротив, разграничивая термины «предотвращение» и «профиллак-

тика», под «предотвращением» подразумевают воспрепятствование совершению конкретного преступления, под «профилактикой» – устранение причин и условий, способствующих совершению преступления. По их мнению, к «профилактике» следует отнести процесс выявления, устранения причин и условий преступности, а к «предупреждению» – недопущение замышляемых и подготавливаемых преступлений [5; 11].

Мы в целом согласны с утверждениями, что профилактику преступлений следует рассматривать как составную часть деятельности по их предупреждению. Однако в данном случае нам ближе точка зрения, согласно которой различие между терминами «предупреждение» и «профилактика» следует проводить не по содержанию этой деятельности, а в зависимости от субъектов ее осуществляющих. Если предупреждение преступности в целом есть система мер, предпринимаемых государством в лице его органов, обществом и отдельными гражданами по устранению причин и условий совершения преступлений, то профилактика одно из направлений предупреждения, – это деятельность осуществляемая уполномоченными (правоохранительными) органами. Данной точки зрения придерживается и определенная часть практических работников [2, с. 136].

В мировой криминологической теории выделяются два вида предупреждения преступности – социальное предупреждение и ситуативное предупреждение. Первое включает такие направления как воспитание детей, развитие общин и социальное развитие, которые рассматриваются как способы воздействия на причины преступности. Ситуативное предупреждение преступности направлено на устранение условий, способствующих совершению преступлений [14, с.163].

В отечественной криминологии наиболее распространенным является деление предупреждения на виды в зависимости от характера его воздействия (опосредованного или непосредственного) на общесоциальное и специально-криминологическое предупреждение преступлений [1, с. 26; 9, с. 120-122].

Общесоциальное предупреждение преступлений характеризуется всей совокупностью социально-экономических мер, направленных на устранение недостатков в политической, социальной, нравственно-психологической и духовной сферах общества – улучшение материального благосостояния граждан, повышения уровня социальной и правовой культуры и т.д.. Направленные на устранение общесоциальных проблем, эти меры опосредованно выполняют функцию предупреждения преступлений.

Специально-криминологическое предупреждение преступлений характеризуется совокупностью мер, специально направленных на устранение причин преступности или конкретных преступных проявлений. Масштаб их применения, как правило, на-

много меньше, чем у общесоциальных мер, хотя в некоторых случаях он приобретает значительные размеры и охватывает, например, целые отрасли народного хозяйства или распространяется на отдельные категории лиц (несовершеннолетних преступников, рецидивистов и т.д.). Объектами такого предупреждения являются как преступность в целом, так и ее виды, а также отдельные преступления [9, с. 120-122].

Таким образом, деятельность правоохранительных и других компетентных органов, направленная на устранение причин и условий совершения преступлений и их предотвращение, составляет содержание профилактики преступлений (преступности) в рамках специально-криминологического предупреждения преступности.

Правоохранительные органы проводят большую работу по профилактике, выявлению и раскрытию хищений, однако эффективность этой деятельности оказывается недостаточной. Необходима должная координация и взаимодействие всех местных органов власти и управления, включая и сферы занятости населения, здравоохранения, образования, неправительственных организаций, охранных агентств и т.д.

Начиная с момента создания и на всех этапах государственного развития, на прокуратуру были возложены задачи по обеспечению надзора за точным и единообразным исполнением Конституции и законов, защите интересов государства, социально-экономических, политических и личных прав и свобод граждан, предотвращению правонарушений. В силу своего особого конституционного статуса органы прокуратуры могут и должны не только осуществлять в рамках своих полномочий криминологическую профилактику преступлений, но и выступать в качестве координатора деятельности других правоохранительных органов. Как отметил Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев: «Органам прокуратуры отводится ключевая роль, поскольку они наделены большими полномочиями в правовой сфере, координируя деятельность всех других правоохранительных органов.

В связи с этим, одним из основных направлений деятельности органов прокуратуры по криминологической профилактике преступности является разработка и координация реализации ведомственных и межведомственных планов (проектов), предусматривающих систему мероприятий, направленных на предупреждение отдельных видов и групп преступлений и в целом всей преступности, на определенной территории.

Такие программы призваны обеспечить взаимодействие и согласованную работу всех субъектов предупреждения. Они включают в себя комплекс мероприятий, направленные на изучение (с учетом региональных особенностей) причин и условий, способствующих совершению преступлений; информирование руководства предприятий, учреждений и орга-

низаций всех форм собственности, иных должностных лиц и граждан о формах и методах защиты от преступных посягательств; обеспечение взаимодействия государственных и местных органов управления с населением, общественными объединениями, СМИ по вопросам охраны правопорядка; внесение предложений по паспортизации объектов хранения материальных ценностей, их технической оснащенности; осуществления других общепрофилактических мероприятий.

Примером успешного осуществления криминологической профилактики преступности может послужить реализуемый в период с 2013 по 2016 годы разработанный прокуратурой Костанайской области Проект по противодействию кражам.

До 2013 года в области, как и в целом по стране, ежегодно увеличивалось количество совершенных краж, их удельный вес в структуре общей преступности достиг 70 %.

На протяжении двух лет с 2013 по 2014 годы прокуратурой области проведена серьезная работа по разработке на основе глубокого анализа ряда координирующих мер по противодействию кражам чужого имущества в регионе. Результатом этой работы стало принятие и реализация совместно с акимами, уполномоченными государственными и правоохранительными органами, общественными организациями и представителями бизнеса Костанайской области Проекта по противодействию кражам (далее – Проект).

Проект предусматривает разработку и реализацию ежегодных Планов по 10 основным направлениям (вопросам), каждый из которых предусматривает проведение конкретных мероприятий по их разрешению с указанием исполнителей, сроков и планируемых результатов после их исполнения.

Первый Межведомственный план мероприятий по противодействию кражам чужого имущества был презентован прокуратурой области и затем принят 23 апреля 2014 года на совещании с участием акима Костанайской области, акимов городов и районов, руководства правоохранительных и государственных органов, представителей общественности.

Работа продолжилась в 2015 году, когда 15 апреля 2015 г. с учетом нарабатанной практики прокуратурой области совместно с акимом, ДВД, УК-ПСиСУ, НДП «Нур Отан» и Палатой Предпринимателей области был утвержден Межведомственный План мероприятий по защите прав собственности и борьбе с кражами чужого имущества на 2015-2016 годы.

Благодаря совместной скоординированной работе представителей государственных и правоохранительных органов, общественных объединений, бизнес структур и граждан были достигнуты существенные успехи практически по всем направлениям Проекта.

В целях улучшения социальных условий проведена большая работа по трудоустройству.

Создано 7 385 новых рабочих мест, трудоустроено 3 051 безработных лиц и 76 лиц, освобожденных из мест лишения свободы, обеспечено оказание материальной помощи 2 714 семьям с низким достатком.

Данный результат был достигнут, в том числе и благодаря правильному применению на местах Дорожной карты занятости – 2020 и Карты индустриализации.

К примеру, в 2014 году в рамках Дорожной карты занятости трудоустроено 12 087 человек (в 2013 году – 3 303 человека, увеличение на 265,9%). За 2015 года трудоустроено 9 598 (9 904) человек, наибольшее предпочтение отдавалось малоимущим и социально неустроенным гражданам.

По Карте индустриализации в регионе введено в эксплуатацию 3 проекта на общую сумму 3,8 млрд. тенге, создано 109 рабочих мест.

Помимо реализации республиканских программ занятости на местах целенаправленно выделялись бюджетные средства и создавались общественные рабочие места, проводилось профессиональное обучение и переобучение социально-уязвимых слоев населения и лиц, проходящих ресоциализацию.

Так в 2014 году создано 4 599 рабочих мест, прошли обучение и переобучение 747 человека, в 2015 года – 3 932 места и 470 человек соответственно.

Проведена работа по устранению криминогенных факторов, способствующих и облегчающих совершение краж, выявлены уязвимые для совершения краж места, пересмотрены маршруты патрулирования ОВД.

В 2014 году на улицах, в торговых центрах, во дворах и подъездах домов области установлено 974 камеры видеонаблюдения, 6 464 домофона, 45 домов оснащены службами консьержей, к охране правопорядка привлечено 68 охранных структур, 76 общеобразовательных учреждений оснащены камерами видеонаблюдения.

В 2015 году в областном центре установлены домофоны в 1005 многоэтажных домах, организована служба консьержей в 11 домах. Активизирована работа ЦОУ в г. Костанай и г. Рудный (задействовано 263 камеры наружного наблюдения), в торговых точках, развлекательных местах, в домах размещено порядка 3 400 видеокамер.

Совместно с Палатой предпринимателей проведена разъяснительная кампания, по результатам которой бизнес структуры поставили на пультовую охрану 339 коммерческих объекта и открыли 34 охраняемых автостоянки.

Осуществлены паспортизация и клеймение всего поголовья скота, организован его централизованный выпас, в результате кражи скота сократились на 32%.

Организована широкомасштабная праворазъяснительная работа по повышению гражданской ак-

тивности и формированию в обществе «нулевой» терпимости к правонарушениям и преступлениям, в рамках которой проведено 334 схода с населением, распространено 179 535 листовок-буклетов, организовано 79 выступлений в средствах массовой информации. По инициативе прокуратуры области разработан и транслируется видеоролик, распространяются буклеты на тему предупреждения краж, в местах скопления людей установлено 8 информационных баннеров.

Результатом реализации проекта на протяжении 2-х лет стало снижение количества совершенных краж по Костанайской области, что подтверждается данными статистики (рис. 1, 2).

Как видно из представленных диаграмм, по сравнению с 2013 годом в 2014 году количество краж чужого имущества в Костанайской области

снизилось на 9,1% (с 17 530 до 15 942). В том числе на 10,5% уменьшилось количество квартирных краж (с 4 132 до 3 698), на 25,5% краж скота (с 694 до 517) на 23,7% краж сотовых телефонов (с 5 017 до 3 828).

В 2015 году в регионе количество зарегистрированных краж чужого имущества уменьшилось на 12,1% (с 15 942 до 14 004). Количество квартирных краж сократилось на 14,9% (с 3 473 до 2 955), краж скота на 5 % (с 476 до 452), краж сотовых телефонов на 35,3% (с 3 503 до 2 265).

На основании всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

Эффективная и целенаправленная профилактика краж способна оказать большое влияние как на уровень преступности в целом, так и на показатель

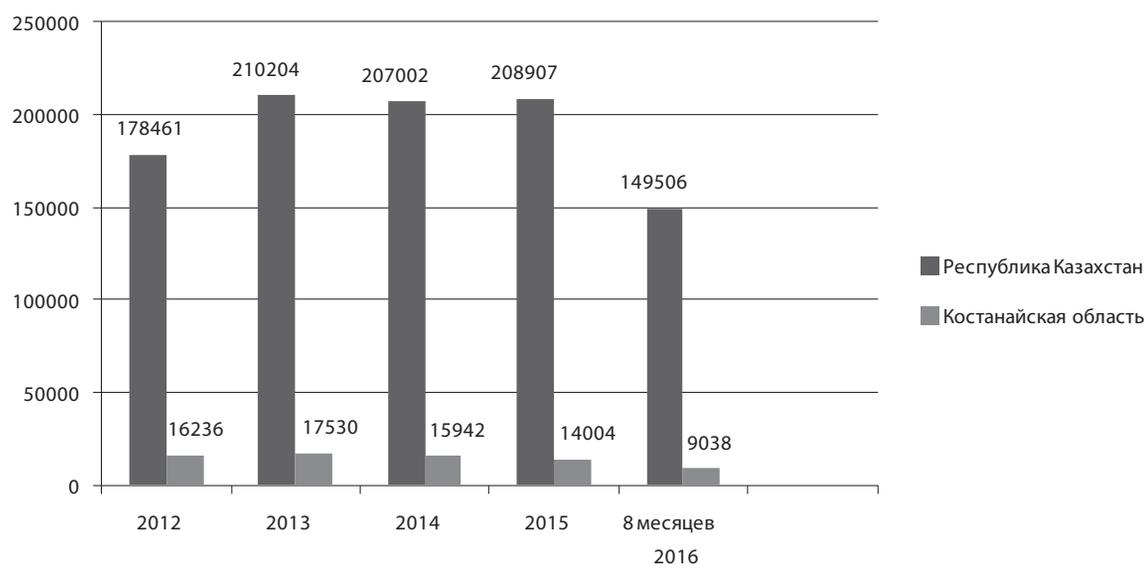

Рис. 1. Количество краж по Республике Казахстан и Костанайской области за период с 2013 по 2016 годы

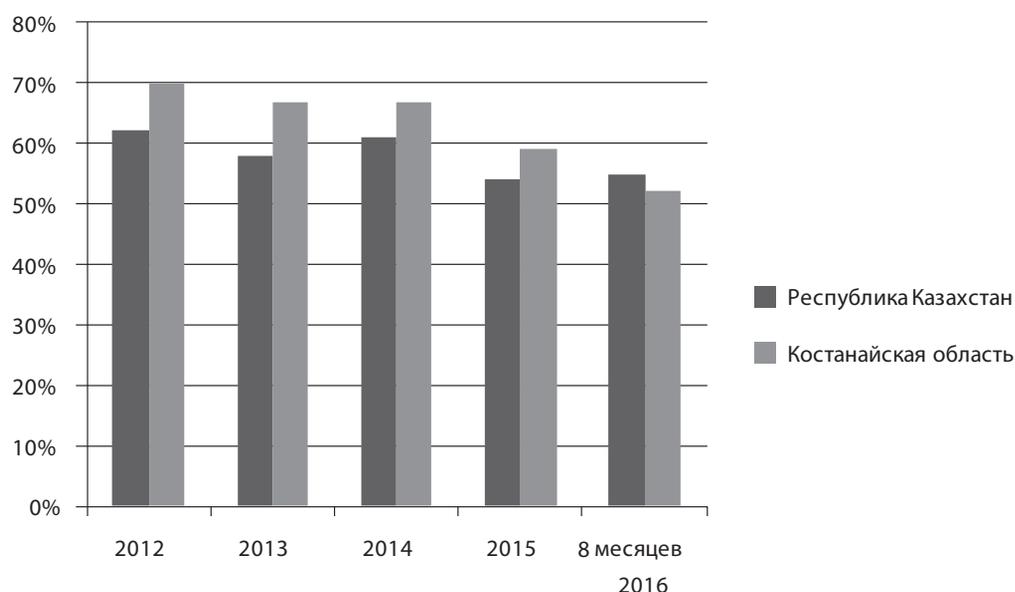

Рис. 2. Удельный вес краж в общем количестве преступлений по Республике Казахстан и Костанайской области за период с 2013 по 2016 годы

доверия граждан к государству и правоохранительным органам.

Существенную роль в профилактике краж играет деятельность органов прокуратуры, эффективным направлением которой может стать разработка

и принятие на региональном и республиканском уровне межведомственных программных документов, которые позволят всем заинтересованным органам предпринять комплексные скоординированные меры для достижения поставленных целей.

Список литературы

1. *Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я.* Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М.: Норма, 2001.
2. *Алексева Е.А.* Предупреждение квартирных краж в России и за рубежом: сравнительное криминологическое исследование [Текст] / Е.А. Алексеева: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013.
3. *Боков А.В.* Организация борьбы с преступностью. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003.
4. *Долгова А.И.* Проблемы разработки стратегии борьбы с преступностью // Преступность: стратегия борьбы. М., 1997.
5. *Зелинский А.Ф.* Значение нормы уголовного права для предупреждения преступлений. Автореферат дисс. канд. юрид. наук. М., 1966.
6. Криминология. Учебник / Аванесов Г.А.. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1984.
7. Криминология: Учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Юристъ, 1995.
8. Криминология: Учебник / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
9. Криминология: Учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова, 27е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006.
10. Криминология: учебное пособие под ред. Кузнецовой Н.Ф. М., 2008.
11. *Лекарь А.Г.* Профилактика преступлений / А. Г. Лекарь. М.: Юридическая литература, 1972.
12. *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Волтерсклувер, 2005.
13. *Михайленко П.П., Гельфанд И.А.* Предупреждение преступлений – основа борьбы за искоренение преступности. М.: Юридическая литература, 1964.
14. *Ширяев А.С.* Криминологическая характеристика современных краж и их предупреждение. [Текст] / А.С.Ширяев: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

Reference list

1. *Alekseev A., Gerasimov S., Sukharev A.* The criminological prevention: Theory, experience, issues. M.: Norma, 2001.
2. *Alekseeva E.* Warning burglaries in Russia and abroad: The comparative criminological study [Text] / E. Alekseeva: Thesis of PhD in Law. Omsk, 2013.
3. *Bokov A.* The organization of combating crime. Monograph. M.: YUNITIDANA, Law and Right, 2003.
4. *Dolgova A.* Problems of strategy elaboration of combating crime // Criminology: Combating strategy. M., 1997.
5. *Zelinskiy A.* The significance of the criminal law norms to prevent crimes. Synopsys of a thesis of PhD in Law. M., 1966.
6. Criminology. Textbook / Avanesov G. 2nd edition, revised and enlarged. M.: Publishing office of the Academy of Internal Affairs of the USSR, 1984.
7. Criminology: Textbook / Under the editorship of V. Kudryavtsev, V. Eminov. M.: Yurist, 1995.
8. Criminology: Textbook / Under the editorship of N. Kuznetsov, V. Luneev. 2nd edition, revised and enlarged. M., 2004.
9. Criminology: Textbook for higher education institutions / Under the editorship of Professor V. Malkov, 27th edition, revised and enlarged. M.: CJSC "Yustitsinform", 2006.
10. Criminology: Textbook / Under the editorship of Kuznetsova N. M., 2008.
11. *Lekar' A.* Crimes prevention / A. Lekar'. M.:Yuridicheskaya Literatura, 1972.
12. *Luneev V.* The criminality of the twentieth century: Global, regional and Russian trends / V. Luneev. 2nd edition, revised and enlarged. M.: WoltersKluwer, 2005.
13. *Mikhaylenko P., Gel'fand I.* The crimes prevention is the basis for combating crime. M.: Yuridicheskaya Literatura, 1964.
14. *Shiryayev A.* The criminological characteristics of contemporary theft offences and how to prevent them. [Text] / A. Shiryayev: Thesis of PhD in Law. Rostov-on-Don, 2006.

УДК 341.1/8; 34.09

Киселева Е.В.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права
Российского университета дружбы народов

Мамаева Е.Н.,

магистрант кафедры международного права Российского университета дружбы народов

АНТИСЕМЕЙНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УНИВЕРСАЛЬНОМ УРОВНЕ¹

В международном праве отсутствует определение семьи, но содержится ряд норм относительно ее принципиальных основ, прежде всего в правозащитной сфере. Преобладающее большинство государств придерживается традиционных воззрений на семью как на «естественную и основную ячейку общества», что закреплено в действующих международных договорах. Несмотря на это, последние десятилетия на универсальном уровне ведется масштабная работа по изменению представлений о норме и отклонениях, связанных с браком и семьей. В статье рассмотрена деструктивная практика в этом направлении на примерах документов ООН, ВОЗ, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ, а также договорных органов по защите прав человека.

Ключевые слова: международное право, защита прав человека, семья, традиционные ценности, ЛГБТ

Kiseleva E.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of International Law of Peoples' Friendship University of Russia

Mamaeva E.,

Master's student of Chair of International Law of Peoples' Friendship University of Russia

ANTI-FAMILY ASPECTS OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS PROTECTION ACTIVITIES AT THE UNIVERSAL LEVEL

There is no definition of a family in international law, however, international law provides for the fundamental principles regarding a marriage and family, primarily in the human rights field. The vast majority of states are adhering to traditional views on a family tackling the latter as a "natural and fundamental group unit of society", and this is reflected in international treaties in force. In spite of that, the recent decades witness a large-scale work at the universal level, aimed at changing the conceptions of a norm and deviations in relation to marriage and family. In the present article the destructive practice through the UN, WHO, UNESCO, UNICEF documents and publications, as well as of human rights treaty bodies in the said direction is considered.

Keywords: international law, human rights protection, family, traditional values, LGBT

Международное право не знает легального определения семьи, хотя вопросы брачно-семейных отношений нашли свое отражение во многих международных документах декларативного и юридически обязывающего характера универсального и регионального уровней. Данная статья посвящена отдельным аспектам правозащитной работы ряда международных структур, идущим в разрез с традиционным пониманием семьи большинством государств.

Прежде всего, отметим, что такие старомодные понятия как «нравственность», «справедливость»,

«традиционные ценности» не являются аллегорией или атавизмом, наоборот, они составляют неотъемлемую часть духа и буквы международно-правовых актов о защите прав человека, которые были приняты в XX веке и которыми государства руководствуются донныне. Например, международные договоры указывают, что права и свободы человека и гражданина связаны с его обязанностями и ответственностью перед обществом, и большинство прав и свобод может ограничиваться законом тогда, когда это необходимо для защиты общественного порядка, здоровья и нравственности населения. Так, в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-33-01040.

1966 г. указано, что несмотря на то, что «каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений» (п. 1), «пользование ... правами налагает особые обязанности и особую ответственность; оно может быть ... сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения» (п. 3). В п. 2 ст. 32 Американской Конвенции о правах человека 1969 г. заявлено, что «права каждого лица ограничены правами других лиц, благополучием всех и справедливыми требованиями общего благосостояния в демократическом обществе».

Термин «традиционные ценности», помимо дискуссий последнего времени [8; 18], использовался в региональных документах по правам человека и прежде: в п. 3 ст. 17 Африканской хартии прав человека и народов 1981 г. (Найроби, 26 июня 1981 г.) предусмотрено, что «развитие и охрана моральных и традиционных ценностей, признанных обществом, являются обязанностью государства». В п. 2 ст. 18 того же документа заявлено, что «обязанностью государства является оказание помощи семье, которая является хранителем морали и традиционных ценностей, признанных обществом». В свою очередь, в п. 1 ст. 18 сказано, что семья является «естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства».

Еще ранее подобное положение признали такие универсальные документы по правам человека, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (п. 3 ст. 16 и п. 1 ст. 23 соответственно), а за ними и региональные – п. 1 ст. 17 Американской Конвенции о правах человека 1969 г. (Сан-Хосе, 22 ноября 1969 г.) и, как уже было отмечено выше, Африканская хартия прав человека и народов 1981 г. Примечательно, что такого пункта нет в Европейской Конвенции по правам человека 1950 г. (Рим, 4 ноября 1950 г.), однако в ее ст. 12 указано, что «мужчины и женщины, достигшие брачного возраста» имеют право вступить в брак и основывать семью.

В Декларации и Пакте (п. 1 ст. 16 и п. 2 ст. 23, соответственно) подтверждается это право, а также в п. 2 ст. 17 Американской Конвенции о правах человека, в последней также заявлено, что «... признается право основывать семью при удовлетворении условий, предусмотренных внутренним законодательством, с учетом того, что такие условия не затрагивают принцип недискриминации...».

Нормы международного права признают лишь такую, естественную семью, основанную на брачном союзе мужчины и женщины и направленную на рож-

дение и воспитание детей. Они прямо утверждают, что семья, построенная на браке мужчины и женщины, «является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства».

Все основополагающие международные договоры и документы, на основании которых действует такая авторитетная организация, как Организация Объединенных Наций (ООН) безусловно признают значение семьи. Тем не менее все чаще деятельность ООН и связанных с ней структур подвергается справедливой критике за навязывание государствам разрушительных стандартов в семейной сфере. Пропаганда этими организациями брачно-семейных прав сексуальных меньшинств, обязательного сексуального просвещения детей есть прямое разрушение традиционной семьи. Традиционной семье, которая является ключевым элементом любого общества, в ООН уделяется недостаточно внимания.

В данной связи необходимо отметить, что важную роль в процессе легализации однополых союзов, и, как следствие, отрицании традиционных семейных ценностей, для мирового сообщества сыграла Каирская конференция по народонаселению и развитию 1994 г., организованная и проведенная под эгидой ООН. Так, в докладе Каирской конференции в разделе «Семья, её функции, права, состав и структура» утверждается следующее: «хотя для различных социальных, культурных, правовых и политических систем присущи разные типы семьи, семья является основной ячейкой общества и как таковая имеет право на всестороннюю защиту и поддержку», однако далее говорится: «семья принимает различные формы в зависимости от культурных, политических и социальных систем» [4]. Бесспорно, подобная формулировка наводит на мысль о легитимизации однополых союзов.

Следующим важным шагом в этом направлении стало принятие в 2008 г. на шестьдесят третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН Декларации по вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности [15]. Несмотря на то, что Декларацию подписали только треть стран-членов ООН (66 из 192; США, Россия и Китай не подписали), это привело к повсеместному усилению защиты прав лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров (ЛГБТ); были приняты многочисленные законы, предусматривающие наказание за преступления на почве гомофобии, а также признающие однополые отношения и связанные с ними семейные права.

В июле 2013 г. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ ООН) запустило новую глобальную «просветительскую» кампанию «Свободные и равные» («Free & Equal»), также направленную на защиту прав ЛГБТ. Кроме того, в послед-

ние годы УВКПЧ ООН опубликовало ряд руководств и публичных информационных материалов, включая информационные листки, буклеты и короткие видеоролики; так оно пытается вовлечь государства в диалог относительно расширения защиты прав ЛГБТ и подобных лиц (интерсексуалов и проч.).

В своём ежегодном докладе от 4 мая 2015 г. Верховный комиссар по правам человека настоятельно рекомендует всем государствам предоставлять юридическое признание однополым парам и их детям и обеспечивать, чтобы льготы, предоставляемые традиционно парам, состоящим в браке, предоставлялись на недискриминационной основе (A/HRC/29/23 от 4 мая 2015 г., п.79).

Несмотря на то, что Совет ООН по правам человека активно ведет работу по проблематике традиционных ценностей (по инициативе Российской Федерации было принято три резолюции на тему: «Поощрение прав человека и основных свобод путем более глубокого понимания традиционных ценностей человечества»: A/HRC/RES/12/21, A/HRC/RES/16/3, A/HRC/RES/21/3), тем не менее, проблема расширения прав ЛГБТ включена в число приоритетных вопросов деятельности Совета [8; 9].

В Докладе Рабочей группы по вопросу о дискриминации в отношении женщин в законодательстве и на практике от 2 мая 2015 г. подтверждается, что на сегодняшний день «существуют различные формы семьи, в том числе и семьи ЛГБТ» (A/HRC/29/40, п. 23). По мнению Рабочей группы, толкование и юридическое определение термина «семья» в национальных законодательствах следует расширить, чтобы обеспечить признание всего разнообразия форм семьи. В документе говорится, что примером позитивной практики, которая уже претворена в жизнь в ряде государств, является признание однополых семейных пар как для женщин, так и для мужчин, равно как и признание других форм семьи.

Договорные органы ООН также зачастую продвигают элементы антисемейной политики. Как известно, важным аспектом деятельности комитетов являются подготовка и принятие замечаний общего порядка, которые разъясняют положения существующих договоров [19; 1]. Эти замечания не имеют юридически обязывающего характера, однако являются инструментом «мягкого права», принимаются во внимание государствами и органами ООН и учитываются самими договорными органами при вынесении рекомендаций по докладам государств-участников.

Так, например, в судебной практике Комитета по правам человека (КПЧ) необходимо отметить дело *Тунен против Австрии* 1994 г. (сообщение № 488/1992, решение от 31 марта 1994 г.) [3]. В своём решении КПЧ заявил, что половые установки, половая ориентация и жизнь относятся к понятию частной

жизни; было установлено, что закрепленный в законе запрет на гомосексуальные отношения между взрослыми мужчинами, действующими по взаимному согласию, даже без конкретного применения этого закона, является вмешательством в частную жизнь заявителя.

В сравнительно недавнем деле Федотова против Российской Федерации 2012 г. (сообщение № 1932/2010, решение от 31 октября 2012 г.) КПЧ признал, что привлечение активистки Ирины Фет к административной ответственности за «публичные действия, направленные на пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних» противоречило Пакту, поскольку тем самым были нарушено право на свободу выражения мнений (ст. 19) и запрет дискриминации (ст. 26). Комитет отметил, что проведенное российскими властями различие – установление административной ответственности за «пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних» при отсутствии аналогичной ответственности за пропаганду гетеросексуальности или сексуальности в целом – не имеет разумного и объективного оправдания. Как признал Комитет, «демонстрируя плакаты возле здания школы, заявительница не осуществляла никаких публичных действий, направленных на вовлечение несовершеннолетних в какие бы то ни было сексуальные действия, и не выступала в поддержку какой-либо конкретной сексуальной ориентации. Напротив, она выражала свою сексуальную идентичность и требовала понимания в этом отношении» [14].

Хотя по международному праву от государств не требуется признавать однополые браки [22], Комитет по экономическим, социальным и культурным правам (КЭСКП) «обеспокоен тем, что однополые пары не имеют юридического признания и отсутствуют правовые рамки защиты прав таких пар» и «призывает государства предусмотреть юридическое признание однополых пар» (п. 17) [11; 7].

Комитет ООН по правам ребенка (КПР) в своих заявлениях и замечаниях многократно косвенно продвигал концепцию о необходимости принятия национальных законов, защищающих от дискриминации гомосексуальные отношения, толкуя их как нормы международного права, и это несмотря на то, что в отношении однополых браков отсутствует установившейся межгосударственный консенсус.

Так, в 2014 г. в ходе своей 65-й сессии КПР рассмотрел периодический доклад России о соблюдении Конвенции и представил заключительные замечания к нему. В п. 24 «Комитет обеспокоен недавно принятым законодательством государства-участника, запрещающим «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений», далее «Комитет рекомендует государству-участнику отменить свои законы, запрещающие пропаганду гомосексуальности» (п. 25) [5].

Кроме того, Комитет не раз требовал от государств осуществлять сексуальное образование детей вне зависимости от согласия их родителей и изменять национальные законы, чтобы обеспечить доступ детей к услугам в области репродуктивного здоровья без ведома и согласия их родителей, что противоречит закрепленному Конвенцией о правах ребенка 1989 г. праву родителей воспитывать детей в соответствии с собственными убеждениями [16; 20].

Так, в своём Замечании общего порядка № 3 (2003) «ВИЧ/СПИД и права ребёнка» [10] сделано упоминание на обязательстве предоставления государствами обучения и информации на тему сексуальности: «Адекватные меры по борьбе с ВИЧ/СПИДом могут быть приняты лишь в том случае, если будут полностью соблюдаться права детей и подростков ... к наиболее актуальным в этом плане правам относятся следующие права: ... право на профилактическую медицинскую помощь, половое воспитание и на просвещение и услуги в области планирования размеров семьи...» (п. 6). Кроме того, в документе также заявлено, что «особое беспокойство вызывает дискриминация по признаку пола в сочетании с запрещением половых контактов девочек либо с отрицательным или осуждающим отношением к ним: по этой причине нередко ограничивается их доступ к профилактическим мерам и другим услугам» (п. 8).

В Замечании общего порядка № 4 (2003) «Здоровье и развитие подростков в контексте Конвенции о правах ребенка» прописано, что «государства-участники должны обеспечить подросткам доступ к надлежащей информации, независимо от их семейного положения и наличия согласия со стороны их родителей или опекунов» (п. 28).

В октябре 2015 г. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ) рассмотрел восьмой периодический доклад Российской Федерации по исполнению положений Конвенции по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [2]. В диалоге РФ с Комитетом, последний выразил серьезную обеспокоенность чрезмерным упором на семью и деторождение в России, т.к. по мнению экспертов КЛДЖ, это может усиливать традиционные гендерные стереотипы и «чрезмерное внимание на семью может иметь негативные последствия».

Таким образом, мы видим, что в многочисленных документах Комитетов говорится о необходимости признать однополые «браки» и пересмотреть законы и практику, якобы притесняющие в этой части ЛГБТ, хотя абсолютное большинство государств остаются вполне традиционными в вопросах семьи, ведь в праве и практике внутригосударственного регулирования следование описанным «новаторским толкованиям» комитетов по правам человека характерно лишь менее, чем для четверти государств и терри-

торий, если судить, например, по числу признающих «однополые партнерства».

Специализированные учреждения ООН все больше интегрируют проблемы сексуальной ориентации и гендерной идентичности в программы своей работы, и в том числе в сферах развития, образования, трудовых прав, прав ребенка, гендерного равенства, защиты беженцев, ВИЧ и здравоохранения [21].

В 2010 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) разработала рамочный документ для лиц, определяющих политику, руководителей и специалистов в области образования и здравоохранения. Это так называемые Стандарты полового (сексуального) воспитания/просвещения Европейского регионального бюро ВОЗ и ФЦПСЗ (2010 год) [24]. В предисловии к документу говорится: «Сексуальное образование является частью более общего образования и, соответственно, влияет на развитие личности ребенка. Его профилактический характер не только содействует предотвращению негативных последствий, связанных с сексуальностью (нежелательные аборты, СПИД), но и может способствовать улучшению качества жизни, здоровья и благополучия. Таким образом, сексуальное образование способствует общему укреплению здоровья».

В стандартах утверждается, что сексуальное просвещение должно начинаться с младенческого возраста. В предъявленных разнообразных таблицах объясняется, что именно должен знать ребенок (по годам). Например, в дошкольном возрасте дети уже должны хорошо знать, что такое половой акт и уметь рассказывать о сексуальном удовольствии. Согласно таким стандартам написаны учебники по сексуальному просвещению, по которым уже учатся европейские дети. Учебники эти сопровождаются подробными иллюстрациями и наглядными пособиями [24].

Стоит подчеркнуть, что ВОЗ – это специализированное учреждение ООН, ставящее в преамбуле Устава своей целью «достижение всеми народами возможно высшего уровня здоровья» [17, с. 42-44]. Такие «нестандартные» стандарты сексуального просвещения были разработаны ВОЗ для того, чтобы подать их под благовидными предложениями заботы о развитии ребенка и укрепления его здоровья.

Годом ранее, в 2009 году другое специализированное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) совместно с другими учреждениями ООН опубликовало «Техническое руководство по сексуальному просвещению» [13]. Основные положения документа следующие: «сексуальные отношения – это важнейшая сторона человеческой жизни, имеющая физические, психологические, духовные, социальные, экономические, политические и культурные аспекты» и «разнообразие – это важнейшая черта сексуальной жизни» [13]. В целом, и стан-

дарты, и руководство частично совпадают, но документ ЮНЕСКО предлагает общемировые «рекомендации», а «стандарты» ВОЗ – конкретно для Европы.

В ноябре 2014 года Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) опубликовал документ с изложением своей позиции, озаглавленный «Искоренение дискриминации детей и родителей по признаку сексуальной ориентации и/или гендерной идентичности» [23]. В нём ЮНИСЕФ, в частности, дает свои определения понятий «сексуальная ориентация» и «гендерная идентичность», осуждает законы различных стран, «криминализирующие» гомосексуальное поведение и пропаганду гомосексуализма, призывает к изменению социальных норм, а также выражает официальную поддержку законодательного признания однополых союзов, мотивируя это «заботой о правах детей» [См. работу трех докторов юридических наук, подробно доказывающую международно-правовую несостоятельность подобной позиции: 12].

Как мы видим, многие явления и тенденции, опасные и разрушительные для семьи, поддерживаются на уровне наиболее влиятельной в разных отношениях Организации Объединенных Наций. ООН и структуры, входящие в ее систему в широком смысле, навязывают

государствам такие концепции брака, которые противостоят не просто традициям большинства обществ стран-членов ООН, но и обязательствам государств по международному праву, принятым в реализацию государственного суверенитета, поскольку ни один универсальный международный договор ООН не содержит определения семьи как охватывающей сожительства ЛГБТ [6].

В этой связи, нелишне вспомнить, что международное право, с учетом его согласительной природы, закрепляет обязательства государств, молчаливо или явно выраженным образом принятые, и не может связывать государства в том, на что согласия государства нет. Другими словами, уважение суверенного равенства государств и невмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств, ограничивают правомерное влияние одних государств, их групп на другие государства и группы государств, даже через международные межправительственные организации, просветительской работой (но не с населением непосредственно, а с государством!) и исключают навязывание государству каких-либо позиций или искажение существующих международно-правовых обязательств, например, путем недобросовестного толкования.

Список литературы

1. *Абашидзе А.Х., Конева А.Е.* Договорные органы по правам человека: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РУДН, 2015.
2. Восьмой периодический доклад государств-участников, подлежащий представлению в 2014 году Российской Федерация (CEDAW/C/RUS/8) 14 августа 2014 г. – URL: http://tbineternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW/C/RUS/8&Lang=en (дата обращения: 02.11.2015).
3. *Гуреева Д.Н.* Вопросы дискриминации ЛГБТ в практике договорных (контрольных) органов ООН по защите прав человека. Магистерская диссертация, науч. рук. Е.В.Киселева. М.: РУДН, 2015.
4. Доклад Международной конференции по народонаселению и развитию, Каир, 5-13 сентября 1994 г. – URL: https://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/icpd_rus.pdf (дата обращения: 05.11.2015).
5. Заключительные замечания по объединенным четвертому и пятому периодическим докладам Российской Федерации, 25 февраля 2014 г. (CRC/C/RUS/CO/4-5). – URL: https://www1.umn.edu/humanrts/russian/crc/Russia_2014.html (дата обращения: 02.11.2015).
6. *Киселева Е.В.* «Дискриминация» ЛГБТ и защита семьи экономическими средствами: международно-правовые аспекты // Традиционные ценности – основа современного международного права: Материалы круглых столов 11 апреля и 30 октября 2015 г. в рамках XIII Международного конгресса «Блищенковские чтения» / Под общ. ред. А.Х. Абашидзе, Н.С. Семеновой, Е.В. Киселевой. М.: Издательский дом «Покров ПРО», 2016. С. 54-58.
7. *Киселева Е.В.* Искажение текстов международных договоров как методология продвижения прав ЛГБТ // Гендерные аспекты и традиционные ценности в свете международного права: Материалы круглых столов 12 апреля и 10 октября 2014 г. в рамках XII ежегодной международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И.П. Блищенко / Под ред. А.Х.Абашидзе, Н.С.Семеновой, Е.В.Киселевой, Е.С.Алисиевич. М.: Покров ПРО, 2015. С. 85-93.
8. *Киселева Е.В.* Традиционные ценности и проблемы ЛГБТ в резолюциях Совета по правам человека // Евразийский юридический журнал. М.: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2015, № 6 (85). С. 304-308.
9. *Киселева Е.В.* Традиционные ценности и проблемы ЛГБТ в резолюциях Совета ООН по правам человека // Евразийский юридический журнал. М.: Евразийский научно-исследовательский институт проблем права, 2015, № 5 (84). С. 47-50.
10. Комитет по правам ребенка. Замечание общего порядка № 3 (2003). ВИЧ/СПИД и права ребенка. – URL: <https://www1.umn.edu/humanrts/russian/crc/Rcrrcomm3.html> (дата обращения: 04.11.2015).
11. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Заключительные замечания Комитета по экономическим, социальным и культурным правам по объединенным четвертому и пятому докладам Бол-

- гории, принятые Комитетом на его сорок девятой сессии (12-30 ноября 2012 года) E/C.12/BGR/CO/4-5. – URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cescr/docs/E.C.12.BGR.CO.4-5.pdf> (дата обращения: 03.11.2015).
12. Кузнецов М., Михалева Н., Понкин И. О нарушениях прав детей при их «усыновлении» гомосексуальными союзами (однополоыми партнерствами). URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/10/10/o_narusheniyah_prav_detej_pri_ih_usynovlenii_gomoseksualnymi_soyuzami_odnopolymi_partnerstvami/ (дата обращения: 19.01.16).
13. Международное техническое руководство по половому просвещению. Часть 1. Обоснование необходимости полового просвещения – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001832/183281r.pdf> (дата обращения: 05.11.2015).
14. Международные стандарты в области прав человека и недискриминации по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности: сб. док. / [сост. К. А. Кириченко]. М.: Московская Хельсинкская группа, 2013. 84 с.
15. Письмо постоянных представителей Аргентины, Бразилии, Габона, Нидерландов, Норвегии, Франции, Хорватии и Японии от 18 декабря 2008 года на имя Председателя Генеральной Ассамблеи (A/63/635). – URL: <https://www.outrightinternational.org/sites/default/files/313-1.pdf> (дата обращения: 05.11.2015).
16. Семенова Н.С. Международно-правовая защита традиционных ценностей: реализация права на образование // Обозреватель-Observer. 2014. № 7. С. 34-43.
17. Семенова Н.С. Международно-правовые основы права на здоровье в свете традиционных ценностей: Учебное пособие. М.: Издательский дом «Покров ПРО», 2015.
18. Семенова Н.С. Традиционные ценности – камень преткновения XXI века: международно-правовой подход // Закон и право. 2014. №11. С. 19-22.
19. Солнцев А., Конева А. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах // Международное правосудие. 2013. №4 (8). С. 82-93.
20. Солнцев А.М., Конева А.Е. Международные обязательства Российской Федерации в сфере защиты прав детей в свете деятельности международных универсальных и региональных контрольных органов по правам человека // Евразийский юридический журнал. 2013. № 10. С. 38 -42.
21. “The Role of the United Nations in Combatting Discrimination and Violence against Individuals Based on Sexual Orientation and Gender Identity”, OHCHR, 2014.
22. Human Rights Committee, 30th of July, 2002 (CCPR/C/75/D/902/1999).
23. UNICEF. Position Paper № 9 (November, 2014). Eliminating Discrimination Against Children and Parents Based on Sexual Orientation and/or Gender Identity.
24. WHO Regional Office for Europe and BZgA Standards for Sexuality Education in Europe. A framework for Policy Makers, Educational and Health Authorities and Specialists, 2010.

Reference list

1. Abashidze A., Koneva A. The human rights treaty bodies: Textbook. The revised and enlarged second edition. М.: PFUR, 2015.
2. The Eighth Periodic Report of States – Parties to be submitted in 2014, the Russian Federation (CEDAW/C/RUS/8) 14th of August, 2014. URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW/C/RUS/8&Lang=en (date of access: 02.11.2015).
3. Gureeva D. The issues of discrimination against LGBT in practice of contractual (control) UN bodies for the protection of human rights. Master’s thesis. Thesis mentor E. Kiseleva. М.: PFUR, 2015.
4. The Report of the International Conference on Population and Development, Cairo, 5th-13th of September, 1994. URL: https://www.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/icpd_rus.pdf (date of access: 05.11.2015).
5. Concluding Observations on the Combined Fourth and Fifth Periodic Reports of the Russian Federation, 25th of February, 2014. (CRC/C/RUS/CO/4-5). – URL: https://www1.umn.edu/humanrts/russian/crc/Russia_2014.html (date of access: 02.11.2015).
6. Kiseleva E. The “Discrimination” of the LGBT people and protection of the family economic resources: International legal aspects // Traditional values –the principle of contemporary international law: Proceedings of Round tables on 11th of April and 30th of October, 2015 in the frameworks of the XIII International Congress “Blishchevskie chteniya” / Under the general editorship of A. Abashidze, N. Semenova, E. Kiseleva. М.: Publishing house “Pokrov PRO”, 2016. P. 54-58.
7. Kiseleva E. Misrepresentation of the methodology of promoting LGBT rights // Gender perspectives and traditional values in a view of international law: Proceedings of the I. Blishchenko Memorial Round tables of 12th of April and 10th of October, 2014 in the frameworks of the XII annual international scientific-practical conference “Actual issues of contemporary international law” / Under the editorship of A. Abashidze, N. Semenova, E. Kiseleva, E. Alisievich. М.: Pokrov PRO, 2015. P. 85-93.
8. Kiseleva E. The traditional values and concerns of the LGBT people in the Council on Human Rights resolutions // Eurasian Law Journal. М.: The Eurasian Scientific Research Institute of Law Problems, 2015, № 6 (85). P. 304-30.
9. Kiseleva E. The traditional values and the LGBT issues in the resolutions of the UN Council on Human Rights // Eurasian Law Journal. М.: The Eurasian Research Institute of Law Problems, 2015. №. 5 (84). P. 47-50.

10. The Committee on the Rights of the Child. The General Comment №. 3 (2003). HIV/AIDS and the Rights of the Child. – URL: <https://www1.umn.edu/humanrts/russian/crc/Rcrcomm3.html> (date of access: 04.11.2015).
11. The Committee on Economic, Social and Cultural Rights. Concluding observations of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights Combined Fourth and Fifth Reports of Bulgaria, Adopted by the Committee at Its Forty-Ninth Session (12th -30th of November, 2012) E/C. 12/BGR/CO/4-5. – URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cescr/docs/E.C.12.BGR.CO.4-5.pdf> (date of access: 03.11.2015).
12. *Kuznetsov M., Mikhaleva N., Ponkin I.* On violations of children's rights in their "adoption" by homosexual family unions (same-sex partnerships). URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/10/10/o_narusheniyah_prav_detej_pri_ih_usynovlenii_gomoseksualnymi_soyuzami_odnopolymi_partnerstvami/ (date of access: 19.01.16).
13. The International Technical Guidance on Sexuality Education. Part 1. Rationale Sexuality Education – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001832/183281r.pdf> (date of access: 05.11.2015).
14. The international standards of human rights and non-discrimination on grounds of sexual orientation and gender identity: Set of documents / [Author K. Kirichenko]. M.: Moscow Helsinki Group, 2013. 84 p.
15. The Letter from the Permanent Representatives of Argentina, Brazil, Gabon, the Netherlands, Norway, France, Croatia and Japan on 18th of December, 2008, Addressed to the President of the General Assembly (A/63/635). –URL: <https://www.outrightinternational.org/sites/default/files/313-1.pdf> (date of access: 05.11.2015).
16. *Semenova N.* The international legal protection of traditional values: Realizing the right to education // *Obozrevatel'-Observer*. 2014. №. 7. P. 34-43.
17. *Semenova N.* The international legal frameworks of the right to health in a view of traditional values: Textbook. M.: Publishing house "Pokrov PRO", 2015.
18. *Semenova N.* The traditional values – the stumbling block of the twenty-first century: The international-legal approach // *Law and Right*. 2014. №. 11. P. 19-22.
19. *Solntsev A., Koneva A.* The legal status of the acts of Treaty bodies on human rights in the national legal systems // *International Justice*. 2013. №. 4 (8). P. 82-93.
20. *Solntsev A., Koneva A.* International obligations of the Russian Federation in the sphere of protection of children's rights in a view of the activities of international universal and regional monitoring bodies on human rights // *Eurasian Law Journal*. 2013. №. 10. P. 38-42.
21. "The Role of the United Nations in Combating Discrimination and Violence against Individuals Based on Sexual Orientation and Gender Identity", OHCHR, 2014.
22. Human Rights Committee, 30 July 2002 (CCPR/C/75/D/902/1999).
23. UNICEF. Position Paper №. 9 (November, 2014). Eliminating Discrimination Against Children and Parents Based on Sexual Orientation and/or Gender Identity.
24. WHO Regional Office for Europe and BZgA Standards for Sexuality Education in Europe. A Framework for Policy Makers, Educational and Health Huthorities and Specialists, 2010.

УДК 349.2

Кудрин С.М.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин филиала Московского института государственного управления и права в Пермском крае

Кудрин А.С.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Философия и право» Пермского национального исследовательского политехнического университета

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ И АНТИПРАВОВОМ ВОЗДЕЙСТВИИ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В статье рассматриваются правовое и антиправовое воздействие как формы реализации социальной власти в трудовых отношениях. Утверждается, что антиправовое воздействие следует обозначить как целенаправленный процесс формирования субъектом социальной власти в лице государства, индивидов и социальных образований модели должного поведения подвластного субъекта в лице индивидов и их групп с точки зрения и в интересах властного субъекта, ухудшающий правовое положение подвластного субъекта, понижающий уровень его правовых гарантий, приводящий в результате к снижению его социального статуса, значимости в общественной жизни, путем принятия властных решений, облеченных как в правовую, так и неправовую форму, выражающийся в нормах и принципах неправа, правовой антикультуре, правоприменительных актах, ухудшающих правовое положение подвластного субъекта.

Ключевые слова: правовое воздействие, антиправовое воздействие, трудовые отношения, государство, работодатели, социальные партнеры

Kudrin S.,

PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of Civil-Legal Disciplines of the Branch of Moscow Institute of Public Administration and Law in Perm Kray

Kudrin A.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair "Philosophy and Law" of the Perm National Research Polytechnic University

REVISITING THE LEGAL AND ANTI-LEGAL IMPACT IN THE LABOUR RELATIONS

This article discusses the legal and anti-legal impact as the forms of implementation of the social power in labour relations. It is considered that the anti-legal impact should be described as a purposeful process of the formation of the social power by a subject, represented by state, individuals and social formations of a model of the dependent subject's normal behavior behalf of individuals and their groups from the power subject's viewpoint and interests, who is exacerbating the dependent subject's legal status, lowering its legal guarantees level, due to leading to lower its social status, an importance in the public life by the way of making power decisions, which are endowed in both legal and anti-legal forms, expressed in the non-law norms and principles, the legal anti-culture, law-enforcement acts, which are exacerbating the legal status of a dependent subject.

Keywords: legal impact, anti-legal impact, labour relations, state, employers, social partners

Правовое воздействие является одним из элементов системы регулирования общественных отношений. Сущностной чертой правового воздействия выступает именно подчиненность одних субъектов другим, либо способность согласования интересов субъектов, возможность одних оказывать решающее влияние на поведение других, направлять его в нужное русло. Тем самым, правовое воз-

действие является одной из форм реализации власти в трудовых отношениях.

Правовое воздействие, являясь процессом, включает в себя три элемента в их диалектическом единстве: субъекты (властный и подвластный), объект (трудовые отношения) и вертикальную или горизонтальную связь между ними, отражающую отношения власти и подчинения, либо возможность согласо-

вания интересов, проявляющиеся через нормы права, правосознание, акты реализации права.

При этом речь идет о принадлежности названных элементов управляющему субъекту (системе), который определяет характер поведения подвластного субъекта.

Правовое воздействие публично-властных субъектов (государства и органов местного самоуправления) на трудовые отношения выражается в принятии общеобязательных предписаний по вопросам регулирования отношений наемного труда (создании трудового законодательства и нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права), а также в осуществлении правоприменительной деятельности (вынесении властных решений по конкретным делам).

Правовое воздействие работодателей на трудовые отношения выражается как посредством правотворчества (например, в принятии локальных нормативных актов, содержащих нормы трудового права, устанавливающих условия труда и т.п.), так и путем правоприменения (например, привлечение работников к дисциплинарной и материальной ответственности за совершение правонарушений, нормировании труда и т.п.).

Посредством правового воздействия реализуют свою социальную власть (международно-правовое воздействие) международные межправительственные организации (ООН, МОТ, Совет Европы, СНГ и др.). Ведущая роль в этом процессе принадлежит Международной организации труда (МОТ). Выражением такого воздействия выступает принятие МОТ актов в виде конвенций, рекомендаций и деклараций. Вместе с тем, деятельность МОТ создает для национальных государств образец (модель) регулирования трудовых отношений для обеспечения необходимых социальных гарантий и уровня жизни наемных работников, к которой государства с учетом экономических возможностей должны стремиться путем имплементации норм международного трудового права в национальное законодательство или гармонизации норм национального трудового права с международными стандартами труда МОТ.

Выражением правового воздействия вышеуказанных субъектов социальной власти выступают, во-первых, нормы права. Т. Н. Радько определяет нормы права как «правила поведения общего характера, регулирующие не конкретный, отдельный случай, а типичные, многократно повторяющиеся жизненные обстоятельства. Поэтому они и являются общими, а не частными правилами, поскольку предназначены для воздействия на типичные факты, события, обстоятельства» [7, с. 11].

В. Н. Хропанюк указывает, что «норма права является образцом (моделью) типового общественного отношения, которое устанавливается государством.

Она определяет границы возможного или должного поведения людей, меру их внутренней и внешней свободы в конкретных взаимоотношениях» [9, с. 227]. Норма права есть результат деятельности государства по упорядочению социальных отношений, обеспечивающий их стабильность и развитие, имеющий формально-определенный характер.

Следующим элементом правового воздействия выступает правосознание. Под правосознанием И. И. Кальной понимает «особое измерение конкретной правовой реальности, которая представлена нормативными правовыми актами, правоприменительными решениями и степенью понимания норм права, адаптации их на поведенческом уровне» [4, с. 85].

К понятию правосознание примыкает явление правовой культуры. Так, по мнению А. С. Бондарева, правовая культура «есть сплав правовых знаний (общих и конкретных), правовых убеждений и положительных установок, социально – правовой активности» [1, с. 23].

Наряду с правовым сознанием и правовой культурой, правовое воздействие проявляется через принципы права. Представляется, что под принципами права следует понимать основополагающие идеи, взгляды, исходные начала, лежащие в основе права как объективного регулятора общественных отношений, обеспечивающие его функционирование и существование.

В качестве принципа права, в частности, М. С. Сагандыков, понимает «правовое явление, которое, во-первых, обусловлено воздействием объективных факторов социального развития (политики, экономики, культуры), во-вторых, в его основе лежит правовая идеология, в-третьих, является основным, руководящим положением, определяющим общую направленность и характер правового регулирования, в-четвертых, отражено в тексте закона напрямую или косвенным образом» [8, с. 9].

Рассматривая принципы права в отрасли гражданского права, О. А. Кузнецова указывает, что «функцию совершенствования гражданского законодательства выполняют и нормы-принципы, и принципы-идеи, а нормативной основой решения суда могут выступать только нормы-принципы, поскольку принципы-идеи формальным источником права не являются. Невозможно найти ни одного судебного решения, в резолютивной части которого было бы указано, что спор разрешается в «соответствии с принципом справедливости» или в «соответствии с принципом добросовестности». Эти принципы «живут» в судебных решениях только в формах своих юридических императивов» [5, с. 46]. Приведенное суждение применимо и к принципам трудового права.

Понятие принципов права применительно к отрасли трудового права определяет, в частности, Д. Ю. Гладких: «принципы трудового права России – это

система обусловленных экономическими, политическими, социальными закономерностями основных положений трудового права, выраженных в правовых нормах (международных нормативно-правовых актах, Конституции РФ, законодательстве о труде) или выводимых из их содержания, которые отражают сущность, общую направленность и тенденции правового оформления (регулируемого) трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений» [3, с. 10].

Помимо принципов права, Л. Ю. Бугров выделял принципы «неправа», противостоящие указанным принципам: «отрицание верховенства законов в узком смысле и признание ведущей роли подзаконных нормативных актов; расхождение деклараций и принципов в законодательстве с другими нормами; изложение содержания нормативных правовых актов, затрудняющее их понимание и адекватное толкование; доведение до широкого сведения только части нормативных актов и, как правило, со значительным опозданием; келейная подготовка нормативных актов в основном силами аппаратчиков при формальном участии общественности; нестабильность юридических нормативных актов» [2, с. 76]. Принципы неправа, по мнению Л. Ю. Бугрова, находили отражение и в трудовом праве – «это противодействие юридическому обеспечению свободы рабочих, служащих и их ассоциаций; отсутствие подлинной заботы об охране здоровья работников; абсолютизация технократического подхода к решению теоретических и практических вопросов трудового законодательства» [2, с. 77].

Допущение учеными существования правовой антикультуры (правового нигилизма), принципов неправа наряду с правовой культурой и принципами права позволяет сделать вывод о наличии определенного негативного социального явления, сочетающего в себе данные понятия, существовании наряду с правовым воздействием субъектов социальной власти на общественные отношения – антиправового воздействия, выступающего частью социального воздействия и представляющего собой самостоятельную форму реализации власти в трудовых отношениях.

«Анти..., приставка. Образует существительные и прилагательные со значением противоположности, враждебности, направленные против кого-чего-нибудь, то же, что противо...» [6, с. 25].

Антиправовое воздействие следует обозначить как целенаправленный процесс формирования субъектом социальной власти в лице государства, индивидов и социальных образований модели должного поведения подвластного субъекта в лице индивидов и их групп с точки зрения и в интересах властного субъекта, ухудшающий правовое положение подвластного субъекта, понижающий уровень его правовых гарантий, приводящий в результате к снижению его социального статуса, значимости в общественной жизни,

путем принятия властных решений, облеченных как в правовую, так и неправовую форму, выражающийся в нормах и принципах неправа, правовой антикультуре, правоприменительных актах, ухудшающих правовое положение подвластного субъекта.

Именно конечный результат (цель) воздействия, выражающийся в ухудшении правового статуса подвластного субъекта при наличии вертикальной связи между ними, является отличительной чертой антиправового воздействия от правового.

Выступая антиподом правового воздействия, антиправовое воздействие, как и правовое воздействие, включает в себя три элемента в их диалектическом единстве: субъекты, объект, горизонтальную или вертикальную связь между ними, отражающую отношения власти и подчинения, проявляющуюся через нормы права, ухудшающие правовое положение подвластного субъекта, правовую антикультуру, а также посредством правоприменительных актов, ухудшающих правовое положение преимущественно подвластного субъекта.

При этом правовое (антиправовое) воздействие осуществляется субъектами социальной власти на трудовые отношения как разновидность общественных отношений, складывающихся по поводу создания материальных и духовных благ, организации и управления трудом, возникающие между индивидуальными и коллективными субъектами, отражающиеся, в конечном счете, на правовом статусе преимущественно подвластного.

Акты международных межправительственных организаций являются базовыми стандартами, формирующими демократические устои в регулировании трудовых отношений, выступают гарантом существования правового воздействия. Антиправовое воздействие в данном случае следует понимать как отход от международных стандартов труда.

Проявления антиправового воздействия можно рассматривать через две формы – правотворческую и правоприменительную.

Антиправовое воздействие публично-властных субъектов (государства и органов местного самоуправления) на трудовые отношения может выражаться в принятии нормативных правовых актов, противоречащих общепризнанным принципам и нормам международного права, правовых актов, ухудшающих правовое положение работников, либо отменяющих ранее установленные правовые гарантии; в принижении государством роли институтов гражданского общества при принятии нормативных правовых актов и контроле за их исполнением; селективном применении норм права в угоду политической конъюнктуры; нивелированию правовой нормы, закрепленной в законе, правовой нормой, содержащейся в подзаконном (ведомственном) акте и т. п.

Антиправовое воздействие работодателей на трудовые отношения выражается в принятии локальных нормативных актов, ухудшающих правовое положение работников по сравнению с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, а также принятии без соблюдения установленной статьей 372 ТК РФ процедуры порядка учета мнения представительного органа работников; неисполнении или ненадлежащем исполнении трудового законодательства и нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; незаконном и необоснованном привлечении работников к дисциплинарной и материальной ответственности, злоупотреблении правом и т.п.

Антиправовое воздействие социальных партнеров (работников и работодателей в лице их представителей) на трудовые отношения осуществляется путем принятия коллективных договоров и соглашений, содержащих положения, противоречащие общепризнанным принципам и нормам международного права, трудовому законодательству и иным нормативным правовым актам, содержащим

нормы трудового права, ухудшающим условия труда работников, снижающим уровень их правовых гарантий в сфере труда и т.п.

Таким образом, власть в трудовых отношениях реализуется в двух формах – правовом и антиправовом воздействии.

Посредством правового воздействия субъект социальной власти устанавливает права и обязанности преимущественно подвластного субъекта, нормирует его поведение, формирует правовую культуру, правосознание. Однако несовершенство трудового законодательства, его пробельность, неконкретность, декларативность ряда норм, отсутствие пределов реализации трудовых прав и интересов, а также желание субъектов социальной власти в трудовых отношениях извлечь максимальную выгоду из своего правового положения, зачастую их низкая правовая культура, с одной стороны, и с другой – объективные причины социально-экономического и политического характера, вызванные необходимостью решения сиюминутных хозяйственных и производных задач любыми средствами, коммерциализация всех сфер общественной жизни порождает появление такой формы реализации власти как антиправовое воздействие.

Список литературы

1. Бондарев А.С. Правовой нигилизм – форма правовой антикультуры личности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Вып. 2., 2001.
2. Бугров Л.Ю. Проблемы свободы труда в трудовом праве России. Пермь, 1992.
3. Гладких Д.Ю. Воздействие принципов трудового права на правовое регулирование служебно-трудовых отношений в органах внутренних дел: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2002.
4. Кальной И.И. Философия права. М., 2006.
5. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М., 2006.
6. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998.
7. Радько Т.Н. Право в системе нормативного регулирования общественных отношений. М., 2005.
8. Сагандыков М.С. Конституционные принципы регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.
9. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1998.

Reference list

1. Bondarev A. The legal nihilism as a form of personality legal anti-culture // The Perm University Bulletin. Legal sciences. Vol. 2., 2001.
2. Bugrov L. The issues of labour freedom in the labour law of Russia. Perm, 1992.
3. Gladkikh D. The impact of the labor law principles on the legal regulation of service-labour relations in the law enforcement agencies: Synopsis of a thesis of PhD in Law. Perm, 2002.
4. Kal'noy I. The philosophy of law. M., 2006.
5. Kuznetsova O. The Russian civil law norms and principles. M., 2006.
6. Ozhegov S. and Shvedova N. Explanatory dictionary of the Russian language. M., 1998.
7. Rad'ko T. Law in the system of normative regulation of social relations. M., 2005.
8. Sagandykov M. The constitutional principles regulating labour and other directly associated relations: Synopsis of a thesis of PhD in Law. Chelyabinsk, 2004.
9. Khropanyuk V. Theory of state and law. M., 1998.

Целовальникова И.Ю.,

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Московского института государственного управления и права

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ

Особенности современного общества заключаются в увеличении роста объема информации; постоянно ускоряющийся темп смены технологий – рост значимости информационных технологий по сравнению с трудоемкими; развитие дистанционных связей (в том числе и обучения); приоритет и востребованность результатов научных исследований, в связи с этим возрастание ценности творческой профессиональной личности; углубление процессов глобализации мировой экономики и интернационализации науки, капитала и производства. В связи с этим, особое внимание при участии в интеграционных процессах должно быть уделено вопросам инвестирования – как основы роста экономических перспектив, которые могут открыться для нашей страны при принятии на себя миссии «координаторов научно-технического прогресса». Инвестиции являются основой развитию и экономического роста. Соответственно, вопросы инвестирования переходят в разряд вопросов государственного масштаба. Учитывая сложившуюся практику правового регулирования, необходима разработка стратегии, определяющей этапы, объемы и ожидаемую результативность политики инвестиционного планирования государства.

Ключевые слова: инвестиционные отношения, инвестиционная стратегия, гарантия стабильности прав субъектов инвестиционной деятельности

Tseloval'nikova I.,

PhD in Law, Head of Chair of Civil-Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

FUNDAMENTALS LEGAL PRINCIPLES FOR THE INVESTMENT STRATEGY

The contemporary society features are the increasing information volume growth; the constantly accelerating rate of the technologies change – a growth of the information technologies importance compared with intensives; the development of long-range communications (including learning); the priority and relevance of research assessment exercises, the increase in value of a creative professional individual, for that matter; the enhancement of the world economy globalization processes and internalization of science, capital and production. In this regard, in the participation of integration processes a particular attention should be given the investment issues – as the fundamental of economic growth prospects that may opened up when assumption on the mission of “technological advances coordinators” for this country. Investments are the fundamental of economic development and growth. Thereafter, the investment issues are transformed into a class of state scale matters. Taking into consideration established practice of legal regulation, it is necessary to develop the strategy, which would be specified the segments, scopes and expected efficiency of the state investment planning policy.

Keywords: investment relations, investment strategy, guarantee for rights stability of entities involved in investment activities

Оценивая последствия финансового кризиса и формируя стратегию будущих реформ, в «планетарном сознании» доминируют принципы, ставшие, практически, лозунгами экономической политики большинства стран континентальной Европы: «переосмыслить, перепланировать, перестроить».

В связи с этим, все и: совместная работа в рамках интеграционных союзов, и создаваемые между Россией и другими государствами Фонды прямых инвестиций, должно быть направлено на укрепление позиций нашего государства в происходящих процессах международной кооперации.

И речь должна идти не только и не столько о сырьевых и производственных аспектах, а, учитывая потенциал нашего государства – о научно-техническом развитии.

Особенности современного общества заключаются в следующем: огромный, все увеличивающийся рост объема информации; постоянно ускоряющийся темп смены технологий – рост значимости информационных технологий по сравнению с трудоемкими; развитие дистанционных связей (в том числе и обучения); приоритет и востребованность результатов научных исследований, в связи с этим возрастание ценности

творческой профессиональной личности; углубление процессов глобализации мировой экономики и интернационализации науки, капитала и производства.

Поэтому особое внимание при участии в интеграционных процессах, в том числе и в сфере инноваций, должно быть уделено вопросам инвестирования как основы роста экономических перспектив, которые могут открыться для нашей страны при принятии на себя миссии «координаторов научно-технического прогресса». Теоремой, не требующей доказательств, является следствие того, что «инвестиции – это ключ к развитию как торговой, так и научно-технической областях и тем самым основа экономического роста». Соответственно, вопросы инвестирования переходят в разряд вопросов государственного масштаба.

Учитывая сложившуюся практику правового регулирования, необходима разработка стратегии, определяющей этапы, объемы и ожидаемую результативность политики инвестиционного планирования государства в инновационной сфере.

Однако, при реализации названного проекта необходимо четкое осознание целей и задач реализуемой деятельности и не нужно обманываться «бесплодным мечтанием» о возможности формирования системы саморегулируемой экономики – и государство и бизнес должны идти в одном направлении – «взявшись за руки» при решении приоритетных государственных задач по реализации государственной инвестиционной политики.

При этом, как отмечают сами представители частного капитала в России – «экономическое могущество и динамичность нации определяется в первую очередь способностью конкурировать, создавая востребованный инновационный продукт» [1].

Вместе с тем, осуществление инвестиционной деятельности всегда связано с коммерческим риском. Для иностранного инвестора эти риски зачастую гораздо выше и называются «некоммерческими», так как зависят от политической и экономической стабильности принимающего государства, развитости правовой системы, изменения законодательства, введения чрезвычайного положения и т.д.

Защита от некоммерческих рисков (стихийные бедствия, гражданские беспорядки, изменения экономической политики государства), не зависящих от инвесторов, может быть осуществлена путем получения от государства юридических гарантий осуществления инвестиционной деятельности.

Обычно под гарантиями, предоставляемыми инвесторам, понимаются конкретные обязательства, которые берет на себя государство в связи с обеспечением защиты инвесторов при осуществлении ими инвестиционной деятельности.

В федеральном законодательстве об инвестиционной деятельности содержатся следующие гаран-

тии прав субъектов инвестиционной деятельности и защиты инвестиций, предоставляемые государством инвестору, а именно: гарантия стабильности прав субъектов инвестиционной деятельности; гарантия невмешательства государственных органов и должностных лиц в деятельность инвесторов; гарантия защиты инвестиций; гарантия обеспечения равных условий деятельности инвесторов; гарантия защиты от незаконной национализации, реквизиции и применения других мер, равных указанным по последствиям.

Правительством Российской Федерации принимаются конкретные шаги в направлении гармонизации и дальнейшего укрепления двустороннего сотрудничества в торгово-экономической и научно-технической областях, расширению торгово-инвестиционного сотрудничества, решению широкого спектра вопросов двустороннего сотрудничества, как в политической сфере, так и в экономике: в торговле, в области высоких технологий, а также перспективы развития производственной кооперации. Вместе с тем, система международных отношений характеризуется постоянным развитием межгосударственного инвестиционного сотрудничества, что объективно связано с потребностью усиления экономической интеграции. В настоящее время на международном уровне сложились условия, связанные не только с заинтересованностью развивающихся стран и государств с переходной экономикой в увеличении объемов привлечения иностранных инвестиций, но и «нуждаемости» самих инвестором в «площадках для приложения капитала».

Аксиомой является и то, что инвестиционные отношения оказывают непосредственное воздействие на развитие национальной экономики государств-реципиентов капитала. Особое значение это приобретает для России и стран СНГ в связи с активизацией внешнеэкономических связей, заключением инвестиционных соглашений и вступлением в международные экономические организации.

Реализация инвестиционной деятельности представляет систему экономических, политических и правовых отношений, которая тесно связывает экономику государств с мировым рынком. Развитие инвестиционных отношений привело к формированию различных организационно-правовых форм межгосударственного инвестиционного сотрудничества.

Поиск эффективного решения проблемы гармонизации инвестиционных отношений породил множество сложных и принципиально новых теоретических и практических вопросов на международном и национальном уровне правового регулирования.

Общий анализ состояния правового регулирования, специфики и содержания международных и национальных правовых актов, различной юридической природы, позволяет сделать вывод о том, что все они были приняты в разное время и по отдельным

аспектам проблемы, и, что, оправдано не только приведенными критериями, но и различием правовых систем – в полной мере не обеспечивают полноты и адекватности правового регулирования инвестиционных отношений.

Правовое регулирование международных инвестиционных отношений является составной частью предмета международного публичного и международного частного права, а так как инвестиционные правоотношения это, прежде всего, имущественные отношения, то и гражданского права Российской Федерации. Таким образом, при рассмотрении этих категорий необходимо учитывать проблему соотношения международного публичного, международного частного и национального права.

Комплексный политэкономический подход к проблеме активизации инвестиционного процесса позволяет определить роль государства как субъекта инвестиционных отношений и выявить механизм государственного влияния на процесс формирования различных видов инвестиционных ресурсов. С этой целью возникает необходимость в адекватном правовом регулировании, установлении равных условий осуществления инвестиционной деятельности и защите участников инвестиционного процесса. Ввиду изложенного, один из насущных вопросов на сегодняшний день это вопрос о разработке и внедрении правовых механизмов противодействия коррупции на всех уровнях экономических отношений.

Необходимо отметить, что ратификация Российской Федерацией в 2006 году Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции [2] и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (от 27 января 1999г.) [3] способствовала развитию федерального антикоррупционного законодательства. Президентом Российской Федерации были утверждены Национальная стратегия противодействия коррупции и Национальный план противодействия коррупции. Вместе с тем, как отмечается экспертами – основной задачей государства в сфере противодействия коррупции является создание комплекса действенных мер по минимизации и ликвидации последствий коррупционных действий, так как без обеспечения решения этой задачи невозможно системно и эффективно противодействовать коррупции. Особая опасность коррупции заключается в том, что существенный ущерб от коррупции наносится не только имущественным интересам государства, организаций и граждан, но и таким жизненно важным нематериальным интересам как соблюдение защиты прав и свобод человека и гражданина, надлежащее функционирование органов власти всех уровней. Соответственно, меры, предпринимаемые государством в отношении ликвидации последствий коррупции не должны ограничиваться только правовыми институ-

тами, направленными на возмещение материального ущерба от указанных правонарушений.

Следовательно, актуальность этих вопросов связана не только с огромными размерами ущерба, причиняемого коррупционными преступлениями государству, организациям и российскому обществу в целом, но и ростом социальной напряженности в обществе, подрывом в обществе «веры в справедливость закона», подрыв авторитета государственных органов исполнительной власти.

Несмотря на шаги сделанные государством по противодействию коррупции, на практике отсутствие системности и эффективности принимаемых организационных и законодательных мер не способствуют снижению уровня коррупции в Российской Федерации в целом и в субъектах Федерации в частности. Практическая реализация Национальной стратегии противодействия коррупции и Национального плана противодействия коррупции выявила ряд недостатков, в частности, как отмечают аналитики, в названных документах не было уделено надлежащего внимания вопросам ликвидации последствий коррупционных правонарушений, в тоже время в антикоррупционных конвенциях, ратифицированных Российской Федерацией решению этой задачи посвящен комплекс правовых норм (например, статьи 20, 24, 29, 31, 35, 51-59 Конвенции ООН о противодействии коррупции).

Анализ практики применения законодательства Российской Федерацией в сфере противодействия коррупции, включая результаты деятельности правоохранительных органов по ликвидации последствий коррупционных правонарушений, свидетельствует о наличии многочисленных проблем в законодательном обеспечении деятельности правоохранительных органов по минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

В соответствии с действующим законодательством в настоящее время основными правовыми инструментами, применяемыми для ликвидации последствий коррупции, являются меры, которые предусмотрены отраслевым законодательством: уголовно-правовой институт конфискации, институт добровольного возмещения причиненного ущерба, гражданско-правовой институт возмещения ущерба, включая гражданский иск в уголовном процессе, институт компенсации морального вреда, институт недействительности сделок, институт отмены незаконных решений органов государственной власти и местного самоуправления, восстановления прав юридических и физических лиц. Вместе с тем, в Федеральном законе «О противодействии коррупции» решению задачи ликвидации последствий коррупционных деяний не уделено надлежащего внимания, в нем отсутствуют соответствующие специальные правовые нормы.

Относительно правового регулирования коррупционных правонарушений, действующие правовые институты законодательства Российской Федерации, применяемые для ликвидации последствий коррупционных преступлений, в том числе институт конфискации имущества, недостаточно эффективны в применении, так как не в полной мере учитывают особенности совершения и специфику последствий коррупционных деяний, что вызывает необходимость совершенствования соответствующих правовых норм. Как показывает практика, существенные затруднения возникают при применении института конфискации и других правовых инструментов, применяемых для ликвидации последствий коррупционных преступлений, в отношении имущества, приобретенного на средства, полученные в результате совершения коррупционного преступления, и оформленного на родственников или других подставных лиц. Одним из направлений решения этой проблемы представляется введение в российское законодательство института конфискации «in rem». Кроме того, необходимо детальное регулирование на уровне федерального закона действий уполномоченных органов и должностных лиц по изъятию имущества на стадии расследования и последующая процедура конфискации этого имущества, а также вопросы исполнения приговора суда, обнаружения, обеспечения условий сохранности, реализации и последующих правовых последствий при конфискации [4].

Недостатки правового обеспечения ликвидации последствий коррупционных деяний проявляются не только в несовершенстве антикоррупционного законодательства, направленного на решение задач по минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений, но и с отсутствием четких границ круга коррупционных преступлений, закрепленных на уровне федерального закона.

Однако, наличие некоммерческих рисков не должно останавливать экономической прогресс. Важным аспектом, стимулирующим развитие частных инвестиций и развития рынков капитала является принятие программы приватизации. Благоприятное воздействие на улучшение инвестиционного климата имеют такие меры как: упрощения миграционного режима; сокращение административных барьеров при строительстве; гармонизация процедур таможенного администрирования; развитие систем международных транзитных коридоров; формирование налоговой политики, направленной на стимулирование инвестиций в модернизацию и инновационное развитие экономики (освобождение от налогообложения доходов от прироста капитала при соблюдении срока владения; освобождение от налога на имущество энергоэффективного оборудования; установление льготных ставок страховых обяза-

тельных взносов сектора IT и научных исследований, особых экономических зон технико-внедренческого типа) и прочее. Президентом Российской Федерации были обозначены ключевые направления развития: энергоэффективность и энергосбережение; ядерные технологии; космические технологии; технологии в сфере медицины; стратегические информационные технологии.

Правительство РФ по каждому из направлений должно решать вопросы по стратегическому планированию, цель которого заключается в создании по каждому из этих направлений новых рынков со спросом на новое эффективное оборудование. Вместе с тем, продолжение работы целесообразнее направить на создание механизмов, систем, занимающихся кредитованием и субсидированием. Данную работу необходимо реализовывать с учетом особенностей привлечения инвестиций, в том числе и иностранных. В связи с этим необходимо урегулировать экспортные поставки – а это всегда вопрос политики, и они всегда являются предметом межгосударственных переговоров. Кроме того, проведение переориентирования налоговой системы, так как это мощный механизм в руках государства, и он должен быть направлен на стимулирование процессов развития и модернизации.

Особое внимание необходимо уделить развитию транспортной инфраструктуры и возможности участия инвесторов на основе концессионных соглашений, соглашений о государственно-частном партнерстве, разработке и внедрению механизмов участия в инновационных практиках, созданию и реализации механизмов «открытой площадки» создания инновационных предприятий.

Интересным представляется опыт китайского университета Цинхуа (г.Пекин, Китай) по созданию Технопарков [5], которые рассматриваются в качестве «площадки» для осуществления практической реализации внедрения разработок и «выращивания» инновационных предприятий; правовых аспектов создания инновационных предприятий в Китае; реализации правового обеспечения коммерциализации результатов инновационной деятельности; правового регулирования инвестиций (как государственных так и частных) в осуществление и реализацию результатов инновационной деятельности, в том числе и в рамках вуза; правового регулирования защиты прав интеллектуальной собственности при создании новых технологий и др.

У отношений инновационного сотрудничества на международном уровне есть прекрасные перспективы роста, несмотря на различия в моделях экономического развития, в подходах к ведению бизнеса, культурные особенности. При условии ведения разумной экономической политики и правового регули-

рования инвестиционной деятельности данные отношения могут стать «площадкой», где будут достигнуты новые договоренности, представлены новые совместные инициативы, направленные на: создание

научно-исследовательской платформы; построение существенных инновационных практик; формирование системы разработки и коммерциализации новых технологий.

Список литературы

1. *Бабкин К.* Разумная промышленная политика или как нам выйти из кризиса. Москва. 2007.
2. Бюллетень международных договоров. 2006. № 10. С. 7 – 54.
3. Бюллетень международных договоров. 2009. № 9. С. 15 – 29.
4. Материалы «круглого стола» Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству // Управление библиотечных фондов (Парламентская библиотека).
5. Материалы международной программы повышения квалификации (Китай, Пекин).

Reference list

1. *Babkin K.* The reasonable industrial policy or how to leave the crisis for us. Moscow. 2007.
2. The Bulletin of international treaties. 2006. №. 10. P. 7 – 54.
3. The Bulletin of international treaties. 2009. №. 10. P. 15-29.
4. Proceedings of the "Round Table" of the Federation Council Committee on constitutional law // Management of library collections (Parliamentary library).
5. Proceedings of the International Advanced Training Programs (China, Beijing).

УДК 340.1

Третьякова Е.С.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин
Пермского филиала Московского института государственного управления и права

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ И ЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

В статье проведен анализ внешней политики и внешнеполитической деятельности Российского государства в XIX веке, в том числе в контексте национальных интересов. Обозначены и раскрыты основные характеристики внешнеполитической деятельности рассматриваемого этапа по различным критериям: масштабности, интенсивности и стабильности. Исследованы вопросы юридического оформления внешнеполитической деятельности с позиции соотношения международного и национального права.

Ключевые слова: внешняя политика, внешнеполитическая деятельность, XIX век, международное право

Tret'yakova E.,

PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of State-Legal Disciplines of the Branch of Moscow Institute
of Public Administration and Law in Perm Kray

EXTERIOR POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NINETEENTH CENTURY AND ITS LEGAL IMPLEMENTATION

In the article there is given the analysis of exterior policy and foreign policy activity of the Russian State in the nineteenth century, in the context of national interests among other things. There are indentified and discovered the fundamental characteristics of the foreign policy activity of the discussed period on the following various criteria: scope, intensity and stability. In the article there are researched issued of legal implementation of foreign policy activity form a perspective of international and domestic law correlation.

Keywords: exterior policy, foreign policy activity, nineteenth century, international law

Внешняя политика является важной составляющей деятельности государства на любом этапе его развития, посредством которой оно стремится реализовывать и защищать свои интересы, обеспечивать достижение геополитических целей и задач в рамках взаимосвязи с другими субъектами мирополитической системы. Сам термин «внешняя политика» вошел в оборот также в рассматриваемом XIX веке, до этого этапа политикой называли деятельность правителей исключительно внутри государства [9].

Для характеристики внешней политики российского государства в XIX веке первостепенным является понимание, что Российская империя была крупной мировой державой, с интересами и позицией которой нельзя было не считаться. Как отмечают авторы концептуального труда по данному вопросу «В XVIII век Россия вступила, по словам А.С. Пушкина, при стуке топора и громе пушек – тогда Петр I закладывал основы Российской империи. В новый XIX век она вошла уже как могущественная держава» [1].

В рассматриваемое время все большее значение приобретала теория национальных интересов,

как ключевого момента в вопросах формирования внешней политики. Вместе с тем, в науке существует мнение, что национальный и государственный (в первую очередь имперский) интересы необходимо разграничивать, ведь национальный интерес в первую очередь сопоставим с ценностями самого общества нежеле государственные интересы, которые можно рассматривать как совокупность «ценностей, имеющих доминирующее значение для государства, его существования и развития, его способности защищать и отстаивать свою независимость и суверенитет» [5].

Интересную характеристику особенностей национальных интересов российского государства дал в своем диссертационном исследовании кандидат политических наук А.Г. Минасян, отметивший следующее: «Обширные пространства страны, требующие значительных усилий для их освоения в сложных географических и геополитических условиях, этническое многообразие, особенности национального характера – все это предопределяло в качестве на-

ционального интереса всемерное укрепление государства как организующего начала, призванного обеспечить территориальную целостность и внешнюю безопасность и выработать адекватные формы существования различных национально-этнических, религиозных и культурных общностей. Вот почему исторически сложившиеся национальные интересы России стали преимущественно интересами государственных. Не случайно Петр I, провозгласив создание Российской империи, объявил служение Отечеству высшим символом жизни каждого ее подданного. В силу специфики исторического развития страны государственные интересы, как правило, ставились выше интересов личности, что и предопределило, собственно, «имперский» характер России» [6].

Представляется, что на глобальном уровне национальные интересы можно свести к нескольким позициям и в рассматриваемый период времени охарактеризованы следующей триадой: безопасность, прочные международные позиции и развитие.

Необходимо учитывать тот факт, что в результате осуществления внешнеполитической деятельности любого, отдельно взятого государства, направленной на осуществление его интересов всегда затрагиваются интересы других государств (одного или нескольких), при этом если интересы совпадают – взаимодействие носит конструктивный характер, если интересы вступают в противоречие – соответственно деструктивный. Формирование международного правопорядка (мирополитической системы как его организационного проявления) можно рассматривать как конструктивное взаимодействие, в свою очередь конфликты, в том числе вооруженные, необходимо рассматривать как деструктивную форму взаимодействия. Обе указанные формы применимы для рассмотрения внешнеполитической деятельности Российского государства в XIX веке: с одной стороны, Россия активно участвовала в формировании мирополитической системы и двухсторонних отношений, с другой – реализовывала свои национально-государственные интересы путем участия в вооруженных конфликтах.

Внешнеполитическую деятельность государства можно охарактеризовать по различным критериям, в первую очередь с позиции масштабности, интенсивности и стабильности.

Оценивая масштабность внешнеполитической деятельности, она не вызывает сомнения, при этом круг субъектов, с которыми взаимодействовало государство был весьма широк. Заметим, что европейское международное право в XVIII – начале XIX вв. основывалось на принципах деления всех стран на три группы: цивилизованные, получивилизованные и нецивилизованные. В области внешних (международных) отношений государства имеют все свойства

самостоятельных субъектов взаимодействия на международной арене, преследующих свои собственные цели и решающих соответствующие задачи. Но эти цели и задачи цивилизованными странами должны были достигаться преимущественно правовыми способами, между цивилизованными и получивилизованными странами право действовало выборочно, по усмотрению первых. К нецивилизованным странам правобыло не применимо вообще.

Российское государство выстаивало свои взаимоотношения со всеми. И если с правовой точки зрения (выстраивания мирополитической системы и формирования международного права) приоритет был отдан европейским государствам, то в контексте общеполитического и торгового сотрудничества такая тенденция не наблюдалась.

Определяя основные направления внешней политики в XIX веке можно сделать вывод, что в первой половине доминировало западное, европейское направление, при этом, «Восточный вопрос» с Петровских времен не снимался с повестки, а после поражения в Крымской войне – Россия обратила свое пристальное внимание на развитие азиатского направления, о чем, в том числе, свидетельствует активизация договорной практики, а также активное учреждение консульств в восточных государствах во второй половине XIX века. Таким образом, во второй половине XIX века государство пыталось наладить дружественные отношения с ближайшими соседями – Китаем, Японией, Кореей. Другой задачей внешней политики на Дальнем Востоке было сдерживание экспансии развитых капиталистических держав, которые активизировали борьбу за раздел мира.

При анализе внешней политики рассматриваемого времени нельзя упускать из внимания имперский фактор, по мнению Свечинской Я.Э. «Имперская идеология основана на автаркичной идее создания мощного государства на основе интеграции разнородных в этническом, культурном и конфессиональном плане народов, объединенных общими политическими задачами. Отечественная государственность формировалась благодаря имперской доминанте в политических и правовых учениях, что отразилось на понимании задач и сущности верховной власти, целостности государства, его суверенитета, державности, формы государственного устройства...» [8]. Как представляется, именно имперский формат отношений лежал в основе позиционирования российского государства как гаранта мира и стабильности в рамках мирополитической системы.

С другой стороны, имперский фактор принято рассматривать в контексте территориальной экспансии российского государства в рассматриваемый период времени. Как отметил А. Каппелер в российском варианте имперского управления превалировали «в

первую очередь геополитические соображения: обеспечить прочные границы, обрести незамерзающие порты, воспрепятствовать захвату пограничных территорий соперниками или включить их в сферу своего влияния» [2]. В течение XVI – XVIII вв. российское государство интенсивно расширяло свои границы, укрепляя, в том числе, свое внешнеполитическое положение. В результате активной территориальной экспансии к началу XIX века Российская империя имела весьма устойчивое геополитическое положение, сформировалась как одна из мощнейших мировых держав.

Расширение территориальных границ можно рассматривать как положительный геополитический показатель, однако, это стало и причиной многих проблем, в том числе, в рамках внешнеполитической деятельности. Действительно, в результате территориальной экспансии, завершившейся к 80-м годам XIX века российское государство стало соседом для множества стран, которые принадлежали к различным культурам и цивилизациям и преимущественно не были еще интегрированы в единую мирополитическую систему. В результате, возникла необходимость выстраивания отношений с данными разноплановыми субъектами, сложно увязывающимися в единую стратегию. Вместе с тем, анализируя особенности внешней политики России во второй половине XIX века Б.Э. Нольде отмечал ряд присущих ей «органических слабостей», относя к их числу отсутствие одной внешнеполитической задачи, которой были бы подчинены усилия государства на всех остальных направлениях внешней политики, чему препятствовала огромная территория государства, разнообразие и разноплановый характер отношений с соседними странами[3].

Интенсивность международных отношений также была высокой и развивалась по нарастающей, данный вывод можно сделать исходя из анализа международной договорной практики российского государства. При этом, отношения носили весьма стабильный характер, хотя в ряде случаев имели место разрывы дипломатических отношений (как правило связанные с осуществлением военных действий) и изменение формата взаимодействия.

Внешняя политика, безусловно, требует юридического оформления, с одной стороны, с другой – результаты внешнеполитической деятельности также должны нормативно закрепляться. В результате, формируется система правовых актов, имеющая двухуровневый характер: источники национального права и источники международного права.

Цель международного права наряду с национальным, в том числе, выражается в юридическом оформлении внешнеполитической деятельности, обеспечении организационной возможности эффек-

тивного межгосударственного сотрудничества и юридического оформления результатов таковой деятельности. Кроме того, международное право оказывает регулирующее воздействие на внешнюю политику, налагая определенные ограничения, так международное право юридически оформляет правовой статус глав государств, дипломатических представителей и их сотрудников, регламентирует вопросы, связанные с созывом и проведением конгрессов и конференций, деятельностью международных организаций, закрепляет формы официальных актов, посредством которых осуществляется дипломатическая деятельность, регламентирует способы мирного разрешения международных споров и т.д., т.е. предоставляет соответствующий арсенал юридических средств.

Таким образом, международное право непосредственно связано с внешней политикой, это результат внешнеполитического взаимодействия государств, внешняя политика оказывает непосредственное влияние на международное право и его развитие.

Представляется, что окончание наполеоновских войн дало толчок новому этапу развития международных отношений и резкому усилению миграционных процессов, которые в том числе были сопряжены с интенсификацией международных отношений и их юридического оформления. Середина XIX века ознаменовалась усиленным развитием позитивного международного права, что также на наш взгляд было связано с определенным «затишьем», преимущественно мирными отношениями между государствами.

Постепенно расширялся круг межгосударственных отношений, входящих в предмет международного права. Изначально спектр таковых отношений был узок – первичные взаимодействия государств ограничивались преимущественно военными и торговыми взаимодействиями, однако, постепенно предмет стал расширяться и к XIX веку представляется возможным выделить различные группы вопросов, подпадающих под межгосударственное регулирование: публично-правовые характеристики государства, внешнеэкономическая деятельность, вопросы подданства, предоставление личных и имущественных прав иностранным подданным, семейные отношения с иностранным элементом, взаимодействие в рамках уголовного права, уголовного и гражданского процесса и другие. Вместе с тем, как видно из приведенного круга вопросов, в ходе развития международного права, к XIX веку появилась возможность дифференцировать его предмет на международные межгосударственные отношения (сфера международного публичного права) и международные негосударственные отношения (преимущественно сфера международного частного права).

Правовое оформление отношений, безусловно, является зеркалом, отражающим процесс формирования единой мирополитической системы и предполагает создание международно-правовых актов, регулирующих отношения между государствами и освещающих основные принципы их взаимодействия друг с другом. Таким образом, любое государство, открываясь внешнему миру, присоединяясь к мировому сотрудничеству, участвует в разработке соответствующих международных договоров, анализ которых позволяет по прошествии многих десятков лет, говорить о соответствующих процессах и их значении.

Система международных договоров российского государства активно начала формироваться с петровских времен, когда Россия включилась в систему межгосударственных отношений и начала активное формирование правовой базы взаимодействия с иностранными государствами, заключая международные договоры различного содержания. Именно договор стал основным с точки зрения значимости источником международного права в исследуемый период. Ф.Ф. Мартенс писал: «Под международными договорами, в значении источников международного права, мы разумеем всякого рода обязательства, взаимно принимаемые на себя государствами, – выражены ли они в трактатах и конвенциях, или в нотах и декларациях. Такие соглашения государств представляют по преимуществу тот источник, изучение которого необходимо для полного уразумения существующих международных правоотношений» [4].

Договорная форма взаимодействия России с другими государствами уже в XVIII – первой половине XIX вв. приобретала особое значение в регулировании взаимоотношений, были выработаны различные названия международных договоров: договор, соглашение, пакт, трактат, конвенция, декларация и т.д. При этом, отметим, что твердо установленного значения тех или иных названий изначально, как и на последующих исторических этапах развития, не существовало, однако, Д.П. Никольский высказал мнение, что декларация есть официальный акт, в котором несколько государств указывают основные принципы своей будущей политики; конвенции и трактаты отличаются особенно торжественной формой и устанавливают для подписавших их государств взаимные права и обязанности. Конвенции считаются менее торжественной формой, чем трактаты, разница между конвенциями и трактатами не качественная, а количественная [7].

Генезис системы договоров с точки зрения содержания (предмета регулирования) можно охарактеризовать повышением специализации: от мирных договоров, имевших преимущественно политическое значение до специальных конвенций, которых с

течением времени становилось все больше по количеству, параллельно с этим можно наблюдать расширение предмета регулирования данных актов. Формирующаяся договорная практика была направлена на решение проблем, затрагивающих взаимные интересы государств. Развитие международного права способствовало, с одной стороны, более эффективному обеспечению интересов самого российского государства, с другой – созданию системы обеспечения международного правопорядка и созданию основ современного международного права.

Развитие национальной государственно-правовой системы, в свою очередь, также оказывало определенное влияние на интенсивность реализации внешнеполитических задач и становления международного права. Например, катализатором формирования системы международных договоров Российской империи стали судебные реформы XIX века, когда национальное законодательство, пусть частично, но было приведено в соответствие с европейскими стандартами.

Кроме того, нельзя забывать, что именно нормы национального права закрепляют на внутригосударственном уровне принципы внешней политики государства, регулируют внешнеполитическую деятельность государства (вопросы, связанные с правовым положением иностранных дипломатических и консульских представителей и пр.); регулируют отношения между субъектами национального права различных государств, внутригосударственные отношения, которые могут породить международные отношения; устанавливают и обеспечивают внутреннюю согласованность правовых систем. Именно внутренне право во многом определяет позицию государства в межгосударственных отношениях. Развивающееся симметрично законодательство различных государств также, как представляется, способствует выработке единообразной международной практики и соответствующего ее юридического оформления.

Таким образом, с одной стороны прогрессивное развитие национального права способствует интенсификации внешней политики и международных отношений соответствующего государства и как следствие развитию международного права, с другой стороны – международное право оказывает влияние на внешнюю политику и на развитие национального права, которые должно подпадать под общий формат права международного.

Подводя итог проведенному исследованию представляется возможным отметить, что к XIX веку международное право получило свое признание в качестве новой правовой сформировавшейся правовой системы, находящейся в непосредственной взаимосвязи с правом национальным. На уровне обеих систем осуществлялось юридическое оформление

внешнеполитической деятельности и ее результатов. Несмотря на определенные сложности, связанные с отсутствием оформленной концепции внешней политики, на основе анализа ключевых направлений и содержания взаимодействия Российской империи с иностранными государствами, к основным задачам внешней политики Российского государства в XIX

веке представляется возможным отнести: обеспечение внешней безопасности; реализация экономических интересов, в первую очередь, посредством развития внешней торговли; укрепление статуса ведущей мировой державы, поддержание баланса сил в рамках мирополитической системы и укрепление международного правопорядка.

Список литературы

1. История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до парижского мира 1856г.) М.: Международные отношения, 1995. С. 9.
2. *Кappelер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 21 – 22.
3. *Кузнецов А.И.* Подготовка и воспитание дипломатов в российской империи (Вторая половина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. историч. наук. М., 2005. С. 139 – 140.
4. *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х томах / Под редакцией и биографическим очерком доктора юридических наук, профессора В.А. Томсинова. Т.1. М.: Зерцало, 2008. С. 165.
5. Международная безопасность и обороноспособность государств (Понятия, определения, термины) / Под общ. ред. О.К. Rogozina. М., 1998. С.18.
6. *Минасян А.Г.* Национальные интересы России и политический механизм их обеспечения: На примере Закавказья: дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 24 – 25.
7. *Никольский Д.П.* Международное право. СПб., 1903. С. 16.
8. *Свечинская Я.Э.* Имперская идеология в российской государственно-правовой мысли: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 7.
9. *Смоляков В.А.* Взаимосвязь внутренней и внешней политики: проблемы теории и методологии: дис. ... д-ра. полит. наук. Харьков, 2006. С. 97.

Reference list

1. The history of Russian foreign policy. The first half of the XIX century (from the Russian wars against Napoleon to Paris Peace Treaty, 1856.) М.: International Relations, 1995. P.9.
2. *Kappeler A.* Russia – a multinational Empire. The origin, history, collapse. М.: Progress-Tradition, 2000. P. 21 – 22.
3. *Kuznetsov A.* The training and education of diplomats in the Russian Empire (Second half of XIX – beginning of XX centuries): Thesis of PhD in History. М., 2005. P. 139 – 140.
4. *Martens F.* The modern international law of civilized nations. In 2 volumes / Edited and biographical sketch by Doctor of Law, Professor V. Tomsinov. Vol.1. М.: Zertsalo, 2008. P. 165.
5. International security and defense capability of the states (Concepts, definitions, terms) / Under the general editorship of O. Rogozin. М., 1998. P. 18.
6. *Minasyan A.* Russia's national interests and political enforcement mechanism: Through the example of the South Caucasus: Thesis of PhD in Political Sciences. М., 2003. P. 24 – 25.
7. *Nikol'skiy D.* International law. SBR., 1903. P. 16.
8. *Svechinskaya Ya.* Imperial ideology in the Russian state – legal thought: Thesis of PhD in Law. Rostov-on-don, 2009. P. 7.
9. *Smolyakov V.* The interrelation of domestic and foreign policy: Issues of theory and methodology: Thesis of Doctor of Political Sciences. Kharkov, 2006. P. 97.

УДК 343.97; 343.611.1

Ульянов М.В.,

научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье анализируются закономерности экстремистской преступности и ее зависимости от демографических изменений. На основе зарубежного и отечественного опыта сделан вывод о том, что количественные характеристики экстремистской преступности не зависят от миграционного сальдо. Причиной этого являются существенные упущения государственного контроля в сфере миграции населения и отсутствие единого подхода правоохранительных органов к оценке экстремистских деяний, их учета и регистрации.

Ключевые слова: коэффициент преступности, экстремизм, статистика, противодействие экстремизму, миграция, миграционные процессы, демография

Ul'yanov M.,

Research Scientist of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of the Federal Security, Inter-Ethnic Relations and Countering Extremism of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

DEMOGRAPHIC CHANGES AND EXTREMIST CRIMINALITY TRENDS: THE FOREIGN AND DOMESTIC EXPERIENCE

The article analyzes the patterns of extremist criminality and its dependence on demographic changes. It is concluded that quantitative characteristics of extremist criminality don't depend on the migration balance through the foreign and domestic experience. This is due to major deficiencies of state supervision in the matter of population migration and the lack of law enforcement agencies uniform approach to the assessment of extremist acts, their recording and registration.

Keywords: criminality rate, extremism, statistics, countering extremism, migration, migration processes, demography

В условиях глобализации преступность иммигрантов и экстремистская преступность становятся факторами, в значительной степени определяющими криминогенную обстановку. Тенденция к росту преступлений на почве расовой и этнической ненависти наблюдается во многих Европейских государствах (Дании, Финляндии, Франции, Германии, Польше и др.) [4].

Несмотря на накопленный опыт в сфере регулирования миграционных процессов, международное сообщество в современных условиях столкнулось с проблемами незаконной миграции, не достижения ассимиляции мигрантов в принимающем сообществе и обострения конфликтов на национальной (этнической) почве. В немалой степени этому способствовал «мультикультурный подход» в миграционной политике Европы, который на деле привел к обратному результату – этнокультурной дифференциации.

Столкновение интересов разных этнических и религиозных общностей детерминировало экстремистские проявления. Например, одним из последних резонансных «преступлений ненависти» в Великобритании явилось убийство выходца из Польши в августе 2016 г. шестью несовершеннолетними британцами. Поводом к нападению на иностранца, работавшего на местной фабрике, явилось то, что он разговаривал на родном языке [13].

Роль демографических процессов в детерминации «преступлений ненависти» [1] исследовались в зарубежной литературе. Рядом западных ученых подерживается позиция, согласно которой увеличение преступлений на расовой почве является следствием притока представителей этнических меньшинств.

Известный исследователь Грин (Donald P. Green) пришел к выводу о том, что динамика «преступлений ненависти» мало зависит от экономических

условий, в то время как демографические изменения имеют преобладающее значение [9]. По результатам изучения состояния «расово мотивированной преступности» в г. Нью-Йорке им установлено, что при наличии существенного притока представителей меньшинств (minority) количество «преступлений ненависти», направленных против них, возрастает в районах с преобладанием «белого» населения, в тех же районах города, в которых представители этнических меньшинств уже проживали долгое время в значительном количестве, уровень этого вида преступности ниже [10].

Аналогичное исследование проводилось на основании анализа статистических показателей «преступлений ненависти» (в отношении как «черного», так и «белого» населения) и этнического состава американского города Чикаго. Было установлено, что преступления в отношении «черного» населения имеют большее распространение в районах города с численным большинством и однородностью «белого» населения. Характерно, что в отношении «белого» населения «преступления ненависти» получают большее распространение при наличии приблизительно равных пропорций «белого» и «черного» населения [12].

При изучении «преступлений ненависти» в районах г. Лондона английский криминолог Игански (Paul Iganski) пришел к схожему выводу о том, что районы традиционного проживания «белого» населения, в которых происходят демографические изменения под влиянием представителей этнических меньшинств, имеют больший уровень «преступлений ненависти» по сравнению с районами с такими же демографическими изменениями, но где количество «белого» населения меньше [11].

Американец Стейси (Stacey M.) пришел к несколько иным выводам. При изучении последствий испаноязычной (hispanic) миграции в США в период 2000 – 2004 гг. на общегосударственном уровне и уровне отдельных штатов им установлена положительная статистическая зависимость между коэффициентами миграции и коэффициентами «преступлений ненависти», совершенных в отношении мигрантов. Ученым оспаривается заключение Грина о нелинейной зависимости коэффициентов миграции и «преступлений ненависти» [14].

Приведем результаты еще одного исследования. На основе статистических показателей в четырнадцати государствах Европейского союза было установлено, что уровень распространения «преступлений ненависти» положительно коррелирует с размером иммигрантской общины. Количественные характеристики миграции, по мнению автора исследования, выступают в качестве основного фактора, объясняющего распространение данного вида пре-

ступности, в то же время ему не удалось установить зависимость от социально-экономических и демографических факторов [15].

Результаты приведенных исследований можно обобщить в следующих тезисах:

миграция населения выступает в качестве основной детерминанты экстремистской преступности; динамика экстремистской преступности зависит от интенсивности миграционного притока и соотношений коренного и прибывшего населения;

характеристики (структура, динамика) экстремистской преступности могут не совпадать на общегосударственном, региональном уровнях и уровнях первичных территориальных образований.

Наработки западных криминологов представляют интерес и могут быть сопоставимы с результатами исследований закономерностей экстремистской преступности в нашей стране.

Надо сказать, что социально-демографические процессы анализировались и в отечественной криминологии применительно к иной общественной формации. Воздействие миграционных и демографических процессов на преступность с 1970-х гг. исследовались виднейшим криминологом М.М. Бабаевым. Методы его исследований, а также общие выводы о влиянии миграции населения на преступность в целом, представляют большую ценность и в нынешних условиях. В прикладных исследованиях им анализировались показатели характерной для того времени планомерной миграции, куда включались организованный набор рабочих и трудоустройство молодежи в других регионах страны.

Ученый, в частности, отмечал повышенную криминогенность преступников-мигрантов. По его мнению, «по некоторым основным социально-демографическим и уголовно-правовым признакам личности, но и по условиям социальной среды преступники-мигранты отличаются качественным образом от преступников-постоянных жителей. Первый – более «криминогенный» контингент» [3].

В современный период среди криминологов, исследовавших феномен преступности иностранных граждан, следует отметить С.Н. Кобеца. К числу основных факторов, воздействующих на рост преступности иностранных граждан и лиц без гражданства, помимо влияния особенностей личности преступника, ученый относит целый ряд факторов, связанных с недостаточно эффективной деятельностью органов внутренних дел. Миграционная политика в Российской Федерации, по его мнению, должна строиться с учетом характерных особенностей социально-демографического развития каждого конкретного региона [5].

Незначительный удельный вес экстремистских преступлений в структуре всех регистрируемых преступлений в России и количественные показатели

экстремистской преступности, к сожалению, не позволяют нам делать какие-либо выводы об их корреляции с количественными показателями иностранной миграции.

Надо сказать, что статистические данные об экстремистских преступлениях не отражают объективной картины распространения экстремизма в стране. В качестве основной причины можно назвать общий подход к уголовно-правовой оценке этих общественно опасных деяний. На практике де-факто совершенные по мотивам вражды и ненависти преступления часто квалифицируются как совершенные на почве личных неприязненных отношений, либо по хулиганским мотивам.

Исходя из этого, преступления экстремистской направленности обладают не только скрытой, но и скрываемой латентностью, когда мотивы деяний смешиваются с хулиганскими либо иными побуждениями, что существенно изменяет юридическую оценку содеянного. При этом правоохранительные органы могут принижать общественную опасность деяний, совершаемых в тех или иных социальных конфликтах, нередко имеющих массовый и развивающийся характер.

Так, до беспорядков в г. Кондопоге в сентябре 2006 г., в Республике Карелия преступления экстремистской направленности вообще не регистрировались. Лишь с 2006 г. здесь стали выявляться преступления исследуемого вида. Такая же ситуация наблюдалась и в Ханты-Мансийском автономном округе. При невысокой регистрации преступлений анализируемой категории, по результатам исследований социологов, в 2014 г. межэтническая напряженность в регионе оценивалась как очень высокая [6], что также подтверждает тезис о наличии скрываемой латентности.

Как видим, анализ количественных показателей экстремистской преступности лишь отчасти характеризует закономерности ее развития.

Одновременно с этим обоснованной критике подвергается и официальная статистика по мигра-

ции в Российской Федерации. В открытых источниках практически отсутствуют объективные данные о миграционных процессах в субъектах Российской Федерации и первичных территориальных образованиях, включая миграцию иностранных граждан. Не менее важным представляется отсутствие полных сведений о количестве лиц, принятых в гражданство Российской Федерации, и их прежнем гражданстве.

Анализ и обобщение имеющихся статистических данных (при отсутствии достоверной информации в разрезе первичных территориальных единиц) дает представление лишь об общих тенденциях миграции в Российской Федерации.

Вместе с тем наличие устойчивой генетической связи между экстремистской преступностью и миграцией никто опровергнуть не смог.

Самым привлекательным в миграционном отношении регионом страны остается Центральный федеральный округ. В 2015 г. миграционный прирост в округе составил 221 756 человек. Абсолютные показатели прироста населения снижались лишь в период 2008 – 2010 гг. в условиях экономического кризиса (см. табл. 1).

В соответствии с данными Росстата в период 2008 – 2015 гг. в число регионов с наибольшими значениями коэффициентов миграционных приростов входили г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Краснодарский край, Московская, Ленинградская, Белгородская, Новосибирская, Калужская, Томская и Калининградская области (таблица 2).

В большинстве регионов с наибольшими коэффициентами миграционных приростов в тот же период наблюдались высокие показатели абсолютных значений зарегистрированных преступлений экстремистской направленности. Так, Москва и Московская область значительно опережали другие субъекты Центрального федерального округа по количеству зарегистрированных преступлений этого вида. Если в период 2008 – 2015 г. в Москве в среднем ежегодно регистрировалось 77,4 преступлений, а в Московской

Таблица 1.

Миграционный прирост (убыль) населения по федеральным округам в 2008-2015 гг.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего по России	242 106	247 449	158 078	319 761	294 930	295 859	270 036	245 384
ЦФО	174 403	159 763	161 087	214 449	239 771	231 061	216 900	221 756
СЗФО	27 715	27 721	21 618	67 880	78 981	99 459	56 294	21 772
ЮФО	33 627	28 449	21 725	59 119	37 547	62 436	47 205	48 361
СКФО1	-11 868	-7 565	-14 300	-31 769	-39 348	-38 135	-20 162	-24 811
ПФО	16 221	26 658	-8 203	-12 385	-18 025	-14 559	-5 855	-24 591
УФО	15 883	15 946	8 569	38 027	23 446	3 817	8 552	3 467
СФО	5 324	14 396	-4 974	2 206	-7 561	-15 178	-8 146	-10 586
ДФО	-19 199	-17 919	-27 444	-17 766	-19 881	-33 042	-24 752	-24 164

Коэффициенты миграционных приростов (убыли) в субъектах Российской Федерации в 2008 – 2015 гг. на 1 тыс. населения в убывающей последовательности [7] (сведения за 2010 г. отсутствуют)

	2008	2009	2011	2012	2013	2014	2015	Среднее
Миграционный прирост								
Московская область	12,1	10,9	16,0	15,7	14,0	14,9	12,0	13,7
Ленинградская область	8,3	6,4	14,9	15,6	12,9	12,0	6,8	11,0
г.Санкт-Петербург	7,2	6,8	11,9	14,8	19,7	10,2	4,9	10,8
Краснодарский край	6,0	5,0	11,7	8,7	13,5	8,4	10,5	9,1
г.Москва	5,3	5,5	5,1	8,9	9,0	5,7	9,1	6,9
Калининградская область	4,0	3,6	6,8	9,2	9,4	6,7	8,2	6,8
Новосибирская область	3,6	4,9	8,1	8,0	7,3	5,0	4,5	5,9
Белгородская область	7,6	6,7	5,4	5,6	4,3	4,9	3,8	5,5
Республика Адыгея	5,8	2,5	6,9	4,9	5,0	6,7	5,6	5,3
Калужская область	4,1	4,9	3,5	1,4	2,4	9,4	1,7	3,9
Томская область	3,4	4,7	7,9	4,5	3,5	2,1	0,1	3,7
Миграционная убыль								
Сахалинская область	-5,6	-4,8	-0,4	-3,1	-4,4	-5,9	-2,7	-3,8
Камчатский край	-6,5	-3,9	-5,1	-0,2	-3,8	-9,8	-5,3	-4,9
Архангельская область	-5,2	-4,0	-7,7	-8,5	-8,2	-6,5	-6,8	-6,7
Чукотский автономный округ	-17,5	-20,1	10,2	-6,6	-7,0	-3,0	-11,7	-8,0
Республика Саха (Якутия)	-7,9	-7,4	-10,2	-8,7	-9,6	-7,0	-5,6	-8,1
Мурманская область	-8,8	-5,7	-7,7	-10,1	-12,9	-6,5	-5,7	-8,2
Республика Тыва	-6,5	-4,6	-12,5	-11,9	-11,0	-7,9	-7,6	-8,9
Республика Коми	-9,4	-7,4	-11,2	-12,2	-12,0	-10,7	-10,2	-10,4
Республика Калмыкия	-10,3	-7,0	-12,1	-13,8	-12,2	-9,4	-10,3	-10,7
Магаданская область	-14,4	-9,4	-11,8	-13,7	-14,16	-15,3	-11,8	-12,9

обл. 38,3, то, например, во Владимирской обл. количество преступлений экстремистской направленности, зарегистрированных за год, составляло в среднем лишь 15,6 (таблица 3).

В Северо-Западного федеральном округе на фоне других субъектов выделяется г. Санкт-Петербурге (14,9), В Южном федеральном округе – Краснодарский край (17,5), в Сибирском федеральном округе –Новосибирская область (14,9). Указанные субъекты характеризуются высоким положительном сальдо как внутренней, так и международной миграции.

В число субъектов с высокой миграционной убылью (см. таблицу 2) вошли Республики Тыва, Коми, Саха (Якутия), Калмыкия, Чукотский автономный округ, Камчатский край, Сахалинская, Архангельская, Мурманская и Магаданская области. Ряд этих субъектов (Республики Коми и Саха (Якутия), Мурманская и Архангельская области) отличается невысоким количеством зарегистрированных преступлений экстремистской направленности.

Таким образом, центры миграционного притока Российской Федерации, а именно Московский

регион, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край и Новосибирская область характеризуются высокими абсолютными показателями зарегистрированных преступлений экстремистской направленности. При этом колебания роста (снижения) уровня исследуемой категории преступлений коррелируют с сальдо миграции. В регионах, не вошедших в группу, указанную в таблице 2, устойчивой корреляционной связи установить не удалось.

В целом с уверенностью можно говорить о функциональной зависимости экстремистской преступности от миграционных процессов. В то же время на динамику и структуру экстремистской преступности в конкретных условиях места и времени оказывают влияние другие «случайные величины», которые могут кардинальным образом менять данные характеристики. К «случайным величинам», на наш взгляд, относятся, прежде всего, существенные упущения государственного контроля в сфере миграции населения в зависимости от конкретного региона страны и отсутствие единообразного подхода правоохранительных органов к оценке экстремистских деяний, их выявления, учета и регистрации.

Количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в 2008 – 2015 гг. в Центральном ФО

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Среднее
ЦФО	152	169	255	196	169	200	241	327	
Белгородская обл.	0	3	1	1	0	1	4	4	1,8
Брянская обл.	3	4	6	4	2	2	1	12	4,3
Владимирская обл.	12	17	19	8	11	18	24	16	15,6
Воронежская обл.	7	8	7	5	5	8	5	7	6,5
Ивановская обл.	3	1	1	2	1	5	6	11	3,8
Калужская обл.	5	8	9	10	6	7	6	8	7,4
Костромская обл.	1	7	2	7	5	4	3	6	4,4
Курская обл.	4	1	10	12	12	24	30	20	14,1
Липецкая обл.	2	0	1	1	2	2	3	4	1,9
Московская обл.	6	27	49	39	44	45	36	60	38,3
Москва	93	69	105	76	51	51	62	112	77,4
Орловская обл.	6	4	15	9	11	6	15	16	10,3
Рязанская обл.	0	8	3	3	0	3	8	7	4,0
Смоленская обл.	0	2	3	4	2	4	5	9	3,6
Тамбовская обл.	4	2	4	6	3	5	4	3	3,9
Тверская обл.	3	6	9	3	3	5	15	19	7,9
Тульская обл.	1	2	7	3	8	9	10	4	5,5
Ярославская обл.	2	0	4	3	3	1	4	9	3,3

Если говорить о демографических процессах в целом, то следует сказать, что основные характеристики коренного населения каждой конкретной территориальной единицы воздействуют на состояние экстремистской преступности в той же мере, что и миграционные процессы.

Проследить это можно, главным образом, на примере Москвы и Московской области, которые, как было сказано выше, выделяются на фоне остальных субъектов Российской Федерации.

В то время как по данным переписей населения в Российской Федерации в период 2002 – 2010 гг. для большинства субъектов было характерно сокращение самых многочисленных этносов – русских, татар, украинцев и белорусов, в Московском регионе коренное население значительно увеличилось. В структуре населения региона стабильно высоким является удельный вес русских – более 85 % (таблица 4).

На этот регион приходится самая большая доля внешних и внутренних мигрантов в стране. В 2010 г. количество поставленных на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в Москве составило 1 850 183 человек, в 2011 г. – 1 749 814, в 2012 г. – 1 763 357, в 2013 г. – 2 299 346, в 2014 г. их количество увеличилось до 2 948 310 человек и в 2015 г. – до 3 415 265 человек.

Как видно, для Москвы и Московской области характерны не только рост иностранной миграции,

но и стабильная демографическая структура общества, отражающая сохранение высокой доли коренного населения.

В то же время Московский регион традиционно является одним из центров концентрации криминальных угроз, создаваемых населению преступностью мигрантов-иностранцев [8]. Ситуация осложняется тем, что в ряде районов Москвы и населенных пунктов Московской области отсутствует инфраструктура, которая может способствовать интеграции мигрантов в принимающем сообществе.

На этом фоне здесь велико абсолютное количество регистрируемых преступлений экстремистской направленности. На территории субъектов в разное время активно действовали организации экстремистского толка, в отношении ряда из которых судом принято решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». Ими последовательно осуществлялось вовлечение в экстремистскую деятельность подростков и молодежи, что привело к радикализации наиболее активной части населения.

Именно в регионе произошли такие резонансные события, как нападение радикально настроенной молодежи на рынках в московских районах Ясенево и Царицыно в 2001 г., массовые беспорядки на Манежной площади в 2010 г. и Бирюлево в 2012 г., бес-

Таблица 4

	Москва				Московская область				
	Население	%	Население	%	Население	%	Население	%	
	2002		2010		2002		2010		
ВСЕГО	10382754		11503501		6618538		7095120		
Русские	8808009	84,8	9930410	86,3	Русские	6022763	91,0	6202672	87,4
Украинцы	253644	2,4	154104	1,3	Украинцы	147808	2,2	119474	1,7
Татары	166083	1,6	149043	1,3	Армяне	39660	0,6	63306	0,9
Армяне	124425	1,2	106466	0,9	Татары	52851	0,8	56202	0,8
Азербайджанцы	95563	0,9	57123	0,5	Белорусы	42212	0,6	31665	0,4
Евреи	79359	0,8	53145	0,5	Узбеки	4183	0,1	25773	0,4
Белорусы	59353	0,6	39225	0,3	Молдаване	10418	0,2	19611	0,3
Грузины	54387	0,5	38934	0,3	Азербайджанцы	14651	0,2	19061	0,3
Узбеки	24312	0,2	35595	0,3	Мордва	21856	0,3	18678	0,3
Молдаване	36570	0,4	21699	0,1	Таджики	3404	0,1	15549	0,2
Таджики	35385	0,3	27280	0,2					

порядки в подмосковных городах Красноармейске в 2002 г. и Пушкино в 2014 г.

По результатам исследования вопросов изменения национального (этнического) состава населения и динамики преступлений экстремистской направленности нам хотелось бы отметить следующие:

основными криминогенными тенденциями миграции населения, предопределяющими динамику экстремистской преступности, являются: во-первых, постоянный рост миграционных потоков из-за пределов Российской Федерации, во-вторых, характер миграционных процессов внутри страны по направлению с Востока в Центр, особенно в Московский регион, г. Санкт-Петербург и Ленинградскую область, и на Юг, преимущественно в Краснодарский и Ставропольский края;

высокие показатели количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности и концентрации экстремистской преступности [2] отмечены в центрах миграционного притока Российской Федерации (Московский регион, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край и Новосибирская область);

в отличие от результатов криминологических исследований, проводившихся в Великобритании и США, государственные органы которых установили жесткий контроль за миграционными процессами, в большинстве субъектов Российской Федерации количественные характеристики экстремистской преступности не показали зависимости от миграционного сальдо. Вероятнее всего это обусловлено существенными упущениями государственного контроля в сфере миграции населения в нашей стране и отсутствием единообразного подхода правоохранительных органов к оценке экстремистских деяний, их учета и регистрации, не позволяющие установить устойчивые закономерности в системе детерминации экстремистской преступности;

предполагается, что в регионе, в котором высок миграционный прирост, а коренное население остается структурно однородным и сохраняется на относительно стабильном уровне, с большей вероятностью могут проявлять себя организованные формы экстремистской деятельности, а следовательно, с неизбежностью возрастать уровень экстремистской преступности.

Список литературы

1. Подробнее о преступлениях ненависти – *Аганов П.В., Борисов С.В., Меркурьев В.В., Примова Э.Н., Сухомлинова М.П., Щерба С.П.* Международное сотрудничество зарубежных стран, в том числе государств – участников СНГ в борьбе с насильственными проявлениями экстремизма. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации (Научно-методический центр КСГП). М., 2013. 91 с.
2. *Андреев Б.В., Меркурьев В.В., Ульянов М.В.* Об измерении степени дифференциации преступности экстремистской и террористической направленности // Вестник Академии права и управления. 2016. № 3 (44). С. 41-48.
3. *Бабаев М.М.* Теоретические основы криминологического исследования социально-демографических процессов в СССР: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.07. М., 1975. 396 с.
4. *Клейменов И.М.* Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2015. 486 с.
5. *Кобец П.Н.* Предупреждение преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в России: дис. ... док. юрид. наук: 12.00.08. М., 2004. 450 с.

6. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Весна – осень 2014 года. Совместный проект Центра изучения национальных конфликтов и федеральной экспертной сети «Клуб Регионов».
7. Статистический бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации» 2008 – 2015 гг. (табл. 1.8). Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 13.07.2016).
8. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества: монография / П.В. Агапов, Г.В. Антонов-Романовский, В.К. Артеменков (и др.); под общ.ред. Р.В. Жубрина; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Москва: Проспект, 2016. 656 с.
9. *Green D. P., Glaser J., Rich A.* From Lynching to Gay Bashing: the Elusive Connection Between Economic Conditions and Hate Crime // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. T. 75. №. 1. P. 82-92.
10. *Green D. P., Strolovitch D.Z., Wong J.S.* Defended Neighborhoods, Integration, and Racially Motivated Crime 1 // *American Journal of Sociology*. 1998. T. 104. №. 2. P. 372-403.
11. *Iganski P.* «Hate Crime» and the City // The Policy Press at the University of Bristol, 2008. P. 168.
12. *Lyons C.J.* Defending Turf: Racial Demographics and Hate Crime Against Blacks and Whites // *Social Forces*. 2008. T. 87. №. 1. P. 357-385.
13. Six Teenage Boys Arrested Over Death of Polish Man in Essex. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2016/aug/30/five-teenage-boys-arrested-after-man-dies-following-attack-in-essex> (date of access: 04.10.2016).
14. *Stacey M.* Demographic Change and Ethnically Motivated Crime: The Impact of Immigration on Anti-Hispanic Hate Crime in the United States // *Journal of Contemporary Criminal Justice* August 2011. Vol. 27. Number 3. P. 278-298.
15. *Van Kesteren J.* Assessing the Risk and Prevalence of Hate Crime Victimization in Western Europe // *International Review of Victimology*. May 2016. vol. 22. Number 2. P. 139-160.

Reference list

1. More information about hate crimes. *Agapov P., Borisov S., Merkur'ev V., Primova E., Sukhomlinova M., Shcherba S.* International cooperation of foreign countries including member states of the CIS in combating violent manifestation of extremism. Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Research Guidance Center of the Coordination Council of Prosecutors General). M., 2013. 91 p.
2. *Andreev B., Merkur'ev V., Ul'yanov M.* On the measurement of differentiation degree of criminality of extremist and terrorist background // *Bulletin of Academy of Law and Management*. 2016. № 3 (44). P. 41-48.
3. *Babaev M.* The theoretical principles of criminological research on the socio-demographic processes in the USSR: Thesis of Doctor of Law: 12.00.07. M., 1975. 396 p.
4. *Kleymentov I.* The comparative criminology: criminalization, criminality, criminal policy in the conditions of globalization: Thesis of Doctor of Law: 12.00.08. Omsk, 2015. 486 p.
5. *Kobets P.* The prevention of criminality of foreign citizens and persons without citizenship in Russia: Thesis of Doctor of Law: 12.00.08. M., 2004. 450 p.
6. The rating of ethnic tension in Russian subjects. 2014 Spring – Autumn. A joint project of the Center for the Study of National Conflicts and the Federal Expert Network “Club of Subjects”.
7. The Statistical Bulletin “The population and migration of population of the Russian Federation” 2008 – 2015 (Table. 1.8). Federal State Statistics Service. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (date of access: 13.07.2016).
8. The theoretical foundations of criminality prevention at the present stage of the Russian society development: Monograph / P. Agapov, G. Antonov-Romanovskiy, V. Artemenkov (and others); Under the general editorship of R. Zhurbin; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Moscow: Prospekt, 2016. 656 p.
9. *Green D. P., Glaser J., Rich A.* From Lynching to Gay Bashing: the Elusive Connection Between Economic Conditions and Hate Crime // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. T. 75. №. 1. P. 82-92.
10. *Green D. P., Strolovitch D. Z., Wong J.S.* Defended Neighborhoods, Integration, and Racially Motivated Crime 1 // *American Journal of Sociology*. 1998. T. 104. №. 2. P. 372-403.
11. *Iganski P.* “Hate Crime” and the City // The Policy Press at the University of Bristol, 2008. P. 168.
12. *Lyons C.J.* Defending Turf: Racial Demographics and Hate Crime Against Blacks and Whites // *Social Forces*. 2008. T. 87. №. 1. P. 357-385.
13. Six Teenage Boys Arrested Over Death of Polish Man in Essex. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2016/aug/30/five-teenage-boys-arrested-after-man-dies-following-attack-in-essex> (date of access: 04.10.2016).
14. *Stacey M.* Demographic Change and Ethnically Motivated Crime: The Impact of Immigration on Anti-Hispanic Hate Crime in the United States // *Journal of Contemporary Criminal Justice* August 2011. Vol. 27. Number 3. P. 278-298.
15. *Van Kesteren J.* Assessing the Risk and Prevalence of Hate Crime Victimization in Western Europe // *International Review of Victimology*. May 2016. Vol. 22. Number 2. P. 139-160.

УДК 343.9

Военкова Е.А.,старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Муромского филиала
Владимирского государственного университета

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Предметом статьи являются подробный анализ технико-юридической конструкции уголовно-правовых норм (ст. ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ), регламентирующих ответственность за преступления, совершаемые в сфере миграции. Рассматриваются авторские позиции относительно объективных и субъективных признаков преступлений в сфере миграции, в том числе авторские позиции относительно толкования и правовой регламентации данных категорий. Автором формулируются предложения по дополнению рассматриваемых норм дополнительными квалифицирующими признаками. Основное внимание в статье уделяется анализу правоприменительной практике по выявлению и расследованию преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ. Кроме того, в статье приводятся статистические данные по противодействию рассматриваемых преступлений по отдельным регионам России. Основной вывод, который сделан по итогам исследования, состоит в том, что в настоящее время для обеспечения правопорядка в сфере действия норм уголовного права необходимо совершенствовать вопросы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в сфере миграции. Новизна статьи заключается в разработке предложений о необходимости уточнения законодательной конструкции, устанавливающей уголовную ответственность в сфере незаконной миграции.

Ключевые слова: мигранты, преступление, незаконная миграция, миграционное законодательство, организация незаконной миграции, объект посягательства, объективная сторона незаконной миграции, субъект преступления, субъективная сторона деяния, совершенствование отдельных законодательных положений

Voenkova E.,

Senior Lecture of Chair of Criminal-Legal Disciplines of the Branch of Vladimir State University in Murom city

REVISITING THE ISSUE OF TECHNICAL-JURIDICAL CONSTRUCTION OF CRIMINAL-LEGAL NORMS, REGULATING RESPONSIBILITY FOR THE COMPLETED OFFENCES IN THE MATTER OF MIGRATION

The article focuses on the technical-juridical construction extensive analysis of criminal-legal norms (Articles 322.1, 322.2, 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation), which are regulating responsibility for the completed offences in the matter of migration. There are discussed the article author's viewpoints on objective and subjective essential elements of the completed offences in the matter of migration, the author's standpoints on the interpretation and legal regulation of these categories among other things. The author is made proposals with a view to elaborate discussed norms by additional qualifying attributes. The most attention is paid to the analysis of law-enforcement practice that to detect and investigate the completed offences, coming under Articles 322.1, 322.2, 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Besides, the article is providing statistical information on combating the discussed completed offences in some regions of Russia. Regarding the study results there is a main conclusion that it is necessary to improve the issues of criminal responsibility for the completed offences in the matter of migration for law-enforcement in the scope of criminal law norms effect at the moment. The article originality involves the development of proposals on the need to clarify legislative construction, which is providing criminal responsibility in the matter of irregular migration.

Keywords: migrants, completed offence, irregular migration, migration legislation, organization of irregular migration, object of offence, objective element of irregular migration, perpetrator, subjective aspect of deed, improvement of certain law provisions

В течение последних нескольких лет в Российскую Федерацию въехало большое количество иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе и незаконным путем.

Значительная часть мигрантов, находящихся на территории России в нарушение установленных законом правил, вовлекаются в «теневой» сектор экономики и криминальную среду. Преступления, совершаемые в сфере миграции, вызывают широкий общественный резонанс.

Уголовно-правовые нормы, регулирующие общественные отношения в миграционной сфере (ст. 322.1 – Организация незаконной миграции; ст. 322.2 – Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации; ст. 322.3 – Фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации) появились в действующем уголовном законе относительно недавно.

Несмотря на это, законодателем данные нормы продолжают совершенствоваться. Делается это с учетом изменяющихся отношений в данной сфере, а также с учетом возникающих угроз, что в целом, нельзя не оценить с положительной стороны.

Объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ составляют не незаконный въезд, незаконное пребывание или незаконный транзитный проезд иностранных граждан или лиц без гражданства через территорию РФ, а организация этих действий.

В качестве первого основания наступления уголовной ответственности выступает организация незаконного въезда в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства которая состоит в совершении действий, непосредственно направленных на оказание помощи в пересечении Государственной границы РФ указанными лицами в целях проживания, временного нахождения, либо проезда через территорию РФ, в то время как ответственность самих лиц, незаконно пребывающих на территории РФ, предусмотрена нормами административного законодательства.

Организация незаконного пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства в РФ – это любые действия, направленные на обеспечение нахождения данных лиц на территории РФ без паспорта (документа, удостоверяющего личность), визы, миграционной карты с регистрацией в установленном законом порядке, вида на жительство или временно разрешенного на проживание на территории РФ.

Последним из трех альтернативных деяний, составляющих объективную сторону организации незаконной миграции, является организация незаконного

транзитного проезда иностранных граждан или лиц без гражданства через территорию РФ.

Объектом преступления в статьях 322.2 и 322.3 УК являются общественные отношения в сфере регистрационного учета граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства по месту жительства или по месту пребывания в Российской Федерации.

Общими признаками объективной стороны этих преступлений являются:

- фиктивная регистрация (учет) по месту пребывания или по месту жительства на основании представления заведомо недостоверных сведений или документов для такой регистрации (учета) (например, ложные сведения о размерах жилого помещения, с целью регистрации большего числа лиц, чем полагается по установленным нормам);

- регистрация (учет) в жилом помещении без намерения регистрируемого (учитываемого) лица проживать(пребывать) в этом помещении;

- регистрация (учет) по месту жительства (пребывания) без намерения нанимателя и собственника жилого помещения предоставить это жилое помещение для проживания (пребывания) регистрируемого (учитываемого) лица.

Отличительным признаком ст. 322.2 УК РФ является то, что уголовная ответственность по данной статье наступает за нарушения в сфере регистрации как по месту жительства и пребывания граждан Российской Федерации, так и по месту жительства иностранных граждан и лиц без гражданства.

А по статье 322.3 УК – только за нарушения правил учета по месту пребывания иностранных граждан.

Полагаем, что действия, указанные в диспозиции ст. 322.2 УК РФ хотя в чем-то и схожие между собой по своей сути, но имеющие совершенно разную общественную опасность.

Так, фиктивная регистрация гражданина РФ по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в РФ значительно менее общественно опасна, чем фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в РФ. В связи с чем, вызывает сомнение обоснованность включения этих действий в норму, предусматривающую равную уголовную ответственность за их совершение.

Признавая, что данная конструкция с точки зрения правил технико-юридического конструирования является недопустимой, предлагаем исключить из данной статьи деяния, предусматривающие фиктивную регистрацию гражданина РФ по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в РФ, оставив за совершение этого деяния административную ответственность. Полагаем, что в данном случае этого достаточно.

Субъектом преступления в данных статьях могут являться:

- собственники жилого помещения, наниматели по договору социального найма, в том числе, иностранные граждане, лица без гражданства,
- должностные лица подразделений, занимающиеся вопросами миграции,
- представители принимающей стороны (должностные лица или лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением) и др.

Субъективная сторона рассматриваемых преступлений характеризуется виной в виде прямого умысла.

Анализ правоприменения ст.ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ свидетельствует о наиболее активном применении ст. 322.3 УК РФ. В частности результативно выявляют и расследуют указанные противоправные деяния в ГУ МВД России по г. Москве, где зарегистрировано 1227 таких преступлений, в суд направлено 971 или 97,1% от числа расследованных, ГУ МВД России по Московской области – 698, 532 или 81,5% соответственно, г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области – 401, 272 или 99,3%, МВД по Удмуртской Республике – 263, 236 или 99,6%, ГУ МВД России по Нижегородской – 196, 145 или 91,8%, Самарской – 175, 126 или 96,2% и Свердловской – 101, 52 или 94,5% областям.

Уровень противодействия преступлениям, предусмотренным ст.ст. 322.1 и 322.2 УК РФ остается низким. В 2014 году в ряде территориальных органов МВД России зарегистрировано незначительное количество таких преступлений: МВД по Республике Алтай, ГУ МВД России по Алтайскому краю, Волгоградской, Нижегородской, Свердловской областям, УМВД России по Камчатскому, Хабаровскому краям, Астраханской, Белгородской, Владимирской, Мурманской, Пензенской, Сахалинской, Смоленской областям, Ханты-Мансийскому, Ямало-Ненецкому автономным округам.

В некоторых субъектах России таких преступлений вообще не было выявлено [1].

Причины недостаточной эффективности применения указанных норм видится нами в упущениях законодателя при технико-юридическом конструировании данных норм права (как диспозиций, так и квалифицирующих признаков). Это обстоятельство, кроме того, не позволяет учитывать все возможные преступные проявления, совершаемые в миграционной сфере, но не криминализованные до настоящего времени.

Рассматриваемые упущения выразились в нарушении законодателем принципа системности при конструировании норм права.

Рассмотрим систему квалифицирующих признаков ст.ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ.

В настоящее время такие признаки сформулированы только для ст. 322.1 УК РФ, в качестве которых в ней указаны: совершение преступления организованной группой и в целях совершения преступления на территории РФ.

Однако по данным статьям практически невозможно привлечь к уголовной ответственности, например лиц, совершивших преступления в сфере миграции группой лиц по предварительному сговору, в отношении двух и более лиц, лицом с использованием своего служебного положения, с применением шантажа, насилия или с угрозой его применения, с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность иностранного гражданина или лица без гражданства.

В связи с чем, полагаем необходимым расширение перечня квалифицирующих признаков для ст.ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ и включение в их систему следующих признаков:

- а) группой лиц по предварительному сговору,
- б) в отношении двух и более лиц,
- в) лицом с использованием своего служебного положения,
- г) с применением шантажа, насилия или с угрозой его применения.
- д) с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность иностранного гражданина или лица без гражданства,

Введение предлагаемых признаков будет способствовать реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности и наказания за совершение преступлений, недопущения вывода из-под действия уголовного закона общественно опасных деяний, посягающих на миграционные правоотношения, позволит исключить разрыв между преступными и неправомерными деяниями, что в свою очередь повысит эффективность правоприменительной практики.

В целом, предлагаемые изменения ст.ст. 322.1, 322.2, 322.3 УК РФ позволят, на наш взгляд, приблизить современное миграционное законодательство России к интересам общественной и государственной безопасности, а также будет в большей степени отвечать требованиям обеспечения государственного управления и контроля над миграционными процессами.

Список литературы/ Reference list

1. По данным ИЦ ГУ МВД России по Нижегородской области за 2014 год.
1. According to the 2014 data from the Information Center of the Head Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

УДК 347.1

Ахмадуллина А.Ф.,аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
Казанского (Приволжского) федерального университета**ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНСАЙДЕРА**

Статья посвящена анализу гражданско-правового статуса инсайдера. С учетом межотраслевых связей частного и публично-права дифференцируются основания приобретения статуса «инсайдер», приводится классификация инсайдеров, их субъективных прав и обязанностей. Выявляется проблема гражданско-правового статуса публично-правовых образований как инсайдеров. Предлагается авторский подход к определению содержания субъективного права на инсайдерскую информацию. Делается вывод о возникновении гражданско-правовых последствий исполнения инсайдерами установленных публично-правовыми нормами требований для реализации их субъективных гражданских прав и обязанностей, а также для обеспечения интересов инвесторов.

Ключевые слова: инсайдерская информация, инсайдер, доступ к информации, гражданско-правовое значение, гражданско-правовой статус

Akhmadullina A.,Postgraduate student of Chair of Civil and Business Law
of the Kazan (Volga Region) Federal University**FEATURES OF CIVIL-LEGAL STATUS OF THE INSIDER**

The article given is devoted to the analysis of the Insider's civil-legal status. Allowing for inter-industry relations of private and public law the grounds of obtaining the "Insider" status are differentiated and the Insider's classification and their subjective rights and responsibilities are offered in the article. There is indentified the issue of civil-legal status of public-legal entities as the Insiders. The article author's approach is provided to the content definition of subjective law to insider information. The article concludes about civil-legal consequences occurrence when the Insiders are executing the requests to implement their subjective civil rights and responsibilities and providing the investors interests, prescribed by public -legal norms.

Keywords: insider information, Insider, information access, civil-legal effect, civil-legal status

В правовом регулировании отношений, возникающих в сфере организованной торговли, одной из наиболее значимых проблем является информационная асимметрия [13], связанная с неравным доступом к нераскрытой информации, способной повлиять на рыночную конъюнктуру. Одним из путей преодоления информационного неравенства является создание правовых механизмов по раскрытию информации и предотвращению использования информации субъектами, имеющими к ней доступ в силу служебного или иного «привилегированного» положения. Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком» [23] (далее – Закон об инсайдерской информации) были заложены правовые основы для пресечения недобросовестной конкуренции, основанной на использовании при ведении биржевой торговли сведений, полученных ввиду служебного или иного «привилегированного» положения. Впер-

вые в российском праве был сформирован правовой режим **инсайдерской информации – достоверных нераскрытых сведений, раскрытие которых может оказать существенное влияние на цены финансовых инструментов, иностранной валюты, товаров, обращаемых на организованном рынке.**

В отношениях, связанных с противодействием неправомерному использованию инсайдерской информации, важно установить юридическую привязку инсайдерской информации как нормативно установленную возможность правового закрепления ее за конкретными субъектами права [12, с.172]. Такая юридическая привязка существует в отношении инсайдеров (ст. 4 Закона об инсайдерской информации). Термин «инсайдер» (англ. – insider) имеет английское происхождение и в Оксфордском словаре общей лексики обозначает: 1) лицо, связанное с обществом, организацией и посвященное в информацию, не доступную другим; 2) лицо, знающее тайну и использующее это преимущество [22, с.728]. Наделение статусом ин-

сайдера как правосубъектное средство приобретает значение в следующих аспектах: 1) раскрытие инсайдерской информации; 2) установление запретов на неправомерное использование сведений инсайдерами; 3) презумпция осведомленности инсайдеров при выявлении неправомерного использования инсайдерской информации. Преимущественное положение инсайдеров отражается на их гражданско-правовом статусе. Специфика гражданско-правового статуса инсайдера предопределяется в основном публично-правовыми требованиями, отражающимися на возможностях инсайдеров как участников гражданско-правовых отношений. В то же время реализация отдельных прав и обязанностей инсайдеров влияет на правовое положение инвесторов.

Категория «гражданско-правовой статус» является достаточно глубоко исследованной в цивилистике. Изучением правового статуса в рамках гражданско-правовой отрасли разное время занимались С. С. Алексеев, В. А. Белов, С. Н. Братусь, А. В. Венедиктов, О. С. Иоффе, О. А. Красавчиков, О. Н. Садилов, В. Ф. Яковлев и др. Многие отечественные ученые свои диссертационные работы посвятили исследованию гражданско-правового статуса отдельных субъектов гражданского права: А. В. Богданов, С. М. Григоренко, В. В. Громов, Н. И. Карпова, М. Г. Лепина, Ю. П. Каширина, В. Ю. Матвеев, Е. Г. Опытина, Р. А. Хасанов и др. Гражданско-правовой статус связан с правовым положением физических, юридических лиц, публично-правовых образований в системе имущественных и личных неимущественных отношений, регулируемых нормами гражданского права, и отражает способность субъекта быть участником имущественных и личных неимущественных отношений, основанных на юридическом равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности. Рассмотрение гражданско-правового статуса инсайдера приобретает значение при участии инсайдера в гражданско-правовых отношениях на организованном рынке. Отношения по приобретению, отчуждению, иному изменению прав на финансовые инструменты, иностранную валюту и (или) товары, возникающие между субъектами, основаны на юридическом равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности. О гражданско-правовой природе биржевых сделок и необходимости их гражданско-правового регулирования писали еще А. Ф. Волков [7, с.92], Я. М. Гессен [8, с.348], В. Т. Судейкин [15, с.66], П. П. Цитович [19, с.34], Г. Ф. Шершеневич [20, с.558]. Современные цивилисты также сходятся в понимании гражданско-правовой сущности данных сделок [1, с.28; 11, с.56; 16, с.88; 10, с.26]. Специфика заключаемых на торгах сделок заключается в их «обезличенности», особом характере их предмета, места заключения, наличии значительного количества нормативных требований, предъявляемым

к участникам, а также к юридическим процедурам заключения, исполнения, изменения и расторжения сделок. Гражданско-правовое значение выделения инсайдеров проявляется в том, что, когда инсайдеры приходят на биржу и участвуют в сделках, используя при этом информацию, не известную другим участникам рынка, нарушаются основы конкуренции и возникает «информационное» неравенство.

Как пишет Р. А. Хасанов, смысл выделения правового статуса субъекта права заключается в рассмотрении данного субъекта в совокупности его связей с иными субъектами права, изучении его положения относительно других субъектов в правовом поле [18, с.20]. При этом специальный правовой статус в науке понимается как совокупность прав и обязанностей, конкретизирующих и дополняющих общие права и обязанности, которые принадлежат определенному кругу лиц и характеризуют их специфику [6, с.46]. Гражданско-правовой статус инсайдера можно рассматривать как специальный правовой статус, обусловленный участием лица в гражданских правоотношениях в условиях обладания информацией, способной в случае раскрытия оказать существенное воздействие на цены объектов биржевой торговли. К примеру, инсайдер, обладая информацией, которая в случае раскрытия может привести к положительной динамике котировок акций эмитента, реализует свое право на совершение сделки. Другое лицо не обладает инсайдерской информацией и сделку не совершит либо совершит ее на свой риск. Обладая же инсайдерской информацией, относящейся к предмету сделки, это лицо сделку бы совершило, поскольку информационная неопределенность была бы значительно ниже. Таким образом, неравное распределение информации, способной оказать существенное влияние на динамику котировок финансовых инструментов, валюты, товара, способствует формированию неравных предпосылок для реализации гражданских прав по совершению сделок в отношении этих объектов.

Гражданско-правовое значение правового статуса инсайдера также выражено в том, что инсайдеры и иные субъекты гражданских правоотношений осуществляют торговлю объектами гражданских прав – ценными бумагами, иностранной валютой, товарами. И наконец, неправомерное использование инсайдерами инсайдерской информации вызывает гражданско-правовые последствия – возникновение убытков у добросовестных участников организованных торгов.

Традиционно в зарубежном праве используется два подхода к определению инсайдера – *информационно-связанный* и *персональный* [21, с.1]. Согласно первому инсайдером признается любое лицо, если оно обладает инсайдерской информацией об эмитенте и его ценных бумагах вне зависимости от наличия связи с эмитентом. Такой подход воспринят в Австра-

лии, Великобритании, Нидерландах, Сингапуре, США. Значительную роль в определении связи лица с информацией занимает судебная практика и в каждом конкретном случае устанавливается, считается ли лицо инсайдером. Одним из недостатков информационно-связанного подхода, на наш взгляд, является возможность чрезмерно расширительного толкования существующих запретов и применения ответственности к абсолютно любому лицу. Персонально-связанный подход подразумевает обязательное наличие связи с источником информации (эмитентом) и нормативное очерчивание круга лиц, персонально связанных с источником информации. Такой подход свойственен государствам континентального права, Китаю, Японии, Новой Зеландии. Воспринят он и в отечественном законодательстве. Классическое понимание инсайдерской торговли построено на *концепции фидуциарных отношений*, где ключевым признаком персональной связи служит наличие между компанией и инсайдерами фидуциарных отношений. Неизменно важным здесь становится определение круга лиц, находящихся в особых отношениях с компанией и несущих обязательства по сохранению конфиденциальности информации до публичного раскрытия, по воздержанию от использования ее в личных целях. *Теория злоупотребления* касается сторонних лиц, которые располагают инсайдерской информацией в силу договорных или иных, например, семейных отношений. Таких инсайдеров еще называют временными.

Норма статьи 4 Закона «Об инсайдерской информации» не дает определения инсайдера, ограничиваясь лишь приведением их исчерпывающего перечня. Отечественный закон, в отличие от многих зарубежных нормативных актов аналогичной направленности, не дифференцирует инсайдеров на различные категории, между тем, нормативно установленный круг инсайдеров достаточно широк и в него входят различные виды субъектов, объединяемых между собой определенными признаками. В правовом регулировании статуса «инсайдер» ярко проявляется принцип *единства и дифференциации правового регулирования* [9]. Единство правового регулирования статуса «инсайдер» предопределяется наличием легитимной связи с инсайдерской информацией, общими для всех инсайдеров запретами на использование инсайдерской информации. В соответствии со ст. 6 Закона об инсайдерской информации, инсайдерам запрещено, во-первых, использовать сведения при совершении сделок с объектами гражданских прав, связанных с инсайдерской информацией»; во-вторых, передавать инсайдерскую информацию третьим лицам; в-третьих, давать третьим лицам рекомендации по совершению сделок на основе инсайдерской информации.

Специфика гражданско-правового статуса инсайдера имеет важное процессуальное значение, поскольку статус инсайдера *a priori* означает то, что лицо, подозреваемое в неправомерном использовании инсайдерской информации, знало или должно было знать инсайдерскую информацию, а это налагает на правоприменительные органы (истца в гражданском и арбитражном процессе) необходимость доказывания использования инсайдерской информации. Если же лицо, подозреваемое в аналогичном правонарушении, не относится к инсайдерам, то необходимо доказать, что: а) оно знало или должно было знать инсайдерскую информацию; б) оно использовало инсайдерскую информацию.

Дифференциация оснований приобретения правового статуса «инсайдер» обуславливают необходимость дифференциации самих инсайдеров на «первичных» и «вторичных». Инсайдерская информация первичных инсайдеров возникает в результате их предпринимательской и иной деятельности. Такими являются субъекты, указанные в пп. 1-3, 9 ст. 4 Закона об инсайдерской информации. Для остальных категорий инсайдеров (пп. 4-8, 10-13 ст. 4 Закона об инсайдерской информации) наличие в их ведении инсайдерской информации носит производный характер, поскольку они получают сведения от первичных обладателей. В частности, информационное агентство может стать инсайдером, если на основании гражданско-правового договора получит инсайдерскую информацию эмитента для целей ее раскрытия. Следует отметить, что в числе инсайдеров есть и такие субъекты, которые могут выступать как в качестве первичных инсайдеров, так и в качестве вторичных. Например, организаторы торговли «вырабатывают» значительный массив информации, имеющей общерыночное влияние и в то же время получают инсайдерскую информацию в рамках гражданско-правовых договоров от участников торгов.

В перечне инсайдеров особое место занимают *публично-правовые образования* (п. 9 ст. 4 Закона об инсайдерской информации), под которыми по смыслу статьи 124 ГК РФ понимаются Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования; их структурные подразделения, органы государственной власти и местного самоуправления, а также их должностные лица. Инсайдерская информация данных субъектов имеет различное происхождение, поскольку обладание одними сведениями сопряжено с осуществлением функций и полномочий публично-правовых образований как носителей государственной или муниципальной власти, но в то же время инсайдерская информация у данных субъектов может возникать в силу их участия в гражданско-правовых отношениях. Так, например, при осуществлении деятельности по лицензированию, государство (в

лице соответствующих органов), как субъект публичной власти принимает решение о выдаче (приостановлении, аннулировании) лицензии на определенные виды деятельности в отношении конкретного юридического лица-эмитента. Информация будет являться инсайдерской в том смысле, что, будучи раскрытой, она может оказать влияние на динамику котировок акций (в положительную или отрицательную сторону) [2]. Когда же государство является участником гражданских правоотношений (например, при наличии у государства акций в акционерных обществах, при участии государства в торгах) также может возникнуть информация, способная оказать существенное влияние на рынок. Так, в частности, сам мегарегулятор Центральный Банк владеет на российском рынке: 50 + 1% акций ОАО «Сбербанк России», 22,47% акций ОАО «Московская Биржа», 8,9% акций ЗАО СПВБ. В результате получается, что он должен отчасти регулировать и контролировать сам себя, что, естественно, порождает серьезный внутренний конфликт интересов [5; 17]. В данной связи крайне важным является пресечение злоупотреблений со стороны публично-правовых образований и их должностных лиц.

Анализируя правовые нормы, закрепляющие перечень вторичных инсайдеров, необходимо отметить, гражданско-правовой статус инсайдера имеет межотраслевую правовую природу, поскольку юридические факты, возникающие в рамках гражданских, (пп. 3,4,5,6, 8, 11, 12, 13 ст.4), в том числе корпоративных (пп. 6, 7 ст. 4) трудовых (пп. 8, 13 ст. 4), административных (п.10 ст.4) правоотношений, служат основаниями для отнесения субъекта к инсайдерам и возникновения соответствующих правоотношений частноправового и публично-правового характера. К примеру, совершение гражданско-правовой сделки купли-продажи 25 процентов акций уставного капитала акционерного общества служит юридическим фактом для отнесения приобретателя акций к инсайдерам общества и возникновению обязанностей, предписанных нормами публичного права. Заключение трудового договора с эмитентом, в котором предусматривается доступ к инсайдерской информации эмитента, налагает на работника ограничения гражданско-правового характера по совершению сделок с использованием инсайдерской информации. Дифференциация инсайдеров в зависимости от оснований доступа к информации приобретает значение при решении вопроса о создании для инсайдеров действенной системы правовых стимулов и ограничений (стимулирование и ограничение инсайдеров-участников корпорации, инсайдеров-контрагентов, инсайдеров-работников и т.д.) [3, с.36].

Различные основания доступа к инсайдерской информации предопределяют дифференциацию субъективных гражданских прав и обязанностей, а

также ответственности инсайдеров. Так, только первичным инсайдерам принадлежит субъективное право на защиту от неправомерного использования сведений вторичными инсайдерами. Только вторичным инсайдерам принадлежит субъективное право на обжалование неправомерного включения в список инсайдеров. Обязанности по уведомлению первичных инсайдеров о сделках, совершаемых с их финансовыми инструментами, лежат на вторичных инсайдерах. Субъектами ответственности за неисполнение обязанности по раскрытию инсайдерской информации могут быть только первичные инсайдеры.

Поскольку доминирующее значение в регулировании связанных с инсайдерской информацией отношений отводится императивным методам регулирования с преобладанием запретов и предписаний, то пристального освещения требуют обязанности инсайдеров как структурный элемент их гражданско-правового статуса. Функционально обязанности инсайдеров можно разделить на следующие группы: связанные с обращением инсайдерской информации, связанные с ведением списка инсайдеров. *Связанные с обращением инсайдерской информации обязанности* инсайдеров включают в себя обязанности по определению собственных перечней инсайдерской информации; по разработке и утверждению порядка доступа к инсайдерской информации, правил охраны ее конфиденциальности и контроля за соблюдением требований законодательства об инсайдерской информации; по созданию структурного подразделения (назначению должностного лица), в обязанности которого входит осуществление контроля за соблюдением требований законодательства об инсайдерской информации. Межотраслевая правовая природа обязанностей по раскрытию инсайдерской информации проявляется в том, что даже если те имеют публично-правовые основания возникновения, последствия, наступающие в результате их реализации, являются гражданско-правовыми. Обязанность первичных инсайдеров по раскрытию инсайдерской информации способствует обеспечению реализации субъективных гражданских прав как самих участников корпорации, так и инвесторов. Здесь также важно заметить, что на уровне локальных регуляторов, а также гражданско-правовых договоров об оказании услуг по раскрытию инсайдерской информации первичные инсайдеры могут закрепить обязанности по обеспечению ограниченного доступа к сведениям до раскрытия, способы обеспечения обязательств по раскрытию (например, неустойку за нарушение существенного условия о сроке раскрытия инсайдерской информации).

Связанные с ведением списка инсайдеров обязанности относятся ко всем инсайдерам-юридическим лицам и включают в себя обязанности по веде-

нию списка инсайдеров; по уведомлению лиц, включенных в список инсайдеров об их включении в такой список и исключении из него, информированию о требованиях законодательства об инсайдерской информации; передаче списков инсайдеров организаторам торговли, через которых совершаются операции с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товаров; по передаче списка инсайдеров в Банк России по его требованию. Межотраслевая правовая природа обозначенных публично-правовых обязанностей выражена в том, все они имеют гражданско-правовые последствия. Так, лица, включаемые в список инсайдеров, ограничиваются в субъективных гражданских правах на совершение сделок с использованием инсайдерской информации, передачу ее третьим лицам и иные действия, подпадающие под установленные запреты. По совершению гражданско-правовых сделок, не связанных с инсайдерской информацией, ограничений в гражданско-правовом статусе инсайдеров нет. Публично-правовая обязанность по уведомлению о совершаемых сделках закреплена с целью выявления сделок, совершенных на основе инсайдерской информации. Интересно отметить, что в американском праве, например, законодательно установлены четыре периода в году, в течение которых руководящие компанией лица, держатели более 10 % ее зарегистрированных акций имеет право продавать или покупать акции (данные положения регулируются Параграфом 16 Закона об обращении ценных бумаг (Securities Exchange Act of 1934, Section 16) [24]. Продажа разрешена через 3 рабочих дня после выхода квартальной финансовой отчетности компании и продолжается 10-15 рабочих дней. Запрет на продажи установлен за 15 рабочих дней до выхода отчетности и 3 дня после ее опубликования. Более того, если сделки все же были совершены вопреки запретам, лица, их совершившие, обязаны вернуть компании все доходы, полученные в результате сделки. В российской корпоративной практике также встречаются подобные временные «моратории» на совершение сделок. В частности, такая практика применяется в компаниях ОАО «Лукойл», ОАО «Ростелеком», ОАО АФК «Система» ОАО «Э.ОН Россия» и др. и является вполне эффективной для целей минимизации рисков совершения злоупотреблений корпоративными инсайдерами и повышения инвестиционной привлекательности компаний.

Субъективные права инсайдеров можно классифицировать, во-первых, в зависимости от вида правоотношений, в которых участвуют инсайдеры. В регулятивных правоотношениях субъективные права инсайдеров на информацию (информационные права) содержат в себе возможности по использованию инсайдерской информации для удовлетворения имущественных интересов. Абсолютный характер этих

прав выражается в отношении инсайдера к объекту – к информации, а также юридических обязанностях третьих лиц не препятствовать осуществлению данного права. Другие субъективные права (право определять инсайдерскую информацию, право раскрывать информацию о сделках) в регулятивных правоотношениях носят организационный характер, поскольку их реализация способствует организации гражданских и иных правоотношений, связанных с обращением инсайдерской информации. И наконец, на уровне охранительных правоотношений отдельно выделяются субъективные права, характеризующиеся защитной направленностью (право первичного инсайдера на возмещение убытков или выплату компенсации в случае неправомерного использования вверенной вторичному инсайдеру информации, право вторичного инсайдера на обжалование неправомерного включения в списки инсайдеров).

В отличие от субъективных вещных прав, в частности, права собственности, содержанием которого является классическая триада правомочий владения, пользования, распоряжения [4, с.91], содержание субъективного права на информацию нормативно не раскрывается. Субъективное право на информацию в большинстве публично-правовых отношений и в некоторых видах частноправовых отношений относительного типа может пониматься как право на получение (на доступ к) информации. Таким правом на инсайдерскую информацию, предполагается, обладают вторичные инсайдеры и инвесторы. Абсолютное же субъективное право на информацию призвано обеспечить интересы того субъекта, который фактически обладает сведениями. Абсолютный характер присущ субъективному гражданскому праву инсайдера, поэтому его содержание следует раскрывать через правомочия, которые инсайдер может осуществить с информацией. А.А. Самохвалов, говоря о содержании абсолютного субъективного права на информацию, выделяет правомочия пользования и распространения информации [14, с.29]. На наш взгляд, по отношению к нематериальному благу – информации, правильнее говорить о правомочиях использования и передачи (в значении определять «юридическую судьбу»), которое можно осуществить как путем распространения сведений неограниченному кругу лиц, так и предоставления ограниченному кругу лиц. То есть в самом общем виде обладатель субъективного права на информацию вправе определять круг субъектов, которым также станет известна информация. Согласимся с А.А. Самохваловым в том, что нематериальный характер блага исключает возможность фактического господства над ним, а значит, и необходимость выделения правомочия владения (обладания) отпадает. Правомочие использования информации позволяет извлекать пользу от облада-

ния сведениями и применения их в своей деятельности. Абсолютное субъективное гражданское право инсайдера на инсайдерскую информацию, будучи значительно ограниченным публично-правовыми установлениями, включает в себе правомочия использования и правомочие передачи. Императивная норма статьи 6 Закона об инсайдерской информации очерчивает формы неправомерного использования инсайдерской информации, оставляя на усмотрение обладателя совершение всех иных действий по ее *правомерному* использованию и передаче. Возможности правомерного использования и распоряжения инсайдерской информацией детерминированы потребностями инсайдера в обеспечении его предпринимательской деятельности, а также его участия в частноправовых и публичных правоотношениях (трудовых, административных, налоговых, бюджетных и др.). В частности, инсайдерская информация о нарушениях, выявленных в результате аудиторской проверки, может быть использована первичным инсайдером для привлечения виновных лиц к материальной, дисциплинарной или гражданско-правовой ответственности. Информация о полученной прибыли необходима для определения налоговой базы. Таким образом, ограничения субъективного права инсайдера на информацию представляют собой ограничения содержания субъективного права в части правомочия использования и передачи информации. Пределы управомоченности и свободы инсайдера обусловлены необходимостью обеспечения интересов иных участников гражданских правоотношений, не обладающих инсайдерской информацией.

Из нормы пункта 5 статьи 10 Закона об инсайдерской информации можно выявить наличие у инсайдера субъективного права на раскрытие информации о совершенных им операциях с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами. Корреспондирующая этому праву обязанность возложена на организатора торговли, у которого про-

водятся такие операции инсайдера. Реализация субъективного права на раскрытие информации о сделках обеспечивает интересы как самого инсайдера, так и интересы инвесторов как его потенциальных контрагентов, поскольку наличие информации о совершаемых инсайдером сделках способствует увеличению доверия к нему со стороны инвесторов, а значит, повышает его инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность, что неоднократно подчеркивается в нормах Регламента ЕС о злоупотреблениях на рынке. В данной связи стоит подумать о закреплении обязанностей инсайдеров по раскрытию информации о сделках, поскольку это существенно повысит степень обеспечения интересов инвесторов, а значит, будет способствовать развитию гражданского оборота.

Гражданско-правовой статус инсайдера осложнен наличием дополнительных обязанностей и запретов. В частноправовых отношениях, участниками которых являются инсайдеры, четко прослеживаются межотраслевые связи гражданско-правового и иного отраслевого регулирования, поскольку ограничения и запреты, установленные нормами публичных отраслей права, влияют на реализацию гражданских прав и обязанностей. Реализация инсайдером прав и обязанностей влечет к повышению гражданско-правовой активности инвесторов, а значит, и развитию гражданского оборота на организованном рынке. В условиях низкого уровня развития правоотношений, связанных с противодействием неправомерной инсайдерской деятельности, важно закрепить эффективные правовые средства, призванные обеспечить надлежащее исполнение обязанностей инсайдерами, а также создать действенные правовые гарантии привлечения их к гражданско-правовой ответственности. Все это предопределяет необходимость пристального обращения к проблемам практики правоприменения с гражданско-правовых аспектов и развития дальнейших научных разработок.

Список литературы

1. *Абраменкова И.Г.* Биржевые сделки с ценными бумагами: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Абраменкова Ирина Геннадьевна. Москва, 2002. 216 с.
2. *Ахмадуллина А.Ф.* Особенности правового статуса публично-правовых образований в качестве инсайдеров по законодательству о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 3(31). С. 101-108.
3. *Ахмадуллина А.Ф.* Правовые стимулы и правовые ограничения в правовом регулировании противодействия неправомерному использованию инсайдерской информации // Юрист. 2015. № 12. С. 33-38.
4. *Ахметьянова З.А.* О видах вещных прав и их системе // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». Том 153, кн. 4. 2011. С.88-100.
5. *Баренбойм П.Д.* Создание мегарегулятора на базе Банка России в контексте его независимого конституционного статуса // Законодательство и экономика. 2013. № 6. С. 5-8.
6. *Белькова Е.Г.* Статус субъекта права // Известия ИГЭА. 2007. № 1 (51). С. 44-47.
7. *Волков А.Ф.* Биржевое право. Т.1. Биржевой суд и правила биржевой торговли хлебным товаром. Т. 1 / А.Ф. Волков. СПб, 1905. 464 с.
8. *Гессен Я.М.* Биржевые сделки по русскому праву. Банковская энциклопедия. Т. 2. Киев, 1917. 390 с.

9. *Егоров Н.Д.* Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. 224 с.
10. *Кирилловых А.А.* Сделки с ценными бумагами в фондовой торговле: механизм и правовые конструкции // Законодательство и экономика. 2014. № 3. С. 20-32.
11. *Куракин Р.С.* Биржевые договоры: понятие, система, правовое регулирование: дисс ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 224 с.
12. *Лапач В.А.* Система объектов гражданских прав: дисс. ... д-ра юрид. наук.– Ростов-на-Дону, 2002. 537 с.
13. *Матросов С.В.* Информационная асимметрия как фактор риска для института секьюритизации активов на мировом финансовом рынке // Вестник академии права и управления. 2015. № 3. С. 110 -115.
14. *Самохвалов А.А.* Информация как объект гражданских прав // Право: теория и практика. 2003. № 15. С.19-31.
15. *Судейкин В.Т.* Биржа и биржевые операции. СПб, 1892. 112 с.
16. *Толчинский М.А.* Правовое регулирование биржевых сделок на фондовом рынке: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Толчинский Максим Александрович. Москва, 2007. 162 с.
17. *Турбанов А.В.* Цели создания мегарегулятора на финансовом рынке России // Предпринимательское право. 2013. № 4. С. 2-5.
18. *Хасанов Р.А.* Гражданско-правовой статус обладателя исключительного права на товарный знак: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Хасанов Рихат Аухатович. Казань, 2010. 199 с.
19. *Цитович П.П.* Учебник торгового права. Выпуск I. Киев-СПб, 1891. 268 с.
20. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. Т.II. Товар. Торговые сделки. 4 изд. СПб., 1908. 625 с.
21. *Berkahn M.A., Su Z.* The Definition of "Insider" in Section 3 of the Securities Markets Act 1988: A Review and Comparison with Other Jurisdictions / Discussion Paper Series 218, 2003. 37 p.
22. English Dictionary / Oxford University Press, 2008. 1728 p.
23. Свод законов РФ. № 31. Ст. 4193.
24. Security Exchange Act of 1934 [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.sec.gov/about/laws/sea34.pdf>, свободный. (Дата обращения 21.12.2015).

Reference list

1. *Abramenkova I.* Exchange transactions with paper securities: Thesis of PhD in Law: 12.00.03 / Abramenkova G. Irina. Moscow, 2002. 216 p.
2. *Akhmadullina A.* Features of the legal status of public law entities as insiders according to the legislation on counteracting improper use of insider information // Actual Issues of Economics and Law. 2014. №. 3(31). P. 101-108.
3. *Akhmadullina A.* Legal incentives and legal constraints in the legal regulation of counteracting illegal use of insider information / Lawyer. 2015. №. 12. P. 33-38.
4. *Akhmet'yanova Z.* The types of property rights and their system // Scientific notes of the Kazan University. Series "Humanities". Part 153, Vol. 4. 2011. P. 88-100.
5. *Barenboym P.* The creation of a mega-regulator on the basis of the Bank of Russia in the context of its independent constitutional status // Legislation and Economy. 2013. №. 6. P.5-8.
6. *Bel'kova E.* The status of subject law // Proceedings of ISEA. 2007. №. 1 (51). P. 44-47.
7. *Volkov A.* Stock exchange law. Vol. 1. Exchange court and the rules of stock trading grain commodity. Vol. 1 / A. Volkov. SBR., 1905. 464 p.
8. *Hesse J.* The exchange transactions in the Russian law. The Bank encyclopedia. Vol. 2. Kiev, 1917. 390 p.
9. *Egorov N.* Civil-law regulation of public relations: Unity and differentiation. L.: Publishing office of the Leningrad University, 1988. 224 p.
10. *Kirillovykh A.* Transactions in securities in share trading: Mechanism and legal structure // Legislation and Economy. 2014. №. 3. P. 20-32.
11. *Kurakin R.* Exchange contracts: Concept, system, regulation: Thesis of PhD in Law. Moscow, 2014. 224 p.
12. *Lapach V.* The system of objects of civil rights: Thesis of Doctor of Law. Rostov-on-Don, 2002. 537 p.
13. *Matrosov S.* Information asymmetry as a risk factor for the Institute of asset securitization in the global financial market // Bulletin of Academy of Law and Management. 2015. №. 3. P. 110 -115.
14. *Samokhvalov A.* Information as an object of civil rights // Law: Theory and practice. 2003. №. 15. P. 19-31.
15. *Sudeykin V.* Stock exchange and exchange transactions. SBR., 1892. 112 p.
16. *Tolchinskiy M.* Legal regulation of exchange transactions on the stock market: Thesis of PhD in Law: 12.00.03 / Tolchinskiy A. Maksim. Moscow, 2007. 162 с.
17. *Turbanov A.* The goal of creating a mega-regulator on the Russian financial market // Business Law. 2013. №. 4. P. 2-5.
18. *Khasanov R.* Civil status of the holder of exclusive trademark rights: Thesis of PhD in Law: 12.00.03 / Khasanov A. Rishat. Kazan, 2010. 199 p.
19. *Tsitovich P.* The textbook of commercial law. Issue I. Kiev-SBR., 1891. 268 p
20. *Shershenivich G.* The course on business law. Vol. II. Product. Bargains. 4th edition. SBR., 1908. 625 p.

21. *Berkahn M.A., Su Z.* The Definition of “Insider” in Section 3 of the Securities Markets Act 1988: A Review and Comparison with Other Jurisdictions / Discussion Paper Series 218, 2003. 37 p.
22. *English Dictionary* / Oxford University Press, 2008. 1728 p.
23. Code of Laws of the Russian Federation. № 31. Art. 4193.
24. Security Exchange Act of 1934 [Electronic resource] Access mode: <https://www.sec.gov/about/laws/sea34.pdf>, free access. (Date of access: 21.12.2015).

УДК 330

Салихов Б.В.,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Московского университета им. С.Ю.Витте, главный научный сотрудник Лаборатории анализа процессов стандартизации и управления качеством отечественной продукции Института проблем рынка РАН

Салихова И.С.,

доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогообложения и таможенного дела Московского университета им. С.Ю.Витте

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА НЕЯВНОГО ЗНАНИЯ КАК КОГНИТИВНАЯ ОНТОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Предметом данной статьи является система качества неявного знания как естественная основа интеллектуального капитала и глубинный фактор развития современной экономики. Цель исследования заключается в выявлении интегральных условий и факторов повышения качества системы неявного знания как онтологии когнитивных и ключевых компетенций экономического агента. В связи с этим, основными задачами статьи являются: конкретизация трактовки сущности неявного знания; характеристика данного знания как когнитивного базиса современной экономики; анализ качественной целостности неявного знания и обоснование путей его развития. Научная новизна статьи заключается в разработке «системы генотипов» как концептуальных основ повышения качества системы неявного знания и развития когнитивных компетенций экономического агента. При этом обосновано, что повышение качества неявного знания становится системным когнитивным фактором развития современной поведенческой экономики и расширенного воспроизводства инноваций.

Ключевые слова: неявное знание, непередаваемое и передаваемое неявное знание, когнитивная структура экономики, качество неявного знания, экономический генотип

Salikhov B.,

Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Theory of Region Studies of the Moscow State Linguistic University, Professor of Chair of Management and Marketing of the Moscow Witte University, Chief Researcher Fellow of Laboratory for Analysis of Standardization Processes and Quality Management of Domestic Output of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences

Salikhova I.,

Doctor of Economics, Professor of Chair of Accounting, Taxation and Customs Affairs of the Moscow Witte University

THE QUALITY IMPROVEMENT OF IMPLICIT KNOWLEDGE AS A COGNITIVE ONTOLOGY DEVELOPMENT OF A MODERN ECONOMY

The subject of this article is the quality of the system of implicit knowledge as a natural base of intellectual capital and the main factor of the modern economy. The purpose of the study is to identify the integral conditions and factors to improve the quality of implicit knowledge system as the ontology of cognitive and core competencies of the entity. In this regard, the main objectives of the article are: specification of interpretation of the implicit knowledge essence; characteristic of this knowledge as a cognitive basis of the modern economy; the analysis of qualitative integrity of implicit knowledge and justification ways of its development. Scientific novelty of the article is to develop a "system of genotype" as conceptual frameworks of improving the quality of the implicit knowledge system and the development of cognitive competencies of the entity. It is proved that improving the quality of implicit knowledge becomes a systemic cognitive factor of modern economic development and the expanded reproduction of innovations.

Keywords: implicit knowledge, transmitted and non-transferable implicit knowledge, the cognitive structure of the economy, the quality of implicit knowledge, economic genotype

Неуклонно растущая интенсивность социально-экономических взаимодействий, а также усиление плотности когнитивного пространства делают необходимым ускоренную продуктивную объективацию неявного знания, минуя стадию его формализации. Если «бизнесу со скоростью мысли» соответствует формула «неявное знание – продуктивное знание», то «инсайт-бизнесу» релевантна формула «непередаваемое неявное знание – продуктивное знание» [1]. При этом, учитывая потребности личности в интеллектуальном развитии, система неявных знаний становится специфическим продуктом эндогенного потребления, что предопределяет необходимость создания качественно новой, именно наноэкономической парадигмы понимания когнитивных оснований современного хозяйства. Сказанное актуализирует, как минимум, два обстоятельства: во-первых, следует показать роль места неявного знания в структуре современной экономики; во-вторых, определить общий вектор управленческой деятельности по повышению качества неявных знаний современного экономического агента [2, 3].

Современная экономическая наука, как известно, оперирует с продуктовым и явным знанием; в меньшей степени исследуются условия и факторы развития неявного знания; еще меньше уделяется внимание инновационному потенциалу непередаваемого неявного знания. Между тем, современные корпорации конкурируют не столько товарами, сколько качеством своих интеллектуальных капиталов, и в добавленной стоимости объективируются не только профессиональные знания и компетенции человека, но и его психические свойства, ментально-ценностные модели, социальные компетенции, способности выстраивать доверительные отношения и многое другое, что «кристаллизуется» в систему неявного знания.

Известно, что неявное знание (англ. *implicit knowledge*) – это знание, которое не может быть легко передано другим субъектам. Этот термин был предложен Майклом Полани, который писал о процессе, а не о форме знания; термин использовался для обозначения вида знания, которое полностью или частично не формализовано (навыки, умения, ментальные модели, смыслы и др.). М. Полани отмечал, что мы «можем знать больше, чем способны рассказать», что неявное знание не артикулировано в языке и воплощено в телесных навыках, схемах восприятия, практическом мастерстве. Итак, под *неявным знанием* следует понимать специфический результат познания в форме творчески-трудовых компетенций, выступающих в качестве «сплава» ментальной модели, ценностно-смысловых конструктов, мотивов и интересов деятельности, а также ранее приобретенных знаний и практического опыта субъекта [4].

Из приведенного определения следует, что качество неявного знания, особенно, непередаваемого неявного знания, детерминировано далеко не столько целенаправленной образовательной деятельностью, сколько качеством идеологических и экзистенциальных убеждений, ментальных установок, воплощенных ценностей, психических процессов и свойств субъекта деятельности. Признание значимости психологических характеристик, а также форм индивидуального и коллективного поведения, профессиональными экономистами зафиксировало как существенный «сдвиг парадигмы» всей экономической науки. Активизация в современной экономике поведенческих форм означает признание не только целесообразности, но и необходимости выхода за рамки действующей методологической аксиоматики, или «дисциплинарной матрицы» [5, 6].

Важнейшее свойство неявного знания состоит в том, что оно может быть получено в основном посредством личного опыта, а также развивающего общения. Например, умение плавать или управлять автомобилем может быть приобретено только в результате личных тренировок, и никакие правила сами по себе не помогут этому научиться. Другой пример неявного знания – это знание языков. Человек, будучи погруженным в языковую среду, осваивает язык постепенно, не изучая правила грамматики и др. При этом *природа неявного знания* связана с тем, что люди умеют решать задачи огромной размерности и сложности. Формой неявного знания выступают различные компетенции субъекта, представляющие функциональное бытие общих и профессиональных знаний, а также определенного перечня психологических, социальных и множества других его свойств и качественных характеристик.

Ключевое место в общей системе знания занимает *непередаваемое неявное знание* как скрытое знание о том, как в принципе создавать уникальное новое знание. Это некий перечень сформированных ранее и постоянно совершенствующихся эндогенных знаний и умений, позволяющих субъекту постоянно развивать способы воспроизводства собственных создательных компетенций; это «знания и компетенции о создании новых знаний и компетенций». Субстанциальное качество непередаваемого неявного знания представляет собой синергетическое взаимодействие его врожденных психических свойств и множества приобретенных качеств в форме ранее полученных знаний и познавательных компетенций. Результат отмеченного «синергетического взаимодействия» может быть метафорически назван «когнитивной плазмой»; чем выше температура такой плазмы, тем выше уровень ее креативной продуктивности.

Непередаваемое неявное знание («когнитивная плазма»), во-первых, в процессе эндогенных

форм взаимодействий и развивающего обмена-общения формирует и совершенствует *эндогенный интеллектуальный капитал*, представляющий собой релевантный набор когнитивных компетенций по воспроизводству «знаний о том, как воспроизводить новые знания». То есть, экономика (наноэкономика) непередаваемого неявного знания есть деятельность по воспроизводству «когнитивной плазмы», где ключевую роль играют ментальные модели, ценностные смыслы, характеризующие качество *социально-экономического генотипа* экономического агента. Далее, во-вторых, «плазменные гены» всегда связаны с некоторой стратегической продуктовой нацеленностью, что приводит к соответствующим артикулируемым идеям; теперь непередаваемое неявное знание частично принимает передаваемую форму.

Передаваемое неявное знание – это также скрытое знание субъекта, во-первых, о том, как посредством различных форм обучения и самообучения воспроизводить экзогенный интеллектуальный капитал как систему знаний и компетенций определенной творчески-трудолюбивой направленности. Передаваемое неявное знание, во-вторых, призвано воспроизводить продуктивное знание о том, как в принципе генерировать новые продуктивные идеи. Экономика передаваемого неявного знания представляет собой не только обмен деятельностью, но и традиционную область научно-образовательной и учебно-профессиональной практики по воспроизводству соответствующих компетенций.

Явное знание есть функция передаваемого неявного знания, результат артикуляции человеческого мышления, который, с одной стороны, служит основанием для организации экономики явного знания, в рамках которой воспроизводятся методики создания баз знаний, патентов и др. С другой стороны, явное знание служит когнитивной (проектной) основой для конкретных продуктивных решений. Явное знание может быть как формализованным, так и неформализованным. Явное формализованное знание – это знание, выраженное в знаково-символической форме и сохраненное на различных носителях. Явное неформализованное знание субъекта есть знание, реально существующее, но не имеющее вещественную форму и представленное в качестве таких известных невещественных активов, как деловая репутация, система доверительных отношений, корпоративный лидерский капитал и т.д. Экономика явного знания, а также проблемы управления явными знаниями – предмет исследования многих ученых [7-10].

Продуктивное знание, или знание, материализованное в конечном потребительском продукте, есть функция явного знания и соответствующих компетенций. Особенности воспроизводства этих конечных продуктов характеризует современная экономика

неоклассики, известная как миниэкономика, микроэкономика, макроэкономика, мегаэкономика и т.д. Систему экономических знаний как таковых (неявных, явных и продуктивных) аккумулирует в себе поведенческая экономика, содержательное качество которой в существенной степени связано с неэкономическими условиями, факторами и механизмами хозяйственного развития.

Исходным пунктом поворота научных парадигм в сторону поведенческой экономики резонно считать начало третьего тысячелетия, когда сформировалась некая критическая масса исследовательских неэкономических результатов, существенно влияющих на экономическую динамику. При этом с когнитивной точки зрения, поведенческая экономика – это экономика, где актуализируется роль неявного знания, поскольку смыслы, направленность и логика экономических решений теперь определяется не столько собственно экономическими знаниями, сколько всем набором психических свойств, социальных конструктов и идеологических установок субъекта. В поведенческой экономике интегральный результат, выраженная в динамике добавленной стоимости, есть функция всех качественных свойств и профессиональных способностей экономического агента.

У истоков экономики неявного знания и, следовательно, поведенческой экономики стояли великие мыслители прошлого, обращавшие внимание на неэкономические факторы хозяйственного развития. В частности, К.Маркс отмечал, что результаты производства определяется «разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения» [11, с. 100]. Очевидно, что «степень искусства рабочего» есть функция всего набора его личностных свойств, а «степень технологического применения» также определяется уникальными способностями человека. Н.Д. Кондратьев также отмечал, что всегда «необходимо строго учитывать двойственную естественно-социальную природу человека» [12, с. 33]. Основную роль ученый отводит именно естественному началу человека, включающему его психический генотип, что составляет основание личностного неявного знания.

Также и Дж. Кейнс рассуждал о побуждении к инвестированию, психологических мотивах предпочтения ликвидности, даже об «*основном психологическом законе*» и многом другом, непосредственно связанном с поведенческими аспектами личности экономического агента [13]. А. Маршалла отмечал, что «одна лишь физическая ловкость теряет свое значение по сравнению с уровнем умственных способностей и настойчивым характером» [14, с. 238]. Следовательно, характер человека неявно выступают как специфический фактор создания добавленной стои-

мости. Й. Шумпетер основными мотивами экономического развития считал такие императивы прогрессивного экономического поведения, как «воля к победе, радость творчества и просто удовольствие, получаемое от работы» [15, с. 166-167]. Очевидно, что «просто удовольствие, получаемое от работы» вряд ли измеряется привычными инструментами неоклассического понимания сути экономических отношений.

Монография нашего современника Ю.Я. Ольсевича «Психологические основы экономического поведения», по сути, представляет собой психологическую азбуку экономики неявного знания. Здесь исследуются вопросы экономической психогеномики, анализируются психологические условия и факторы развития экономических институтов и организаций. Особое место в исследованиях Ю.Я. Ольсевича занимают вопросы взаимосвязи отечественной национальной психологии и экономики, а также неэкономические факторы эффективности экономических трансформаций [5]. Растет число работ, характеризующих роль духовно-нравственных, ментальных и ценностно-смысловых форм, обеспечивающих направленность и качественное содержание деятельности субъектов экономики всех уровней [16]. Все чаще появляются монографии и статьи, раскрывающие созидательную роль такого системного фактора производства добавленной стоимости, как *доверие* (специфическая форма неявного знания) [17, 18]. Должное внимание уделяется экономическим аспектам когнитивной истории, роли лингвистических условий и факторов, а также многим другим неэкономическим обстоятельствам, оказывающим существенное влияние на экономическую динамику [19-21]. Большой интерес представляют работы, анализирующие такие дихотомии, как «экономика и счастье», «экономика и достойная жизнь», «экономика и духовный капитал», «экономика и справедливость» и многие другие исследования [22-24]. Теперь вполне обоснованным видится положение о том, что уровень качества современного этапа социально-экономического развития, непосредственно определяется когнитивным качеством (когнитивной структурой) поведенческой экономики.

Когнитивная структура поведенческой экономики условно может быть представлена следующим тремя элементами. Во-первых, – это традиционная экономика продуктового знания с определенным набором продуктов, призванных удовлетворить насущные, прежде всего, утилитарные потребности. В этой экономике ограниченными ресурсами являются такие факторы производства, как вещественный, природный и человеческий капитал. Ментальные схемы восприятия экономической действительности здесь таковы, что вещественный капитал по-прежнему считается «основным», а природный и человеческий

капитал рассматриваются как «затратные» факторы производства.

Во-вторых, – это экономика явного, формализованного знания, представленного как функция «артикулированного интеллекта» и изложенного на бумажных и электронных носителях. В рамках этой экономики осуществляется воспроизводство *баз знаний*, аккумулирующих в себе ценные методики, алгоритмы решения исследовательских и других задач. Сюда же следует причислить производство, обмен и практическое использование патентов и лицензий, в которых формализованы апробированные позитивные результаты создателей инноваций. Системным фактором производства в экономике формализованного знания является интеллектуальный капитал, обладающий компетенциями сбора, обработки, хранения полезных знаний, а также компетенциями организации их производительного использования.

В-третьих, – это экономика неявного знания (непередаваемого и передаваемого), представленная «неартикулированным интеллектом», выраженным в латентных схемах мышления и восприятия действительности. Передаваемое неявное знание является основанием формализованных знаний, но истинное *когнитивное богатство* субъекта заключено в системе непередаваемого неявного знания, которое представляет собой «сгусток» его уникальных комбинаций врожденных и благоприобретенных черт и свойств [4, 6].

Экономика неявного знания есть специфическая сфера деятельности субъекта в рамках сложившихся ментальных и ценностно-смысловых моделей и форм восприятия, мышления и поведения, обеспечивающих создание и воспроизводство уникальных новых знаний, способностей и компетенций. Редкость ресурсов и существующий выбор определенной альтернативы познавательной и иной творчески-трудовой деятельности уникального субъекта, конституируют эту деятельность именно как экономическую. Факторами производства в наноэкономике непередаваемого и экономике передаваемого неявного знания являются, соответственно, *эндогенный* и *экзогенный интеллектуальный капитал* субъекта, представленный системой ранее сформированных познавательных и других уникальных знаний и компетенций. Очевидно, что инвестиции именно в интеллектуальный капитал являются стратегически и безальтернативно наиболее ценными. Систематизированный сравнительный анализ элементов когнитивной структуры поведенческой экономики представлен в таблице 1.

Научно-практический анализ экономики неявного знания обуславливает необходимость переосмысления исследовательских результатов экономической и когнитивной психологии, социальной психологии, экономической семантики, а также дру-

Когнитивная структура современной (поведенческой) экономики

№ п.п.	Параметры	Экономика продуктовых (материализованных) знаний	Экономика явных (формализованных, артикулированных) знаний	Экономика неявных (неформализованных, неартикулированных) знаний
1	Основная смыслообразующая целевая функция	Удовлетворение утилитарных потребностей субъекта	Удовлетворение экзогенных креативных потребностей в самореализации	Удовлетворение эндогенных креативных потребностей в перманентном саморазвитии
2	Целевая объектная структура (система объекта)	Весь набор продуктов и товаров рыночного и нерыночного обмена	Все индивидуальные и корпоративные базы явных знаний	Интеллектуальные капиталы субъектов деятельности
3	Основной фактор производства	Вещественный капитал с участием природного и человеческого капитала	Экзогенный человеческий и/или интеллектуальный капитал	Эндогенный интеллектуальный капитал экономического агента
4	Технологическая специфика (система процесса)	Традиционные технологии производства обычных рыночных и нерыночных благ	Технологии управления знаниями: сбор, обработка, хранение и использование знаний	Индивидуальные технологии самовоспроизводства интеллектуального капитала
5	Специфика инвестиционных программ	Инвестиции преимущественно в развитие элементов вещественного и природного капитала	Инвестиции в развитие сектора корпоративной экономики явного знания	Инвестиции времени и энергии в самостоятельное развитие когнитивных компетенций субъекта
6	Обобщенная характеристика ключевых компетенций	Ключевые компетенции связаны с созданием продуктовых инноваций	Ключевые компетенции связаны с созданием и развитием доступных баз знаний, включая краудсорсинг	Ключевые компетенции характеризуются критической ролью «знаний и компетенций о знаниях и компетенциях»
7	Способ создания ключевых компетенций	Создаются в процессе обычных форм обучения и практики производства	Создаются в процессе сбора, обработки, хранения и использования знаний	Создаются в процессе обмена деятельностью (развивающего обмена-общения)
8	Роль и место неявного знания в исследовательской практике	Неявное знание как «вещь в себе» и не является сферой специального исследования	Неявное знание как «вещь для себя»; становится объектом фрагментарного исследования	Неявное знание как «вещь для общества»; превращается в объект систематического исследования

гих смежных дисциплин и областей социально-гуманитарного знания. Все более очевидной становится проблематика выявления наиболее эффективных путей созидательного использования системы неявного знания как глубинного основания будущих продуктовых инноваций. Сказанное детерминирует решение, как минимум, следующих научно-практических задач.

Во-первых, становится императивом качественное обновление методологии современной экономической науки, где пока не обнаруживается достойное место системе неявного знания. Во-вторых, в общей системе неявного знания неуклонно возрастает роль непередаваемого неявного знания, что требует конкретизации условий и факторов его расширенного воспроизводства. В-третьих, актуализация непередаваемого неявного знания детерминирует формирование качественно новой парадигмы научно-образовательной деятельности, где критерием высокого когнитивного уровня становится способ-

ность собственника интеллектуального капитала к самостоятельному расширенному воспроизводству новейших знаний и компетенций.

Концепция «бизнеса со скоростью мысли» состоит в том, что каждый экономический агент должен стать микрофирмой по воспроизводству неявных знаний и компетенций о том, как самостоятельно воспроизводить новые знания и компетенции. В связи с этим, экономика неявного знания закономерно превращается в экономику самообразования. *Основным логическим умозаключением* здесь является то, что факторы, определяющие качество неявного знания, в конечном счете, являются факторами, детерминирующим ожидаемое качество конечных продуктов; это означает, что именно неявное знание должно стать объектом приоритетных исследований и соответствующих инвестиций. При этом, как следует из анализа, ключевым фактором создания и развития неявного знания экономического агента является его

социально-экономический генотип, онтологией которого является созидательный ментально-ценностный концепт. Одновременно динамической факторной силой производства и распространения системы неявного знания являются формы развивающего обмена-общения, характеризующего качество социально-сетового капитала субъекта.

Качество и скорость воспроизводства знания (неявного, явного и продуктового) непосредственно зависит от качества психологических, и множества других свойств субъекта, от его умения целенаправленно комбинировать набор естественных и благоприобретенных способностей. Этот набор психических и других способностей может быть охарактеризован как качество *экономико-психологического генотипа*, определяющего творчески-трудовое призвание (экологическую нишу) созидательной деятельности субъекта. В рамках экономико-психологического генотипа воссоздается релевантное *качество генотипа креативности* в форме инновационного мышления и релевантной системы творчески-трудовых мотиваций и интенций.

Ускорение всех видов взаимодействий в рамках развивающего обмена-общения непосредственно связано с *организационно-экономическим генотипом* субъекта, что предопределяет необходимость развития релевантной институциональной и организационной системы отношений. Качество организационно-экономического генотипа есть функция качества организационного и институционального капитала экономического агента, что объективирует потребность в развитии организационного и институционального предпринимательства. Высокое качество организационно-экономического генотипа становится мультипликатором повышения *качества профессионального генотипа*, выступающего функцией системы общей и специальной профессиональной подготовки субъекта. Названные формы генотипа, представляющие собой специфические факторы развития системы неявного знания («когнитивной плазмы») и определяющие его интегральное качество, показаны на рисунке 1.

Когнитивные компетенции, как функция «когнитивной плазмы», воспроизводят эндогенный и эк-

Рис.1. Система факторов, определяющих качество неявного знания субъекта

зогенный интеллектуальный капитал экономического агента. Данный капитал не только становится объектом собственности, но и принимает форму базовых и ключевых компетенций. Эффективность использования интеллектуального капитала экономического агента обеспечивается, прежде всего, «попаданием» субъекта в свою экологическую нишу (творчески-трудолюбивое призвание). Качество ключевых компетенций, в купе с мотивационным потенциалом, заключенным в рамках экологической ниши хозяйственного агента, формирует основание для ожидаемого высокого удельного веса в общей цепочке создания добавленной стоимости.

Исходя из рассмотренной системы факторов, непосредственно определяющих качество неявного знания субъекта, основное внимание должно уделяться формам и методам *управления всеми видами генотипа*, являющимися элементами формирования «плазменных генов» и, одновременно, элементами внутренней системы неявного знания как такового. Несомненно, основное внимание субъектов управления качеством неявного знания должно уделяться воспроизводству ментальных моделей и ценностных смыслов, определяющих общую направленность развития системы неявного знания. Далее необходимо исследовать социальное качество развития системы неявного и явного знания субъекта, где основное внимание следует уделить вопросам создания прогрессивных форм развивающего обмена-общения, развитию системы доверительных отношений. Проблемы управления скоростью воспроизводства неявных знаний объективно предопределяют необходимость развития организационных и институциональных инноваций.

Очевидной видится и проблематика повышения качества и эффективности воспроизводства когнитивного «сырья» для постоянного обновления неявных знаний, что предопределяет необходимость исследования управленческой специфики создания и развития *самообучающихся корпораций* как ключевых звеньев современной экономики. При этом проблемы формирования условий и развития факторов, обеспечивающих синергию человеческих взаимодействий в рамках воспроизводства «когнитивной плазмы», требуют *лидерского качества управления* процессом создания и совершенствования творческого потенциала субъекта экономики [25]. С этой целью большое внимание следует уделить управленческим аспектам формирования у экономических агентов инновационного, или полноценного мышления [19].

Интегральным результатом проведенного исследования являются следующие выводы, имеющие существенное значение для дальнейшей разработки

проблем неявного знания и экономики знаний. Во-первых, неявное знание становится ключевой проблемой, требующей срочного решения, как минимум, следующих научно-практических задач: а) выявить условия и факторы повышения эффективности расширенного воспроизводства личностных и корпоративных неявных знаний; б) разработать когнитивный механизм повышения эффективности обмена неявными знаниями в рамках внутрифирменных коммуникаций; в) конкретизировать эндогенные (личностные и корпоративные) элементы системы неявного знания как перспективное основание для соответствующего управленческого воздействия.

Во-вторых, актуализация системы неявного знания нацеливает на качественное обновление всей системы экономического образования, основной вектор которого следует направить на формирование и расширенное воспроизводство эндогенного интеллектуального капитала субъекта (когнитивных компетенций), или знаний о том, как воссоздавать новые знания и компетенции. Основными характеристиками образовательной деятельности здесь призваны стать: а) «самообразование через всю жизнь», как онтология индивидуального и корпоративного развития; б) обмен деятельностью, или развивающий обмен-общение, обеспечивающий межсубъектную «энергетическую передачу» неявного знания. Сегодня традиционные формы обучения «за университетской скамьей» теряют свой смысл; обучение должно стать максимально деятельностным, активным и многообразным [26].

В-третьих, актуализация неэкономических условий и факторов экономической динамики детерминирует необходимость формирования нового качества управления, объектной структурой которого, или «системой объекта» является весь набор *экономических генотипов*. Ключевое значение здесь имеют такие виды неявного знания, как ментальные модели, ценностные смыслы, доверие и ожидания, психические свойства и креативные способности, уникальные организационные и институциональные компетенции, методические навыки и умения, компетенции в самостоятельном развитии профессиональных навыков, способности инновационного и каузального мышления и т.д.

В-четвертых, актуальной видится научно-практическая задача поиска конкретных форм, способов и инструментов, обеспечивающих создание и реализацию действенных и понятных алгоритмов адресного воздействия неявного знания на процесс *создания добавленной стоимости* и, следовательно, на повышение уровня интеллектуальной безопасности, социальной конкурентоспособности и экономической устойчивости современного экономического агента.

Список литературы

1. *Гейтс Б.* Бизнес со скоростью мысли. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 241 с.
2. *Ведин Н.В.* Экономическая неоднородность обмена в хозяйственной эволюции общества. – СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2006. 218 с.
3. *Дресвянников В.А.* Построение системы управления знаниями на предприятии. – М.: КНОРУС, 2008. 344 с.
4. *Полани М.* Личностное знание. М.: Книга по требованию, 2013. 342 с.
5. *Ольсевич Ю.Я.* Психологические основы экономического поведения. М.: ИНФРА-М, 2010. 413 с.
6. *Белянин А.* Даниел Канеман и Вернон Смит: Экономический анализ человеческого поведения (Нобелевская премия за чувство реальности) // Вопросы экономики. 2003. № 1. С. 4-24.
7. *Корнаи Я.* Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 2. С. 4–23.
8. *Мильнер Б.З., Румянцева З.П., Смирнова В.Г., Блинникова А.В.* Управление знаниями в корпорациях. – М.: Дело, 2006. 304 с.
9. Экономика знаний: Коллективная монография / Отв. ред. д-р экон. наук, проф. В.П. Колесов. – М.: ИНФРА-М, 2008. 432 с.
10. *Харрингтон Дж., Воул Ф.* Совершенство управления знаниями. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2008. 272 с.
11. *Маркс К.* Капитал: критика политической экономии. Т.I. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 1200 с.
12. *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз. М.: Наука, 1991. 591 с.
13. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2002. 352с.
14. *Маршалл А.* Основы экономической науки. – М.: Эксмо, 2008. 832 с.
15. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. 864 с.
16. *Новичков В.И., Новичкова В.И., Салихов Б.В., Салихова И.С.* Духовно-нравственная онтология социально-экономического развития: монография. М.: КНОРУС, 2011. 328 с.
17. *Розинская Н., Розинский И.* Национальный проект «Доверие» // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 138–147.
18. *Сасаки М., Латов Ю., Ромашкина Г., Давыденко В.* Доверие в современной России (компаративистский подход к «социальным добродетелям») // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 83–103.
19. *Делия В.П.* Инновационное мышление в XXI веке / Гл. 2, 5. Балашиха: Изд-во «Де-По», 2011. 232 с.
20. *Медушевский А.* Российские реформы с позиций теории когнитивной истории // Вопросы экономики. 2016. № 3. С. 131–160.
21. *Кадочников Д.* Теоретико-экономический взгляд на языковую политику // Вопросы экономики. 2016. № 2. С. 128-141.
22. *Борисова Е., Кулькова А.* Культура, имена и экономическое развитие // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 81-107.
23. *Румянцева Е.Е.* Экономика счастья. – М.: ИНФРА-М, 2010. 96 с.
24. *Салихова И.С., Салихов Б.В.* Достойная жизнь человека как основа инновационного развития современной экономики // Инновации и инвестиции. 2010. № 3. С. 37-49.
25. *Салихова И.С., Антипова Д.А.* Феномен лидерского капитала в экономике корпоративных знаний // Финансы и кредит, 2014. № 35(611). С. 51-61.
26. *Салихова И.С.* Управление качеством интеллектуального капитала самообучающейся организации в экономике знаний: монография. М.: Дашков и К, 2015. 147 с.

Reference list

1. *Gates Bill.* Business with the Speed of Thought. M.: Eksmo-Press, 2001. 241 p.
2. *Vedin N.* Economic dissimilarity of exchange in the economic evolution of society. SBR.: Publishing house NPK "ROST", 2006. 218 p.
3. *Dresvyannikov V.* The building a knowledge management system in the enterprise. M.: KNORUS, 2008. 344 p.
4. *Polanyi M.* Personal Knowledge. M.: Book on Demand, 2013. 342 p.
5. *Ol'sevich Yu.* The psychological foundations of economic behavior. M.: INFRA-M, 2010. 413 p.
6. *Belyanin A.* Daniel Kahneman and Vernon Smith: The economic analysis of human behavior (Nobel Prize for the feeling of reality) // Issues of Economics. 2003. №. 1. P. 4-24.
7. *Kornai Janos.* The System Paradigm // Issues of Economics. 2002. №. 2. P. 4-23.
8. *Mil'ner B., Rumyantseva Z., Smirnova V., Blinnikova A.* The knowledge management in corporations. M.: Delo, 2006. 304 p.
9. The knowledge economy: Collective monograph / Executive editor Doctor of Economics, Professor V. Kolesov. M.: INFRA-M, 2008. 432 p.
10. *H. James Harrington and Frank Voehl.* The Perfection of Knowledge Management. M.: RIA "Standarty i Kachestvo", 2008. 272.

11. *Marx K.* Capital: A Critique of Political Economy. T. I. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2013. 1200 p.
12. *Kondrat'ev N.* The main issues of economic statics and dynamics. A preliminary sketch. Moscow: Nauka, 1991. 591 p.
13. *John Maynard Keynes.* The General Theory of Employment, Interest and Money. M.: Gelios ARV, 2002. 352p.
14. *Marshall A.* The Principles of Economic Science. M.: Eksmo, 2008. 832 p.
15. *Joseph Alois Schumpeter.* The Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy. M.: Eksmo, 2007. 864 p.
16. *Novichkov V., Novichkova V., Salikhov B., Salikhova I.* The spiritual and moral ontology of socio-economic development: Monograph. M.: KNORUS, 2011. 328 p.
17. *Rozinskaya N., Rozinskiy I.* The national project "Confidence" // Issues of Economics. 2015. №. 12. P. 138-147.
18. *Sasaki M., Latov Yu., Romashkina G., Davydenko V.* The trust in modern Russia (Comparative approach to "social virtues") // Issues of Economics. 2010. №. 2. P. 83-103.
19. *Deliya V.* Innovative thinking in the twenty-first century / CH. 2, 5. Balashikha: Publishing house "De", 2011. 232 p.
20. *Medushevskiy A.* The Russian reforms from the standpoint of the cognitive theory of history // Issues of Economics. 2016. №. 3. P. 131-160.
21. *Kadochnikov D.* Theoretic-economic perspective on language policy // Issues of Economics. 2016. №. 2. P. 128-141.
22. *Borisova E., Kul'kova A.* The culture, names, and economic development // Issues of Economics. 2016. №. 1. P. 81-107.
23. *Rumyantseva E.* The Economics of happiness. M.: INFRA-M, 2010. 96 p.
24. *Salikhova I., Salikhov B.* Decent human life as the basis for innovation development of the contemporary economics. // Innovations and Investments. 2010. № 3. P 37-49.
25. *Salikhova I., Antipova D.* The phenomenon of leadership capital in the corporate knowledge economy // Finance and Credit, 2014. №. 35(611). P. 51-61.
26. *Salikhova I.* The quality management intellectual capital of self-learning organization in the knowledge economy: Monograph. M.: Dashkov and Co, 2015. 147 p.

УДК 338.001.36

Шкодинский С.В.,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории
Московского государственного областного университета

Волков В.В.,

кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель Военного института железнодорожных войск
и военных сообщений

«РАБОЧИЙ ВОПРОС» В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Исследование проблем становления рынка труда Европейской России конца XIX – начала XX в. представляется весьма актуальным, т.к. это дает возможность по-новому взглянуть на стадийный уровень развития промышленности и сельского хозяйства России указанного периода, а также понять сущность и направленность развития России в XX в. Как представляется, выбор эффективной модели современного экономического развития невозможен без понимания исторических корней и процессов буржуазных преобразований в сфере трудовых отношений. В статье рассматривается вопрос ухода сельскохозяйственных рабочих от нанимателей в конце XIX – начале XX века. Сделан вывод о том, что этот феномен не носил характера всеобщей российской проблемы. Заостряется внимание на проблеме крайней неурегулированности взаимоотношений между нанимателями и рабочими, большой экономической и социальной ущемленности последних, отсутствия системы специальных организаций и служб по регулированию процесса удовлетворения спроса на труд его предложением.

Ключевые слова: рабочий вопрос, сельскохозяйственные рабочие, регулирование, сельское хозяйство, комитет, рынок труда, наниматели

Shkodinskiy S.,

Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of Economics Theory of the Moscow State Regional University

Volkov V.,

PhD, Associate Professor, Senior Lecturer of the Military Institute of Railroad Troops and Military Transport

THE “LABOUR QUESTION” OF THE EUROPEAN RUSSIA IN AGRICULTURE

The issue research of labour market formation of the European Russia in the late of nineteenth – early twentieth century seems to be very strong, because it has been giving an opportunity to take a fresh look the stage development level of the Russian industry and agriculture of the specified period and to understand the development essence and tendency of Russia in twentieth century too. It is submitted that the choice of the modern economic development effective model is not possible without an understanding of the historic backgrounds and bourgeois transformation processes in regard to labour relations. The article discusses the issue of agricultural workers withdrawal from their masters in the late of nineteenth – early twentieth century. It is concluded that this phenomenon was not a public Russian problem. This paper provides the extreme unresolved issue of relations between masters and workers, a great economic and social discriminate of the last named, the lack of special organizations system and services on regulation of a process to meet the demand on labour by its availability.

Keywords: labour question, agricultural workers, regulation, agriculture, committee, labour market, masters

В конце XIX – начале XX века ведомственные комиссии, земства, губернские совещания, сельскохозяйственная пресса и отдельные исследователи уделяли проблеме неурегулированности отношений между рабочими и нанимателями, то есть так называемому «рабочему вопросу», повышенное внимание [17, с. 428]. И не случайно, ибо социальный состав указанных органов во многом определялся принадлежностью к дворянскому сословию и помещичьим

кругам, а их главным мотивом в трудовых отношениях был простой и незатейливый лозунг, высказанный одним из помещиков – «дешево и сердито» [9, с. 348].

С жалобами на уход рабочих помещики обращались все пореформенное время [2, с. 3; 26, с. 88-90; 1, с. 98-100; 24, с. 70]. Наиболее ярко запечатлел эти настроения некий владелец Александровской и Черноморской экономий Таврической губернии, имеющий «(всего около сорока тысяч десятин земли)», в своем

письме в Департамент земледелия и сельской промышленности: «Хозяйства наши больше всего страдают от рабочих и, если год хороший, рабочие *положительно эксплуатируют* землевладельцев, предъявляя чуть ли не каждый день новые требования, об увеличении платы, об улучшении пищи, о перемене неугодного им приказчика и все это без *границ*; в самый разгар прекращают работы, создают праздники и, при малейшем неудовлетворении их *капризов*, уходят» [31, с. 48]. Другой южнорусский деятель, – В. Финк – договорился до того, что обвинил рабочих в угнетении нанимателей [24, с. 65].

Однако в помещичьей среде присутствовала и противоположная точка зрения. Наиболее ярко ее выразила помещица А.Д. Зацепина: «Мы нанимаем за сравнительно ничтожную плату годового рабочего; мы требуем от него изо дня в день максимума физической работы, которую ни в каком случае не в состоянии выполнить сами; мы кормим эту нашу рабочую силу весьма часто недостаточно и нередко недоброкачественной пищей: несвежим мясом, червивой солониной, затхлой мукой, снятым молоком, прокисшей капустой и т.п., словом, пищей, которую и в рот не возьмем сами.

Кто из нас прямо или через уполномоченных в этом не грешен?

Кто из нас не виновен в разного рода самоуправстве относительно их?

Кто не виновен, опять-таки косвенно, через своих объездчиков, сторожей, ключников, приказчиков и др. в постоянной, непристанной, площадной ругани их при всякой вине.

Все это делается везде, всегда, на каждом шагу с единственным оправданием: «все так делают».

Многие ли из нас в године бедствий и в несчастных случаях протягивают руку помощи нашей рабочей силе? Кто заботится о благоденствии рабочих? Допустим, что в большинстве случаев это – ленивые, неграмотные дикари и мещанское отребье... но все же нам нужны подобные люди, без которых мы перестанем быть помещиками» [18, с. 203].

Наиболее развернутую информацию по вопросу взаимоотношений сельскохозяйственных рабочих и нанимателей мы находим в ответах губернских совещаний.

Анализ ответов губернских совещаний о неурядицах на рынке сельскохозяйственного труда и их причинах показывает, что главным нарушением в отношениях нанимателей и рабочих был назван *самовольный уход последних до завершения срока найма*. Однако только в 12 губерниях из 43 это было признано частым и общим явлением, в 25 – частым, но не общим явлением и в 6 губерниях ухода рабочих происходили очень редко. Следовательно, в целом консервативные по своему составу губернские совещания признали, что так называемый рабочий вопрос

касался лишь четвертой части страны и не являлся общей проблемой.

Примерно в это же время Симбирский губернский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности разослал 400 вопросных бланков о частоте «самовольного ухода с работ» и получил 86 ответов. В итоге на 86 нанимателей пришлось только 97 самовольно ушедших рабочих [25, с. 10-11]. Таким образом, на примере Симбирской губернии видно, что общий вывод о незначительности феномена ухода является верным и для отдельного региона.

Важно отметить, что крестьяне, пренебрежительно относящиеся к работе у помещика, очень редко покидали подрядчиков-кулаков. Причину этого следует, на наш взгляд, искать, во-первых, в сословном «родстве» нанимаемых и нанимателей, в умении последних в нужный момент правильно «подойти» к простому человеку: уважить его разговором и угощением и, во-вторых, в особом порядке найма. Он состоял в искусственном увеличении предложения рабочих рук для уменьшения их цены, организации через сельскую администрацию артелей с круговой поручкой, заключении письменного договора и выдаче задатков [24, с. 76; 19, с. 512-517; 16, с. 124, 147]. То есть кулак научился синтезировать обычай и модерн. Однако на дальних заработках зачастую складывалась противоположная ситуация. Так, санитарный врач А. Марзеев сообщал, что в 1912 г. в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии особенно часто бросали летние работы те рабочие, которые нанимались «к крестьянам и хуторянам, у которых условия труда гораздо хуже, чем в крупных экономиях» [13, с. 747].

Некоторые современники той эпохи главной категорией уходящих считали пришлых рабочих [2, с. 8]. Однако ответы губернских совещаний это утверждение опровергают. Из 19 указаний 11 пришлось на местных рабочих и лишь 8 на пришлых.

Причины самовольного оставления работы были различными. Но чаще всего указывали на такой фактор как «крайне ненормальные условия сельскохозяйственного найма и безобразная обстановка труда» [25, с. 11].

В ответах губернских совещаний преобладали указания на несовершенство юридического механизма привлечения крестьян к уголовной и материальной ответственности – в 25 губерниях из 43. К этому примыкала жалоба на отсутствие обязательных письменных договоров найма – в 7 губерниях.

Отмечали совещания также недостаточное регулирование найма (6) и низкий уровень нравственности крестьян (12).

Из экономических причин можно выделить следующие: тяжелое экономическое положение крестьян (11) в купе с ростом платы в горячую пору (16) и системой зимней наемки (7).

Примерно в том же духе по урегулированию «рабочего вопроса» высказывались и опрошенные в 1894 году Министерством земледелия и государственных имуществ 16 губернских земств [15, с. 241-253]. При этом здесь также как и на губернских совещаниях развернулась борьба между либеральным крылом землевладельцев, видящим причину ухода рабочих в общем экономическом положении крестьян, игре рыночных сил, безответственности нанимателей, и консервативным крылом, которое источник неурядиц искало в невежественности и слабостью юридической ответственности крестьян. Однако, обе оппонирующие группы в целом высказывались за большую формализацию трудовых отношений (за обязательность рабочей книжки и договорного листа) и плановое общественное или государственное регулирование найма и передвижения рабочих.

Такое же противостояние возникло и между различными уездными и губернскими комитетами о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Консервативные комитеты (а их было большинство) размышляли над тем как сделать для рабочего чувствительным уголовное наказание и как уничтожить фиктивность его гражданской ответственности. Ими предлагалось усилить уголовное наказание, лишиться права его обжалования, заменить судебный порядок наказания на административный, привлекать ушедшего рабочего к ответственности не государством, а самим нанимателем, совместить уголовное и гражданское преследование, уравнивать письменные и устные договоры, ввести рабочие книжки и особые списки провинившихся, отсидку под арестом заменить обязательной отработкой, ввести рабочие команды и работные дома для уклонистов, запрещать им наниматься в течение трех лет и т.д. [25, с. 15-20]

Предложения представителей противоположной тенденции были тоже весьма разнообразны:

- Курмышский комитет Симбирской губернии и Самарский комитет постановили ходатайствовать о подчинении сельскохозяйственных рабочих «такому же порядку, какой существует для рабочих фабричных»;

- десять комитетов высказались за «организацию инспекции на подобие фабричной»;

- Киевский губернский комитет указал на необходимость исключения уголовного взыскания, введения охраны здоровья рабочих и защиты малолетних;

- Гродненский комитет проектировал воспретить наем на тяжелую работу лиц, не достигших 16-летнего возраста;

- Черкасский комитет Киевской губернии предлагал законом оградить рабочих от эксплуатации, обеспечить им надлежащее продовольствие и лечение.

Наиболее подробно вопрос о рабочем законодательстве был разработан Лохвицким уездным

комитетом Полтавской губернии, который предлагал отменить уголовное наказание рабочим за нарушение ими договора, точнее регламентировать систему штрафов и вычетов и направить полученные от этого деньги в пенсионные кассы, обязать нанимателей держать медицинский персонал и создавать больницы, предоставить земствам право регулирования условий труда, обязать земства публиковать образец продуктов питания, принятых в данной местности [25, с. 20-23].

Нерешенность «рабочего вопроса» в России во многом можно объяснить ежегодным перемещением огромных масс крестьянского населения на местные и отхожие промыслы и стихийным, неорганизованным состоянием инфраструктуры рынка труда и, прежде всего, процесса удовлетворения спроса на труд его предложением через деятельность специальных организаций и служб.

Эту проблему пытались неоднократно решить земства, правительство, общественные организации и частные лица.

Так, еще в 1854 г. последовало Высочайшее повеление об отправке косарей (до 40 тыс.) из Полтавской и Харьковской губерний в Новороссию для заготовки запасов сена для военных отрядов, следовавших в придунайские княжества. Не смотря на большую работу, проделанную чиновниками по сбору и доведению информации, снаряжению и отправке отрядов косарей, данное мероприятие закончилось неудачно, в связи с плохими погодными условиями и неурожаем трав [27, с. 109-110; 2, с. 116-118].

Далее инициативу по регулированию рынка труда подхватили земства.

В 1868 г. Елисаветградское уездное земское собрание Херсонской губернии пыталось организовать в Могилевской губернии наем рабочих «через посредство земских депутатов». По причине пассивности помещиков Херсонской губернии к предоставлению информации о рабочих местах почин земцев провалился. Таким же результатом закончилось возбуждение вопроса «об обеспечении губернии достаточным числом рабочих» Херсонским губернским земством в 1872 г. [27, с. 110-112]

В 1874-1875 гг. Сызранская уездная земская управа Симбирской губернии пыталась ввести информирование потенциальных рабочих о состоянии рынка труда в Самарской и Саратовской губерниях с помощью специальных корреспондентов. Однако из-за недостатка средств эти планы не реализовались [27, с. 112-113].

Ввиду разногласий между земскими деятелями не удалось организовать планомерное движение рабочих в Ростовский и Мариупольский уезды Екатеринославской губернии в 1875 г. Десять лет (с 1877 по 1887 гг.) тщетно пыталось осуществить те же планы и

Прилукское земство Полтавской губернии. В 1888 г. не нашел понимания и проект организации движения рабочих, разработанный Александровским земским собранием Екатеринославской губернии [27, с. 115-123].

Небольшой, но относительно успешный опыт в деятельности по подысканию рабочих мест нанимающимся приобрели посреднические конторы, открытые при содействии Е.Д. Максимова в организованных в 1899 г. лечебно-продовольственных пунктах Симбирской губернии [22, с. 63-65].

Определенный общественный резонанс вызвали проекты по регулированию рынка труда в масштабах страны, подготовленные некоторыми частными лицами и организациями:

- проект Н.П. Полыкова (1882 г.), изложенный в отчете об исследовании отхожего промысла между Харьковом и Таганрогом, предусматривал создание центрального рабочего бюро на юге России – «Центрального приказа отхожего промысла», регулирующего движение рабочих с помощью телеграфной связи между управами о отделениями приказа [2, с. 118-119];

- проект инженера Ф. Баталина (1889 г.), известный нам по его записке «Проект снабжения юга России рабочими», изданной в Севастополе 18 января 1889 г., также предполагал создание центрального рабочего бюро, но уже в Москве. Это бюро должно было включить в единую сеть организации найма рабочих все железнодорожные станции страны и через них осуществлять информирование всех учреждений и крестьян о местах и ценах, регулировать ценовую политику, формировать, отправлять и встречать рабочие команды [2, с. 119-120];

- проект бывшего члена-секретаря Донского общества сельского организации через них сбора информации о спросе на рабочие руки, концентрации ее в губернских агрономическо-рабочих бюро и в конечном итоге в Департаменте земледелия и сельской промышленности Министерства земледелия и государственных имуществ. По этому проекту агрономические смотрители могли быть и посредниками при найме рабочих. Кроме того, Безсалов предложил централизованно устанавливать цены на рабочие руки, исходя из среднестатистических показателей [27, с. 135-138];

- проект князя А.Г. Щербатова делал упор на организацию перемещения рабочих через посредство специальных контор, выработку проекта условий найма для различных местностей и введение таксы на труд в виде среднеарифметической минимальных заработных плат за несколько лет [28, с. 93];

- проект Е. Бранцевича рассматривал справочные конторы при полицейских управлениях как основу регулирования спроса и предложения на рын-

ке труда. С этой же целью, он предлагал цены на труд устанавливать губернаторам после консультаций с земствами и сельскохозяйственными обществами [2, с. 140-141];

- предложение Лубенской управы Полтавской губернии касалось регулирования заработной платы на съездах южных хозяев [27, с. 146];

- проект Владикавказской железной дороги об учреждении агентства по найму рабочих для сельскохозяйственного района Владикавказской железной дороги, которое должно было быть посредником при найме и органом, контролирующем их взаимоотношения [27, с. 134-135];

- проект верейского предводителя дворянства В.К. Шлиппе о народном труде, в котором он предложил «сделать обязательными для всех фабрикантов летние вакансии в страдную пору» [2, с. 142-143];

- предложение Корсунской управы Симбирской губернии об организации найма через базары, то есть по более открытым и взвешенным ценам [27, с. 147];

- предложение Оренбургского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности об учреждении справочных бюро в пунктах наибольшего скопления рабочих [21, с. 96];

- предложение Е.Л. Маркова Щигровскому уездному комитету о нуждах сельскохозяйственной промышленности о создании на средства земств и министерства земледелия особых контор по отысканию работы для отхожих рабочих [5, с. 863];

- предложение земского статистика В. Троицкого Горбатовскому уездному комитету об учреждении справочных местных и центральных бюро [6, с. 303];

- записка И.И. Петровского о создании при уездных земствах особых бюро найма [11, с. 360];

- в докладе помещика П.П. Костылева предлагалось учредить справочные или посреднические бюро при уездных земствах [7, с. 667].

Правительственные учреждения признали необходимость организации рынка труда в аграрном секторе. Так, в 1888-1889 гг. министр финансов обратился к министру внутренних дел с предложением предложить уездным земским собраниям Самарской и Екатеринославской губерний выработать мероприятия по регулированию передвижения рабочих. К мнению министра финансов присоединился и министр государственных имуществ, который признал полезным получить также заключения земств Курской и Полтавской губерний. В целом внимание правительства активизировало изучение данного вопроса со стороны отдельных обществ, земств и правительственных со-вещаний [30, с. 122-123].

В 1893 г. вопросом об упорядочении отхода занялось Московское общество сельского хозяйства, разославшее вопросные листы земским начальни-

Таблица 1.

Нарушения договоров

Губернии	Нарушение со стороны рабочих (в %)	Нарушение со стороны нанимателей (в %)
Херсонская губерния	69	31
Таврическая губерния	75	25
Донская область	63	37
Самарская губерния	60	40

Таблица 2.

В целом общий процент нарушений

Регионы	Нарушение словесных договоров (в %)	Нарушение письменных договоров (в %)
Новороссийский край	23	12
Северный Кавказ	26	15
Поволжье	11	9
Юго-восточный край	32	3

Источник: Полферов Я.Я. Сельскохозяйственные рабочие руки // Статистико-экономический очерк. – СПб., 1913. С. 23-24.

кам, земским управам, сельскохозяйственным обществам и отдельным помещикам. Из полученных ответов стало ясно, что корреспонденты общества разделились на две спорящие группы: сторонников административно-планового регулирования движения рабочих через агентства, бюро, конторы или железнодорожные станции и тех, кто выступал против этих планов. Высказывались также отдельные мнения о необходимости запрещения рабочим перемещаться без предварительного найма, об уменьшении железнодорожного тарифа и др. [2, с. 133-134]

Итогом всех рассмотренных проектов было то, что ни один из них не был реализован.

Сущность неурегулированности «рабочего вопроса» в сельском хозяйстве России состояла в том, что в отличие от западных стран в ее основании лежали не отношения найма (они были вторичными), а отношения противоборства двух систем хозяйства: крупного помещичьего и мелкого крестьянского с «посредничеством» кабальной кулацкой системы. Заваленный податями и платежами крестьянин был поставлен перед дилеммой: выполнить договор, обставленный тяжелыми условиями и при этом с большой вероятностью загубить свое хозяйство или же нарушить договор [29, с. 78-79; 12, с. 72; 3, с. 42-70; 23, с. 208]. Парадокс ситуации заключался в том, что, находясь в деревне, он не мог стать классическим про-

летарием. Этому мешала община, обычай, а также интересы нанимателей.

К началу Первой мировой войны тенденции в «рабочем вопросе» в целом не изменились.

В 1913 г. анкетное обследование, произведенное «Торгово-промышленной газетой» зафиксировало факт того, что нарушение словесных и письменных договоров в южной и юго-восточной степной зоне происходило как со стороны рабочих, так и со стороны нанимателей (см. таблицу 1) [20, с. 24].

Главными причинами нарушений в этих случаях были указаны: повышение или понижение цены рабочей силы и плохой харч.

В заключение отметим, что «рабочий вопрос» в том виде, в котором он преподносился помещиками в конце XIX – начале XX века, а именно, как вопрос об уходе рабочих от предпринимателей до окончания срока найма, не носил характера всеобщей российской проблемы. Однако, отталкиваясь от данной интерпретации, мы можем увидеть действительный рабочий вопрос в сельском хозяйстве России, а именно – проблему крайней неурегулированности взаимоотношений между нанимателями и рабочими, большой экономической и социальной ущемленности последних, отсутствия системы специальных организаций и служб по регулированию процесса удовлетворения спроса на труд его предложением.

Список литературы

1. Бранцевич Е.М. По рабочему вопросу на юге России // Труды императорского московского общества сельского хозяйства. 1893. Выпуск XXXVII.
2. Варб Е. Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и в законодательстве. Общественно-юридические очерки. М., 1899.
3. Зимняя наемка // Наблюдатель. 1885. №2.
4. Гомилевский В. К рабочему вопросу в Новороссии // Записки императорского общества сельского хозяйства южной России. 1883. Август.

5. Доклад Е.Л. Маркова // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XIX. Курская губерния.
6. Доклад земского статистика В. Троицкого об экономическом положении крестьянского населения Горбатовского уезда // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXIV. Нижегородская губерния.
7. Доклад П.П. Костылева // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXIII. Московская губерния.
8. Доклад императорскому обществу сельского хозяйства южной России по рабочему вопросу Совета общества // Записки императорского общества сельского хозяйства южной России. 1884. Апрель-май.
9. Жорский К. Рабочая сила в ферменном хозяйстве // Труды императорского Вольного экономического общества. 1869. Том первый.
10. Записка гласного В.Ф. Жданова по вопросу о найме сельскохозяйственных рабочих // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXIII. Московская губерния.
11. Записка заведующего имением Введенское лесничего И.И. Петровского о найме сельскохозяйственных рабочих // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXIII. Московская губерния.
12. Леонард П. Нужды сельского хозяйства. Полевой рабочий. Дорога. Рынок. – СПб., 1881.
13. Марзеев А. Обзор деятельности лечебно-продовольственных пунктов Верхнеднепровского уезда // Врачебно-Санитарная Хроника Екатеринославской губернии. Екатеринослав, 1913. №7-8.
14. Неручев М.В. Рабочий вопрос в его современном виде // Записки императорского общества сельского хозяйства южной России. 1877. Март.
15. Нужды сельского хозяйства и меры их удовлетворения по отзывам земских собраний. СПб., 1899.
16. Овсянников А.Н. Географические очерки и картины. СПб., 1880. Т. II. Малороссия.
17. О распоряжениях против уклонения рабочих от исполнения условий с землевладельцами. Циркуляр Министерства внутренних дел от 1 августа 1862 г. // Записки императорского общества сельского хозяйства южной России. 1862. Сентябрь.
18. Первый доклад землевладелицы А.Д. Зацепиной // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXXV. Самарская губерния. Бугульминский уездный комитет.
19. Полторацкий А. Замечание на статью «Нечто о вольнонаемном труде» // Труды императорского Вольного экономического общества. 1864. Том второй.
20. Полферов Я.Я. Сельскохозяйственные рабочие руки // Статистико-экономический очерк. СПб., 1913.
21. Свод заключений Оренбургского губернского комитета, составленный на основании протоколов его заседаний // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXVII. Оренбургская губерния.
22. Тезяков Н.И. Рынки найма сельскохозяйственных рабочих на юге России в санитарном отношении и врачебно-продовольственные пункты. СПб., 1902. Выпуск первый. Врачебно-продовольственные пункты для приехавших рабочих в Херсонской, Екатеринославской, Самарской, Симбирской и других губерниях.
23. Трирогов В. Община и подать. СПб., 1882.
24. Финк В. К материалу о рабочем вопросе // Записки императорского общества сельского хозяйства южной России. 1891. №4 Апрель.
25. Хижняков В.В. Об условиях найма на сельские работы. СПб., 1904.
26. Шатилов И.И. К рабочему вопросу // Труды императорского московского общества сельского хозяйства. 1893. Выпуск XXXVII.
27. Шаховской Н.В. Отхожие сельскохозяйственные промыслы. СПб., 1895.
28. Щербатов А.Г. Об упорядочении передвижения летних рабочих на юг // Труды императорского Московского общества сельского хозяйства. 1894. Выпуск XXXVII.
29. Щербина Ф. В каких законах нуждаются сельские рабочие? // Северный вестник. 1886. Май.
30. Эдельштейн В.И. Биржитруда. Организация посредничества по приисканию работы и рабочих на Западе и в России. Пг., 1916.
31. Ярошко А. Рабочий вопрос на Юге. Его прошедшее, настоящее и будущее. М., 1894.

Reference list

1. Brantsevich E. On the labor question in the South of Russia // Proceedings of the Imperial Moscow society of agriculture. 1893. Issue XXXVII.
2. Varb E. Hired agricultural workers in life and law. Socio-legal essays. M., 1899.
3. The winter hiring // Observer. 1885. №. 2.
4. Gomilevskiy V. To the labor question in the Novorossiya // Notes of the Imperial society for agriculture of the southern Russia. 1883. August.
5. Report by E. Markov // Proceedings of local committees on the needs of agricultural industry. SBR., 1903. Т. XIX. The Kursk province.

6. Report of the Zemstvo statistics by V. Troitskiy on the economic situation of the peasant population of the Gorbатовskiy County // Proceedings of local committees on the needs of agricultural industry. SBR.,1903. T. XXIV. The Nizhny Novgorod province.
7. Report by P. Kostylev // Proceedings of local committees on the needs of agricultural industry. SBR.,1903. T. XXIII. The Moscow province.
8. The report of the Imperial agricultural society of the southern Russia on the labor question, the Council of the society / Proceedings of the Imperial society for agriculture of the southern Russia. 1884. April-May.
9. *Zhorskiy K.* The labor force in truss agriculture // Proceedings of the Imperial free economic society. 1869. Volume one.
10. The note by a public V. Zhdanov on recruitment of agricultural workers // Proceedings of local committees on the needs of agricultural industry. SBR.,1903. T. XXIII. The Moscow province.
11. The note by the head of the estate Vedenskoe forester I. Petrovskiy on the employment of agricultural workers // Proceedings of local committees on the needs of agricultural industry. SBR.,1903. T. XXIII. The Moscow province.
12. *Leonard P.* The agriculture needs. The field worker. Road. Market. SBR.,1881.
13. *Marzeev A.* The overview of the activities of medical-food Verkhnedneprovskiy district // Medical-Sanitary Chronicle of the Ekaterinoslav province. Ekaterinoslav, 1913. №. 7-8.
14. *Neruchev M.* The labor question in its present form / Proceedings of the Imperial society for agriculture of the southern Russia. 1877. March.
15. The needs of agriculture and measures to meet them for reviews of the provincial Assembly. SBR.,1899.
16. *Ovsyannikov A.* The geographical sketches and paintings. SBR., 1880. T. II. Ruthenia.
17. On the regulations against evasion of workers to fulfill the terms with the landowners. Circular of the Ministry of Internal Affairs from 1st of August, 1862 // The notes of the Imperial society for agriculture of the southern Russia. 1862. September.
18. The first report of landowner D. Zatsepina // Proceedings of local committees on the needs of agricultural industry. SBR., 1903. T. XXXV. Samara province. The Bugulminskiy district Committee.
19. *Poltoratskiy A.* The comment on the article "Something about freelance work" // Proceedings of the Imperial free economic society. 1864. Volume two.
20. *Polferov Ya.* The agricultural manpower // Statistical-economic essay. SBR.,1913.
21. The set of conclusions of the Orenburg provincial Committee, drafted based on the minutes of its meeting // Proceedings of local committees on the needs of agricultural industry. SBR.,1903. T. XXVII. The Orenburg province.
22. *Tezyakov N.* The markets recruitment of agricultural workers in the South of Russia in respect to sanitary and medical and food items. SBR.,1902. First edition. Medical and food items for alien workers in the Kherson, Ekaterinoslav, Samara, Simbirsk and other provinces.
23. *Trirogov V.* Community and serve. SBR.,1882.
24. *Fink V.* To the material on the working issue / Proceedings of the Imperial society for agriculture of the southern Russia. 1891. №. 4, April.
25. *Khizhnyakov V.* About the conditions of employment for rural works. SBR.,1904.
26. *Shatilov I.* To the labour question // Proceedings of the Imperial Moscow society of agriculture. 1893. Issue XXXVII.
27. *Shakhovskoy N.* The seasonal work in agricultural fields. SBR., 1895.
28. *Shcherbatov A.* About streamlining of movement of the summer working on the South // Proceedings of the Imperial Moscow society of agriculture. 1894. Issue XXXVII.
29. *Shcherbina F.* What do the laws require rural workers? // The North Bulletin. 1886. May.
30. *Edel'shteyn V.* The labour exchange. The organization of mediation in finding work and workers in the West and Russia. Pg.,1916.
31. *Yaroshko A.* The labor question in the South. Its past, present and future. M., 1894.

УДК 331

Тарасов М.Е.,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права юридического факультета Якутской государственной сельскохозяйственной академии, директор Якутского филиала Московского института государственного управления и права, почетный работник науки и техники РФ, почетный сотрудник МВД РФ, лауреат премии МВД России

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ МАКРОЭКОНОМИКИ: СБЛИЖЕНИЕ ТРУДА И КАПИТАЛА, СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО

В статье речь идет о роли макроэкономики как отрасли экономической науки в жизни общества и государства. Изучение дисциплины «Макроэкономика» вызвана интересами общества и необходимостью разобраться в экономических явлениях и процессах. Предпринята попытка сформулировать вопросы и ответы на основные вопросы макроэкономики, выделить главные цели, задачи и ответственности правительства в условиях развития рыночной экономики. Указывается о необходимости сближения труда и капитала, их социальное партнерство в современных условиях развития государства, поддержание высокого уровня занятости в национальной экономике, поддерживается идея о необходимости решения вопросов повышения оплаты труда и увеличения МРОТ до прожиточного минимума (ПМ). Обосновываются предложения о необходимости вложения значительных средств со стороны государства и крупного бизнеса в развитие человеческого капитала.

Ключевые слова: экономика, макроэкономика, социальное государство, капитал, труд, производство

Tarasov M.,

Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of Civil and Business Law of the Law Faculty of Yakut State Agricultural Academy, Director of the Branch of Moscow Institute of Public Administration and Law in Yakutia, Honorary Worker of the Russian Engineering Science, Honorary Staff Member of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE MAIN ISSUES OF MACROECONOMICS: THE CONVERGENCE OF LABOR AND CAPITAL, SOCIAL PARTNERSHIP

The article it is about a macroeconomics role as an industry of the Economics in life of society and state. Studying branch of knowledge "Macroeconomics" is caused by interests of society and necessity to understand economic events and processes. The article author engages an attempt to formulate questions and answers to the main macroeconomics issues, to allocate main goals, tasks and responsibilities of government in the conditions of the market economy development. Specifying the necessity for rapprochement between labour and capital, their social partnership in the contemporary conditions of the state development, keeping a high employment level in a national economy the idea is supported the necessity to deal issues of increasing the wage and minimum monthly pay to the subsistence minimum (SM). The suggestions are substantiated the necessity for significant investment from the state part and large business in the human capital development.

Keywords: economy, macroeconomics, social state, capital, labour, production

По экономическим показателям и в особенности макроэкономике, каждый из нас имеет свои суждения. Именно в этом предмете сосредоточены сокровища экономической науки и образования. Экономика вот уже более трех веков остается одной из наиболее значимых для повседневной жизни наук, ибо именно экономические процессы оказывают непосредственное влияние, как на государственную политику, так и на благосостояние и социальный статус каждого из нас. Сегодня эконо-

мика России находится на переломном этапе своего развития.

Изучение предмета «Макроэкономика», как отрасли экономической науки, необходимы не только образованному человеку независимо от профессии, но и каждому. Известно, что эта дисциплина изучает, как функционирует народное хозяйство и как государство реализует свою экономическую политику, решая крупномасштабные народнохозяйственные проблемы. Кроме того преподавание макроэкономи-

ки как и экономической теории в вузах предполагает определенное единство взглядов на предмет этой важнейшей гуманитарной дисциплины, развивает особенно у студентов абстрактно-логическое мышление, формирует экономическое сознание, помогает к восприятию экономических явлений и процессов, которые определяют функционирование и развитие национальной экономики как единого целого. Наряду с этим необходимо учитывать тот известный факт, что специальность экономиста и сегодня продолжает оставаться самой востребованной у молодежи. И этот факт не случаен и связан с тем, что люди с древнейших времен стремились познать сперва законы природы, законы общественного развития и только потом они интересовались философией, политологией, общественным строем. И этот интерес у людей, как показывает время, никогда не исчезнет. Потому что все мы независимо от возраста, социального статуса, постоянно сталкиваемся с вопросами: какую экономику, какой общественный строй и какое государство мы создаем; какие социальные потребности экономика должна обслуживать; почему необходимые для технического прогресса отрасли промышленности пришли в упадок, при этом откуда берется «бешеный» рост доходов «олигархов»; почему растет безработица и снижается оплата труда; почему не оправдываются макроэкономические прогнозы и обещания Правительства страны, какие силы в этом им препятствуют? [1. С. 116]

На эти и другие возникающие, далеко не праздные вопросы, предстоит в будущем ответить нашим студентам. А для этого они должны быть хорошо подготовленными как в теоретическом, так и общеобразовательном плане, стремящимися к познанию, углублению полученных знаний, в том числе по экономике.

В этом аспекте нам бы хотелось кратко остановиться на таком факте, когда, некоторые специалисты считают, что отечественный рынок труда перегружен специалистами с высшим образованием, их 4,5 раза больше, чем необходимо. А невостребованных экономистов и юристов с высшим образованием на рынке труда еще больше. Все это так, но в этом студенты и преподаватели не виноваты. И эта проблема возникла не сегодня. Если не забыли, получение высшего образования совсем еще недавно считалось очень престижным, и осуществлялось на уровне государственной политики. Мы гордились, что наша страна занимала первое место в мире по числу студентов. Причина такого положения на наш взгляд в том, что в РФ поступают в вузы около 80 процентов школьников, в то время в США – 44, в Европейских государствах около 40 процентов [2]. Видимо в этом отношении со стороны государства нужна не только констатация факта, но и принятия необходимых безотлагательных продуманных мер по упорядочению и регулированию этого процесса.

Продолжая тему скажем, что одним из важнейших достижений экономики 20 века стало развитие науки макроэкономики, основателем которой считается Джон Кейнс, который в 1936 году опубликовал свою знаменитую книгу «Общая теория занятости, процента и денег» [3], где он окончательно сформулировал основные принципы макроэкономического анализа, создал систему государственного регулирования экономики, а также с этого момента в экономической теории выделились два относительно самостоятельных раздела: микроэкономика и макроэкономика [4. С. 24-25]. С этого момента макроэкономике определяют как науку о совокупном (агрегированном) поведении людей, о целостности экономической системы.

Теоретические предпосылки макроэкономического анализа, хотя они сложились, как мы выше отметили, только в 20 веке, корнями уходят в 17 век, когда В. Петти составил баланс доходов и расходов населения страны, тем самым предприняв впервые попытку анализа доходов и расходов всего общества [5. С. 76].

Конечно, поиски государственной политики в целях умножения богатства общества велись давно, с начала формирования первой научной школы экономической теории – меркантилизма, которая стала теоретической базой торгового капитала [6. С. 20].

Все это так, но наша задача в статье сформулировать ответ на основной вопрос макроэкономики, который имеет две атрибутивные стороны, обусловленные объективной диалектикой функционирования и развития, дискретности и непрерывности движения производственных отношений. Сущностной характер основного вопроса макроэкономики находит свое выражение в том, что решение всех без исключения проблем может даваться в системе теоретического знания лишь через призму соответствующего особенного интереса и в зависимости от него; иными словами, обоснование и разработка любой из этих проблем связаны с защитой исходно избранного коренного интереса.

Тут спора нет в том, что ключевым вопросом макроэкономики, независимо от взглядов на предмет ее исследования, является вопрос количественного определения стоимости и цены товара. Поскольку целью общественного производства является удовлетворение потребностей.

Со стороны процесса развития основной вопрос макроэкономики есть вопрос о том, в какой степени отношения капитала и труда соответствуют объективной задаче максимально возможного развития производительных сил, т.е. в более широком смысле – задаче совершенствования и поступательного движения общества. Выявление степени такого соответствия и означает, что осуществляется изучение производственных отношений в их взаимосвязи с производительными силами.

Обе стороны основного вопроса макроэкономики имеют, как подчеркнуто, атрибутивный характер – они находятся в диалектическом взаимодействии и друг без друга не существуют; можно сказать, что каждая из них является формой существования и проявления другой – хотя метод анализа допускает их рассмотрение при относительном абстрагировании друг от друга. В синтетическом категориальном определении основой вопроса макроэкономики может быть сформулирован следующим образом: каковы производственные отношения между собственниками и работниками, максимально способствующие росту эффективности производства и общественному прогрессу при данном уровне производительных сил? Ответы частично можно найти в учебниках «Экономика труда» под редакцией профессоров Н.А. Волгина и Ю.Г. Одегова [7], «Макроэкономика» М.К. Бункиной [4], «Общая экономическая теория (политическая экономия)» Н.Д. Елецкого [8], «Политэкономия (история экономических учений, экономическая теория, мировая экономика): Учебник для вузов» под редакцией Д.В. Валового [9], «Социальный аудит: учебное пособие» под общей редакцией профессоров А.А. Шулуса, Ю.Н. Попова и других [10].

Кроме того, наблюдаемый ныне сдвиг в производственных отношениях к всесторонней интеграции выдвинул на первый план проблему собственности – ключевую для всех общественных наук, и особенно экономической. Какая бы тема ни затрагивалась, подоплека все равно системная, поскольку, так или иначе, восходит к фундаментальному системному вопросу – вопросу о собственности.

Исходя из данных теоретических положений можно утвердительно констатировать, что все правительства стран с рыночной экономикой, куда несомненно относится и Россия, несут ответственность: 1) за обеспечение роста объемов производства; 2) повышение уровня занятости; 3) поддержание стабильности цен [11]; 4) практическое решение вопроса собственности, его теоретической проработки и реализации принципа научности в этом аспекте. И эти главные цели определяют центральные вопросы макроэкономики:

1. Почему объемы производства и уровень занятости периодически падают и как можно снизить уровень безработицы?

2. Каковы источники инфляции и с помощью, каких механизмов можно держать ее под контролем?

3. Как страна может повысить темпы своего экономического роста?

4. Когда произойдет значительный рост общественного богатства и его справедливое перераспределение, и соответствие отношений собственности задачам повышения эффективности экономической системы?

При рассмотрении этих названных основных вопросов следует учитывать неизбежность противо-

речий между перечисленными выше целями.

Успешность макроэкономической политики, направленной на поддержание высокой занятости, в значительной степени зависит от адекватной оценки мультипликативного эффекта, обеспечиваемого государственными и частными инвестициями. Как известно, конкуренция мультипликатора занятости была выдвинута Р. Каном в 1931 г. и развита Дж. Кейнсом в 1936 г.

Все страны с рыночной экономикой демонстрируют примеры расширения и сужения экономической деятельности (экономическими циклами). Экономисты знают, что высокие темпы инфляции оказывают эффект коррозии на рыночную экономику. Рыночная экономика использует цены в качестве меры экономической ценности товаров и услуг и способа управления предпринимательской деятельностью. Таким образом, темпы роста цен и резкое изменение цен показывают экономическую неэффективность и обусловлено таким экономическим процессом как взаимодействие денежной и товарной массы.

Среди всех дилемм макроэкономики самой сложной является компромисс между безработицей и инфляцией. В этом убеждает наш собственный опыт, который подсказывает осуществление квалифицированного макроэкономического анализа, проведения разумной кредитно-денежной политики, изучения обратной связи между безработицей и инфляцией. Как известно, высокий уровень безработицы и инфляции может вызвать экономические бедствия и политические волнения. В этих условиях остроту социальных конфликтов может нивелировать только социальное партнерство труда и капитала. Однако эти отношения не сложились даже в наиболее благополучных странах, и характеризуются многочисленными и многообразными противоречиями. Тем не менее сближение социальных качеств труда и собственности действительно является одной из доминант современного развития. Иными словами, поддержание высокого уровня занятости в национальной экономике, во-первых, предопределяет социальный мир в обществе; во-вторых, является обязательным условием макроэкономической стабильности [12. С. 3-4].

Макроэкономика сосредоточена на долгосрочной перспективе развития страны. Увеличение производственного потенциала на протяжении продолжительных периодов – 12, 20, 30 лет является определяющим фактором экономического роста и означает увеличение и качественное совершенствование общественного производства. Наряду с этим, основными факторами ее роста являются природные и трудовые ресурсы, основной капитал, рациональная структура экономики и экономическая политика государства [9. С. 301-302], в том числе социальная политика как одна из основных направлений внутренней политики государства. И как известно, целью со-

циальной политики является более полное удовлетворение потребностей членов общества, в том числе рост реальной заработной платы и уровня жизни.

Вместе с тем многие известные ученые страны (Волгин Н.А., Демидов И.Ф., Бурлачков В.К., Попов Ю.Н., Ржаницына Л.С. и др.), занимающиеся исследованием системы оплаты труда как социально-экономической категории считают, что труд в России недооценен, кроме того по их утверждению, внимание к вопросу заработной платы у Правительства практически отсутствует, хотя к пониманию о необходимости осуществления особой политики оплаты труда имеет место, свидетельство тому – повышение заработной платы врачам, учителям с целью снизить риск общей депрофессионализации, последствия которой явны для всех [13. С. 31]. Здесь наряду с другими не должно забываться, что труд в правовых государствах является объектом социальной защиты, и сегодня самыми актуальными проблемами становятся вопросы оплаты труда, в том числе установления МРОТ [14. С. 57].

Одним словом для разрешения этих компромиссов, к сожалению не существует простых формул и специалисты, занимающиеся с этими проблемами придерживаются различных подходов для их преодоления. Но тут одно очевидно, что в соответствии с Конституцией, Россия провозглашалась социальным государством, осуществляющим сильную социальную политику, которая опирается на такие важнейшие принципы, как: экономическая свобода, признание прав бизнеса и работников (профсоюзов) на равноправные партнерские отношения, справедливое распределение и перераспределение национального дохода и т.д. [10. С. 216-217].

Тут очевиден тот факт, чтобы зарплата стимулировала производство конкурентоспособного и инновационного продукта, необходимо фиксированную часть заработной платы рассчитывать на основе современной потребительской парадигмы, с учетом возрастных, отраслевых и региональных особенностей и реальных возможностей национальной экономики. По данным Национального антикоррупционного комитета (НАК) в теневом секторе экономики страны крутится порядка 300 млрд. долларов, кроме того страна в системе госзакупок ежегодно теряет 1 трлн. рублей [15. С. 155]. И в этом аспекте если государство

предпримет решительные бескомпромиссные меры по сокращению гипертрофированных масштабов теневой экономики и коррупции хотя бы на одну треть, а плоскую налоговую систему подоходного налога в отношении олигархов и крупных бизнесменов заменит на прогрессивную, то увеличение заработной платы по крайней мере в два раза, вполне достижимо. Тут очень важным, как нам кажется, известный постулат классика буржуазной политэкономии А. Смита, что человек всегда должен иметь возможность существовать своим трудом и его заработная плата должна, по меньшей мере, быть достаточной для его существования [16. С. 381].

В заключении скажем, что выход России на цивилизационный уровень, адекватный достижениям авангардных держав современного мира, требует решения триединой задачи: во-первых, неоиндустриализации на основе вертикальной интеграции собственности и перехода к инновационному типу воспроизводства; во-вторых, искоренения (или как минимум существенного ограничения) коррупции; в-третьих – кардинальных изменений в составе социальной элиты. Сегодня стало очевидно, что это не три разные задачи, а три стороны одной и той же задачи по неоиндустриальной модернизации российского общества.

И последнее, что в современных условиях вложения значительных средств со стороны государства и крупного бизнеса в развитие человеческого капитала будет иметь ключевое значение, потому что дальнейшее экономическое развитие будет определяться качеством человеческого потенциала [17. С. 192-193], и в условиях возрастающей конкуренции наиболее важными факторами конкурентоспособности стран становятся не земля, капитал и природные ресурсы, а высококвалифицированный человеческий капитал [18. С. 41, 48].

Кроме того, в 21 столетии процесс глобализации мировой экономики будет отражать не только накопление новых идей, теоретических положений и подходов в исследовании проблем экономики и социальной сферы, но и будет показывать активное внедрение инноваций в практическую реализацию человеческой деятельности во многих странах мира [19. С. 10].

И от того, сможет ли макроэкономика найти правильные ответы на вопросы, изложенные в статье, зависят жизни и судьбы многих миллионов людей.

Список литературы

1. Тарасов М.Е. О марковом наследии и современной экономической науке // Проблемы современной экономики. СПб., 2008. – №1 (25). С. 114-116.
2. Зубченко Е. Гири советского образца // Новые известия. – 19.09.2011. – № 167. URL: <http://www.newizv.ru/economics/2011-09-19/151452-giri-sovetskogo-obrazca.html> (дата обращения: 04.05.2016).
3. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости и денег. М., 1999.
4. Бункина М.К., Семенов А.М., Семенов В.А. Макроэкономика: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
5. Петти В., Смит А., Рикардо Д., Кейнс Дж., Фридмен М. Классика экономической мысли: Сочинения. См. раздел В. Петти Трактат о налогах и сборах. М., 2000.

6. Куликов Л.М. Экономическая теория: учебник. М., 2005.
7. Экономика труда: (социально-трудовые отношения). Учебник / Под ред. Н.А. Волгина, Ю.Г. Одегова. М., 2002.
8. Елецкий Н.Д. Общая экономическая теория (политическая экономия): учебное пособие. Изд. 2-е, доп. и перераб. Ростов н/Д., 2008.
9. Политэкономия. История экономических учений. Экономическая теория. Мировая экономика: Учебник для вузов / Под ред. Д.В. Валового. М., 1999.
10. Социальный аудит: учебное пособие / Под общ. ред. д.э.н., проф. А.А. Шулуса, д.э.н., проф. Ю.Н. Попова. М., 2008.
11. Тарасов М. Е., Кемадингар Т. В., Тарасова-Сивцева О.М. Вопросы конкурентоспособности как геоэкономический вектор развития национальной экономики и ее безопасности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85120.htm> (дата обращения: 04.05.2016).
12. Бурлачков В.К. Занятость как цель макроэкономической политики // Труд и социальные отношения. М., 2015. №1. С. 3-14.
13. Ржаницына Л.С. Заработная плата как фактор экономического оживления // Труд и социальные отношения. – М., 2015. № 1. С. 26-39.
14. Больницкая А.Н. Труд как область научных исследований // Труд и социальные отношения. М., 2015. № 1. С. 49-60.
15. Винокуров М.А. Роль государства в корректировке модели экономического роста России. СПб., 2014.
16. Фетисов Г.Г. Мировая экономическая мысль сквозь призму веков / Отв. ред. Г.Г. Фетисов. Т. 1. М., 2004.
17. Абалкин Л.И. Выбор за Россией. М., 1998.
18. Кязимов К.Г. Профессиональная компетентность в управлении человеческими ресурсами // Труд и социальные отношения. М., 2015. № 1. С. 40-48.
19. Мыреев А.Н. Качество жизни населения в условиях трансформации экономики: теория, проблемы, практика (на примере районов Крайнего Севера и Арктической зоны): монография / А.Н. Мыреев, А.А. Попов, С.В. Федорова. Якутск, 2015.

Reference list

1. Tarasov M. On Marx's heritage and modern Economics // Issues of Modern Economics. SBR., 2008. №1 (25). P. 114-116.
2. Zubchenko E. The poises of the Soviet model // Novie Izvestiya. 19.09.2011. №. 167. URL: <http://www.newizv.ru/economics/2011-09-19/151452-giri-sovetskogo-obrazca.html> (date of access: 04.05.2016).
3. John Maynard Keynes. The General Theory of Employment, Interests and Money. M., 1999.
4. Bunkina M., Semonova A., Semenov V. Macroeconomics: Textbook. 3rd Edition, Revised and enlarged. M., 2000.
5. William Petty, Adam Smith, David Ricardo, John Maynard Keynes, Milton Friedman. The classics of economic thought. Read the section of William Petty. Treatise on taxes and fees. M., 2000.
6. Kulikov L. The theory of Economics: Textbook. M., 2005.
7. Labor Economics: (Labor relations). Textbook / Under the editorship of N. Volgina, Yu. Odegova. M., 2002.
8. Eletskiy N. The general economic theory (Political economy): Textbook. 2nd Edition, Revised and enlarged. Rostov-on-Don, 2008.
9. The political economy. History of economic thought. Theory of Economics. Global economy: Textbook for higher education institutions / Under the editorship of D. Valovoy. M., 1999.
10. The social audit: Textbook / Under the general editorship of Doctor of Economics, Professor A. Shulus, Doctor of Economics, Professor Yu. Popov. M., 2008.
11. Tarasov M., Kemadingar T., Tarasova-Sivtseva O. The issues of competitiveness as a geo-economic vector of development of national economy and its security // Scientific-Methodical Electronic Journal "Koncept". 2015. Vol. 13. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85120.htm> (date of access: 04.05.2016).
12. Burlachkov V. Employment as a goal of macroeconomics policy // Labour and Social Relations. M., 2015. №. 1. P. 3-14.
13. Rzhantsyn L. Wages as a factor in economic recovery // Labor and Social Relations. M., 2015. №. 1. P. 26-39.
14. Bol'nitskaya A. Labour as a field of scientific research // Labour and Social Relations. M., 2015. №. 1. P. 49-60.
15. Vinokurov M. The role of the state in the adjustment model of economic growth in Russia. SBR., 2014.
16. Fetisov G. The global economic thought through the prism of centuries / Executive editor G. Fetisov. Vol. 1. M., 2004.
17. Abalkin L. The choice for Russia. M., 1998.
18. Kyzimov K. The professional competence in human resource management // Labor and Social Relations. M., 2015. №. 1. P.40-48.
19. Myreev A. The population life standard in the conditions of transformation economy: theory, issues, practice (Through the example of regions of the Far North and Arctic Zone): Monograph / A. Myreev, A. Popov, S. Fedorova. Yakutsk, 2015.

УДК 331.108

Новиков В.Г.,

доктор экономических наук, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и государственного управления Московского государственного областного университета

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ЕГО СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ КАК БАЗОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ И ОТРАСЛЕВОГО КОМПОНЕНТА

Человеческий капитал не только способен увеличивать уровень собственной капитализации, но и выступает основным фактором, обеспечивающим сохранение, эффективное использование и увеличение уровня капитализации всей социально-экономической системы – на уровне самого его носителя, домохозяйства, организации, отрасли, региона, страны в целом. Формирование и использование человеческого капитала – это длительный, сложный и индивидуальный процесс, ведь каждый его носитель проходит в развитии своего человеческого потенциала уникальную траекторию познания и опыта. Процесс формирования человеческого капитала идет, прежде всего, в рамках преобразования трудового потенциала в кадровый потенциал в конкретных условиях профессиональной деятельности. В данной статье человеческий капитал рассмотрен с точки зрения систематизированного категориально-понятийного аппарата: человек, его способности и возможности – рабочая сила (как способность к труду) – трудовые ресурсы (совокупность трудоспособного населения конкретной территории) – экономически активное и неактивное население – кадры (профессионализированные и закрепленные в определенной отрасли, организации трудовых ресурсов) – человеческий капитал

Ключевые слова: человеческий капитал, рабочая сила, трудовые ресурсы, кадры, кадровый потенциал, социальный капитал, работник, трудосубъектность

Novikov V.,

Doctor of Economics, Doctor of Sociology, Professor, Professor of Chair of Management and Public Administration of the Moscow State Regional University

THE HUMAN CAPITAL: ITS ESSENCE AND CONTENT AS THE BASIC SOCIAL-ECONOMIC CATEGORY AND A SECTORAL ELEMENT

The human capital is not only able to increase the level of self capitalization, but also it is a primary factor which is providing the maintenance, the effective use and the level increase of overall social-economic system capitalization – at the level of one's carrier, house management, organization, sector, region, country as a whole. The human capital formation and use is a long, complex and individual process, because every day its carrier is undergoing unique path of comprehension and experience in the development of its human capacity. The formation process of human capital is moving through the transformation of labour potential in human resources potential in specified conditions of professional activity, primarily. In this article the human capital is considered in terms of a systematic categorical-conceptual apparatus, as following: a human being with its abilities and capabilities – a work force (as an ability to work) – labour supply (the summation of work age population of a specific territory) – the economically active and inactive population – the staffing (professional and fixed in a particular sector, the arrangement of labour supply) – the human capital.

Keywords: human capital, work force, labour supply, staffing, human resources potential, social capital, worker, labour-subjectivity

Исследование человеческого капитала требует, прежде всего, его рассмотрения в системе категориально-понятийного аппарата, характеризующего субъектную сторону общественного труда и, следовательно, сущности системных для этого аппарата понятий. Только после этого можно переходить

к методам изучения, оценкам состояния и прочим теоретическим аспектам исследования интересующих нас проблем.

Общественный труд имеет исходной базой количество и качество населения, в том числе его творческие возможности. Население – источник ресурсов

для труда, носитель определенных социально-экономических отношений, а его трудоспособная часть представляет собой субъектный или личностный фактор производства. Созидательная роль человека труда раскрывается через содержание таких категорий, как «трудовые ресурсы», «человеческие ресурсы», «рабочая сила», «экономически активное население», «кадры», «человеческий потенциал», «человеческий капитал», «социальный капитал» и т.д. [2, 3, 4, 5, 8, 9, 11, 13, 14]. Отсюда возникает необходимость в рассмотрении содержания и иерархической взаимосвязи указанных категорий

Формирование и использование человеческого капитала требует предварительных затрат от человека, организации, государства и общества в целом. Человеческий капитал, выступая активным компонентом отрасли, не только способен увеличивать уровень собственной капитализации, но и выступает основным фактором, обеспечивающим сохранение, эффективное использование и увеличение уровня капитализации всей системы агропроизводства и сельских территорий в целом – на уровне самого его носителя, сельского домохозяйства, организации, отрасли, региона, страны в целом.

Процесс формирования и использования человеческого капитала, на наш взгляд, следует рассматривать с точки зрения систематизированного категорийно-понятийного аппарата: человек, его способности и возможности – рабочая сила (как способность к труду) – трудовые ресурсы (совокупность трудоспособного населения конкретной территории) – экономически активное и неактивное население – кадры (профессионализированные и закрепленные в определенной отрасли, конкретной организации трудовые ресурсы) – человеческий капитал [8].

Непосредственным выражением человеческого капитала любого общественно-хозяйственного института являются трудовые ресурсы и кадры. Анализ их должен учитывать все многообразие связей «трудовые ресурсы – подготовка кадров – повышение их квалификации – рынок труда – закрепление кадров и использование трудовых ресурсов». При этом сегодня необходимо считаться с новыми вызовами и спецификой функционирования и развития того или иного института. Так, например, в современном российском агроделе ее придают многоукладность сельской экономики, которая является признаком объекта анализа, и рынок труда, обуславливающий специфику его предмета, особый тип механизмов формирования и утилизации трудовых ресурсов и кадрового потенциала.

«Трудовые ресурсы» – та часть населения определенного возраста (верхние и нижние границы трудовых ресурсов устанавливаются законодательно), обладающая необходимым для общественно полез-

ной деятельности здоровьем, образованием и, как правило, квалификацией, профессиональными знаниями. К этой категории относятся как работающие, так и не работающие по разным причинам, но обладающие трудоспособностью члены общества.

Наиболее развернутое понятие трудовых ресурсов, на наш взгляд, представлено Г.С. и Г.Р. Вечкановыми: «Как экономическая категория трудовые ресурсы выражают отношения, складывающиеся между обществом, трудовым коллективом и отдельным индивидом по поводу производства, распределения, перераспределения и использования сформированной трудоспособности, соответствующие их интересам, общественным потребностям и уровню развития научно-технического прогресса» [2, с.692]. Такое понимание трудовых ресурсов позволяет интегрировать в одной системе отношений три уровня формирования и реализации трудовых ресурсов – уровни индивида, организации и общества, а также учитывать момент самореализации человека в процессе трудовой деятельности.

Трудовые ресурсы как категорию можно изучать с демографической, экономической, социологической и статистической позиций.

Демографический аспект отражает зависимость трудовых ресурсов и основных демографических процессов. Он учитывает такие характеристики, как возрастная-половая структура населения, рождаемость и смертность, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, фактически средняя продолжительность жизни населения, показатели плотности и расселенности, брачности, миграции (которая становится все более значимым фактором формирования трудовых ресурсов) и др.

Как экономическая категория, трудовые ресурсы выражают экономические отношения по формированию, распределению и использованию трудоспособного населения в общественном производстве и других сферах человеческой деятельности.

Социологический аспект рассматривает как формирование и использование трудовых ресурсов внутри исторически определенной общественной формации, так и под ее влиянием. Здесь мы имеем дело с процессами, связанными с воспроизводством социальной структуры и ее основных элементов, динамикой социальных процессов, базовых социальных институтов и организаций.

Статистический аспект трудовых ресурсов характеризуется трудоспособным возрастом продуктивной деятельности их носителей.

Анализ трудовых ресурсов предполагает количественную оценку показателей их общей численности, плотности размещения, естественного прироста, соотношения по полу и возрасту и таким демографическим группам, как подростки, молодежь, взрослые,

пенсионеры. Качество их характеризуется половозрастной структурой, образованием, квалификацией, навыками к труду, здоровьем, продолжительностью трудовой деятельности, социально-экономической мобильностью, соотношением между занятыми умственным и физическим трудом в производстве и непромышленной сфере. В своей совокупности названные показатели выражают степень развития человеческого капитала, взаимосвязи его экономического содержания с демографическим, социологическим и психологическим.

Трудовые ресурсы можно охарактеризовать следующей системой показателей: с физической стороны – численностью трудоспособного населения, его экономической активностью, ее продолжительностью, количеством отработанного времени на одного трудоспособного, средним возрастом занятых в общественном производстве; с интеллектуальной – уровнем общего и профессионального образования, стажем работы, профессионально-квалификационной структурой кадров, учет которой необходим для баланса потребностей с профилем подготовки; с социальной стороны – условиями труда, социальным положением, психологическим типом личности, характером её мотивированности к труду, составом семьи, материальной и жилищной обеспеченностью, уровнем потребления материальных благ и услуг, образом жизни.

Население в трудоспособном возрасте определяет только потенциал трудовых ресурсов. Фактические трудовые ресурсы характеризуются используемым потенциалом трудоспособного населения, распределением его по сферам занятости или приложения труда: в сфере общественного (занятость в различных организациях) и личного труда (занятость в личном подсобном хозяйстве, индивидуальной трудовой деятельностью, в домашнем хозяйстве); в сфере обучения (занятость в учебных заведениях с отрывом от производства); в сфере вооруженных сил (военнослужащие).

Экономически активное население представляет та его часть, которая предлагает свой труд для производства товаров и оказания разнообразных услуг. Эта категория охватывает как занятых, так и безработных – лиц, не имеющих работы (доходного занятия), но ищущих ее или пытающихся организовать собственное дело, готовых приступить к работе. Таким образом, категории «экономически активное и неактивное население» вытекает из понятия «трудовые ресурсы». И в первом, и во втором случаях субстанцией является трудоспособное население. Но они выражают разные аспекты производственных отношений.

Трудовые ресурсы обладают свойствами потенциальности и обезличенности. Их можно «распределять», «перераспределять», «использовать» и т.д.

Они могут быть вовлечены в процесс производства, а могут остаться за его пределами. С позиций интересов общества целесообразно максимальное вовлечение трудовых ресурсов в хозяйственную деятельность и производственный процесс.

Трудовые ресурсы являются «территориальной» категорией, а соответственно процессы их воспроизводства, формирования и использования должны увязываться с территориальной организацией, хозяйственной деятельностью, поэтому ответственность за их использование становится прерогативой руководства страны, региональных и муниципальных органов власти. Недаром В.В. Путиным было инициировано принятие Постановления Правительства Российской Федерации № 440 от 3 июня 2011 года, в котором обоснована необходимость и изложены основные правила разработки прогноза балансов трудовых ресурсов [1].

Несмотря на значимость категории «трудовые ресурсы», основой для характеристики всех компонентов человеческого капитала, на наш взгляд, все же является категория «рабочая сила». Вслед за многочисленными исследователями [3, 5, 6, 9 и др.], мы склонны рассматривать ее как совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает человек и которые применяются им при производстве материальных и нематериальных ценностей. Естественно, что в целом способности человека значительно шире его способностей к труду, свойства быть носителем рабочей силы. Ему присуще многообразие способностей, социальных и нравственно-психологических качеств, специфических стремлений и интересов, так или иначе связанных с его трудовой субъектностью. В классической (или традиционной) экономической науке они обычно не рассматривались. Современная же экономическая наука исходит из того, что эффективность современного производства зависит от всестороннего учета всех разнообразных качеств человека, его склонностей, индивидуальных особенностей, условий для творчества, самовыражения личности.

Еще одной важной категорией является категория «трудовой потенциал». Под «потенциалом» обычно подразумевается – источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели, а также возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области.

Мы склонны рассматривать «трудовой потенциал», прежде всего, как качественно-количественную характеристику обезличенных трудовых ресурсов, форму проявления его еще нераскрытых возможностей, в которой воспроизводится соотношение между достигнутым уровнем профессионально-квалификационной структуры наличных трудовых ре-

сурсов и теми перспективными параметрами (задатками, качествами), которыми обладает как отдельный его носитель, конкретная территория, так и общества в целом.

Основу человеческого капитала хозяйственного института составляют кадры (работники), являющиеся субъектным выражением труда как целесообразной деятельности человека по производству продукции или оказанию услуг. Отсюда вытекает органическая связь исследования человеческого капитала с научным анализом, осуществляемым научными дисциплинами, в числе которых ведущее место принадлежит экономике и социологии. Первая исследует человеческий капитал с позиций общих принципов его формирования и использования (организации деятельности его носителя в рамках конкретного экономического субъекта, отрасли или народного хозяйства в целом), рассматривая человеческий капитал преимущественно со стоимостной стороны, вторая – с позиций социальных отношений, возникающих в связи с профессионализацией, профессиональной адаптацией и профессиональной социализацией.

В свою очередь, следующая категория – «кадры» представляет реальный контингент занятых в рамках конкретного хозяйствующего субъекта или отрасли в целом, обладающих свойством относительного профессионально-квалификационным однообразия. В этой связи данную категорию следует рассматривать не в территориальном (как трудовые ресурсы), а исключительно – в отраслевом разрезе. Это позволяет разрабатывать конкретный механизм управления как непосредственно их использования (кадровую политику), так и их профессионализации (образовательную политику), учитывающий не только наличную профессионально-квалификационную структуру, но и перспективные параметры рынка труда.

Формирование и использование человеческого капитала – это длительный, сложный и индивидуальный процесс, ведь каждый его носитель проходит в развитии своего человеческого потенциала уникальную траекторию познания и опыта. Процесс формирования человеческого капитала идет, прежде всего, в рамках преобразования трудового потенциала в кадровый потенциал в конкретных условиях профессиональной деятельности, в нашем случае – в рамках агропромышленной цепочки, в контексте конкретных взаимоотношений, возникающих как в процессе непосредственного производства, так и в опосредованных социальных связях (социальный потенциал), но, тем не менее, определяемых особенностями современного сельского хозяйства.

Таким образом «кадры» – это та часть трудовых ресурсов, которая постоянно функционирует в данной отрасли, в рамках конкретного хозяйствующего субъекта, причем имеет соответствующие специфике

отрасли профессионализацию и квалификацию. Использование их в любой отрасли во многом определяется состоянием трудовых ресурсов страны. В зависимости от вида трудовой деятельности и характера выполняемых функций они традиционно делятся на четыре основные категории: рабочие кадры, кадры служащих, кадры специалистов, кадры руководителей. В этом делении учитываются их главные признаки: характер выполняемой работы на определенном рабочем месте на базе определенных знаний и умений, профессиональной подготовки. Через «кадры» в экономике осуществляется механизм задействованности человеческих ресурсов. В свою очередь под «человеческими ресурсами» следует понимать не только те трудовые навыки, но и тот ценностно-нормативный комплекс, «картины мира», морально-нравственные качества личности, которые могут быть задействованы (или не задействованы) в рамках конкретного экономического субъекта. Следовательно, человеческие ресурсы находят свое проявление в кадровом потенциале определенной организации, предприятия, отрасли.

Способности к труду позволяют человеку приобрести социальный статус участника общественного производства, вступить в трудовое сообщество, в кадровый состав определенного предприятия, организации. Это позволяет определить кадры не только как экономическую категорию, но и как социально-экономическую общность или, принимая во внимание ее сложный состав, как социально-экономическую страту, но уже не потенциальных трудовых ресурсов, а реальных работников.

Под «кадровым потенциалом» понимается профессиональная и квалификационная сторона трудового потенциала. То есть данное понятие характеризует объем общих и специальных знаний, трудовых навыков и умений, обуславливающих профессиональные качества трудового потенциала.

Кадровый потенциал – категория, характеризующая совокупность общих и профессиональных знаний, умений, трудовых навыков и социальных качеств работников, занятых в определенной сфере деятельности – в отрасли, предприятии, учреждении. Он включает в себя не только используемые, но и еще не задействованные в производстве способности работающих. Например, когда специалисты трудятся в качестве рабочего или способные кадры годами не выдвигаются на более высокие и ответственные должности.

Особенно важно то, что кадровый потенциал зависит от общественной комбинации процесса производства, т.е. от характера разделения и кооперации труда, различных форм его организации.

Сегодня ведущими факторами развития общества и общественно- хозяйственных институтов становятся человеческие ресурсы, управление кадрами

на предприятиях и в отраслях перерастает в управление человеческим капиталом. Человеческие ресурсы и человеческий потенциал – категории близкие к трудовому и кадровому потенциалу. Теоретически источником этой категории стала концепция расширения человеческого выбора Л.Сена. Доход в этой концепции рассматривается не как конечная цель, а как средство, расширяющее человеческий выбор цели и того образа жизни, которые человек считает предпочтительными. Л.Сена одним из первых показал, что благосостояние людей должно оцениваться не уровнем доходов, а их возможностью обеспечивать достойную жизнь, и, прежде всего, в таких сферах, как здравоохранение, образование, экономическая и общественная деятельность [11].

В концепции человеческих ресурсов человек выступает в роли наиболее ценного, невозобновляемого ресурса, являющегося единством трех компонентов: трудовой функции, включенности в систему социальных связей и обладания уникальными профессионально-личностными качествами, позволяющими наиболее продуктивно использовать все другие имеющиеся в организации производственные ресурсы. В самом общем плане под человеческими ресурсами понимается определенный набор качеств, позволяющий добывать жизненные блага и завоевывать социальные позиции.

При логическом анализе представленной схемы трансформации базовых понятий, отражающих участие человека в общественном воспроизводстве, нами предложено понятие «индивидуальный потенциал работника сельского хозяйства» как совокупность квалификационных, социально-личностных и психофизиологических качеств, необходимых работнику при реализации им соответствующих функций, определяемых его профессиональной компетенцией, как в настоящем, так и в будущем, для его успешного функционирования и развития в отрасли, и позволяющих извлекать продуктивный доход в процессе их реализации в общественном воспроизводстве.

Программа развития ООН (ПРООН), впервые изложенная во всемирном докладе «О человеческом развитии за 1990 г.» (UNDP, 1990), рассматривает развитие человеческого потенциала как конечную цель и критерий общественного прогресса. Достигнутый уровень благосостояния выступает следствием и условием развития человеческого потенциала при условии достаточного уровня инвестиций в развитие человека.

Исследователи А. Бырышева, А.Б. Докторович, Т.И. Заславская, Р.И. Капелюшников, Л.А. Мигранова, А. Нещадин и др., анализируют структуру и динамику человеческого потенциала в условиях модернизации и пореформенной ситуации в России.

Например, А.Б. Докторович, осуществляет сравнительный анализ понятий «человеческий по-

тенциал» и «человеческий капитал» применительно к макроуровню социально-экономического анализа. Автор выявляет взаимосвязь целей развития человеческого потенциала (долгая здоровая и активная жизнь, непрерывное образование, получение ресурсов, необходимых для достойного уровня и высокого качества жизни) и человеческого капитала (рост ВВП и ВРП, получение дохода, повышение эффективности труда) в системной триаде «государство – общество – человек», а также основные условия, необходимые для достижения поставленных целей [4]

Повышение человека-работника до статуса носителя социально-трудового потенциала означает признание приоритета гуманистических начал в труде, ведущей его человеческой функции. В частности, усиливается роль мотивации аграрного труда как инструмента реализации трудовых потенциалов работников, формируемых за счет как объективных (квалификация), так и субъективных (отношение к труду) факторов.

Это означает возрастание роли в формировании человеческих ресурсах таких факторов, как условия жизни людей, трансформирующиеся в социальный ресурс их активности. Именно они формируют социально-психологические установки населения на активное участие в социально-трудовых отношениях, полное и эффективное использование своих человеческих (а не только трудовых) способностей при достойном материальном и моральном вознаграждении.

Большим насыщением рассмотренных нами категорий («рабочая сила», «трудовые ресурсы», «трудовой потенциал», «кадры», «кадровый потенциал», «человеческий потенциал») социальными источниками труда характеризуются направления исследований в рамках понятия «социальный капитал».

Категории «социальный капитал» и «человеческий капитал» в теории и на практике характеризуют крупные изменения в положении работника. При этом они не отвергают ранее рассмотренные категории, имеющие свое собственное содержание и аспекты применения.

Как отмечает один из основоположников теории социального капитала Дж. Коулман, «социальный капитал проистекает из таких изменений в отношениях людей, которые облегчают их взаимодействие... Точно также как физический или человеческий капитал социальный капитал вносит свой вклад в результаты производственной деятельности. Поэтому сообщество людей, обладающих надежной репутацией и большим потенциалом доверия, может достичь значительно больших успехов, чем аналогичная группа лиц, не обладающая этими качествами» [14].

В обобщенном виде социальный капитал выражает возможности получения экономической отдачи от высокого качества добродетельных производ-

ственных и иных отношений людей, которое достигается в их коллективах и обществах, объединенных национальной идеей, ориентированных на расширение возможностей развития толерантности, смягчение социальной несправедливости и интеграцию уязвимых и маргинальных слоев в жизнь того или иного социума (наше определение).

К социальному капиталу близко по содержанию и понятие «человеческий капитал». Термин «человеческого капитал» был предложен в 1961 году Т. Шульцем [15], но классикой современной экономической мысли стал одноименный трактат Г. Беккера [13]. По определению Г. Беккера, человеческий капитал есть форма капитала, выступающего составной частью человека и источником его будущих заработков и/или неденежных выгод. Он состоит из приобретенных знаний, навыков, мотиваций и энергии, которыми наделены человеческие существа и которые могут использоваться в течение определенного периода времени в целях производства товаров – продуктов и услуг.

Социально-экономическую форму человеческого капитала и его качественную определенность характеризуют А.Н. Добрынин с С.А. Дятловым. «Человеческий капитал, – пишут они, – представляет собой форму проявления производительных сил человека в рыночной экономике..., адекватную форму организации производительных сил человека, включенных в систему социально ориентированной рыночной экономики в качестве ведущего, творческого фактора общественного воспроизводства». [31, с.6-7]

Человеческий капитал – совокупность интеллектуальных и творческих способностей, знаний, умений и практических навыков, полученных в процессе образования и практической деятельности человека.

Наиболее сложной и вместе с тем соответствующей природе экономического знания областью социальные и гуманитарные факторы эффективности аграрного производства. Их сущность, характер и содержание вытекают из парадигмы соотношения труда и досуговых видов деятельности, трудовых и досуговых условий жизни. И те, и другие находятся в диалектическом единстве, но оно может быть единством антагонистических или конструктивно взаимодействующих противоположностей.

Ядро теории человеческого капитала – инвестиционная трактовка затрат на качественное совершенствование человеческого потенциала (развитие

способностей и формирование потребностей населения), а также характеристика вклада этих инвестиций в экономический рост.

Человеческий капитал, являясь разновидностью капитала, обладает всей совокупностью его структурообразующих признаков (способностью к самовозрастанию, инвестиционной природой, включенностью в отношения рыночного обмена). В то же время он, безусловно, самостоятельная категория, обладающая рядом специфических черт. Его невозможно отделить от конкретного человека и передать другому собственнику. Он может обесцениваться, истощаться (деградировать) в связи с физической изношенностью человека или в результате морального устаревания знаний и навыков (из этого вытекает особая значимость систем образования и профессиональной подготовки).

Таким образом, категорию «человеческий капитал», по-нашему мнению, отличают следующие положения:

- характеризует не только производительную способность, т.е. совокупность общих и профессиональных знаний, умений и трудовых навыков, полученных в процессе образования и практической деятельности и реализуемую в определенном звене экономики, но и систему социальных отношений потенциальных субъектов трудовых взаимодействий, которая для носителя капитала реализуется в форме как материального дохода, так и неденежных выгод;

- в состав необходимо включать как реально задействованных в работников (в т.ч. осуществляющие эти функции в индивидуальных и малых формах хозяйствования), так и потенциально способных и готовых к осуществлению профессионализированного труда;

- находят выражение не только функционирующие (используемые) способности работников, но и максимальные их возможности, которые можно задействовать при создании определенных экономических, социальных, технологических и инфраструктурных условий;

- выражает синтез реальных и потенциальных созидательных возможностей, взаимосвязанных социально-экономических отношений, демографических, миграционных и образовательных ресурсов, факторов социально- трудовой сферы, объективных и субъективных условий хозяйствования, преломленных и воплощенных в конкретном работнике.

Список литературы

1. О разработке прогноза баланса трудовых ресурсов: Постановление Правительства РФ от 03.06.2011 № 440 [Текст] // Собрание законодательства РФ. 13.06.2011. №24. ст. 3493.
2. Вечканов Г.Р. Современная экономическая энциклопедия. Трудовые ресурсы [Текст] / Г.Р. Вечканов, Г.С. Вечканов. СПб.: Лань, 2002. С. 692.
3. Добрынин А.Н. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А.Н. Добрынин, С.А. Дятлов. СПб.: Наука, 1999. С. 6-7.

4. *Докторович А.Б.* Социально ориентированное развитие общества и человеческого потенциала: современные теории, методы системного исследования: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук: 08.00.05. М., 2006. 42 с.
5. *Долгушкин Н.К.* Формирование кадрового потенциала сельского хозяйства (Вопросы теории и практики) [Текст] / Н.К. Долгушкин. Изд. 2-е, доп. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2004. 360 с.
6. *Згонник Л.В.* Воспроизводство человеческого капитала: теория и практика разрешения противоречий: Автореф. дис.... д-ра экон. наук [Текст] / Л.В. Згонник. СПб., 2009.
7. *Капица С.* Парадоксы роста: Законы развития человечества [Текст] / С. Капица. М.: Альпина нон-фикшн, 2010. 192 с.
8. *Новиков В.Г.* Трудовой потенциал сельских территорий: его воспроизводство и регулирование [Текст] / В.Г. Новиков. М., 2012. 265 с.
9. *Панков Б.П.* Рынок труда и его регулирование (вопросы теории и практики) [Текст] / Б.П. Панков. Изд. 2-е перераб. и доп. М.: Агро Пресс, 2007. 267 с.
10. *Римашевская Н.М.* О методологии определения качественного состояния населения [Текст] / Н.М. Римашевская // Демография и социология. 1993. № 6. С. 7-21.
11. *Соболева И.В.* Парадоксы измерения человеческого капитала [Текст] / И.В. Соболева. М.: ИЭ РАН, 2009.
12. *Тяжев А.И.* Индивидуальный трудовой потенциал и политико-экономическая концепция человеческих способностей [Текст] / А.И. Тяжев. Казань: КГУ им Некрасова, 1999. 320 с.
13. *Becker G.A.* Human Capital / G.A. Becker. Cambridge, 1964.
14. *Coleman J.S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // Social Capital: A Multifaceted Perspective / Eds. P. Dugupta, I. Serageldin. Wash. DC: World Bank, 2000.
15. *Shultz T.* Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968.

Reference list

1. On the development of the forecast balance of labour supply: The Decree of the Government of the Russian Federation dated 03.06.2011 № 440 [Text] // Legislation collection of the Russian Federation. 13.06.2011. №24. Article 3493.
2. *Vechkanov G.* Modern Economic Encyclopedia. Labour supply [Text] / G. Vechkanov, G. Vechkanov. SBR.: Lan', 2002. P. 692.
3. *Dobrynin A.* The human capital in transitive economy: formation, assessment, efficiency. / A. Dobrynin, S. Dyatlov. SBR.: Nauka, 1999. P. 6-7.
4. *Doktorovich A.* Socially oriented development of society and human capacity: Contemporary theories, system research methods: Synopsis of a thesis on competition of the scientific degree of Doctor of Economics: 08.00.05. М., 2006. 42 p.
5. *Dolgushkin N.* The human resources potential formation of agriculture (theory and practice) [Text] / N. Dolgushkin. The second edition, enlarged, M.: FSSI "Rosinformagrotekh", 2004. 360 p.
6. *Zgonnik L.* Reproductive performance of the human capital: Theory and practice of contradictions resolution: Synopsis of a thesis of Doctor of Economics [Text] / L. Zgonnik. SBR., 2009.
7. *Kapitsa S.* The paradoxes of growth: The laws of mankind development [Text] / S. Kapitsa. M.: Alypina Non-Fiktion, 2010. 192 p.
8. *Novikov V.* The labour potential of rural areas: Its reproduction performance and regulation [Text] / V. Novikov. M., 2012. 265 p.
9. *Pankov B.* The labour market and its regulation (theory and practice) [Text] / B. Pankov. The second edition, enlarged, M.: Agro Press, 2007. 267 p.
10. *Rimashhevskaya N.* On the methodology of determining a qualitative state of the population [Text] / N. Rimashhevskaya // Demography and Sociology. 1993. №. 6. P. 7-21.
11. *Soboleva I.* Paradoxes of the human capital measurement [Text] / I. Soboleva. M.: IE RAS, 2009.
12. *Tyazhev A.* The individual labour potential and political-economic conception of human abilities [Text] / A. Tyazhev. Kazan': The Kazan State University named after Nekrasov, 1999. 320 p.
13. *Becker G.A.* Human Capital / G.A. Becker. Cambridge, 1964.
14. *Coleman J.S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // Social Capital: A Multifaceted Perspective / Eds. P. Dugupta, I. Serageldin. Wash. DC: World Bank, 2000.
15. *Shultz T.* Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968.

УДК 342

Лозовский А.А.,

государственный советник Российской Федерации 1 класса, заместитель начальника инспекции
Счетной палаты Российской Федерации

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТ И ПРЕФЕРЕНЦИЙ

В статье рассмотрены вопросы применения налоговых льгот и преференций, необходимости изменения подходов к установлению новых налоговых льгот, обязательным элементом процесса введения новой льготы должна быть оценка ее эффективности.

Ключевые слова: Счетная палата Российской Федерации, субъекты Российской Федерации, Налоговый кодекс Российской Федерации, налоговые льготы и преференции, показатели эффективности, выпадающие доходы

Lozovskiy A.,

Class 1st State Councillor of the Russian Federation, Deputy Head of Inspection
Branch of the Accounts Chamber of the Russian Federation

THE EFFICIENCY ASSESSMENT OF TAX EXEMPTIONS AND PREFERENCES

This article deals the issues of tax exemptions application and preferences, the necessity of changing the approaches to establishing new tax exemptions; a mandatory element of the process of new exemption implementation must be its efficiency assessment.

Keywords: Accounts Chamber of Russian Federation, constituent entities of Russian Federation, Tax Code of Russian Federation, tax exemptions and preferences, efficiency indicators, shortfall in incomes

Актуальность применения налоговых льгот и преференций, а также необходимость оценки их эффективности обусловлена высоким ростом выпадающих доходов (налоговых расходов) бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в связи с предоставлением таких льгот и преференций. По данным отчетности Федеральной налоговой службы в 2011 году сумма выпадающих доходов (налоговых расходов) составила около 4,2 трлн. рублей, в 2012 году – 6,0 трлн., в 2013 году – 7,37 трлн., в 2014 году – 6,74 трлн. рублей [1].

В соответствии со статьей 56 Налогового кодекса Российской Федерации льготами по налогам и сборам признаются предоставляемые отдельным категориям налогоплательщиков и плательщиков сборов предусмотренные законодательством о налогах и сборах преимущества по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере.

В Налоговом кодексе Российской Федерации льготы и преференции реализуются несколькими способами: в виде пониженной ставки налога, например, правительствам субъектов Российской Федерации дано право снижать ставку налога на прибыль организаций в части, поступающей в бюджет субъекта Рос-

сийской Федерации; в виде исключения из объектов налогообложения, например не являются объектом налогообложения транспортным налогом пассажирские и грузовые морские, речные и воздушные суда, находящиеся в собственности (на праве хозяйственного ведения или оперативного управления) организаций и индивидуальных предпринимателей, основным видом деятельности которых является осуществление пассажирских и или грузовых перевозок; в виде освобождения от налогообложения, например от налога на добавленную стоимость освобожден ввоз оборудования и комплектующих к нему, аналоги которого не производятся на территории Российской Федерации.

По целям введения налоговые льготы и преференции можно разделить на экономические и социальные. К экономическим можно отнести налоговые льготы и преференции, которые оказывают стимулирующее воздействие на развитие экономики. К социальным – те, которые поддерживают слабо обеспеченные и незащищенные слои населения.

Для оценки эффективности налоговых льгот и преференций Правительство Российской Федерации обязало Минэкономразвития России разработать методику оценки эффективности налоговых льгот [2].

Методика мониторинга и оценки эффективности налоговых льгот, разработанная Минэкономраз-

вития России, Правительством Российской Федерации не была принята.

В связи с отсутствием на федеральном уровне типовой методики оценки эффективности налоговых льгот, предоставленных федеральными законами и типовых методических рекомендаций по оценке эффективности налоговых льгот, субъекты Российской Федерации самостоятельно разрабатывают и применяют различные критерии оценки предоставляемых налоговых льгот и преференций а также осуществляют оценку выпадающих доходов (налоговых расходов при прогнозировании консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации).

Практически во всех субъектах Российской Федерации приняты нормативные акты об оценке эффективности предоставляемых или планируемых к предоставлению налоговых льгот, что говорит о том, что в большинстве регионов проводится определенная работа по анализу эффективности применения налоговых льгот.

При этом, по причине отсутствия в России единой методики каждый регион использует свои собственные критерии.

В качестве основных рассматриваемых показателей можно выделить оценку бюджетной эффективности, экономической эффективности и социальной эффективности. Не во всех региональных нормативных актах прописана методика оценки эффективности налоговых льгот, некоторыми регионами просто утверждён порядок оценки эффективности.

Показатели, используемые для оценки эффективности налоговых льгот, формируются на основании данных налоговой статистической и бухгалтерской отчетности.

В Основных направлениях налоговой политики на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов указывается на необходимость изменения подходов к установлению новых налоговых льгот – обязательным элементом процесса введения новой льготы должна быть оценка их эффективности. Для этого любая новая налоговая льгота должна устанавливаться на ограниченный период – например, на 5 лет или более длительный срок в зависимости от целевой направленности этой льготы. По мере приближения истечения срока действия льготы принятие решения о ее возможном продлении должно производиться с учетом результатов анализа ее эффективности. [3].

Однако льгота по уплате налога на добавленную стоимость с сумм реализации имущества (имущественных прав) должников-банкротов, введенная в действие с 1 января 2015 года не была предусмотрена в проектах федеральных законов к первому чтению, а внесена в редакцию законопроектов ко второму. По ней отсутствует цель введения сроки действия льготы и финансово-экономическое обоснование. Также

не предусмотрена налоговая отчетность, отражающая сумма выпадающих доходов по данной льготе, с помощью которой можно проводить анализ ее эффективности.

В соответствии с пунктом 3 статьи 122 Регламента Государственной Думы Российской Федерации [4] законопроект, как правило не позднее чем за 7 дней до его рассмотрения во втором чтении вместе с материалами к нему рассылается Президенту Российской Федерации, в Совет Федерации, в Правительство Российской Федерации, субъекту права законодательной инициативы, внесшему законопроект, и депутатам Государственной Думы. Данная норма существенно ограничивает срок рассмотрения внесенных поправок в законопроекты ко второму чтению.

Вносимые между первым и вторым чтением субъектами права законодательной инициативы поправки нередко приводят к полной смене концепции законопроекта, в том числе и по законопроектам, касающимся совместного ведения субъектов Российской Федерации и Российской Федерации без должного обсуждения вносимых изменений со стороны субъектов. Принятие законов в таком формате приводит в дальнейшем к сложностям при их применении и необходимости внесения многочисленных поправок, а также содержит коррупционные риски, связанные с возможностью лоббирования интересов определенных групп (лиц).

В связи с этим необходим более взвешенный подход и тщательное согласование позиций между субъектами законодательной инициативы на федеральном региональном и муниципальном уровнях при подготовке изменений федерального законодательства по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов в части налоговых льгот. Кроме того, основными элементами налоговых льгот должны являться их цели, сроки введения и суммы компенсации из федерального бюджета если льготы устанавливаются федеральным законодательством по налогам поступающим в консолидированные бюджеты субъектов и местные бюджеты. [5].

Отдельные налоговые льготы, помимо Налогового кодекса Российской Федерации, регулируются подзаконными актами Правительства Российской Федерации.

Для применения отдельных льгот установленных статьями 150, 259.3 и 381 Налогового кодекса Российской Федерации необходимы перечни льготированного оборудования утвержденные постановлениями Правительства Российской Федерации.

Так, для реализации подпункта 7 пункта 1 статьи 150 Налогового кодекса Российской Федерации постановлением Правительства Российской Федерации [6] утвержден перечень технологического оборудования (в том числе комплектующих и запасных

частей к нему), аналоги которого не производятся в Российской Федерации, ввоз которого на территорию Российской Федерации не подлежит обложению налогом на добавленную стоимость, но фактически не нуждается в применении налоговых льгот в том числе:

оборудование для виноделия, производства сидра, фруктовых соков или аналогичных напитков;

оборудование для приготовления или производства напитков;

оборудование для пивоваренной промышленности;

оборудование для фасования напитков в бутылки, банки при избыточном давлении, закупорки, этикетирования бутылок производительностью не менее 30000 бутылок или банок в час.

Вместе с тем, продукция производимая на указанном оборудовании обладает высокой ликвидностью и не нуждается в государственной поддержке. Так, в 2011 – 2013 годах в Российскую Федерацию ввезено 3923 единицы вышеперечисленного оборудования. Сумма выпадающего налога на добавленную стоимость составила 1,4 млрд. рублей.

Кроме того, по перечню утвержденному Правительством Российской Федерации в 2011 – 2013 годах на территорию России было ввезено с предоставлением налоговых льгот устаревшее (до 2003 года выпуска технологическое оборудование (и запчастей в количестве 1923 единицы, сумма выпадающего налога по которому составила 0,8 млрд. рублей).

Обращает на себя внимание предоставление федеральным законодательством налоговых льгот и преференций по имущественным налогам, поступающим в консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации.

В 2011 году сумма выпадающего дохода в связи с предоставлением льгот по имущественным налогам, установленных федеральным законодательством, составила 196,5 млрд. рублей, или 25,8% к сумме имущественных налогов, начисленных к уплате в 2011 году, в 2012 году – 235,0 млрд. рублей, или 28,5% [1].

В 2012 году сумма выпадающих доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в связи с предоставлением налоговых льгот, установленных федеральным законодательством по имущественным налогам, по сравнению с 2011 годом увеличилась на 19,6%.

Анализ структуры выпадающих доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации от предоставления налоговых льгот, установленных федеральным законодательством, свидетельствует, что наибольшая доля приходится на налог на имущество организаций, за 2011 год она составила 88,8%, за 2012 год – 88,7%.

Доля выпадающих доходов по налогу на имущество организаций, в связи с предоставлением

льгот, установленных федеральным законодательством, в совокупном объеме выпадающих доходов по налогу на имущество организаций, в связи с предоставлением льгот, установленных федеральным и региональным законодательствами, в 2011 году составила 57%, в 2012 году – 60,4%.

Проведенный Счетной палатой Российской Федерации мониторинг эффективности предоставления налоговых льгот, установленных федеральным законодательством по налогам, поступающим в консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации, показал, что мнение субъектов Российской Федерации по их отмене или сохранению не однозначно.

Москва, Республика Калмыкия, Республика Северная Осетия – Алания, Удмуртская Республика, Алтайский край, Краснодарский край, Астраханская, Московская, Пензенская, Самарская области выступают за то, чтобы сохранить все налоговые льготы по имущественным налогам, установленные федеральным законодательством.

За отмену льгот по имущественным налогам, установленных федеральным законодательством, выступили Республика Алтай, Республика Башкирия, Республика Мордовия, Белгородская, Вологодская, Курская, Орловская, Псковская области.

Основным мотивом субъектов Российской Федерации при принятии решения о сохранении действующих налоговых льгот, установленных федеральным законодательством для граждан (физических лиц), явилось обеспечение целостного экономического и социального пространства, не ущемляющего права граждан на всей территории Российской Федерации.

Обращает на себя внимание льгота по налогу на имущество для пенсионеров, установленная Законом Российской Федерации от 9 декабря 1991 г. № 2003-1 «О налогах на имущество физических лиц». Они освобождаются от уплаты налога на строения, помещения и сооружения. При этом количество и стоимость объектов, находящихся в собственности пенсионеров, значения не имеет.

Данная норма может негативно влиять на доходы местных бюджетов.

В связи с высокой дотационностью бюджетов большинства субъектов Российской Федерации и дефицитом финансовых ресурсов наиболее важным показателем является бюджетная эффективность налоговых льгот, однако, развитие субъекта Федерации невозможно без принятия мер по улучшению инвестиционного климата и привлечения капитала, развития малого бизнеса, то есть повышения экономической эффективности для налогоплательщиков, и поддержки социально незащищенных категорий населения.

Список литературы

1. www.nalog.ru
2. Поручение Правительства Российской Федерации от 12 декабря 2011 г. № ИШ-П13-8827.
3. Основные направления налоговой политики на 2015 год и плановый период 2016 и 2017 годов (одобрены Правительством РФ 01.07.2014) // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126727/
4. Постановление ГД ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Режим доступа: <http://base.garant.ru/1575717/>
5. Авдеев А.А. О порядке применения налоговых льгот (на примере налоговых льгот по налогу на прибыль организаций). М.: Налоги, 2012.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2009 г. № 372 «Об утверждении перечня технологического оборудования (в том числе комплектующих и запасных частей к нему), аналоги которого не производятся в Российской Федерации, ввоз которого на территорию Российской Федерации не подлежит обложению налогом на добавленную стоимость» // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87496/
7. Баландина А.С. Анализ теоретических аспектов налоговых льгот и налоговых преференций. М.: КНОРУС, 2014.
8. Барулин С.В. Организация системы мониторинга результативности налоговых льгот и преференций / С. В. Барулин // Финансы. 2013. № 4.
9. Калаков Р.Н. О налоговых льготах и преференциях / Р.Н. Калаков. М.: Международный бухгалтерский учет, 2013.

Reference list

1. www.nalog.ru
2. The Instruction of the Government of the Russian Federation of 12th of December, 2011 № ISH-P13-8827.
3. The primary areas of 2015 tax policy and 2016 – 2017 planning period (Approved by the Government of the Russian Federation at 01.07.2014) // Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126727/
4. The Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 22nd of January, 1998. №. 2134-II SD "On Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" (As amended and supplemented) // Access mode: <http://base.garant.ru/1575717/>
5. Avdeev A. On the procedure of tax exemptions application (Through the example of tax exemptions under the organizations incomes tax). M.: Taxes, 2012.
6. The Resolution of the Government of the Russian Federation dated 30th of April, 2009 № 372 "On approval of the list of technological equipment (including components and spare parts thereto), analogues of which are not produced in the Russian Federation, the import of which is not subject to VAT" // Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87496/
7. Balandina A. The analysis of the theoretical aspects of tax exemptions and preferences. M.: KNORUS, 2014.
8. Barulin S. Organization of the monitoring system of efficiency of tax exemptions and preferences / S. Barulin // The Finances. 2013. №. 4.
9. Kalakov R. About tax exemptions and preferences / R. Kalakov. M.: International Accounting, 2013.

УДК 378

Караханова Г.А.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Дагестанского государственного педагогического университета

Оруджалиева Е.Е.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Дагестанского государственного педагогического университета

Шамхалова Б.А.,

соискатель кафедры педагогики Дагестанского государственного педагогического университета

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена проблеме формирования педагогической толерантности будущих бакалавров образования. Авторы описывают технологию формирования педагогической толерантности, включая в нее изучение требований ФГОС ВО по направлению «Педагогическое образование», определение критериев и показателей сформированности данного качества, изучение уровня сформированности педагогической толерантности, определение направлений, форм и методов работы, организацию практической работы со студентами, анализ достигнутых результатов работы.

Ключевые слова: педагогическая толерантность, технология, компоненты, результат

Karakhanova G.,

Doctor of Pedagogy, Professor of Chair of Pedagogy of the Dagestan State Pedagogical University

Orudzhalieva E.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Pedagogy of the Dagestan State Pedagogical University

Shamkhalova B.,

Degree-seeking student of Chair of Pedagogy of the Dagestan State Pedagogical University

THE PROCESS TECHNOLOGY OF PEDAGOGICAL TOLERANCE FORMATION IN THE INTENDED BACHELORS OF EDUCATION

The article deals the pedagogical tolerance formation in the intended Bachelors of Education. The article authors are described the pedagogical tolerance formation technology, including the requirements study of the Federal State Educational Standard of Higher Education in the field of study "Pedagogical education", the criteria definition and formation indicators of this quality, the study of the level of the pedagogical tolerance development, the definition of the field of study, forms and work methods, the organization of a practical work with students, an analysis of the obtained results of the work.

Keywords: pedagogical tolerance, technology, elements, results

Контент-анализ определений понятия «педагогическая технология», приводимых в работах ученых (В.В.Беспалько, В.М.Кларин, Г.М.Коджаспирова, и др.), позволяет рассматривать педагогическую технологию как модель совместной учебной и педагогической деятельности по проектированию, организации и проведению учебного процесса, протекающего в определенном порядке и при определенных условиях и гарантированно обеспечивающего планируемый результат.

Анализ педагогической литературы, посвященной вопросу использования технологии в педагоги-

ческом процессе, приводит к выводу, что педагогическую технологию можно рассматривать как систему, компонентами которой являются цели; содержание; методы; средства педагогического взаимодействия; формы организации; результаты деятельности.

Технология процесса формирования педагогической толерантности будущих бакалавров образования была разработана нами на основе методологических подходов компетентного, личностно-ориентированного, деятельностного, технологического и др.

Структурными составляющими разработанной нами технологии формирования педагогической толерантности являются:

- изучение требований ФГОС ВО к подготовке бакалавра образования;
- выделение компетенций, способствующих формированию педагогической толерантности;
- определение критериев, показателей сформированности компетенций;
- изучение уровня педагогической толерантности студентов;
- определение основных задач по формированию педагогической толерантности;
- отбор форм и методов формирования педагогической толерантности;
- организация практической работы по достижению запланированных результатов в области формирования педагогической толерантности у будущих бакалавров образования;
- диагностика достигнутого уровня сформированности педагогической толерантности;
- анализ результатов проведенной работы.

Данная технология схематически представлена на рисунке 1.

Изучение требований Федеральных государственных образовательных стандартов высшего педагогического образования (ФГОС ВПО и ФГОС ВО по направлению ПО) к уровню подготовки бакалавра образования [5] позволило нам выделить компетенции, способствующие формированию педагогической толерантности. Это компетенции:

ОПК-1 – готовность осознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладать мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности;

ОПК-2 – способность осуществлять обучение, воспитание и развитие с учетом социальных, возрастных, психофизических и индивидуальных особенностей, в том числе особых образовательных потребностей обучающихся;

ОПК-3 – готовность к психолого-педагогическому сопровождению учебно-воспитательного процесса;

ОПК-4 – способностью нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности;

ОК-4 – способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия;

ОК-5 – способностью работать в команде, толерантно воспринимать социальные, культурные и личностные различия;

ОК-6 – способность к самоорганизации и самообразованию;

ОК-7 – способность использовать базовые правовые знания в различных сферах деятельности;

ПК-6 – готовность к взаимодействию с учениками, родителями, коллегами, социальными партнерами.

Далее нами были определены критерии и показатели освоения данных компетенций, определяющие уровень сформированности педагогической толерантности у студентов. Мы выделили три уровня сформированности педагогической толерантности у студентов: высокий, средний, низкий. Каждый из этих уровней определяется с помощью критериев – познавательного, ценностно-чувственного, поведенческого

Показателями познавательного критерия являются: знание сущности понятия толерантность, толерантных стратегий взаимодействия, знание о правах ребенка, молодежной и детской субкультуре; технологий профессионального саморазвития и самообразования; технологий педагогической диагностики личности и коллектива; народной педагогики и региональной этнопедагогики; кросс-культурной и возрастной психологии.

Критерий ценностно-чувственный раскрывают следующие показатели: ценностное отношение к детству и ценностным ориентациям детей; принятие идей толерантности и ненасилия как общечеловеческой и личностной ценности, нравственная оценка своего поведения и своей деятельности, способность к самоанализу и самокоррекции, преодоление эгоцентризма, способность к рефлексии и сдерживанию отрицательных эмоций.

Критерий поведенческий характеризуют показатели: направленность на позитивное взаимодействие и сотрудничество, уважительное отношение к личному опыту ребенка, педагогически целесообразное отношение к различным формам проявления детской активности, чему способствует знание педагогами истории и теории детских и молодежных организаций, в которых дети активно, хотя и не всегда однозначно социализируются. А также способность к достижению компромисса, умение контролировать себя и продуктивно решать конфликтные ситуации.

Показателем сформированности данных критериев является овладение выделенными компетенциями [3; 4].

Овладение каждой компетенцией предполагает усвоение определенных знаний (познавательный критерий), формирование умений и отношений (ценностно-чувственный), овладение способами вербальной и невербальной коммуникации, соответствующими толерантному поведению педагога (критерий поведенческий).

Характеристики данных критериев представлены ниже в таблице 1.

Высокий уровень овладения компетенциями предполагает, что знания, умения и навыки сформи-

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ

Рис.1 Технология процесса формирования педагогической толерантности

**Уровни сформированности компетенций
(по ФГОС ВО направление 44.03.01 –
«Педагогическое образование»)**

Компетенции	Требования к освоению компетенции
ОПК-1 готовность осознавать социальную значимость своей будущей профессии, обладать мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности	Знание педагогической аксиологии. Умение анализировать социально и лично значимые проблемы Владение: способами ориентации в информационном пространстве и использования информации в профессиональной педагогической деятельности.
ОПК-2 способность осуществлять обучение, воспитание и развитие с учетом социальных, возрастных, психофизических и индивидуальных особенностей, в том числе особых образовательных потребностей обучающихся	Знание возрастных и индивидуально-личностных особенностей обучающихся и способов их выявления. Умение осуществлять обучение, воспитание и развитие с учетом индивидуально-личностных особенностей и образовательных потребностей обучающихся. Владение современными педагогическими технологиями, позволяющими осуществлять индивидуально-личностный подход к учащимся.
ОПК-3 готовность к психолого-педагогическому сопровождению учебно-воспитательного процесса	Знание принципов, методов, приемов психолого-педагогического сопровождения учебно-воспитательного процесса. Умение определить задачи и найти способы психолого-педагогического сопровождения в каждом конкретном случае. Владение методами создания комфортных условий протекания педагогического процесса.
ОПК-4 способность нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности	Знание целей и задач профессиональной деятельности педагога, отраженных в требованиях профессионального стандарта педагога. Умение организовывать учебно-воспитательный процесс в соответствии с современными требованиями. Владение методами педагогической диагностики и коррекции результатов учебно-воспитательного процесса.
ОК-4 способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия	Знание сущности и стратегии педагогического взаимодействия и основ речевой профессиональной культуры. Умение использовать различные формы, виды устной и письменной коммуникации в профессиональной деятельности. Владение различными способами вербальной и невербальной коммуникации
ОК-5 способность работать в команде, толерантно воспринимать социальные, культурные и личностные различия	Знание основ толерантного, бесконфликтного поведения. Умение организовывать взаимодействие на основе принципов толерантности. Владение способами работы в команде в условиях поликультурной среды.
ОК-6 способность к самоорганизации и самообразованию	Знание о методах самоорганизации и самообразования Умение использовать имеющиеся знания для получения необходимых сведений из различных источников информации. Умение рационально организовывать свою деятельность. Владение способами самостимулирования, самоорганизации, самоконтроля и т.д., способами самообразования
ОК-7 способность использовать базовые правовые знания в различных сферах деятельности	Знание основных документов, составляющих нормативно-правовую базу педагогической деятельности. Умение использовать правовые знания в различных видах педагогической деятельности. Владение способами организации педагогической деятельности в соответствии с правовыми нормами.
ПК-6 готовность к взаимодействию с учениками, родителями, коллегами, социальными партнерами	Знание различных способов межличностной коммуникации. Умение организовать бесконфликтное общение с различными субъектами образовательного процесса. Владение способами предупреждения и разрешения конфликтов

рованы в полной мере и проявляются в соответствии с задачами профессиональной деятельности всегда, в том числе и в нестандартных педагогических ситуациях.

Овладение компетенциями на среднем уровне означает, что у студента знания, умения и навыки толерантного поведения сформированы не полностью и проявляются только в стандартных ситуациях профессиональной деятельности.

Низкий уровень овладения компетенциями соответствует знаниям, умениям и навыкам толерантного поведения, проявляющимся эпизодически, позволяющим решать лишь элементарные задачи профессиональной деятельности.

Следующим шагом нашей технологии являлось изучение уровня сформированности педагогической толерантности у студентов, для чего может использоваться разработанная Оруджалиевой Э.Р. [2, с. 115] технология диагностики готовности к профессиональной деятельности, включающая следующие компоненты:

- 1) определение цели диагностики на данном уровне готовности к профессиональной педагогической деятельности;
- 2) отбор содержания диагностических материалов;
- 3) выбор форм и методов диагностики;
- 4) осуществление диагностических процедур;
- 5) организация рефлексивно-оценочной деятельности студентов.

Для определения уровня сформированности толерантности личности могут быть использованы следующие диагностические методики

- Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова);
- Вопросник для измерения толерантности (В.С. Магун, М.С. Жамкочьян, М.М. Магура);
- Методика диагностики общей коммуникативной толерантности (В.В. Бойко);
- Опросник для диагностики способности к эмпатии (А. Мехрабиан, Н. Эпштейн);
- Методика для измерения степени предубежденности (Г. Олпорт, Б. Крамер);
- Диагностический тест отношений (Г.У. Солдатова);
- Опросник «Типы этнической идентичности» (Т.У. Солдатова, С.В. Рыжова);
- Социологические индикаторы социальной и этнической толерантности.

На основании проведенного констатирующего эксперимента определяются основные задачи и, соответственно, направления деятельности педагога по формированию педагогической толерантности у будущих бакалавров образования. Этими задачами и

направлениями деятельности педагога, адекватными как источникам содержания процесса формирования педагогической толерантности, так и её структурным компонентам, являются:

1. Формирование представлений (знаний) о категориях и понятиях «толерантность», «интолерантность», «педагогическая толерантность», о ценностях.
2. Приобщение к ценностям, отражающим сущность педагогической толерантности.
3. Формирование опыта толерантного поведения и деятельности.

Следующим шагом нашей технологии является отбор форм и методов формирования педагогической толерантности у будущих бакалавров образования.

Для формирования представлений (знаний) о категориях и понятиях «толерантность», «интолерантность», «педагогическая толерантность», о ценностях мы считаем необходимым использовать всю совокупность методов формирования сознания: лекции, беседы, диспуты, конференции и т.д., а также организацию самостоятельной работы студентов по изучению специальной литературы, Интернет-ресурсов, произведений художественной литературы.

Приобщение к ценностям, отражающим сущность педагогической толерантности, может осуществляться как в ходе лекций, бесед, диспутов, конференций и т.д., так и в ходе разбора педагогических ситуаций, решения педагогических задач, изучения как психолого-педагогической и методической, так и художественной и документальной литературы, участия в разработке и осуществлении проектов воспитательной работы, участия в коллективных факультетских и общеуниверситетских мероприятиях.

Формирование опыта толерантного поведения и деятельности может происходить на аудиторных занятиях при организации коллективной, парной, групповой работы, в процессе ведения дискуссий, «встреч за круглым столом», в ходе педагогической практики.

Технология формирования педагогической толерантности у будущих бакалавров образования предполагает, что будут использоваться наиболее адекватные поставленным целям исследования следующие направления обучения: тренинги, спецкурсы и спецсеминары, обучение в сотрудничестве, методика «Case-study», коммуникативные игры, развивающее обучение и другие. Вся данная работа направлена на формирование толерантности и достижения успеха в будущей профессионально-педагогической деятельности.

В нашем исследовании организация практической работы по формированию педагогической толерантности у будущих бакалавров образования включала чтение спецкурса и проведение спецсеминара по теме «Педагогическая толерантность», в ходе кото-

рого изучался теоретический материал, проводились практические занятия, был организован тренинг по отработке способов толерантного поведения, самостоятельная работа студентов, а также текущая аттестация, проводимая с помощью тестовых заданий, опроса, обсуждения подготовленных студентами докладов. В ходе спецсеминара были использованы технологии толерантного взаимодействия. Около 70% времени на занятиях отводилось отработке навыков, ролевым играм, моделированию педагогических ситуаций и их анализу.

Проведение занятий с использованием тренинговой технологии обучения строилось на следующих принципах: принцип активности на занятиях; принцип открытой обратной связи; принцип «здесь и теперь»; принцип доверительности в общении.

Занятия методом тренинга складывались из следующих четырёх этапов:

- создание единого образовательного пространства и установление обратной связи между всеми субъектами педагогического процесса;

- проведение дискуссии, игры, полилога или интервьюирования для создания педагогической рефлексии;

- решение конкретных задач, овладение знаниями, умениями, навыками, достижение развивающих или корректировочных целей;

- релаксационно-восстановительные упражнения для снятия психологической напряжённости и подведение итогов занятия.

В рамках тренинговой технологии нами использовались достаточно распространённые методы, такие, как групповая дискуссия и игровой метод..

Основными видами игрового метода, используемого для формирования педагогической толерантности у будущих бакалавров образования, являются игровые методы разрешения конфликта, игры-защиты от манипулирования, игры для развития педагогической интуиции, позиционные игры (игры-коммуникации), игры-релаксации, адаптационные игры, игры-формулы, игры-освобождение.

Учитывая то, что одним из показателей сформированности педагогической толерантности является способность разрешать конфликтные ситуации, в ходе эксперимента ставилась задача по накоплению студентами социального поведения в конфликте. Большое значение в решении данной задачи играют психолого-педагогические дисциплины. Например, к конкретным возможностям содержания дисциплины «Педагогика» относятся: изучение педагогического взаимодействия как базовой категории педагогики; стратегии педагогического взаимодействия; совместной деятельности педагога и учащихся; культуры педагогического общения; педагогической технологии организации коллективной жизнедеятельности де-

тей, решение коммуникативных задач педагогического взаимодействия; и др.

Тренинг программно-целевой направленности, сущность которого выражается в соответствии целям обучения и воспитания, обеспечении перевода этих целей в реальные результаты через развитие и использование творческого потенциала его участников позволяет реализовать широкий спектр задач. Он ориентирован на освоение студентами технологий пяти типов – коммуникативных, гностических, организаторских, конструктивных, проектировочных. Он является обучающим тренингом, направленным на формирование конкретных профессиональных компетенций. В нашем исследовании при проведении тренинга были использованы упражнения, которые прошли многомерную апробацию и признаются как эффективные («Представление», «Релаксация», «Визуализация» «Комплимент», «Понять партнера», «Репетиция поведения», «Чемодан» и т.п.).

Опыт показывает, что регулярное выполнение каждым студентом игровых упражнений помогает ему правильно ориентироваться в собственных психических состояниях, адекватно оценивать их и эффективно управлять собой в условиях взаимодействия с субъектами образовательного процесса, т.е. способствуют формированию педагогической толерантности.

После проведения тренинга и прочтения спецкурса в соответствии с разработанной нами технологией повторно проводится диагностика уровня сформированности педагогической толерантности. В качестве оценочных средств для проведения качественного и количественного замера хода и итогов эксперимента в процессе исследования могут использоваться: самоотчеты студентов – участников эксперимента, экспертные оценки руководителей тренинга (преподавателей), оценка возможностей отдельных методик и тренинга в целом для повышения компетентности педагогического общения и формирования педагогической толерантности у будущих бакалавров образования, экспертные оценки преподавателей вуза, оценивающих релевантность используемых средств декларируемым целям.

Общим критерием успешности формирования педагогической толерантности, развития и коррекции профессиональных качеств у будущего бакалавра образования следует считать успешную реализацию приобретенных психологических особенностей и освоенных технологий, необходимых для будущей профессиональной деятельности.

Заключительным этапом разработанной нами технологии формирования педагогической толерантности у будущих бакалавров образования является анализ полученных результатов.

Список литературы

1. *Караханова Г.А., Оруджалиева Е.Е., Шамхалова Б.А.* Проблемы формирования педагогической толерантности у будущего бакалавра образования // Мир науки, культуры, образования. № 2. (57) 2016. С. 247-250.
2. *Оруджалиева Э.Р.* Диагностика готовности к профессиональной деятельности студентов-бакалавров педагогического образования: Дис.... канд. пед. наук. Махачкала, 2011.
3. *Караханова Г.А., Шамхалова Б.А.* Модель процесса формирования педагогической толерантности у будущих бакалавров образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 1 (166). С. 38-42.
4. *Караханова Г.А., Шамхалова Б.А.* Формирование педагогической толерантности у будущих бакалавров образования в контексте компетентного подхода // Известия Чеченского государственного педагогического института. 2015. № 2 (10). С. 56-59.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» (уровень бакалавриата). М., 2013.

Reference list

1. *Karakhanova G., Orudzhaliyeva E., Shamkhalova B.* The issue of pedagogical tolerance formation of an intended Bachelor of Education // World of Science, Culture, Education. №. 2. (57) 2016. P. 247-250.
2. *Orudzhaliyeva E.* Diagnostics of preparedness of students – Bachelors of pedagogical education to professional activity: Thesis of PhD in Law. Makhachkala, 2011.
3. *Karakhanova G., Shamkhalova B.* The model of process of pedagogical tolerance formation in the intended Bachelors of Education // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. 2016. №. 1 (166). P. 38-42.
4. *Karakhanova G., Shamkhalova B.* The pedagogical tolerance formation in the intended Bachelors of Education in the context of a competence approach // Bulletin of the Chechen State Pedagogical Institute. 2015. №. 2 (10). P. 56-59.
5. The Federal State Educational Standard of Higher Education in the field of study 44.03.01 “Pedagogical education” (Bachelor course level). М., 2013.

УДК 373.51

Ростовская Т.К.,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры организации работы с молодёжью
Российского государственного социального университета

Шимановская Я.В.,

кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальных технологий
Российского государственного социального университета

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ КАК ФАКТОР УСПЕВАЕМОСТИ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ

Сегодня многими исследователями отмечается снижение уровня успеваемости школьников, особенно в средних и старших классах. Успеваемость является одним из наиболее значимых критериев эффективности учебной деятельности. Низкий уровень школьной успеваемости говорит о снижении эффективности учебной деятельности школьников и, в целом, системы школьного образования, что может быть обусловлено целым рядом причин. Основные из них связаны со сложными современными социально-экономическими условиями жизни, с изменением системы ценностей, постоянно ухудшающимся здоровьем школьников, и др. Данные медицинских осмотров свидетельствуют о том, что за период обучения в школе под влиянием многочисленных факторов, здоровье детей ухудшается в 4-5 раз, только 10 % учащихся заканчивают школу практически здоровыми, до 30 % имеют стойкие хронические заболевания. Успешность учебной деятельности, наряду с успешностью установления межличностных взаимоотношений и уровнем здоровья, является критерием эффективности адаптации подростка к жизни. Благодаря процессу адаптации, достигается оптимизация функционирования систем организма и сбалансированность в системе «человек-среда». Нарушения же механизмов адаптации ведут к нарушению этого баланса. Таким образом, поиск медико-социальных факторов, влияющих на эффективность учебной деятельности и методов ослабления их влияния является актуальным для продолжения исследований.

Ключевые слова: медико-социальные факторы, учащиеся, здоровье, успеваемость, обучение

Rostovskaya T.,

Doctor of Sociology, Professor, Professor of Chair of Organization in Youth Work of the Russian State Social University

Shimanovskaya Ya.,

PhD in Sociology, Associate Professor, Head of Chair of Social Technologies of the Russian State Social University

THE SOCIAL HEALTH AS A FACTOR OF THE SENIOR PUPILS ACADEMIC ACHIEVEMENTS

Today many researchers have noted the decrease in the level of pupils' academic achievement, in the middle and senior schools, especially. The academic achievement is one of the most performance criteria of the training activity efficiency. The low level of school academic achievement is shown an efficiency loss of pupils' training activity, and the school education system as a whole, which may be due to series of causes. The major ones are connected with complex social-economic life conditions, with a change of value system, steadily deteriorating schoolchildren health, etc. The data of medical examinations are indicated that children's health deteriorates in 4-5 times, only 10% of pupils leave a school as healthy practically, up to 30% have stable chronic diseases under the influence of numerous factors during the period of study at a school. The success of training activity is an efficiency criterion of adolescence to life adjustment, along with the success of the interpersonal relations establishment and healthy level. Due to the adjustment process, there is achieved optimizing of body systems functioning and equilibrium in the "human being – environment" system. As to disorders of adjustment mechanisms brings to the balance disruption. Therefore, the search of medico-social factors influencing the training activity efficiency and reducing methods of their effect is an important for further research.

Keywords: medico-social factors, pupils, health, academic achievement, training

Успешность обучения учащихся старших классов в значительной степени определяется возможностью школьника адаптироваться к условиям современной общеобразовательной школы, что в свою очередь определяется состоянием их здоровья, особенностями внутрисемейных отношений, отношением учащихся к учебной деятельности, отношениями в коллективе.

Исследование социально-медицинских детерминант эффективности учебной деятельности учащихся старших классов общеобразовательной школы проводилось на базе Средних общеобразовательных школ г.Москвы. В ходе проведения данного исследования использовались различные методы: социологические (анкетирование), социально-гигиенические (выкопировка данных из медицинской документации – медицинская карта ребенка – Ф 026/у). Аналитическую основу исследования составил анализ научной литературы по центральной проблеме исследования. Социологическая характеристика объекта исследования получена методом опроса. Анкетирование респондентов проводилось по месту учебы с помощью специально разработанной методики. Анкета включает 26 вопросов, сгруппированных по блокам: демографические характеристики; санитарно-гигиенические условия развития; отношение к учебной деятельности; субъективная оценка здоровья; уровень социализированности. В исследовании приняли участие 147 учащихся 10-11 классов в возрасте 15-17 лет (51 мальчиков и 96 девочек). Анкетирование проводилось в апреле 2015 г.

Семья, как первейший институт социализации, играет важную роль в становлении успешной во всех отношениях личности ребенка. Несмотря на нестабильную обстановку в обществе и высокие показатели разводимости, большинство опрошенных (70,7 %) воспитываются в полных семьях.

В группе девочек с высоким средним баллом в полных семьях живут – 62,7 %, в неполных – 35,3 %,

в опекунских – 2,0 %. Девочек с низким показателем успеваемости в полных семьях – 81,8 %, в неполных – 18,2 %. Среди мальчиков с высоким средним баллом в полных семьях воспитываются 83,3 %, в неполных – 16,7 %. В группе мальчиков с низким средним баллом в полных семьях живут 55,6 %, в неполных – 40,7 %, в опекунских – 3,7 %. Данные отличия показаны на рис. 1.

Среди опрошенных девочек с высокой эффективностью учебной деятельности 80,8 % отметили, что родители уделяют им достаточно внимания, 11,5 % полагают, что родители уделяют им слишком много внимания, не хватает внимания 5,8 % опрошенных этой группы, и 1,9 % испытывают острый недостаток родительского внимания. Среди девочек с низкой эффективностью учебной деятельности 79,5 % отметили, что им хватает внимания родителей, слишком много внимания родители уделяют 11,4 % опрошенных этой группы, 6,8 % испытывают недостаток внимания, и по мнению 2,3 % респондентов данной группы, родители совсем не обращают на них внимания.

Мальчики реже жаловались на недостаток родительского внимания. Так, среди опрошенных мальчиков с высокой средним баллом 75,0 % удовлетворены вниманием, которое им уделяют, 25,0 % отметили гиперопеку. В группе мальчиков с низким показателем успеваемости всего 3,7 % отметили недостаток внимания, в то время как 96,3 % довольны уделяемым им родителями временем.

Круг общения подростка играет важную роль в формировании его как личности. Отсутствие напряженности и конфликтов в школьном коллективе благоприятно сказывается на успеваемости учащихся. Среди опрошенных с высоким показателем успеваемости пять и более друзей у 27,6 %, два-три лучших друга у 51,3 %, один друг у 13,2 %, совсем нет друзей у 7,9 %. Учащиеся с низким показателем успеваемости отметили, что пять и более друзей имеют 56,3 % из них, по несколько близких друзей 38,1 % опрошенных, один лучший друг у 5,6 % респондентов.

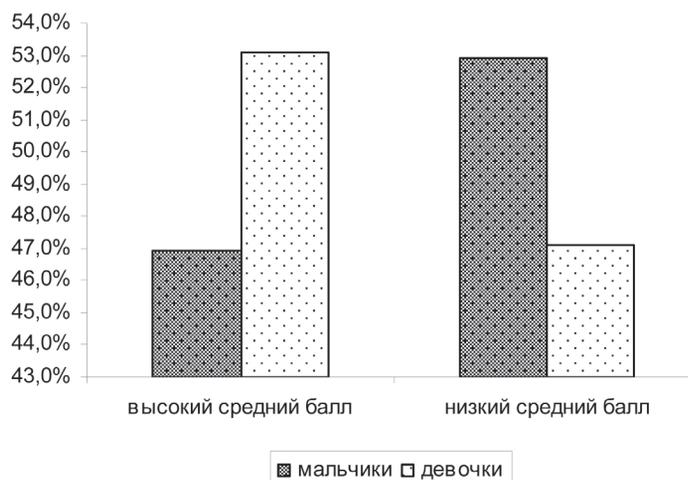

Рис. 1. Распределение учащихся по полу в группах сравнения (в %)

Обращает на себя внимание следующая закономерность: у респондентов, не посещающих никаких кружков или секций, средний балл – низкий, из чего следует, что подобные занятия благотворно сказываются на успеваемости большинства учащихся. Свободное время девочки с высоким средним баллом проводят преимущественно в компании с друзьями (46,2 %), дома (42,3 %), либо посещая различные культурные мероприятия, например, музеи, театры, кино (11,5 %). Девочки с низким средним баллом проводят больше времени с друзьями (56,8 %), а дома значительно меньше (34,1 %), культурные же мероприятия посещают всего 9,1 %. Подавляющее большинство мальчиков с высоким средним баллом (70,8 %) обычно проводят все свободное время с друзьями, и только 25 % проводят его дома, а 4,2 % респондентов указали, что свободного времени у них нет совсем. Максимальное количество времени с друзьями проводят мальчики с низким средним баллом (81,5 %), в то время как дома из них проводит время лишь 11,1 %, культурные мероприятия посещает 7,4 %.

Общеизвестно отрицательное влияние на детский организм вредных привычек, которые мешают или не дают человеку возможности успешно реализовать себя как личность. Например, 35,2 % учащихся с низкой успеваемостью курят постоянно, в то время как в группе с высокой успеваемостью этот показатель равен 9,2 %. Схожую тенденцию можно наблюдать и с употреблением спиртных напитков. А именно, постоянно употребляют алкоголь 19,7 % учащихся с показателем успеваемости ниже среднего, в группе с высоким средним баллом этот показатель равен 0 %. (см. рис. 2). Возраст начала употребления спиртных напитков варьируется от 11 до 17 лет.

Наркотические вещества постоянно употребляют 1,5 % учащихся с низким средним баллом, время от времени – 4,2 %, очень редко – 5,6 %.

Уровень физического развития опрошенных по результатам комплексного медицинского осмотра на апрель 2015 года представлен на рис. 3.

На вопрос «Как часто в течение учебного года болеете?» 26,3 % учащихся с высоким показателем успеваемости ответили, что совсем не болеют, 65,8 % болеют 1-2 раза в год, 6,6 % – 3-4 раза, 1,3 % – более 5 раз. В группе с низким показателем совсем не болеют – 26,8 %, 1-2 раза в год – 57,7 %, 3-4 раза – 12,7 %, более 5 раз в год болеют 2,8 % (см. рис.3).

Самые распространенные в среди учащихся болезни – заболевания органов зрения, а также болезни системы пищеварения. Хроническими заболеваниями среди хорошо успевающих старшеклассников по субъективной оценке страдают 28,9 %, не уверены в наличии хронических заболеваний 9,3 %, не имеют хронических заболеваний 61,8 % респондентов. Среди плохо успевающих 42,3 % уверены в наличии у них хронической патологии, 45,1 % не имеют хронической патологии, 12,6 % – ответили «не знаю».

Несмотря на это, состояние своего здоровья отличным охарактеризовали 27,6 % респондентов с высоким средним баллом и 25,3 % с низким. Состояние своего здоровья хорошим назвали 38,2 % учащихся с высоким показателем успеваемости и 36,6 % – с низким (см. рис.4).

В группе учащихся с высоким средним баллом 32,9 % назвали состояние своего здоровья удовлетворительным, 1,3 % – плохим. Причем, удовлетворительным свое здоровье назвали 44,2 % девочек и 8,3 % мальчиков.

Среди учащихся с низким показателем успеваемости 35,2 % назвали состояние своего здоровья удов-

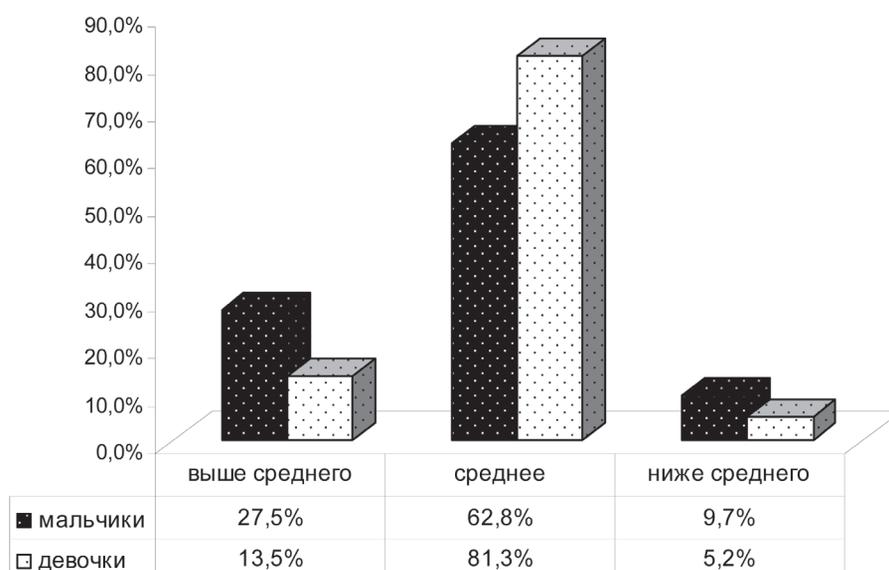

Рис. 2. Интенсивность курения в группах сравнения (в %)

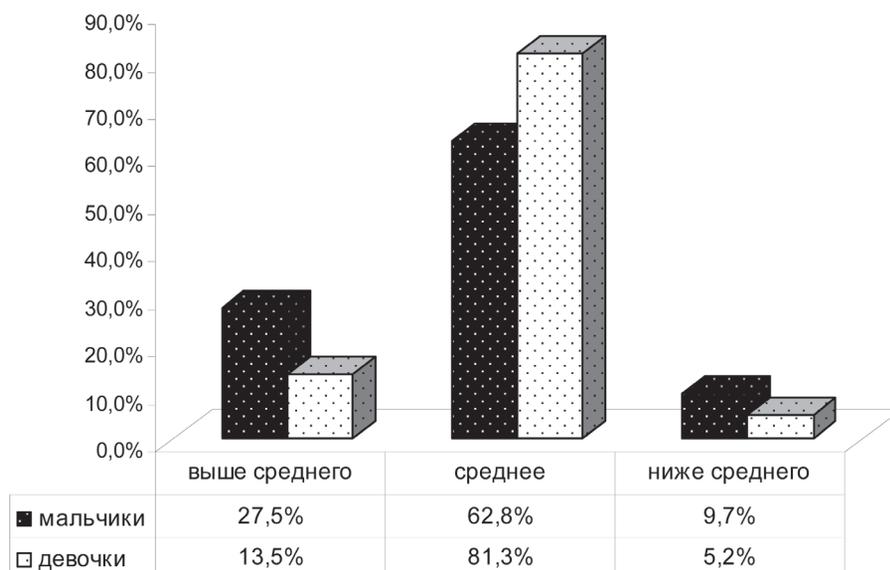

Рис. 3. Уровень физического развития учащихся в зависимости от пола (в %)

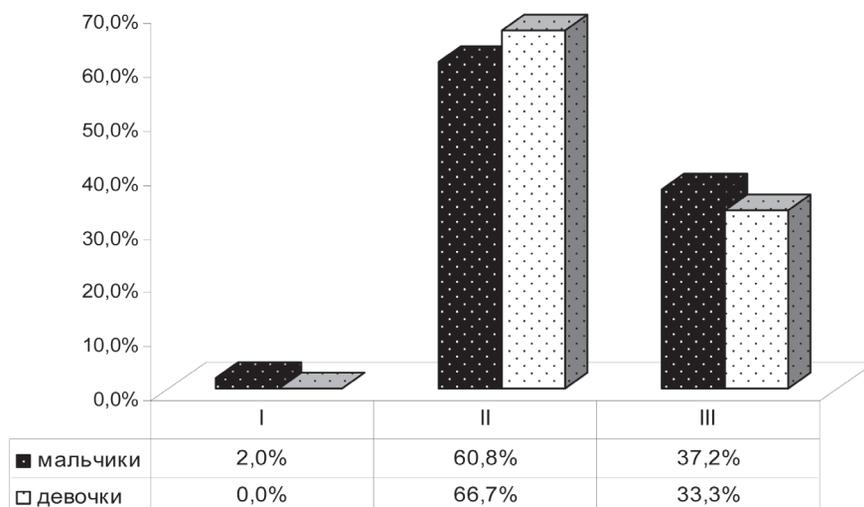

Рис. 4. Распределение учащихся в группах здоровья в зависимости от пола (в %)

летворительным, 2,8 % – плохим. В данной группе состояние здоровья как удовлетворительное обозначило большинство девочек – 47,7 %, и всего лишь 16,7 % мальчиков. А плохим свое здоровье назвали 4,5 % девочек и ни одного мальчика. Можно сделать вывод, что девочки более критично оценивают состояние своего здоровья, хотя показатель наличия хронической патологии у них ниже. Эти показатели представлены на рис. 5.

Успеваемость учащихся является критерием успешности учебной деятельности, в свою очередь, успешная и эффективная учебная деятельность – это критерий эффективности системы образования в целом (см. рис.6).

Во многом успеваемость обусловлена социальными факторами, такими как состав семьи, жилищно-бытовые условия жизни и развития, отношение учащихся к учебной деятельности, отношения в школь-

ном коллективе, уровень социализации, образ жизни, и состояние здоровья.

Важную роль в эффективности учебной деятельности играют взаимоотношения в семье, но еще важнее – установка самого учащегося на успех.

Была выявлена четкая взаимосвязь между хорошо организованной досуговой деятельностью, как например, посещение учащимися различных кружков и секций и успехами в учебной деятельности.

Зависимость успешной учебной деятельности от посещения учащимися дополнительных учебных занятий (факультативов при школе, занятий с репетиторами) доказать не удалось. Положительное отношение к учебному процессу (посещение всех занятий, регулярное выполнение домашних заданий) также позитивно влияет на показатели учебной деятельности учащихся.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕДАГОГИКИ

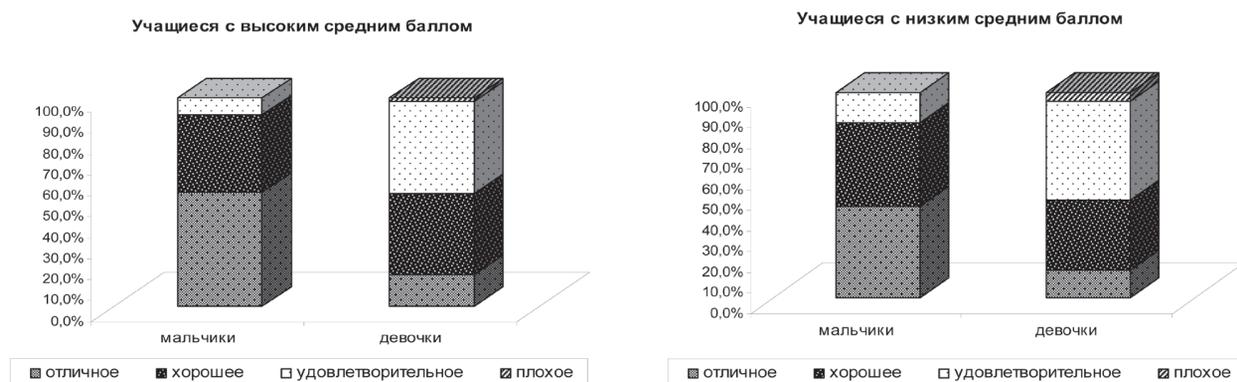

Рис. 5. Субъективная оценка состояния здоровья учащихся в группах сравнения в зависимости от пола (в %)

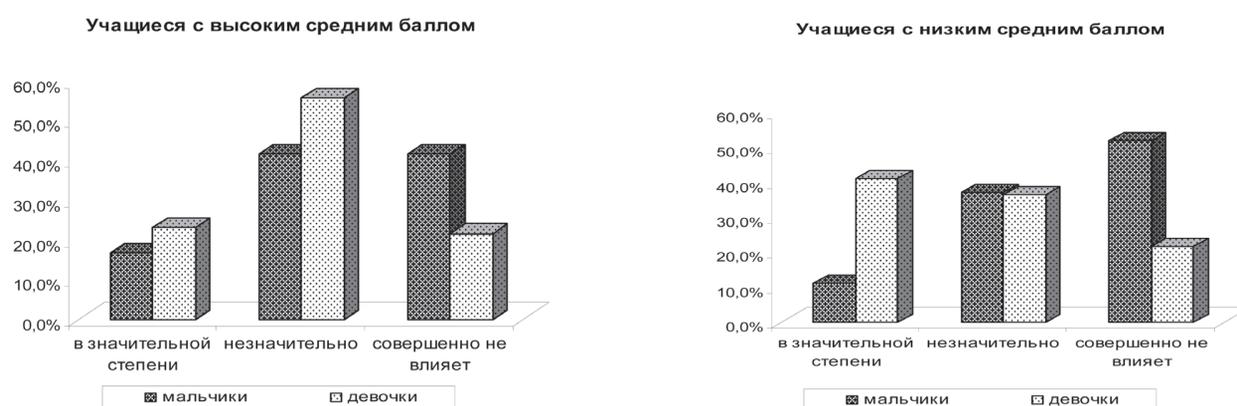

Рис. 6. Субъективная оценка учащихся влияния состояния здоровья на успеваемость в группах сравнения в зависимости от пола (в %)

Список литературы

1. Алексеев П.А. Санитарные врачи о здоровье школьников / П. А. Алексеев // Медицинская газета. 25 авг. 2007. № 65.
2. Мухина В.С. Возрастная психология / В. С. Мухина. М.: Академия, 2003. с. 348-370.
3. Сарычев А.С. Использование теппинг-теста для диагностики развивающегося утомления у нефтяников в динамике вахтового труда // Электронный научно-образовательный вестник «Здоровье и образование в XXI веке». 2009. Т. 11. № 1. С. 49-51.
4. Сарычев А.С. Характеристика адаптивных реакций организма вахтовых рабочих в условиях Заполярья: дис... д-ра мед. наук / А.С. Сарычев. Архангельск. СГМУ. 2012. 301 с.
5. Сарычев А.С., Шимановская Я.В. Физиологические резервы кардиореспираторной системы организма вахтовиков Заполярья. В сборнике: Экология и жизнь. Материалы XVII Международной научно-практической конференции / под редакцией: В.В. Арбузова. 2009. С. 22-24.
6. Шимановская К.А., Шимановская Я.В. Особенности формирования брачно-семейных отношений среди современной молодежи // Актуальные проблемы теории, истории, практики социальной работы и социального образования. Москва. 2011. С. 151-157.
7. Шимановская Я.В. Составляющие социальной жизни человека в современном обществе // Актуальные проблемы теории, истории и практики социальной работы. Сборник научных статей студентов и преподавателей кафедры теории и методологии социальной работы. Москва. 2014. С. 39-44.
8. Шимановская К.А., Шимановская Я.В. Современная политика и практика управления системой социальной защиты населения // Актуальные проблемы теории и практики социальной работы в России. Материалы III студенческой научно-практической конференции. Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Российский государственный социальный университет», Факультет социальной работы, педагогики и ювенологии, Филиал в г. Таганроге. Таганрог, 2012. С. 97-107.

Reference list

1. Alekseev P. Health doctors about the health of schoolchildren / P. Alekseev // Medical Newspaper. 25 Aug. 2007. №. 65.
2. Mukhina V. Developmental psychology / V. Mukhina. M.: Akademiya, 2003. P. 348-370.

3. *Sarychev A.* The use of the tapping-test for the diagnosis of a developing exhaustion of oil in the dynamics of shift labor // Electronic Scientific-Educational Journal "Health and education in XXI century". 2009. T. 11. №. 1. P. 49-51.
4. *Sarychev A.* Characteristics of adaptive reactions of shift workers of the Polar region requirements: Thesis of Doctor of Medicine / A. Sarychev. Arkhangelsk. SSMU. 2012. 301 p.
5. *Sarychev A., Shimanovskaya Ya.* Physiological reserves of the cardiorespiratory system of shift workers organism in the Polar region. In the book: Ecology and life. Materials of the XVII International scientific-practical conference / Under the editorship of V. Arbuzov. 2009. P. 22-24.
6. *Shimanovskaya K., Shimanovskaya Ya.* The formation features of marriage - family relations among today's youth // Topical issues of theory, history, practice of social work and social education. Moscow. 2011. P. 151-157.
7. *Shimanovskaya Ya.* Components of human social life in the contemporary society // Topical issues of theory, history and practice of social work. Collection of scientific articles of students and lecturers of the chair of theory and methodology of social work. Moscow. 2014. P. 39-44.
8. *Shimanovskaya K., Shimanovskaya Ya.* Contemporary policies and practices in the system management of social protection of the population // Topical issues of theory and practice of social work in Russia. Proceedings of the III scientific-practical conference. Federal State Budgetary Education Institution of Higher Professional Education "The Russian State Social University", the Faculty of social work, pedagogy and youth studies, the Branch in Taganrog. Taganrog, 2012. P. 97-107.

УДК 378.1

Ковтунович М.Г.,

кандидат педагогических наук, доцент, Москва

Кунгурцева А.В.,

кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель заведующего кафедры математического моделирования факультета предвузовской подготовки Южно-Уральского государственного университета

Шунайлова С.А.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры математического анализа и методики преподавания математики Института естественных и точных наук Южно-Уральского государственного университета

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В РАМКАХ СТУДЕНЧЕСКОГО ОЛИМПИАДНОГО ДВИЖЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы организации олимпиадного движения по математике для студентов младших курсов технического вуза; повышение качества математического образования на основе компетентностного подхода. Рассмотрено как проведение предметных олимпиад по математике способствует формированию экономико-математической компетентности студентов в предметном и личностном аспектах, а также реализация педагогических условий формирования данной компетенции в условиях проведения олимпиад.

Ключевые слова: олимпиадное движение студентов, методика обучения математике, компетентностный подход, экономико-математическая компетентность, самостоятельная работа студентов

Kovtunovich M.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor, Moscow

Kungurtseva A.,

PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Deputy Head of Chair of Mathematical Modeling of the Faculty of pre-University Training of the South-Ural State University

Shunaylova S.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Mathematical Analysis and Methods of Teaching Mathematics of the Institute of Natural and Exact Sciences of the South-Ural State University

THE QUALITY IMPROVEMENT OF MATHEMATICS EDUCATION THROUGH THE IMPLEMENTATION OF COMPETENCE APPROACH AS A PART OF THE STUDENT OLYMPIAD MOVEMENT

The article discusses the issues concerning organization of the Olympiad mathematics movement for students at undergraduate level of a technical higher education institution; the quality improvement of mathematics education through the competence approach. There is considered the holding subject Olympiads on mathematics which is promoting the formation of economic-mathematical competence of students in substantive and personal aspects, as well as the implementation of pedagogical conditions of this competence development in terms of the Olympiads holding.

Keywords: Olympiad movement of students, method of teaching mathematics, competence approach, economic-mathematical competence, self-depended work of students

В настоящее время в России завершен переход на реализацию высшего образования, построенного на компетентностном подходе, отраженном в ФГОС ВО, которое предполагает решение в вузе как минимум двух взаимосвязанных задач: «качественная подготовка специалистов (бакалавров, магистров) для осуществления конкретной профессиональной деятельности в реальном секторе экономики (требования отражены в профессиональных компетенциях) и, во-вторых, система профессионального образования должна сформировать личность человека, воспитать его готовность к саморазвитию, переходу в новую область профессиональной деятельности, морально-личностные качества (общекультурные компетенции)» [6].

С этими задачами связана и парадигма современного высшего образования, которое непосредственно интегрируется в мировое образовательное пространство. В рамках такой парадигмы необходимо выявление талантливой, ярко мыслящей и проявляющей творческие способности молодежи. Проведение таких творческих научно-ориентированных мероприятий, как олимпиады способствует решению этих задач. Проведение олимпиад позволяет выявить по-настоящему талантливых молодых людей, способных к научным исследованиям, связанным с потребностями рынка в высокотехнологичных отраслях инновационной экономики России.

Примером целенаправленной работы по решению этих глобальных задач, стоящих перед российским высшим образованием, может служить студенческая олимпиада «Прометей», проводимая Южно-Уральским государственным университетом (национальный исследовательский университет, г. Челябинск). Главную миссию олимпиады ее организаторы видят в направленности на совершенствование научно-исследовательской работы студентов, а основной целью – повышение качества подготовки будущих специалистов¹.

Задачами Олимпиады являются:

- распространение и популяризация научных знаний среди студентов;
- творческое применение знаний и умений по дисциплинам, изучаемым в вузе;
- создание необходимых условий для поддержки творческих способностей;
- активизация интереса к научной деятельности у талантливой молодежи;
- выявление одаренных студентов для подготовки к участию во всероссийских и международных олимпиадах;

– формирование кадрового потенциала для исследовательской, административной, производственной и предпринимательской деятельности.

Таким образом, миссия, цели и задачи олимпиады полностью совпадают как с новой парадигмой российского высшего образования, так и с задачами, которые ставят перед высшей школой Федеральные государственные образовательные стандарты.

Есть еще одна важная проблема, с которой теперь сталкивается высшая школа, – это снижение уровня математической подготовки абитуриентов. Одним из способов формирования математической компетентности студентов и развития их профессионально-значимых личностных качеств, мы рассматриваем проведение математических олимпиад для студентов первого курса. В рамках проводимой в ЮжУрГУ олимпиады, центральное место занимает именно олимпиада по математике, которая проводится не только для студентов технических факультетов, но и для экономистов и психологов.

Нами было введено понятие «экономико-математическая компетентность». Мы определили ее «как интегративную, интеллектуально и личностно обусловленную характеристику личности менеджера, которая отражает его способность применять экономические знания и математические методы при решении управленческих задач и повышении их эффективности» [2; 7]. В предыдущих наших работах мы показали, что данная компетентность состоит как бы из двух взаимодополняемых компонентов: 1) предметная – экономические и математические знания и умения; и 2) мотивационно-ценностная составляющая, которая призвана наделять специалиста «такими качествами личности, как желание и волю применить экономические и математические знания в практике управленческой деятельности» [2].

В связи с этим, обращаясь вновь к задачам, которые стоят перед олимпиадным движением, в частности, задача «творческое применение знаний и умений по дисциплинам, изучаемым в вузе», нужно рассматривать не только как обозначение в задаче способности студента решать математические задачи как базового, так и повышенного уровней сложности, но и их применение в нестандартных ситуациях направленности на будущую профессиональную деятельность. А это уже развитие мотивационно-ценностной составляющей профессиональной компетентности специалиста.

Нужно также заметить, что очень важным мотивационным импульсом служит многоступенчатость олимпиад.

Олимпиада в ЮжУрГУ проводится в два этапа: отборочный тур и заключительный тур. Отборочный тур заключается в выполнении зарегистрированными участниками заданий. На заключительный

¹ Положение О студенческой олимпиаде «Прометей» ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет), утверждено Приказом ректора от 29.10.2012 № 1885.

тур приглашаются участники, признанные победителями и призерами отборочного тура. Кроме того, победителям Олимпиады по решению администрации университета назначаются именные стипендии, выделяются средства для участия во всероссийских студенческих олимпиадах и научных конференциях. Здесь налицо мотивационный аспект для студентов, которые хотят не только получать необходимые знания, но и «выделиться», стать лучшими, первыми в своем деле. Здесь, таким образом, решается и задача «формирования кадрового потенциала для исследовательской, административной, производственной и предпринимательской деятельности». Здесь же мы видим и эффект «преодоления» у студентов, которым необходимо приложить «волевое усилие», чтобы достичь желаемого результата. А это и есть тот «личностный» или «мотивационно-ценностный» аспект экономико-математической компетенции, связанный также и с саморегуляцией [1].

Вновь обращаясь к нашим предыдущим исследованиям по выявлению педагогических условий формирования экономико-математической компетентности будущих менеджеров [2], мы можем констатировать, что Олимпиада все условия их успешного формирования. Напомним, что первым условием мы выделили именно «мотивационный аспект», который также способствует пониманию студентами значимости применения экономико-математических методов, а также потребности в их освоении.

Обратимся теперь ко второму условию – методическому. Для организационно-методического обеспечения проведения Олимпиады по предметам формируются методические комиссии. Состав методической комиссии формируется председателем комиссии из преподавателей кафедр, осуществляющих подготовку по данному предмету, на основе представлений от заведующих этими кафедрами. Сопредседатели методических комиссий назначаются при необходимости проведения Олимпиады по данному предмету на нескольких факультетах. Состав предметных методических комиссий на текущий учебный год утверждается приказом ректора.

В функции методических комиссий входит не только организационные функции, такие как разработка регламента Олимпиады; формирование состава жюри Олимпиады для оценивания работ участников Олимпиады; участие совместно с жюри в подведении итогов Олимпиады по предмету; вносят предложения в оргкомитет по вопросам совершенствования организации и методического обеспечения Олимпиады, а также совместно с оргкомитетом участвуют в рассмотрении конфликтных ситуаций. В собственно методические функции входят разработка текстов заданий Олимпиады (для отборочного и заключительного туров), обеспечивая их конфиденциальность и раз-

работка методики и критериев оценки выполненных заданий этапов Олимпиады.

Методические комиссии создаются на всех факультетах, участвующих в проведении Олимпиады. Здесь как раз и важно учесть *второе условие* формирования экономико-математической компетентности студентов. Для экономического факультета безусловно важно разработать такие задания, которые отражают не только математический компонент задачи, но и вкладывают экономический смысл в задачу, опираясь на межпредметные связи и интеграцию естественнонаучных, общепрофессиональных и специальных дисциплин. Приведем пример такой задачи для студентов 1 курса: «Цена билета в бассейн была 300 рублей. После снижения цены билета количество посетителей увеличилось на 50%, а сбор увеличился на 25%. На сколько рублей снизили цену билета?»

Еще одним важным педагогическим условием формирования профессиональной компетентности студентов, Корытова М.А. и Шунайлова С.А., считают работу в совместных проектах, стартапах и пр. [2]

Интересно, насколько это перекликается с выводами такого признанного исследователя олимпиадного движения, и прежде всего именно математического, как А. И. Попов, прозвучавших в его работах, а также совместно с Е. А. Левченко и Н. П. Пучковым. Авторы обратили внимание на то, что студенческие олимпиады, безусловно, выводят студентов на новый «креативный уровень интеллектуальной активности» и «формируют дух состязательности и готовности к деятельности в условиях неопределенности» [3; 4; 5]. Однако, при этом, отрицательным моментом является, по их мнению, то, что такие взлеты интеллектуальной активности происходят достаточно редко (всего один раз в год, когда проходят олимпиады), а на обычных занятиях, студенты, зачастую получают материал лишь в репродуктивных формах обучения. Кроме того, существует также большая вероятность стрессовой ситуации во время прохождения конкурсного отбора во время олимпиады. И плюс ко всему, авторы опасаются также превалярования мотивации достижения результата над познавательной мотивацией. Как же они предлагают исправить эту ситуацию? В принципе, безусловно, педагогическое сообщество давно нашло противоядие – это предолимпиадная подготовка, занятия в «олимпиадных микрогруппах, а также самообразование в единой олимпиадной информационной среде» [4].

Не будем останавливаться на том, как организовать такую работу в рамках образовательного стандарта ФГОС через часы, отводимые на самостоятельную работу студентов, об этом подробно в своих работах рассказали указанные авторы, в рамках же нашей статьи мы можем констатировать, что и третье педагогическое условие формирования экономико-ма-

тематической компетентности студентов, прекрасно реализуется в рамках предолимпиадной подготовки студентов. Это могут быть и факультативные занятия, и дисциплины по выбору. Важно то, что ребята, собираясь в группы при подготовке к предметной олимпиаде под руководством преподавателя (или даже только при его консультативной роли), могут самостоятельно составить план подготовки к олимпиаде, распределить некоторые обязанности в микрогруппе, обсудить как стандартные, так и нестандартные решения, находить сами новые интересные задачи, которые не входят в базовый уровень подготовки. При этом в группе обязательно выявятся ребята, мыслящие нестандартно, творчески подходящие к решению

математических задач, а также те, которые проявляют высокую степень познавательного интереса.

Таким образом, мы можем в заключение сказать, что как сама Олимпиада, так и предолимпиадная подготовка студентов, способствуют формированию профессиональной компетентности студентов, в частности, для студентов экономического факультета, Олимпиада по математике – это, безусловно, и формирование экономико-математической компетентности студентов-экономистов, и реализация компетентного подхода в образовательной программе высшего образования по экономике, и повышение качества математического образования в высшей школе в целом.

Список литературы

1. Ковтунович М.Г. Осознанная саморегуляция как показатель когнитивного развития и профессиональной компетентности будущих менеджеров // Современное образование: стратегии, направления, ценности / Сборник научных трудов. Отговорен редактор доц. д-р Румяна Танкова. Българска, Пловдив: Университетско издателство «Паисий Хилендарски», 2012. С. 103 – 114.
2. Кoryтова М.А., Шунайлова С.А. Педагогические условия формирования экономико-математической компетентности будущих менеджеров // Вестник Академии права и управления. № 3 (44). 2016. С. 179 -182.
3. Попов А. И., Левченко Е.А. Олимпиадное движение по математике как способ совершенствования самостоятельной работы студентов младших курсов // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 1 (129). 2013. С. 132 – 135. Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/olimpiadnoe-dvizhenie-po-matematike-kak-sposob-sovershenstvovaniya-samostoyatelnoy-raboty-studentov-mladshih-kursov#ixzz4Pin7COtv>
4. Попов А.И., Пучков Н.П. Включение олимпиадного движения в самостоятельную работу студентов в естественно-научной и математической предметных областях // Научно-педагогическое обозрение. № 4 (10). – 2015. С. 69 – 74. Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/vklyuchenie-olimpiadnogo-dvizheniya-v-samostoyatelnuyu-rabotu-studentov-v-estestvenno-nauchnoy-i-matematicheskoy-predmetnyh-oblastyah#ixzz4Pipy5JiS>
5. Попов А.И. Олимпиадное движение студентов как форма организации творческой самостоятельной работы в вузе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 5 -2. 2013. С. 166 – 170. <http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-nizhegorodskogo-universiteta-im-n-i-lobachevskogo>
6. Приказ Минобрнауки России от 26.11.2014 № 1518 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление (уровень магистратуры)» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.12.2014 № 35294) <http://fgosvo.ru/> <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/380404.pdf>
7. Шунайлова С.А. Формирование экономико-математической компетенции будущих менеджеров в ВУЗе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. пед. наук по специальности 13 00 08 – теория и методика профессионального образования, Челябинск, 2009.

Reference list

1. Kovtunovich M. The Conscious Self-Regulation as an Indicator of Cognitive Development and Professional Competence of Intended Managers // The Contemporary Education: Strategies, Directions, Values / Collection of proceedings. Executive editor, Associate professor, Doctor Romyana Tankova. Bulgaria, Plovdiv: The university publishing office "Paisiy Khilendarsky", 2012. P. 103–114.
2. Korytova M., Shulaylova S. Pedagogical conditions of the mathematical competence formation of intended managers // Bulletin of Academy of Law and Management. № 3 (44). 2016. P. 179 – 182.
3. Popov A., Levchenko E. The mathematics Olympiad movement as a method of students self-depended work improvement at undergraduate level // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. № 1 (129). – 2013. – P. 132 – 135. Cyberleninka Scientific Library: <http://cyberleninka.ru/article/n/olimpiadnoe-dvizhenie-po-matematike-kak-sposob-sovershenstvovaniya-samostoyatelnoy-raboty-studentov-mladshih-kursov#ixzz4Pin7COtv>
4. Popov A., Puchkov N. The inclusion of the Olympiad movement in students self-depended work in natural-science and mathematical subject domains // Pedagogical Review. № 4 (10). 2015. P. 69 – 74. Cyberleninka Scientific Library: <http://cyberleninka.ru/article/n/vklyuchenie-olimpiadnogo-dvizheniya-v-samostoyatelnuyu-rabotu-studentov-v-estestvenno-nauchnoy-i-matematicheskoy-predmetnyh-oblastyah#ixzz4Pipy5JiS>

5. *Popov A.* Students Olympiad movement as a form of organization of creative self-depended work at a higher education institution // Bulletin of Nizhniy Novgorod University named after N. Lobachevskiy. – № 5 – 2. – 2013. – P. 166 – 170. <http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-nizhegorodskogo-universiteta-im-n-i-lobachevskogo>
6. The Order of the Russian Ministry of Education and Science from 26.11.2014 №. 1518 "About the statement of Federal State Educational Standard of Higher Education in the direction of preparation 38.04.04 – Public and Municipal Administration (Master level)". (Registered in the Ministry of Justice of Russia 22.12.2014 №. 35294) <http://fgosvo.ru/> <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/380404.pdf>
7. *Shulaylova S.* The formation of economic-mathematical competence of intended managers at a higher education institution. The Synopsis of a thesis on competition of a scientific degree of PhD in Pedagogy in the specialty 13 00 08 – Theory and Methodology of Professional Education, Chelyabinsk, 2009.

УДК 378

Потехина Е. В.,

доцент кафедры математики и информатики Ставропольского государственного педагогического института

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ СРЕДСТВАМИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В данной статье рассматриваются и анализируются средства применения современных информационных технологий для совершенствования математического образования в вузе, согласно концепции развития математического образования. Рассмотрены также вопросы изменения содержания, технологий, форм, методов и средств обучения в условиях информатизации образования, инструменты контроля качества деятельности вузов согласно ФГОС ВО третьего поколения, в которых математика отнесена к циклу естественно-научных дисциплин. Автор делает вывод о том, что математическое образование составит в ближайшем будущем основу кадрового потенциала, обеспечивающего научный, технический, технологический и социальный прогресс российского общества. Поэтому математическая подготовка должна быть не ниже общемировой.

Ключевые слова: математика, информационные технологии, математическое образование, вуз, гуманитарное образование, логическое мышление, математическое моделирование

Potekhina E.,

Associate Professor of Chair of Mathematics and Informatics of the Stavropol' State Pedagogical University

THE IMPROVEMENT OF MATHEMATICS EDUCATION BY MEANS OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

In this article there is described and analyzed the means of applying the modern information technologies to improve the mathematics education in a higher education institution under the mathematics education development conception. Also there are discussed the issues of content changes, technologies, forms, methods and means of training under the conditions of education informatization, instruments of quality control for higher education institutions activity according to Federal State Education Standard of Higher Education of the third generation where the mathematics is related to the cycle of natural-scientific disciplines. The article author concludes that the mathematics education will be the basis of personnel potential in the near future, which will be providing scientific, technical, technological and social progress of the Russian society. Therefore, the mathematics training should be at least the worldwide.

Keywords: mathematics, information technologies, mathematics education, higher education institution, humanitarian education, logical thinking, mathematical modeling

Математика – наука, созданная нашей цивилизацией и сопровождающая ее на всех этапах развития. Почти вся современная наука: физика и химия, биология и экономика, лингвистика и социология не только использует математические методы, но и строится по математическим законам. Путь в современную науку и технику, просто в современную жизнь лежит через математику.

Математика занимает особое место в науке, культуре и общественной жизни, являясь одной из важнейших составляющих мирового научно-технического прогресса. Изучение математики играет системообразующую роль в образовании, развивая познавательные способности человека, в том числе к логическому мышлению, влияя на преподавание

других дисциплин. Качественное математическое образование необходимо каждому для его успешной жизни в современном обществе. Успех нашей страны в XXI веке, эффективность использования природных ресурсов, развитие экономики, обороноспособность, создание современных технологий зависят от уровня математической науки, математического образования и математической грамотности всего населения, от эффективного использования современных математических методов. Без высокого уровня математического образования невозможны выполнение поставленной задачи по созданию инновационной экономики, реализация долгосрочных целей и задач социально-экономического развития Российской Федерации, модернизация 25 млн. высокопроизводительных ра-

бочих мест к 2020 году. Развитые страны и страны, совершающие в настоящее время технологический рывок, вкладывают существенные ресурсы в развитие математики и математического образования [9].

Важнейшей задачей математического образования является развитие и воспитание в человеке способности понимать смысл поставленной перед ним задачи, умение правильно, логично рассуждать, усвоить навыки алгоритмического мышления, эвристическое (творческое) мышление. Научиться анализировать, отличать гипотезу от факта, схематизировать, отчётливо выражать свои мысли, развивать воображение и интуицию, пространственное представление, способность предвидеть результат и предугадать путь решения.

Влияние математического образования на развитие личности в современных условиях рассматриваются также умение видеть математические закономерности в повседневной практике и использовать их на основе математического моделирования, освоение математической терминологии, символики необходимого в настоящее время каждому образованному человеку.

Современное развитие науки и практики с поэтапным движением к информационному обществу требует новых подходов к образованию, в том числе и к высшему профессиональному с целью повышения его качества. Необходимо отметить, что в полной мере современное образование не удовлетворяет актуальным требованиям общества и государства, не готовит молодое поколение к успешной и качественной жизни в постоянно изменяющемся мире. На смену необходимости получения «образования на всю жизнь» приходит потребность в получении «образования в течение всей жизни», в самообразовании.

Система профессионального образования должна обеспечивать необходимый уровень математической подготовки кадров для нужд математической науки, экономики, научно-технического прогресса, безопасности и медицины. Для этого необходимо разработать современные программы, включить основные математические направления в соответствующие приоритетные направления модернизации и технологического развития российской экономики [9].

Студенты, изучающие математику, включая информационные технологии, и их преподаватели должны участвовать в математических исследованиях и проектах. Преподавателям математических факультетов классических университетов необходимо вести признаваемые профессиональным сообществом фундаментальные исследования, а их студенты должны уделять значительно больше времени, чем в настоящее время, решению творческих учебных и исследовательских задач. Преподаватели математи-

ческих кафедр технических университетов должны вести исследования в фундаментальной математике или в прикладных профильных областях, выполнять работы по заказу организаций, в которых принимают участие и студенты (аналогично для экономических и других образовательных организаций высшего образования), преподаватели математических кафедр педагогических вузов должны работать со школьниками, участвовать в разработке аттестационных материалов, учебных пособий для школьников. Студентам (в том числе готовящимся стать учителями и воспитателями в организациях, осуществляющих образовательную деятельность) необходимо решать задачи элементарной математики в зоне своего ближайшего развития, в существенно большем объеме, чем сегодня, проходить практику в школе, используя эту деятельность как основу и мотивирующий фактор для получения психолого-педагогических знаний.

Происходящие в современном мире социокультурные преобразования тесно связывают с основным фактором, влияющим на нашу жизнь – информацией: как известно, ежегодно происходит, как минимум, удвоение знаний. Темпы поиска, накопления и передачи информации обусловлены проникновением во все сферы жизни информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Е.О. Иванова и И.М. Осмоловская отмечают, что мы живем в эпоху четвертой информационной революции и зависимы от огромного объема сведений, без которых не можем представить своей жизни. Анализ психолого-педагогической литературы указывает на то, что современное общество становится информационным.

Одной из сфер человеческой деятельности, которой коснулся процесс информатизации, является образование. Современное молодое поколение живет в двух реальностях – виртуальной и реальной, довольно часто первая преобладает над второй. Поэтому сегодня правомерно говорить о цифровом поколении (сетевом поколении), которое характеризуется умением делать много дел одновременно и принимать неожиданные организационные решения, более эффективно использующее время, эмоционально устойчивое к рекламе, отдающее приоритет самостоятельным дистанционным формам обучения, имеющее в среднем более высокий уровень интеллектуального развития. В то же время отличительными чертами такого поколения, вызывающими тревогу, по мнению психологов, является эмоциональная холодность, социальная дезадаптация, раскрепощенность и ненормативность в общении. Организация обучения представителей сетевого поколения (учащихся, студентов) требует новых подходов в образовании и иных инновационных технологий.

Информатизации образования накладывает большой отпечаток на подходы к организации обра-

звательного процесса в вузе, в том числе и математической подготовки кадров с целью повышения ее качества. Вопрос качества образования тесно связан с современным этапом развития общества и государства и характеризует удовлетворенность личности своей гуманитарной, естественно-научной и профессиональной подготовкой. Традиционно оценивалось чаще качество результатов, которых, в ходе организации процесса обучения в школе или в вузе, добивался преподаватель, но не обсуждался вопрос качества процесса образования. В современных условиях качество образования в рамках актуального сегодня системного подхода мы будем определять как функцию всех составных частей образовательной системы, таких как цель, содержание, условия, процесс, конечные результаты. Под качеством высшего образования Ю.Г. Татур понимает его «социальную значимость, прагматическую ценность, позволяющую специалисту с высшим образованием достойно продать свои услуги работодателю [3, с. 107].

Основным инструментом контроля качества деятельности вузов являются ФГОС ВО третьего поколения, в которых математика отнесена к циклу естественно-научных дисциплин. Математическую подготовку студентов технических специальностей (направлений) вуза будем рассматривать, как интегрирующую составляющую при освоении многих дисциплин учебного плана, поскольку изучение материала многих специальных дисциплин и дисциплин общетехнического направления требует базовых знаний различных разделов математики. Особенно важен в рамках нашего исследования фундаментальный системообразующий характер математического образования в качественной подготовке современного специалиста (бакалавра). Далее обсудим в рамках статьи вопрос изменения содержания, технологий, форм, методов и средств обучения в условиях информатизации образования.

В современных условиях характерной чертой обучения в вузе является необходимость использования в нем ИКТ. Нам бы хотелось рассматривать компьютерные технологии при осуществлении математической подготовки студентов не только как новые технические средства обучения, но и как иную форму предметной математической деятельности, наполненную другим содержанием и реализующую современные дидактические подходы.

А. П. Ершов, говоря о компьютеризации математического образования, выделяет следующие аспекты: расширение значимости математической практики, изменение номенклатуры математических знаний, усиление системной роли математической теории, организацию вычислительного эксперимента с использованием приемов математического моделирования, визуализацию и представление в динамике

математических объектов, воспитание базовых способностей и умений, пробуждение интереса к математике [7].

Под информатизацией математического образования, придерживаясь мнения Л.П. Мартиросян, будем понимать «целенаправленно организованный процесс создания и использования научно-педагогических, учебно-методических, программно-технологических разработок, ориентированных на достижение целей обучения математике, в условиях реализации возможностей информационных и коммуникационных технологий, с учетом педагогико-эргономических условий безопасного их применения» [9, с. 5-6].

Анализ состояния проблемы повышения качества математической подготовки в условиях информатизации образования и собственный опыт преподавания высшей математики в любом вузе позволил выявить следующие противоречия:

между ускоряющимся процессом информатизации образования и отсутствием эффективной системы математической подготовки студентов технических специальностей и направлений, способствующей повышению качества образования, в современных условиях;

между автономностью естественно-научных дисциплин и дисциплин профессионального цикла учебного плана и недостаточным использованием потенциальных возможностей математического аппарата, методов математического моделирования и соответствующих пакетов прикладных программ, как интегрирующей составляющей их освоения;

между необходимостью усиления прикладной, профессиональной направленности математической подготовки студентов технических специальностей и слабой разработанностью методик обучения математике с использованием новых технических средств и компьютерных систем, способствующих формированию профессионально-математической компетентности бакалавра (специалиста).

Обучение в вузе характеризуется рядом особенностей, связанных со спецификой дидактики высшей школы. Выбор форм, методов, средств обучения и структурирование содержания образования определяется системой дидактических принципов, сформулированных Я.А. Коменским. Дидактические принципы синтезировали в себе достижения классической теории обучения и получили развитие в современных условиях. Опираясь на анализ психолого-педагогической литературы по проблеме повышения качества математической подготовки студентов технических специальностей и направлений (В.А. Далингер, А.Б. Ольнева, М.В. Носков, В.Ф. Шершнева, Л.Н. Журбенко и др.).

В ходе организации и проведения учебных занятий по любому разделу математической дисциплины

ны в вузе преподаватель-предметник ставит перед собой следующие педагогические задачи: помочь студенту в систематизации, структурировании, закреплении, углублении знаний теоретического характера; отработать навыки студента в решении типовых задач; организовать рефлексивную деятельность обучаемых на занятии; развивать у студентов способность к самообразованию и самоконтролю; обеспечить достаточно высокий темп проведения занятий; учитывать разный уровень подготовки студентов группы и различные темпы усвоения ими учебного материала.

При актуализации знаний в процессе повторения лекционного материала на практическом занятии нами использовалась заранее подготовленная слайдовая презентация, чтобы студент мог проанализировать правильность своих ответов на вопросы, поставленные педагогом, что способствует отработке навыков самоконтроля студентов.

В ходе этапа формирования новых способов действий работа с типовыми задачами проводилась на традиционной доске как преподавателем, так и студентами с целью осуществления систематической обратной связи. Задания для фронтальной, групповой и самостоятельной работы в аудитории заранее разрабатывались нами как дидактический раздаточный материал на бумажных носителях (сгруппированные по различным уровням сложности).

Этап закрепления, систематизации, применения усвоенного позволяет наиболее интенсивно применять средства электронных учебных материалов для индивидуализации и дифференциации обучения. Часть слайдовых материалов, в форме схем и таблиц, помогают студенту систематизировать, структурировать материал данной темы. Алгоритмы методов решения типовых задач, представленных на слайде, анализировались преподавателем и студентами в конце занятия при организации совместной рефлексивной деятельности (предлагалось сначала студентам самим сформулировать данные алгоритмы, а после сравнить их с эталоном). Ответы и образцы решения некоторых практических заданий выносились на слайд с целью их обсуждения в условиях дефицита времени на уроке в связи с необходимостью обеспечения достаточно высокого темпа проведения занятий. В ситуации анализа уже готовых решений математических задач нами использовался известный прием педагогической техники – «лови ошибку», который способствует повышению интереса студента к учебному предмету.

Применение компьютерных средств в ходе преподавания математических дисциплин в вузе там, где это оправдано целями обучения, интенсифицирует процесс усвоения учебного материала и переводит преподавание предмета на более высокий уровень. Организуя учебный процесс по изучению курса мате-

матических дисциплин студентами направления «Педагогическое образование» профиля «Информатика и информационные технологии в образовании», включающего в себя модули «Теория вероятностей и элементы математической статистики», «Дискретная математика» и «Математическая логика», занятия проводятся в компьютерном классе. Обязательным условием выполнения типового расчета по математической статистике является использование возможностей работы с электронными таблицами MS Excel, системой MathCAD и грамотной интерпретацией полученных результатов вычислений при его защите. Выбор интегрированной компьютерной системы MathCAD был обусловлен широким кругом математических задач, решаемых в этой программной среде. При компьютерном математическом моделировании статистического эксперимента очень важна форма представления результатов. Самой наглядной формой является геометрическая (графическая). MS Excel содержит большой набор средств изображения зависимости между величинами. В рамках нашей дисциплины наиболее часто использовались построения различных графиков функциональных зависимостей и столбчатых диаграмм, применяемых в статистических методах с помощью Мастера функций и Мастера диаграмм.

Таким образом, организуя процесс математической подготовки студентов гуманитарных специальностей и направлений вуза в условиях информатизации математического образования, необходимо учитывать, что он связан с информационным взрывом и предполагает изменение содержания, методов и организационных форм обучения студентов на этапе высшей школы. Формирование в процессе преподавания математики информационной культуры студентов, вариативный подход к математическому образованию, визуализация содержания математических курсов, создание электронного учебно-методического обеспечения математических дисциплин и использование возможностей стандартных математических пакетов прикладных программ, системное и методически оправданное применение ИКТ в учебном процессе позволяет повысить качество математической подготовки студентов как части фундаментальной и способствует усилению их положительной мотивации к обучению, развивает их способность к самообразовательной деятельности.

Освоение научной картины мира, научного мировоззрения, формирование математического языка и математического аппарата, как средства описания и исследования окружающего мира его закономерностей, в частности, компьютерной грамотности – все это является частью вклада предмета математики в общее образование каждого человека.

В естественных науках основную роль играет в настоящее время количественные описания реаль-

ных процессов и соответствующие количественные модели, для исследования которых необходимы традиционные разделы математики, наряду с началами математического анализа и элементами теории вероятностей и математической статистики.

Иное дело – гуманитарные науки. В них наибольшее значение имеют структурные модели, построение и исследование которых требует привлечения разделов математики, более современных и весьма далеких от нынешнего школьного курса математики, прежде всего дискретной математики (достаточно упомянуть построение грамматических моделей в лингвистике, создание информационных систем в приложениях различных гуманитарных наук).

В процессе обучения математике в зависимости от роли, которую играет в ней математика, можно выделить три направления: общеобразовательное, общенаучное и математическое.

Во всех трех направлениях опора делается на общеобразовательный курс математики. Эта позиция учитывает, прежде всего, необходимость предоставления студенту возможности реализации своего потенциала в области математики, который, может проявиться на более поздней стадии обучения.

Математическое образование составит в ближайшем будущем основу кадрового потенциала, обеспечивающего научный, технический, технологический и социальный прогресс российского общества. Поэтому математическая подготовка должна быть не ниже общемировой.

Иначе говоря, математика нужна для интеллектуального развития личности. В 1267 году знаменитый английский философ Роджер Бекон сказал: «Кто не знает математики, не может узнать никакой другой науки и даже не может обнаружить своего невежества».

Совершенствование, влияние математического образования личности в современных условиях выделяет следующие качества:

- интеллектуальное развитие студентов формирование качеств мышления, характерных для ма-

тематической деятельности и необходимых человеку для полноценной жизни в обществе;

- формирование представлений о математике как части общечеловеческой культуры, понимания значимости математики для общественного прогресса.

- формирование представлений об идеях и методах математики, о математике как форме описания и методе познания действительности;

- овладение конкретными математическими знаниями, необходимыми для применения в практической деятельности, для изучения смежных дисциплин, для продолжения образования.

Сегодня в мире возникло много новых профессий, много новых видов человеческой деятельности и поэтому совершенствование математического образования личности в современных условиях должно включать в себя обучение компьютерным технологиям и современным информационным возможностям.

Изучение основ математики в современных условиях становится всё более существенным для общеобразовательной подготовки молодого поколения. В настоящее время внимание к профессиональному математическому образованию усиливается в России и во многих странах мира. Анализ мирового опыта выделяет важные тенденции:

- понимание необходимости математического образования для всех учащихся и студентов;

- широкая постановка соответствующих исследований;

- стремление включению общеобразовательных курсов математики в учебные планы на всех ступенях обучения;

- глубокая дифференциация математической подготовки на старших ступенях школы.

Математическое образование является отражением истории развития человеческой мысли. Именно поэтому математическое образование всегда играло важную роль в культурном развитии личности человека.

Список литературы

1. Ваганов А.В., Шарыгин И.Ф. Математическое образование: в XXI веке [Электронный ресурс] : многопредмет. научно-просветит. газета «НГ-Наука» / Изд.-во «Независимая газета». – Электрон. газета. – Москва : НГ, 2000. – Режим доступа : http://science.ng.ru/policy/2000-10-18/4_mathem.html, свободный – 23.03.2009. – Загл. с экрана.
2. Вендина А.А., Киричек К.А. Применение интерактивных методов обучения при переподготовке учителей математики в контексте реализации требований профессионального стандарта педагога // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4, номер 2 <http://mir-nauki.com/PDF/03PDMN216.pdf> (доступ свободный).
3. Дорофеева А. В. Гуманитарные аспекты преподавания математики / А. В. Дорофеева // Математика в школе. – 2006. – №2. – С. 12-16.
4. Иванова Е.О., Осмоловская И.М. Теория обучения в информационном обществе. М. : Просвещение, 2011. 190 с.
5. Мышкис А.Д. О прикладной направленности школьного курса элементов математического анализа / А. Д. Мышкис // Математика в школе. 2006. №2. С. 7-10.
6. Столяр А.А. Роль математики в гуманизации образования / А. А. Столяр // Математика в школе. 2006. №2. С. 5-7.

7. *Шарыгин И.Ф.* Математическое образование: вчера, сегодня, завтра... [Электронный ресурс] : многопредмет. научно-просветит. журн. «Скепсис» / Моск. центр непрерыв. матем. образов. – Электрон. журн. – Москва : МЦ НМО, 2001.– Режим доступа : http://scepsis.ru/library/id_638.html, свободный – 23.03.2009. – Загл. с экрана.
8. *Татур Ю.Г.* Образовательная система России: высшая школа. – М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов; Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1999. 278 с.
9. Распоряжение Правительства РФ от 24 декабря 2013 г. № 2506-р «О Концепции развития математического образования в РФ». \http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/
10. *Потехина Е.В.* Факторы эффективной реализации обучения математическим дисциплинам в современных условиях. – Махачкала: Материалы международной научно-практической конференции. – Модернизация системы непрерывного образования. 2014 г.

Reference list

1. *Vaganov A., Sharygin I.* The mathematics education: In the twenty first century [Electronic resource]: Multi-disciplinary scientific educational newspaper "NG-Nauka" / Publishing house "Nezavisimaya Gazeta". Electronic newspaper. Moscow: NG, 2000. Access mode: http://science.ng.ru/policy/2000-10-18/4_mathem.html free – 23.03.2009. The title from a screen.
2. *Vendina A., Kirichek K.* The use of interactive teaching methods in the training of mathematics teachers in the context of the implementation of the requirements of the professional standard of an educator / The Internet- magazine "World of Science" 2016, Volume 4, number 2 <http://mir-nauki.com/PDF/03PDMN216.pdf> (free access).
3. *Dorofeeva A.* The humanitarian aspects of teaching mathematics / A. Dorofeeva // Mathematics at School. 2006. №. 2. P. 12-16.
4. *Ivanova E., Osmolovskaya I.* The theory of training in the information society. – М. : Prosveshchenie, 2011. 190 p.
5. *Myshkis A.* About applied orientation of the school course elements of mathematical analysis / A. Myshkis // Mathematics at School. 2006. №. 2. P. 7-10.
6. *Stolyar A.* The role of mathematics in the humanization of education / A. Stolyar // Mathematics at School. 2006. №. 2. P. 5-7.
7. *Sharygin I.* The mathematics education: Yesterday, today, tomorrow... [Electronic resource] : Multi-disciplinary scientific educational journal "Skepticism" / The Moscow Center of Continuous Mathematics Education – Electronic journal. – Moscow: MC CME, 2001.– Access mode: http://scepsis.ru/library/id_638.html free – 23.03.2009. The title from a screen.
8. *Tatur Yu.* The educational system in Russia: Higher school. – М. : The Research Center of Quality Problems of Specialists Training; The publishing office of the Bauman Moscow State Technical University, 1999. 278 p.
9. The Decree of the Government of the Russian Federation from 24th of December, 2013 №. 2506-D "On the conception of mathematical education in Russia". \http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/
10. *Potekhina E.* The factors for effective implementation of teaching mathematics in the contemporary world. Makhachkala: Proceedings of international scientific-practical conference. The system modernization of continuous education. 2014.

УДК 378

Фролова М.И.,

кандидат педагогических наук, докторант кафедры теории и методики профессионального образования педагогического факультета Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева

АНИМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ (НА ПРИМЕРЕ КУРС-ПРОЕКТА «ОТ МАЛЕНЬКОЙ СКАЗКИ К БОЛЬШОМУ СЕРДЦУ»)

В статье рассматривается проблема формирования толерантности как важнейшего качества личности, детерминирующего успешность адаптации индивида к поликультурной среде, развития гуманистического общества в целом и является одной из важных проблем образования, в том числе и художественного. Автором отмечается, что художественное образование, которое обеспечивает приобщение студентов к ценностям мировой и отечественной культуры, этнокультуры, обеспечивает осознание исторического прошлого страны и его современных реалий, и при этом является также уникальным средством трансляции в современный социум лучших региональных и общероссийских народных традиций, влияющих на развитие духовной сферы, как конкретной личности, так и общества в целом. Автором разработан и апробирован курс-проект «От маленькой сказки к большому сердцу», направленный на формирование толерантности студентов в процессе художественного образования, средствами анимационной деятельности, на основе изучения «нартского» эпоса народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: толерантность, анимация, анимационная деятельность, художественное образование, этнокультурные ценности

Frolova M.,

PhD in Pedagogy, Doctoral student of Chair of Theory and Methodology of Professional Education of the Pedagogical Faculty of the Karachay-Cherkessia State University named after U. Aliev

THE ANIMATION ACTIVITIES AS A MEANS OF STUDENTS' TOLERANCE FORMATION IN ARTISTIC EDUCATION (BY AN EXAMPLE OF THE COURSE- PROJECT "FROM THE BRIEF TALE TO THE GREAT HEART")

This article considers the issue of tolerance formation as the primary quality of the personality, which is determining the adaptation success of the individual to a multicultural environment, the development success of the humanist society as a whole and it is one of the major issues of education, the artistic education among other things. The article author is noted that ensuring accustom university students to the values of global and national culture, ethnic culture, the artistic education is providing awareness of the historical past of the country and its contemporary realities, it is also a unique means for transmission in modern society of the best regional and nationwide folk traditions, which are influencing to the spiritual sphere development, as a specific personality, and the society, generally. The contributor has developed and tested the course-project "From the brief tale to the great heart", which is directed on students' tolerance formation in the process of artistic education by the means of animation activities, based on the study of "the Narts" epos of the peoples of the North Caucasus.

Keywords: tolerance, animation, animation activities, artistic education, ethno-cultural values

Развитие российского общества требует от системы образования и в первую очередь от высшей школы подготовки не просто профессионала своего дела, а толерантного, обладающего широкой эрудицией, способностью и стремлением к самообразованию Гражданина, что в свою очередь предпо-

лагает развитие у него профессиональных и общекультурных компетенций.

По нашему мнению важнейшим средством формирования общекультурных компетенций и толерантности является художественное образование, которое обеспечивает приобщение студентов к цен-

ностям мировой и отечественной культуры, этнокультуры, обеспечивает осознание исторического прошлого страны и его современных реалий, и при этом является также уникальным средством трансляции в современный социум лучших региональных и общероссийских народных традиций, влияющих на развитие духовной сферы, как конкретной личности, так и общества в целом.

Исходя из вышесказанного, приобретает актуальность проблема формирования толерантности как важнейшего качества личности, детерминирующего успешность адаптации индивида к поликультурной среде, развития гуманистического общества в целом и является одной из важных проблем образования, в том числе и художественного.

Мы не претендуем на всесторонний анализ понятий общекультурных компетенций и толерантности в силу их многоаспектности и многофункциональности. Но считаем необходимым отметить, что, по мнению С.Л. Троянской: «<...>структура сформированности общекультурных компетенций студента включает в себя следующие компоненты: когнитивный, коммуникативно-деятельностный и ценностно-ориентационный. Когнитивный компонент соответствует такой форме присвоения продуктов культуры как изучение и понимание, следствием является «осознание», которое определяет данный компонент. А анализируя разнообразные определения культуры мы замечаем и ее «знаниевую» характеристику: «комплекс знаний», «совокупность интеллектуальных элементов», «память мира» на основе изучения и интеграции различных образовательных предметов. Коммуникативно-деятельностный компонент соответствует операционно-поведенческой направленности личности, а также такому способу присвоения культуры как научение и сотворчество. Это закреплено в определениях культуры «как формы поведения, способов человеческой деятельности, системе хранения и передачи социального опыта» на основе включения студентов в разнообразные формы учебной и воспитательной работы. В данном случае такие понятия, как «содействие», «взаимодействие» наилучшим образом раскрывают сущность данного компонента. Ценностно-ориентационный компонент предполагает приобщение к культуре на основе передачи ценностей через переживание в процессе духовного общения. При этом культура определяется как «система производства духовных ценностей», «специфический способ мышления, чувствования», «реализация высших ценностей». Сущность данного компонента отражается в таких словах, как «соучастие», «сочувствие», «сопричастие», «сопереживание» и т.д.» [6, с 20]. Все выше перечисленные компоненты можно в полной мере отнести к структуре сформированности толерантности личности студента.

Поэтому цель нашего исследования заключалась в выявлении эффективных средств формирования толерантности студентов в процессе художественного образования.

В сфере художественного образования обычно не изучаются анимационные технологии. Анимация представляет собой особый вид искусства позволяющий интегрировать в себе различные по направлениям виды творческой деятельности: литературно-сценарное мастерство; режиссуру; живопись; дизайн; композицию; музыку; и многое другое [9]. Современная анимация, включающая в себя симбиоз всех видов искусств и технологий, оперирующая на уровне архитипов, стимуляторов, символов, коллективного и бессознательного, представляет собой концентрацию художественных образов и инноваций науки [5]. Анимация как элемент мультимедиа лаконично вошла в нашу жизнь, мы ежедневно пользуемся различными приборами, средствами мобильных коммуникаций, телевидением, она интересна обучающимся. Анимация производное от латинского «anima» – душа, от французского. «animation» – одушевление, следовательно, анимация означает одушевление или оживление в аналогичном значении употребляется и мультипликация (от лат. multiplicatio – умножение).

Сегодня в педагогике широко применяют анимационные технологии в качестве основных средств воспитания и образования, «оживления» и «одухотворения» отношений между людьми, основываясь на общественных духовно-культурных, этнокультурных ценностях, традиционных видах жанров художественного творчества, они позволяют создать условия для включения личности в различные виды деятельности: творческие, образовательные, оздоровительные и т.д. Анимация обладает особым языком с высокой степенью условности позволяющая трансформировать более эффективно в подсознание, как зрителя, так и создателя анимации разнообразные идеи через воображение и ассоциативное мышление, средствами анимационной деятельности.

Нами был разработан и апробирован на базе Института Культуры Искусства Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева и кафедры профессионального обучения Невинномысского государственного гуманитарно-технического института курс-проект «От маленькой сказки к большому сердцу», направленный на формирование толерантности студентов в процессе художественного образования.

Рабочая площадка курса-проекта «От маленькой сказки к большому сердцу» объединила студентов разных профилей обучения: педагогов изобразительного искусства; художников декоративно-прикладного искусства, дизайнеров; литераторов; музыкантов, историков и писателей.

Процесс создания анимационных образов при использовании мультимедийных технологий, а именно применение таких видов компьютерной графики как растровая, векторная, 3D-графика и т.д. несколько отличается от классического способа рисования позволяет автору больше раскрыть свой творческий потенциал. На занятиях по изучению анимационных технологий и в дальнейшем при создании анимационных сюжетов мы применялись следующие программные приложения LostMarbleMoho; ToonBoomStudio; MacromediaFlash.

Как один из видов проектно-творческой деятельности анимационная работа позволяет создать условия, при которых, происходит вовлечение обучающихся в процесс совместной деятельности и общения, позволяет выявить собственные цели, задачи, соотнести их с общими и определенными для всех, ориентироваться на получение прогнозируемого продукта в обозначенные сроки.

В процессе анимационной деятельности обучающийся становится сценаристом, режиссером, художником при разработке сюжета своего будущего анимационного фильма. Перед обучающимися было поставлено ряд задач, которые они должны решить: определиться с целью будущего фильма; определить зрителя, на которого они рассчитывают; и какую идею они хотят до него донести. Им предоставляется полная свобода в выборе сюжета. На первом этапе мы предлагаем схему стандартного построения композиции фильма, следуя которой обучающийся выстраивают свой рисованный мир.

Сюжет играет основную роль в анимационном фильме. Для того чтобы обучающимся было легче определиться с выбором сюжета, им было предложено ознакомиться с текстом «нартского» эпоса народов Кавказа. Данный материал для сюжета был предложен не случайно. Нартские сказания принадлежат к числу шедевров устного народного творчества и являются вершиной в развитии средневековой духовной культуры народов Северного Кавказа, заслуженно получившие мировую известность. Природу мифологического мировоззрения нужно понимать в рамках той исторической эпохи, в какой она появилась, существовала как основной способ понимания мира.[1].

К. Леви-Стросс отмечает, что: «<...> мифология – это форма общественного сознания, мировоззрение людей на ранней стадии человеческой истории, то есть своеобразная форма мироощущения, мировосприятия, миропонимания. Всё происходившее в мифическом времени приобретает значение парадигмы (от греч. «пример», «образ») и рассматривается как прецедент, служащий образцом для воспроизведения. Она выступает как наиболее ранняя, соответствующая древнему и особенно первобытному

обществу форма мировосприятия, понимания мира и самого себя, переработанная бессознательно-художественным образом народной фантазией, как первоначальная форма духовной культуры человечества, выражающая мироощущение и миропонимание эпохи первобытным человеком. Роль мифа неодинакова в разные периоды. Особенно большое значение имел миф на ранних этапах развития народа, когда был основным способом духовного освоения мира. Без этой формы бессознательного художественного обобщения реальности на начальной стадии не может обходиться ни человек, ни общество. К. Леви-Стросс, так же, подчеркивает – «...»-диахроничность мифа, его связь с прошлыми событиями. Ценность мифа в том, что эти события объясняют и настоящее, и будущее» [3, с.153 – 184]. Помимо этого миф выполняет нравственную и эстетическую функцию. Жизненность мифа обусловлена характерной для него патриархальной непосредственностью и целостностью мироощущения, близостью к корням, истокам, доступностью восприятия[1]. По мнению А.Ф. Лосева: «В мифе содержится модель для бесконечного рода предприятий, подвигов, удач или неудач, действия или бездействия в условиях бесконечного разнообразия в отношениях к окружающему миру» [4, с.174]

Мифология оказала большое влияние на формирование нартского эпоса народов Северного Кавказа. Мы согласны с мнением Х. Г. Тхагапсоева, который отмечает, что: «Герои древних эпических сказаний многих кавказских народов – «нарт» – могучие воины-богатыри, носители позитивного начала. «Нарт» (идеальный герой) – защитник родной земли (богатырь), в устах народа употребляется как синоним «удалого, доброго молодца», имел огромное воспитательное значение. Каждый выходец народов Кавказа трактовал «нартский эпос» как единственно свой, наделяя его героев чертами своего национального характера. Но героический народный эпос «Нарты», воспевая подвиги богатырей – «Нартов», тем и уникален, что не сводится к какой-то единственной этнической мифологии и являет собой обширную историко-культурную энциклопедию, в которой в органическом единстве представлены – философия, поэзия, риторика, этика, эстетика, быт древности, то есть богатейшее культурно-феноменологическое оформление истории Кавказа. При помощи «нартских» сказаний воспитываются в подрастающем поколении такие нравственные понятия как почитание, и уважение к старшим и родителям, чувство долга, чести, собственного достоинства, честность, скромность, мужество, толерантности – главные основополагающие принципы этнического самосознания народов Северного Кавказа» [7,с. 146].

Обучающиеся, в процессе работы над данным проектом, погружаются в особую атмосферу, которая

позволяет расширить знания о культурно-исторических традициях; этнокультурных ценностях; культурной идентичности; сформировать умения анализировать профессиональные ситуации, критически оценивать результат своей деятельности, рассматривать проблемы межкультурного и межэтнического взаимодействия. Немало важен тот факт, что каждый из нас чуждую ему культуру рассматривает через призму своих знаний, систему убеждений, опыта, предубеждений, стереотипов, культурной идентичности, культурно-исторических традиций, духовных и морально-нравственных ценностей [8].

Вследствие чего, происходит процесс сравнения, то есть устанавливаются черты сходства или различия, сопоставления, которые применительно к различным наблюдаемым и мыслимым объектам. Именно выводы как результат процесса сравнения, являются важными для восприятия и осознания культуры как единого целого.

Работая над эскизами, представляя анимационные образы персонажей, студенты отождествляли их с собой на основе принятия иной культуры. Анимационный образ вносил в жизнь обучающегося опыт принятия других знаний и ценностей, становился жизненным опытом толерантного поведения в стремительно меняющейся социокультурной реальности. В результате этого сама операция сравнения разных культур позволяла студентам представить мир как «связное разнообразие», когда существует взаимозависимость всех от всех и благополучное и стабильное существование одной культуры во многом зависит от такого же стабильного и благополучного существования другой культуры.

Такой вид деятельности как анимация сказок, легенд, литературных произведений, весь процесс создания анимационного сюжета отвечает внутренним потребностям студентов в творческой активности и в общении со своими сверстниками, а также является очень важным средством воспитания духовно-нравственной культуры личности, формирования общекультурных компетенций и толерантности. Анимационную деятельность по сути можно сравнить с игровой в своем роде театральной. Мы разделяем мнение В.В. Игнатовой, которая отмечает, что: «игровая духовно-творческая деятельность – это, прежде всего, духовно-творческое сотрудничество, направленное на освоение общечеловеческих ценностей посредством развития социокультурных и нравственных качеств, сотворческой активности и создание личностного духовно-творческого продукта, обеспечивающего духовно-творческую самореализацию личности в течение дальнейшей жизнедеятельности. Результатом преодоления социально психологических барьеров в процессе духовно-творческой деятельности в определенном социальном кругу становится позитивное

изменение отношения индивида к миру, осознание себя как личности, адаптивность, жизнестроительство, рефлексия, сохранение индивидуальности» [2, с.28]. Разрабатывая эскизы анимационных образов – прорисовка героев мультфильма, одушевление рисованных героев то есть: составление психологического портрета; подбор костюмов, музыкального сопровождения и т.д., чтобы лучше донести образ и идею анимационного сюжета до зрителя у студента происходит вживание в роль и позволяет ему переживать, эмоциональность действия является огромной мотивацией к представлению этого действия осознать заложенные в них ценности, осмысливать собственные морально-ценностные приобретения.

В процессе обсуждения художественных произведений для создания анимационного сюжета, тексты которых самостоятельно подбирались самими обучающимися, нами проводилось наблюдение и анализ поведения и высказываний студентов. Вследствие чего был сделан вывод, что в процессе чтения и осознания текстов художественных произведений и впоследствии разработка анимационных эскизов у студентов происходит процесс эмоциональной ассоциации себя с художественным образом героя произведения, они присваивают правила поведения героев, их толерантного отношения к людям, придерживающимся отличного мнения, воспринимают способы поиска компромисса в многообразии различных культурных текстов в том числе «Нартских эпосов», а в процессе совместной деятельности им приходится учиться толерантным отношениям, сглаживать индивидуальные особенности своего темперамента и характера, которые могут стать барьером для получения положительных результатов для достижений общей цели.

В ходе создания анимационного фильма при использовании литературно-художественных образов обучающийся с одной стороны не создавал эти художественные образы, с другой работая над эскизами анимационных образов, он просто вступал в диалог с героями, что бы лучше понять образ и донести его до зрителя. Для нас важен педагогический смысл этого процесса. Действительно анимационная деятельность, художественное произведение, непосредственно воздействуя на обучающегося через своего героя, вызывает реакцию ассоциативного мышления, которое формирует адекватные модели толерантного поведения, проявляющиеся в аналогичных ситуациях, узнаваемых положениях. Для студентов данная совместная деятельность и, конечно, успешный конечный продукт деятельности создание анимационного фильма, является, с одной стороны не только платформой для самообразования, развития своих профессиональных навыков, а с другой стороны, реализация представленного проекта и последующая учебная и внеучебная деятельность позволяют студентам

посредством практического опыта, ознакомления с этнокультурными ценностями, которые способны заполнить вакуум внутреннего мира обучающегося, рассмотреть круг проблем межэтнического и межкультурного взаимодействия, получить навыки толерантного отношения, которые невозможно приобрести только в процессе учебных занятий, что в свою очередь создает условия для формирования общекультурных компетенций и толерантности студентов.

Выводы. Реализация курса-проекта «От маленькой сказки к большому сердцу», позволяет ин-

тегрировать различные методики, создавать ситуационные условия, в процессе которых обучающиеся из безынициативных, инертных, пассивных исполнителей превращаются в активных участников, которые самостоятельно обозначают проблему, производят отбор необходимого материала, изучают и анализируют его, преобразуют социальный опыт, развивают творческий потенциал, эмоционально-ценностные взаимоотношения, расширяя свои знания, приобщаясь к этнокультурным ценностям, что позволяет эффективно формировать толерантность личности.[8]

Список литературы

1. *Джаммаева С.М.* Этническая культура как составляющая менталитета народов Северного Кавказа // Искусство народов Северного Кавказа: теория и практика: Материалы региональной научной конференции / Под ред. Б.Б. Кардановой. Карачаевск: Изд -во КЧГУ. 2009. С. 45 – 49.
2. *Игнатова В.В.* Педагогические факторы духовно-творческого становления личности в процессе социализации и условия их реализации: дис док.пед. наук : 13.00.08. Красноярск, 2000. 365с.
3. *Леви-Стросс К.* Структура мифа // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 152 –184.
4. *Лосев А.Ф.* Проблемы символа и реалистическое искусство. М.: Искусство. 1976. С.174. 367с.
5. *Попов Е.А.* Анимационное произведение: типология и эволюция образных средств: дис. кан. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2011. 198 с.
6. *Троянская С.Л.* Общекультурная компетентность: опыт определения и структурирования // Культурно-историческая психология. 2008. № 2. С. 19 – 23.
7. *Тхагапсоев Х.Г.* Нартский эпос как феномен диалога культур // Научная мысль Кавказа. 1999. №3. С.146 –154.
8. *Фролова М.И.* Метод проектов как форма педагогического сопровождения формирования общекультурных компетенций и толерантности студентов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 3 (36). С. 269 – 274.
9. *Шаблин М.С.* Стимуляция изобразительного творчества учащихся в сфере дополнительного художественного образования с помощью анимационных и педагогических технологий // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова: Педагогика. Психология. 2011. №1. С.132 – 136.

Reference list

1. *Dzhammaeva S.* Ethnic culture as a part of mentality of the peoples of the North Caucasus // The art of peoples of the North Caucasus: Theory and practice: Proceedings of a regional scientific conference / Under the editorship of B. Kardanova. Karachaevsk: Publishing office of K – ChSU. 2009. P. 45 – 49.
2. *Ignatova V.* Pedagogical factors of spiritual and creative development of the personality in the process of socialization and conditions for their implementation: Thesis of Doctor of Pedagogy: 13.00.08. Krasnoyarsk. 2000. 365 p.
3. *Claude Levi-Strauss.* The Structure of the Myth // Questions of Philosophy. 1970. №. 7. 152–184 p.
4. *Losev A.* The issue of symbol and realistic art. M.: Art. 1976. P. 174. 367p.
5. *Popov E.* Animation work: typology and evolution shaped tools: Thesis of PhD of Art. Saint Petersburg, 2011. 198 p.
6. *Troyanskaya S.* Cultural competence: the experience of ruling and structuring // Cultural-Historical Psychology. 2008. №. 2. P. 19 – 23.
7. *Tkhagapsoev Kh.* The Narts epos as a phenomenon of dialogue of cultures // Scientific Thought of Caucasus. 1999. №. 3. P. 146 –154.
8. *Frolova M.* Method of projects as a form of pedagogical support of common cultural competencies formation and students' tolerance // Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. 2016. № 3 (36). P. 269 – 274.
9. *Shablin M.* The stimulation of students' graphic activity in the sphere of additional art education through animation and educational technologies // Bulletin of the KSU named after N. Nekrasov: Pedagogy. Psychology. 2011. №. 1. P. 132 – 136.

УДК 378

Буркина И.В.,

кандидат педагогических наук, доцент Северокавказского федерального университета

Мирошниченко Е.А.,

магистрант Северокавказского федерального университета

Ещенко Ю.А.,

магистрант Северокавказского федерального университета

МЕТОДОЛОГИЯ И ПАРАДИГМАТИКА ЭДУКОЛОГИИ ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА С ПОЗИЦИЙ ТРЕБОВАНИЙ ЭКОКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

В статье рассмотрены пространственно-мировидческие (системные) изменения методологической парадигматики эдукологии, которые позволили нам осуществить интерпретацию технологий вузовской подготовки будущего педагога. С позиций требований экокультурных компетенций этот процесс приобретает инновационный характер: актуализируется системно-интегративная динамика внутренних и внешних условий деятельности личности; роль педагога как «неопедагога» трансформационно идеализируется в свете преодоления топологических (пространственных) границ, относительно безобразного пространства.

Ключевые слова: парадигма, педагог, методология, культура, экокультурные компетенции

Burkina I.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the North-Caucasus Federal University

Miroshnichenko E.,

Magister of the North-Caucasus Federal University

Eshchenko Yu.,

Magister of the North-Caucasus Federal University

THE METHODOLOGY AND EDUCOLOGY PARADIGMATICS OF THE UNIVERSITY TRAINING OF AN INTENDED EDUCATOR WITH THE ATTITUDES OF ECO-CULTURAL COMPETENCES REQUIREMENTS

The article considers the spatially-mirovisional (system) changes of the methodological paradigmatic educology, which are allowed us to carry out the interpretation of technology of university training of an intended educator. This process has an innovative nature with the attitudes of the following eco-cultural competences requirements: the actualized systematic – integrative dynamics of internal and external conditions of the personality activities, the educator role as “non-educator” transformational idealized in view of overcoming the technological (spatial) boundaries, which are relatively to the non-imaginative space.

Keywords: paradigm, educator, methodology, culture, eco-cultural competences

Современная ситуация развития образования ознаменована подготовкой смены методологической парадигмы. К середине XX века возникли все предпосылки создания новой парадигмы методологии, что принципиально изложено в трудах Г.П. Щедровицкого [9] и А.А. Зиновьева [4].

Начало XXI века обозначилось осознанием перехода человечества к самоорганизации, что позволяет трактовать характер цивилизационной динамики и продвижения по пути интенсификации

перехода науки от автономного существования к сочетанию моментов бытия, и благодаря этому, к «вписанности» в бытие интегративного комплекса критериального обеспечения «неслучайным» совокупной практики. «Неслучайность» в теоретической науке это и теоретическое мышление и рефлексивная культура в логическом и духовном слоях. Для этого по мнению О.С. Асмолова [1], сегодня особую значимость приобретают следующие ориентиры и необходимости:

- интегрирование всех типов критериев «неслучайности» высшего уровня (абстрактности);
- создание («возвращение») единых оснований организации макросистем, обладающих признаком универсальности;
- совмещение в критериальном комплексе высшего уровня блоков «мировидческого» и «мироотношенческого» типов;
- использование предельных оснований (духовного типа);
- возвращение ценности «мудрости» в самоорганизацию людей и общества в целом, а также формирование сословия «мудрецов» с их специальной подготовкой.

Поэтому «центром» исследования методологии в области подготовки будущего педагога как «неопедагога» – становится «универсум деятельности». Сама совокупная педагогическая практика, опираясь на методологию, смещается к её соответствию истине. Это позволяет говорить о стабилизации состояния методологии современной отечественной педагогики. Становясь особым (универсальным) сервисом «практики» методология обеспечивает все фундаментальные слои совершенного «механизма» инновационно-педагогической мыследеятельности. И, тем не менее, вопрос об интеграции в педагогику бытийной проблематики, в методологическом отношении на философско-педагогическом уровне, остается открытым. Хотя отечественные традиции имеют в этом плане богатый опыт.

К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский [2], Н.К. и Е.К. Рерихи, Н.К. Вентцель, И.А. Ефремов выдвинули множество опередивших свое время идей; говорящих о необходимости серьёзного осмысления современными педагогами кризисной для человека эпохи, когда первоочередной научно-практической задачей становится усиление духовно-нравственного, мировидческого, бытийно – интегративного начала в содержании вузовской экокультурной компетентностной подготовки будущего педагога. Современная эдукология высшей школы базирующаяся на стандартах 3-го поколения призвана обеспечить качественную подготовку молодых педагогических кадров для современного образования в свете их готовности обозначить, смягчить, снять, противоречия между носферным совокупным знанием и индивидуальным опытом отдельного человека. К анализу понятия «готовность» обращались многие ученые: А.Г. Асмолов [1], В.С. Ильин, В.А. Сластенин [8], Е.С. Сластенина и др. В диссертационных исследованиях последних лет обобщены различные точки зрения относительно профессиональной готовности молодых педагогических кадров (А.В. Афонин, В.И. Ерошенко, Л.А. Реут, Л.В. Романенко, Р.В. Степанец, Г.Д. Филатова, Э.Ю. Шапокене и др.).

Е.С. Сластенина дает наиболее приемлемое определение профессиональной готовности молодых педагогических кадров: «Это особое психическое состояние и наличие у субъекта образца, структуры определенного действия при постоянной направленности сознания на его выполнение». С.С. Кашлев считает, что готовность определяется как «интегративный критерий субъектности педагога».

Поэтому методологической основой эдукологии вузовской подготовки будущего педагога как «неопедагога» являются метафизические матрицы или матричные состояния и структуры, а матрица рассматривается как качественность способа видения мира – то есть – парадигмальность экокультурных компетенций этнодуховного свойства с учетом традиций. Сложность подходов в трактовке и подаче парадигмальности как ведущей идеи подходов к проектированию образовательных систем при моделировании научно-обоснованной инновационной педагогической деятельности, совокупность норм, критериев, стандартов исследования просматривается у многих отечественных ученых – педагогов, при этом количество выделяемых типов парадигм превышает два десятка.

Так например, по мнению И.А. Колесниковой парадигмы образования складывались и развивались веками: «знаниевая» и «культурологическая», «технократическая» и «гуманистическая», «социетарная», и «человекоориентированная», «педоцентрическая» и «детоцентрическая».

В европейской культуре «знаниевая» парадигма имеет самую длительную историю. Она влияет на определение взаимосвязанных образовательных задач становящихся практическим и теоретическим опытом человека.

«Культурологическая» парадигма в большей степени ориентирует не на знания, а на освоение элементов культуры, обучения, поведения, общения. В связи с развитием культуры и общества спектр элементов постоянно расширяется, в него добавляются и овладение основами физической и эстетической культуры, экологии и экономики и др.

Сущность «технократической» парадигмы проявляется в своеобразном мировоззрении, основными чертами которого являются приматы средств над целью, задач образования над смыслом, технологии цивилизации над общечеловеческими интересами, техники над ценностями.

Альтернативной технократическому вызову, превращающему человека в объект манипуляций, стала гуманистическая традиция. Для нее человек является высшей ценностью, и не только в общественных и образовательных системах. «Гуманистическая» парадигма ориентирует на изменение образа мышления человека, руководствуясь принципом «все для человека», «все во имя человека». Она основывается

на гуманистических моральных нормах, предполагающих сопереживание, соучастие и сотрудничество.

«Педоцентристская» парадигма рассматривает воспитание и обучение как главные факторы развития ребенка, где основная роль отводится педагогу. В рамках данной парадигмы методика, новаторство и творчество педагога являются определяющими при анализе процессов обучения и воспитания. При этом личностные качества, интеллектуальные способности и интересы ребенка учитываются не достаточно.

«Детоцентрическая» парадигма ориентирует на создание благоприятных условий для развития всех детей, учет и развитие индивидуально-личностных особенностей, способностей и интересов.

В качестве эталона «социетарной» парадигмы выступают принципы государственного управления обществом. Последние определяют характер и цели воспитания и образования.

В рамках «человекоориентированной» (антропологической) парадигмы человек является непреходящей ценностью. Поэтому в процессе воспитания и образования учитываются интересы и индивидуальные особенности как ребенка и родителей ученика, так и педагога.

По мнению В.С. Кукушкина [6] и И.А. Колесниковой великое множество образовательных парадигм увязываются с педагогическими цивилизациями. Указывая на внеполитичность образования и основываясь на контексте культуры они выделяют три концептуальные модели образования и соответствующие им парадигмы, а именно:

- традиционалистско – консервативная. Слово «консервативный» употребляется здесь в позитивном смысле (сохранения, стабилизации культуры с помощью образования);
- рационалистическая, которая соответствует деятельностному подходу в культуре и используется для адаптации человека к культуре. Здесь уже в центре внимания не знания, а умения, способы действия;
- феноменологическая (гуманистическая), относящаяся к человеку как к главному феномену культуры, как к субъекту образования.

Они также указывают на то, что парадигмы различаются по целям, которые ставятся перед образованием; по пониманию функций школы, по способам достижения целей, по характеру педагогического взаимодействия, особенно по позиции ученика в образовании.

Необходимо обратить внимание и на выбор базовых ценностей, которые тоже определяют выбор образовательной парадигмы.

В то же время необходимо обратить внимание на то, что в основном деятельность современных педагогических вузов отличается своей гуманистической ориентацией, т.е. направленностью на не наносящие вреда личности педагогические действия, также

своей вариативностью подверженностью творческому переосмыслению. В связи с этим по мнению В.С. Кукушкина научная функция педагогики выступает в качестве предписания и регулятора, имеющего доказуемую основу и определяющего развитие педагогической практики с позиций признания ценности человеческой личности, в этом плане универсализируются следующие парадигмы: эзотерическая, технократическая, бихевиористская (рационалистическая, поведенческая), гуманистическая (феноменологическая).

Совершенно очевидно и то, что ситуация методологичности и парадигматики современной эдукологии должна быть упорядочена и в этом плане заслуживает внимания попытки И.Г. Фомичева, И.А. Колесникова, О.Г. Прикот, Г.Б. Корнетова, которые переводят проблему в плоскость полипарадигмальности, как методологического принципа современной эдукологии, однако это не дает должного эффекта в области вузовской подготовки будущего педагога как «неопедагога» к деятельности, которая по словам Ш.А. Амонашвили даст ребенку, воспитанному таким педагогом, возможность наиболее полного постижения закона бесконечности жизни. Поэтому существенным признаком методологического кредо эдукологии с позиций требований экокультурных компетенций представляется социодинамика культуры, демонстрирующая то, что на наших глазах разворачиваются интегративные процессы, ведущие к превращению образования из средства селекции человечества по социальному, интеллектуальному, национальному и др. признакам в средство объединения народов на общих принципах бытия.

Атрибутивность познания по отношению к жизнедеятельности человека в сочетании с идеей ценностно-смыслового равенства людей как совокупных носителей Разума делает естественным и безусловным право каждого на получение естественного образования, а нежелание социума допускать человека к глубинному познанию своей природы и сути окружающих вещей ведет к снижению общественного и индивидуального интереса к уровню образованности и качеству жизни на земле. По меткому замечанию, сделанному несколько веков назад Я.А. Коменским, «невежество обходится обществу и правительству во сто крат дороже, даже самого широкого и щедрого образования». Приведенное высказывание становится особенно актуальным, когда речь идет о выживании на природном, социальном и духовном уровнях. Все это подводит нас к пониманию того, что разные подходы к проблеме внутренней связи культуры и образования вскрывают накопившиеся в истории цивилизации противоречия между сложившимися «образовательным» стереотипом общественного сознания и накапливаемыми человечеством знания о ребенке, детстве и о целом мироздании.

Современная эдукология вузовской подготовки будущего педагога как «неопедагога» характеризуется поиском решения этого противоречия с позиций логики компетентностной модели выпускника и вхождения в культуру мышления, в культуру рефлексивного мышления, создания гигантского интеллектуального потенциала с позиций методологизированных интеллектуальных практик, связанных с культурной трансформацией субъективных механизмов, о чем писали Э. Кант, Фихте, Гегель. Вхождение в культуру, неизбежно для методологии теории образования, методологической интеграции – совмещения присвоения «мироотношения», «идеалов», «ценностей» в контексте качественных переходов в подготовке молодых педагогических кадров. В этом плане также необходим качественный ретроспективный анализ степени разработанности проблемы вузовской подготовки педагога как «неопедагога» к инновационно – интегративному педагогическому процессу – успешного развития экокультурной компетенции личности педагога, позиций этнодуховной традиции обеспечения качества целостного образования.

В наше время обозначились ориентиры на то что образование является центральным звеном в системе, обуславливающей стабилизацию общества и уровень его культурного постнеклассического развития, что связывается прежде всего с рассмотрением системно-синергетических подходов создания ожидаемого будущего. Современная Россия остро нуждается в таком осмыслении эдукологии подготовки будущего педагога «неопедагога», которое на философско-педагогическом уровне рассмотрения необходимости интеграции в объединяющем целостном контексте позволит обозначить этнодуховные традиционные ориентиры для рефлексии с позиций требований экокультурных компетенций развития радиантного стиля мышления в условиях целостного образования. Где воспитательная среда – это среда духовного питания, взращивания интегральной креативности. При этом экокультурные компетенции обеспечения качества интегративных инноваций с точки зрения методологии эдукологии обосновывают необходимость рассматривания интегративной креативности, через возможность предвидеть эмергентные проявления системы и пройти все точки бифуркации. Интегративные инновации могут реализовываться только посредством оказания сервисных услуг, при осуществлении соответствующей поддержки и сопровождения ребенка к радиантному холистическому мышлению и только усилиями педагогов – «неопедагогов», так как интегративные инновации переводят современное типовое ДОУ в детский сад осуществляющий культивирование и взращивание. Поэтому именно организация инновационного жизненно-целесообразного педагогического процесса детского

сада – салона является не только возможным, но и перспективным способом выстраивания будущего устойчивого развития. Системно-синергетический подход к культуре качества образвенческой деятельности будет способствовать увеличению количества охваченных детей, которые смогут получить качественную возможность приобщиться к экокультурным компетенциям – как гаранту будущего выживания человечества. Перед современным целостным образованием открываются беспредельные возможности интегративной реализации энергоинформационных, холистических синергетических (В.Г. Буданов) оснований гуманитарных технологий, креативного «сотворения образа» с опорой на кортикальные способности мозга растущего ребенка. Условно эдукологические позиции требований этнодуховной традиции интегративных инноваций экокультурных компетенций будущих педагогов можно представить в виде модели междисциплинарных и трансдисциплинарных взаимопроникновений в личности, которая будет развивать в себе способность создавать образы, и само собой лучше развивать свои мыслительные способности, память творческий потенциал.

Таким образом главный вектор обновления методологии эдукологии вузовской подготовки будущего педагога как «неопедагога» в свете высветенных направлений – является преодоление топологических (пространственных) границ, относительно безобразного пространства. В описанных выше условиях, роль «неопедагога» трансформационно-идеализируется. С одной стороны сокращается значение обучающей стороны педагогической деятельности – поскольку множатся и открываются каналы передачи информации, а с другой стороны возрастает тенденция собственно образвенческой деятельности. Поэтому в новых условиях целостного образования педагог как «неопедагог» широко и открыто включается в основные формы интегральных практик, где эдукология вузовской подготовки будущего педагога как «неопедагога» в гносеологическом аспекте через интегративные инновации проявляется в целостно-многомерном видении мира, построенного на сопряжении обывденного, естественно-научного, художественного и иных способов постижения истинности действительности.

В этом смысле интегративные инновации экокультурных компетенций в содержании вузовской подготовки будущих педагогов выполняют ряд функций: методолого-мировоззренческую, побуждающую, культуротворческую, логико-развивающую, координационно-проектировочную. Как системное явление, интегративные инновации культуры качества содержания вузовской подготовки будущих педагогов как «неопедагогов» проявляются во внутренних связях между его элементами: организационными и информационными материалами, средствами и мето-

дами обучения, предметной и ценностно-смысловой деятельностью целостного образовательного процесса и др.

В ходе компетентностной экокультурной вузовской подготовки будущих педагогов системно-интегративные инновации обеспечивают динамику внутренних и внешних условий деятельности личности. Внешняя сторона деятельности задается содержанием и структурой программных дисциплин, внутренняя сторона складывается как результат усвоенный будущими педагогами как «неопедагогами» перевод его во внутренний план личности.

Внешнее содержание образования, задаваемое интегративными инновациями являет собой образовательную среду и определяется как «часть социокультурного пространства, где взаимодействуют различные образовательные системы, процессы и явления, субъекты и предметы с целью развития и создания условий для саморазвития личности».

В этом смысле экокультурные компетенции в качестве вузовской подготовки практики этнодуховной традиции обуславливаются выстраиванием надежного кадрового потенциала «неопедагогов». Для осуществления такой вузовской подготовки педагогов «неопедагогов» к обновлению целостного образовательного пространства, необходимо использование новых концептуально-интегративных инноваций, системно-синергетических изысканий.

В этом плане в современном научном знании происходит оформление синергетического подхода, что само по себе является свидетельством развития знания в режиме с обострением – в режиме подготовки фазового перехода, возникновения нового порядка знания, утверждения в нем нового системообразующего принципа – принципа целостности, связности, который в этической транскрипции звучит как принцип ответственности, а в эстетической – как принцип гармоничности. Разумеется, все это возможно – лишь при реализации целостного «пути в будущее». Однако другой путь – продолжение развития науки как множества безразличных друг другу «разных наук» – ведет к самоупадению науки, культуры, общества. В строгом соответствии с выявленными характеристиками развития в режиме с обострением – режиме гиперболического роста, когда характерные величины многократно, вплоть до бесконечности – возрастают за конечный промежуток времени.

Как показывают современные исследования, время в режиме с обострением «бесконечно уплотняется», однако, характер этого уплотнения может быть как экстенсивным (количественно-событийным, что не может не вести к саморазрушению времени и событийности), так и интенсивным. Последний вариант не смоделирован, но востребован, осознан «от противного» – как неприятие переуплотнения времени.

Однако нельзя не видеть доминирующего пока экстенсивного, т.е. количественно-событийного уплотнения времени. При огромной интенсивности присутствия в мире, энергичности проявления себя в нем, самоуверенный постмодернистский человеческий гений не может не отразить мысль о конечности времени.

Канун бифуркации, как показывает синергетика, демонстрируется социальным «изнеможением», отражающим исчерпанность возможностей «старого порядка».

Сегодня в целостном образовании, в сознании будущего «неопедагога» особенно обостренно воспроизводится потребность обрести ценностную устойчивость, преодолеть ориентацию на самоотрицание, маскирующееся самовосхвалением, утверждением непреходящей значимости всего, осуществленного человеком. В условиях технического, т.е. искусственного (ведь «техника» в буквальном смысле – это искусство) беспредела все проявления человека не только провозглашаются бесконечно значимыми, но и могут фиксироваться навечно, что является грубейшим нарушением механизма отбора.

В этой связи основой методологии эдукологии вузовской подготовки будущих педагогов – «неопедагогов» с позиций социального порядка является сакральная, смысловая организованность, духовная легитимность экокультурных компетенций, поэтому социальный порядок не может быть выражен одной лишь формой как таковой, хотя не может обойтись и без формы, не решает проблемы сочетания формы и содержания, которая является центральной для анализа перехода к новому порядку. Ядром последнего является «смысл» как развитая, совместно поддерживаемая мысль. Развитие в данном случае также необходимо увидеть буквально, но по-новому. Если в XIX веке в этом тогда недавно включенном в отечественный словарь слове вызывал настороженность мотив энтропии (развитие как расщипление свитого, разорение, нарушение порядка целостности), то сегодня можно и необходимо услышать и другой, противоположный смысл этого понятия: развитие как распространение витков, связей с миром, как становление стиля социокультурной динамики, глубоко и подробно связанного со всем социокультурным опытом, обеспечивающим воспроизводство открытости социальной подсистемы всей действительности как системы бесконечной в пространстве и во времени.

Режим с обострением провоцирует, как свидетельствует синергетика, разрастание сложности накануне бифуркации. Сама же бифуркация обеспечивает сворачивание сложности. Развитие глобальной социальной системы осуществляется путем конкуренции и отбора из вариантов, возникающих на уровне социальных подсистем, на уровне социальных групп и индивидов. Состоя-

ние личности – особенно личности педагога как «непедагога», поэтому во многом определяет не только настоящее, но и будущее состояние общества. Методология эдукологии вузовской подготовки личности «непедагога» – сегодня находится в сложном состоянии – т.е. буквально сложном как состоянию мозаичном, с-ложенном – из трудно сочетающихся частей, и-поэтому, возможном только с позиций требований компетентностной модели выпускника по ФГОС с учетом позиций интегративных инноваций целостного образования.

Общество в целом, развиваясь в режиме с обострением, терпит все многообразие, мозаичность, плюралистичность. Но в ситуации выбора предполагает действие синергии, благодаря которой имеет место перекрытие областей локализации структур с дефектом энергии.

Синергетический подход в методологии эдукологии вузовской подготовки позволяет описывать

сверхсложную, бесконечномерную, хаотизированную на уровне элементов среду экокультурных компетенций небольшим числом фундаментальных идей и образов, определяющих общие тенденции с позиций развития этнодуховных традиций. Он также помогает понять, за счет чего, почему «открыться» в социокультурную систему (как и для всякой системы) гораздо труднее, чем «закрыться».

Таким образом рассмотренная нами методология и парадигма эдукологии вузовской подготовки позволяет понять причины затруднений в реализации освоенных экокультурных компетенций будущими педагогами как «непедагогами». Так как эта работа, предполагает выстраивание внешних связей, целостной системы образования – и она требует огромных энергоинформационных затрат возрождения этнодуховной традиционной основы.

Список литературы

1. Асмолов О.С. По ту сторону сознания. Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл. 2002. 480 с.
2. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004.
3. Глазачев С.Н. Глобальные вызовы современности и образования. // Вестник Международной Академии Наук (Русская секция). №1. 2010.
4. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. – 639 с. – ISBN 5-227-00590-7.
5. Ильин В.С., Скляр А.Н. Стоячие электромагнитные волны без узлов и пучностей / В.С. Ильин, А.Н. Скляр // Вестник СГТУ (Энергетика и электротехника). 2006. № 1 (10). Вып. 1. С. 5-14.
6. Кукушкин В.С. Педагогические технологии. Ростов – на – Дону. Серия Педагогическое образование. Издательство: Феникс, 2006.
7. Подласый И. Энергоинформационная педагогика. М.: Дата Сквер, 2010. 424 с.
8. Сластенин В.А., Шиянов В.Н. Современные тенденции в системе психолого-педагогической подготовки учителя. Ставрополь, 1993.
9. Щедровитский Г.П. Избранные труды. М., 1995. 759 с.
10. Fedorov N., Russian Come-Upset Originally published in Venturist Voice, Summer 1986. Revised by R. Michael Perry in 2003.
11. Lob R.F. On Environmental Education in The Federal Republic of Germany. University of Essen, 1987, p. 5.
12. Miller G. Tylor. Environmental Science. Sustaining the Earth // Wadsworth, 1991.465p.

Reference list

1. Asmolov O. On the other side of consciousness. Methodological issues of non-classical psychology. M: Smysl. 2002. 480 p.
2. Vernadskiy V. The biosphere and the noosphere. M.: Ayris-press, 2004.
3. Glazachev S. Global challenges and education. // Bulletin of the International Academy of Sciences (Russian section). №. 1. 2010.
4. Zinov'ev A. On the way to the super society. M.: Tsentrpoligraf, 2000. 639 p. ISBN 5-227-00590-7.
5. Il'in V., Sklyar A. Standing electromagnetic waves without components and antinodes / V. Il'in, A. Sklyar // Bulletin of Saratov State Technical University (Energy and electrical engineering). 2006. № 1 (10). Vol. 1. P. 5-14.
6. Kukushkin V. Pedagogical technologies. Rostov – on – Don. Series of pedagogical education. Publishing house: Phoenix, 2006.
7. Podlasy I. Energy – information pedagogic. M.: Data Skver, 2010. 424 p.
8. Slastenin V., Shiyonov V. Modern trends in the system of psycho-pedagogical training of teachers. Stavropol, 1993.
9. Shchedrovitskiy G. Selected works. M., 1995. 759 p.
10. Fedorov N., Russian Come-Upset Originally published in Venturist Voice, Summer 1986. Revised by R. Michael Perry in 2003.
11. Lob R.F. On Environmental Education in The Federal Republic of Germany. University of Essen, 1987, p. 5.
12. Miller G. Tylor. Environmental Science. Sustaining the Earth // Wadsworth, 1991.465p.

УДК 37.01

Комарова В.В.,

старший преподаватель кафедры начального и дошкольного образования
Государственного социально-гуманитарного университета

Ануфриева О.В.,

доцент кафедры музыки Государственного социально-гуманитарного университета

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ, СВЯЗАННЫЕ С РЕЛИГИОЗНЫМ ЭКСТРЕМИЗМОМ

В статье рассматриваются основные понятия; экстремизм, религиозный экстремизм, анализируются различные взгляды на данное явление, а также исследуются особенности проявления религиозного экстремизма у молодого поколения, проблемы профилактики религиозного экстремизма у молодого поколения.

Ключевые слова: экстремизм, религиозный экстремизм, профилактика, исламский радикализм, молодежный экстремизм

Komarova V.,

Senior Lecturer of Chair of Elementary and Preschool Education of the State Social-Humanitarian University

Anufrieva O.,

Associate Professor of Chair of Music of the State Social-Humanitarian University

THE SOCIAL-PEDAGOGICAL ISSUES OF DEVIANT BEHAVIOR PREVENTION AMONG THE YOUTH, LINKED TO RELIGIOUS EXTREMISM

This article is devoted to the following core concepts: extremism, religious extremism; it analyzes the different views on this phenomenon as well as this article also examines features of religious extremism manifestation among the younger generation, the issues of religious extremism prevention among the younger generation.

Keywords: extremism, religious extremism, prevention, Islamic radicalism, youth extremism

Россия занимает особое место в процессе усиления деятельности националистических и религиозных организаций. За последние годы усилилась идеологическая, стратегическая, ресурсная взаимосвязанность религиозных объединений в отдельных странах и в международном масштабе. Взаимодействие проявляется в интенсивном распространении религиозного экстремизма.

Большинство исследователей считают этот вид поведения отклоняющимся поведением, особенно опасным и наиболее интенсивно распространяющимся среди молодого поколения. Необходимо рассматривать причины, особенности проявления религиозного экстремизма в современной России и мире при изучении проблем, связанных с данной девиацией в контексте профилактики экстремистского поведения среди молодежи.

Экстремизм на религиозной основе связан с политикой и национализмом, поэтому часто встречается в научной литературе термин «религи-

озно-политический экстремизм». В последнее время наблюдается его стремительный рост, однако часто в СМИ и в общественном сознании ассоциация происходит именно с исламским радикализмом. Большинство исследователей религии считают, что в любой религии (не только в исламе) заложено данное явление. В разные эпохи человечества религиозный экстремизм вспыхивал внутри различных вероисповеданий.

К причинам религиозного экстремизма можно отнести такие как:

- кризисы в экономической и социальной сферах;
- снижение жизненного уровня у части населения;
- запрет на инакомыслие;
- антиобщественная деятельность зарубежных религиозных миссионеров, приводящая к межконфессиональным противоречиям.

Исследователи выделяют различные виды экстремистского поведения. Все виды экстремизма (политический, национальный, религиозный, идео-

логический и т.д.), в «чистом» виде не встречаются, а находятся в тесном взаимодействии друг с другом. Религиозный экстремизм включает в себя содержание понятий-экстремизм и религия. Экстремизм (от лат. *extremus* – *крайний*) – приверженность к крайним взглядам и мерам (преимущественно в политике). Выделяют политический, религиозный, этнонациональный и другие виды экстремизма, тесно взаимосвязанные друг с другом, и при определенных условиях переходящих один в другой.

В рамках данной статьи авторами будет рассмотрен только тот вид экстремистского поведения, который зависит от принадлежности к религии и национальности. Целью религиозного экстремизма является изменение государственного строя и захват власти, при этом используется религиозное учение и символы как важнейший фактор привлечения молодых людей. Россия впервые столкнулась с данной проблемой в 90-е годы и была вынуждена отразить военными средствами, однако в настоящий момент проводится работа по профилактике, другими невоенными методами – гуманитарными, которые имеют решающее значение в деле профилактики, данного вида отклоняющегося поведения.

При рассмотрении понятия «религиозный экстремизм», выбираются только деструктивные проявления базирующиеся на основных положениях религий. Наибольшую опасность в современном мире и России, представляют последствия влияния социальных, политических, экономических и иных факторов в молодежной среде, способствующих формированию радикальных взглядов и убеждений. Молодежная среда в силу своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала [4, с. 150]. Пополнение рядов экстремистских и террористических организаций осуществляется за счет молодых людей, не имеющих прочных идеологических установок.

Отставание лицами своей веры – одно из основных положений многих конфессий, однако религиозный экстремизм часто появляется и развивается на почве духовного невежества [3, с.253]. К важнейшим признакам исследователи относят не только возбуждение религиозной розни; из-за религиозной принадлежности, но и формирование нетерпимого отношения к представителям иных конфессий; совершение общественно опасных противоправных деяний по религиозным мотивам.

Особенность современной религиозной ситуации в мире и России отличается многообразием, однако есть определенные закономерности, связанные с психологией личности, втянутой в религиозную борьбу. Антонян Ю.М., отмечает, что политизация и идеоло-

гизация национальных групп и отдельных личностей, их истертиозация во многом способствуют фанатичности [2, с.39]. В периоды напряженности и соперничества национальные лидеры внушают личности, что традиционные ценности находятся под угрозой. Идентификация клановой или этнической группы рождает много общих мифов и легенд, для объединения членов группы, часто происходит переход негативных стереотипов восприятия «чужаков» из пассивной формы в активную. Часто личности, в первую очередь молодежи внушается мысль об исключительности нации или религии, о выдающихся чертах национального характера. В связи с этим мифологизируются образы далеких предков, превозносятся их необыкновенные качества, при этом критикуются действительные и мнимые враги, гипертрофируются исходящие от них угрозы и собственные возможности [2, с. 41]. Иногда религиозная и национальная мифология может составлять основу этнорелигиозных движений с положительным или отрицательным знаком. Они могут использоваться и в борьбе с религиозным экстремизмом.

Современные российские исследователи отмечают, что в большинстве случаев можно встретить религиозное невежество части верующих, это является следствием советского атеизма. Лидеры и идеологи экстремистских организаций одним из главных направлений считаю работу среди молодежи Российской Федерации. Наибольшую опасность представляют последствия влияния социальных, политических, экономических и иных факторов в молодежной среде, в условиях когда молодые люди не имеют прочных идеологических установок, поэтому формирование радикальных взглядов происходит быстро. Возникшая неустойчивость социальной, экономической, идеологической обстановки, дискредитация многих нравственных ориентиров сказывается на подрастающем поколении. Это вызвано ослаблением института семьи и ростом негативного эффекта в информационном пространстве. Распространение экстремистских взглядов и идей через сеть представляет собой активный и быстро развивающийся сектор, используемый для пропаганды радикальных идей. Эта среда в меньшей степени подвержена цензуре, так как ресурс можно переместить на новое место, и доступ не имеет временных и географических ограничений. «Киберэкстремизм» является важнейшим фактором культивирования как латентного экстремизма, так и средством организации и мобилизации прямых экстремистских действий, а также функционирования экстремистских виртуальных организаций [4, с. 81]. Одним из вариантов законспирированных направлений работы экстремистских организаций в сети Интернет, является вербовочная деятельность.

Эффективность данной вербовочной работы показали события последних лет в России и Европе,

когда молодые люди отправлялись для ведения военных действий в Сирию, в числе сторонников ИГИЛ. В большинстве случаев их вербовка начиналась через Интернет.

Отклоняющегося поведения среди подростков и старшеклассников, отмечают в качестве главного катализатора эффективности вербовочной работы среди молодежи и подростков. В среде наиболее подверженных деструктивному влиянию, проще заложить основы радикальных взглядов и убеждений.

Профилактическая деятельность в молодежной среде (современные возрастные границы – от 14-16 лет до 25-30 лет – социально-демографическая группа), должна осуществляться с учетом социальных условий и возрастных особенностей. К наиболее уязвимым, попадающим под активное влияние относится возрастная группа с 14 до 22 лет. Данный возрастной период можно охарактеризовать, развитием самосознания, обострением чувства справедливости, поиском смысла и ценности жизни. Молодой человек стремится найти свою группу, озадачен поиском собственной идентичности. В то же время встречается неустойчивость психики, что может привести к подверженности внушению и манипулированию. Поиск идентичности, не всегда удачен и может привести к неуверенности, приводящий в круг близких по духу

людей, желающих наказать «ответственного» за все беды и неудачи. Неформальное объединение, политическая радикальная организация, экстремистская субкультура может выступить в роли референтной группы.

Лидеры и идеологи экстремистских организаций, работу среди молодежи выделяют в качестве приоритетных направлений своей деятельности. Система образования представляет собой основной ресурс профилактики экстремизма и терроризма среди молодых людей, так как имеет возможность взаимодействовать со всеми институтами социализации личности.

Российский и зарубежный опыт борьбы с религиозным экстремизмом, показывает, что только с помощью карательных и запретительных мер решить проблему и обеспечить религиозную и другие виды безопасности невозможно. Для преодоления этого явления необходимо объединение усилий общественных институтов, своевременное принятие мер, направленных на оздоровление социально-политической, экономической обстановки в стране, повышение уровня религиозной и правовой грамотности, для создания заслонов проникновением радикальных течений и организаций, представляющих угрозу религиозной безопасности России.

Список литературы

1. Антонян Ю.М. Природа этнорелигиозного терроризма / Ю.М.Антонян, Г.И. Белокуров, А.К. Боковиков и др.; Под.ред. Ю.М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2008. 365 с.
2. Проблемы вовлечения молодого поколения в новые религиозные объединения, деструктивной направленности в России / Горохова В.В., Комарова В.В., Штыркова Т.В. // Человеческий капитал. 2015. № 4 (76). С. 150-153.
3. Психологические особенности подростков, склонных к экстремистскому поведению, экстремизму / Майкова Е.С., Бонкало Т.И. // Ученые записки: 2013. № 2. Том 1. С.122-125.

Reference list

1. Antonyan Yu. The nature of ethno-religious terrorism / Yu. Antonyan. G. Belokurov, A. Bokovikov and others; Under the editorship of Yu. Antonyan. M.: Aspekt Press, 2008. 365 p.
2. The issues of the younger generation involvement in the new destructive oriented religious communities in Russia / Gorokhova V., Komarova V., Shtyrkova T. // Human Capital. 2015. № 4(76). P. 150-153.
3. The psychological characteristics of adolescents who are prone to extremist behavior, extremism / Maykova E., Bonkalo T. // Scholarly notes: 2013. № 2. Vol. 1. P. 122-125.

УДК 371.4

Гожая Е.Е.,

аспирант Московского государственного психолого-педагогического университета

ИНТРАГРУППОВОЙ СТАТУС ШКОЛЬНИКОВ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

В статье рассматривается проблема взаимосвязи психологической безопасности, интрагруппового статуса и личностных характеристик учащихся Московских школ. Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи оценки психологической безопасности с личностными характеристиками учащихся и их интрагрупповым статусом. Показано, что учащиеся с разным интрагрупповым статусом достоверно отличаются оценкой степени безопасности образовательной среды.

Ключевые слова: психологическая безопасность, социометрический статус, референтометрический статус, статус неформальной власти, интегральный статус, образовательная среда

Gozhaya E.,

Postgraduate student of the Moscow State Psychological-Pedagogical University

INTRA-GROUP STATUS OF PUPILS AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT PSYCHOLOGICAL SAFETY

This article considers the interrelation issue between the psychological safety, intra-group status and pupils' personal characteristics of the Moscow schools. The empirical study results are submitted for the assessment of psychological safety including the pupils' personal characteristics and their intra-group status. In the article there is shown the pupils with the various intra-group status are significantly distinguished in the assessment of safety degree of the educational environment.

Keywords: psychological safety, sociometric status, referentometric status, status of offhand power, integral status, educational environment

Введение

Проблема психологической безопасности в качестве предмета исследования не нова для современной психологической науки. Большой вклад в эту проблему в рамках педагогической психологии внесли многие российские психологи (Зимняя И.А., Колосинский Я.Л., Кондратьева С.В., Кузьмин Е.С., Леонтьева А.Н., Реан А.А. и др.). Некоторые исследователи изучали особенности психологической безопасности в образовательной среде (Баева И.А., Вихристюк И.Ю., Волкова Е.Н., Забродин Ю.М., Ковров В.В., Эдмондсон, Д. Джонсон, Р. Джонсон). Агрессия и психологическое насилие в процессе взаимодействия были изучены Березиной Т.Н., Бовиной И.Б., Дубровиной И.В., Сафоновой М.В., Цымбал Е.И., Д. Олвеус, Э.Роланд и другими. Личностные качества студентов высших учебных заведений и школьников, особенности их развития в зависимости от уровня безопасности образовательной среды, были исследованы Кожухарь Г.С., Леоновым Н.И. и другими. Важность проблемы определяется прежде всего тем, что психологическая безопасность образовательной среды является фундамен-

тальным условием психологического и социального благополучия школьника, его здоровья в самом широком смысле [13].

Многие современные исследования, посвященные безопасности образовательной среды, подчеркивают важность ненасильственного взаимодействия как фактора безопасных межличностных отношений. В качестве важнейших критериев психологической безопасности образовательной среды (далее будем употреблять сокращение ПБОС) И.А. Баева называет также удовлетворение потребности в близких личных отношениях и референтность образовательной среды [1], [2], [3]. Анализ психологических особенностей подростков свидетельствует о том, что большинство из них характеризуются средним или низким уровнем общей психологической адаптации, которая влияет, в свою очередь, на межличностные отношения, в общении подростки часто проявляют критицизм, вербальную агрессию, недоверчивость и враждебность [4].

Изучение межличностных отношений в условиях школы является одной из наиболее важных задач при анализе и создании комфортной и безопас-

ной образовательной среды для всех учащихся. Статус учащихся связан с их прогрессом обучения, адаптации к обществу и отношений не только в настоящем, но и в их будущей профессиональной жизни [15]. При этом безопасность именно межличностного общения создает необходимые условия для развития важных коммуникативных качеств ее участников [5], [6].

Объект, предмет, цель и гипотезы исследования

В качестве объекта исследования явилась психологическая безопасность образовательной среды, а предметом – взаимосвязь оценки безопасности межличностного общения с некоторыми личностными характеристиками и интрагрупповым статусом школьников. Основной вопрос исследования был сформулирован следующим образом: «Какая взаимосвязь может быть обнаружена между показателями психологической безопасности образовательной среды, личностными особенностями учащихся и различными видами их интрагруппового статуса?».

В статье мы представляем две исследовательских части. В качестве гипотезы первой части исследования было выдвинуто предположение о том, что школьники будут тем более позитивно оценивать безопасность образовательной среды, чем выше у них будут развиты коммуникативные и организаторские склонности, чем менее будет выражена коммуникативная интолерантность и чем выше они имеют интегральный статус в учебной группе. Гипотеза второй части данного исследования заключалась в предположении о том, что учащиеся с разным интрагрупповым статусом будут различным образом оценивать безопасность межличностного общения в образовательной среде.

Выборка состояла из 171 школьников седьмого, восьмого, десятого и одиннадцатого классов одной их общеобразовательных школ г. Москвы. Из них 97 учеников седьмого (56,7%), 37 человек – восьмой класса (21,6%), а также 17 (9,9%) и 20 (11,7%) старшеклассников из десятого и одиннадцатого класса соответственно. Среди них 75 девушек (43,9%) и 96 юношей (56,1%). Средний возраст учащихся составил 15.00 (стандартное отклонение = 0,98).

Методы исследования

В исследовании были применены методики, направленные на определение интрагруппового статуса школьников (социометрия, референтометрия, методический прием определения интрагрупповой структуры неформальной власти) [9], [10]; методика КОС, предназначенная для изучения коммуникативных и организаторских склонностей учащихся [11]; опросник коммуникативной толерантности В.В. Бойко, методика «Диагностика психологической безопасности образовательной среды школы» И.А. Баевой

[2], которая позволяет оценить безопасность по трем критериям: отсутствие насилия в общении, референтная значимость среды и удовлетворенность основными характеристиками процесса взаимодействия.

Также использовалась шкала «Оценка безопасности в общении» (Г.С. Кожухарь). Данная шкала построена по типу биполярных суждений и использует шкалу Лайкерта для их оценки. Шкала имеет две субшкалы и общий интегральный показатель: 1) «Естественность и свобода в общении», 2) «Доверие и самораскрытие в общении» и «Общая оценка безопасности в общении» [7], [8].

Результаты исследования

По данным статистики, средние показатели всех характеристик безопасности в межличностных отношениях и психологической безопасности образовательной среды оказались в пределах нормы. То же самое можно сказать и о средних показателях личностных характеристик учащихся, таких как уровень коммуникативной толерантности, коммуникативных и организаторских способностей. В таблице 1 представлены результаты описательной статистики.

По большинству исследуемых параметров было получено ненормальное распределение, поэтому мы использовали коэффициент ранговой корреляции Спирмена и критерии Крускала – Уоллеса и Манна – Уитни.

Часть результатов, показывающие значимые корреляционные взаимосвязи, представлены в таблице 2.

Были обнаружены значимые корреляции между различными качествами школьников и их оценкой безопасности образовательной среды. Такой компонент, как «естественность и свобода общения» имел значимую корреляцию со всеми типами статусов, включая интегральный. Чем выше был статус учеников, тем чаще они проявляли естественное и свободное общение.

Статус неформальной власти подсчитывался на основе системы ранжирования, так же, как интегральный статус (чем меньше цифра, тем выше ранг), поэтому «минус» в таблице приобретает противоположную качественную интерпретацию.

Доверие и открытость в общении были связаны с социометрическим статусом (деловым критерием), а также с референтометрическим статусом и статусом неформальной власти. Общая оценка безопасности общения также оказалась взаимосвязана со всеми типами статусов.

Социометрический статус (деловой критерий) был положительно связан с позитивной оценкой образовательной среды ($r = 0,194$, $p \leq 0,05$) и отрицательно – с ее негативной ($r = -0,156$, $p \leq 0,05$) и нейтральной оценкой ($r = -0,164$, $p \leq 0,05$).

Кроме того, мы выявили, что этот вид статуса был также положительно связан с поведенческим

Таблица 1.

Описательные статистики

Характеристики	М (среднее)	SD (стандартное отклонение)
Естественность и свобода в общении	42.88	8.30
Доверие и самораскрытие в общении	43.98	9.57
Общая оценка безопасности в общении	86.86	15.79
Коммуникативные способности	0.57	0.20
Организаторские способности	0.56	0.14
Уровень коммуникативной толерантности	54.78	22.80
Психологическая защищенность	18.00	5.09
Психологическая комфортность	16.78	5.46
Психологическая удовлетворенность образовательной средой	16.63	6.09
Отношение к образовательной среде позитивное	4.75	2.25
Отношение к образовательной среде негативное	1.33	1.59
Отношение к образовательной среде нейтральное	2.92	1.62
Удовлетворенность характеристиками	3.52	0.71
Уровень защищенности	3.59	0.87

Таблица 2.

Взаимосвязь между разными видами статуса и оценкой безопасности образовательной среды

	Естественность и свобода в общении	Доверие и самораскрытие в общении	Общая оценка безопасности в общении	Коммуникативные способности	Организаторские способности	Уровень коммуникативной толерантности
Социометрия (эмоциональный выбор)	0.195*	0.100	0.156*	0.056	0.118	-0.095
Социометрия (деловой выбор)	0.240**	0.185*	0.230**	0.013	0.233**	-0.262**
Референтометрия	0.200**	0.161*	0.211**	0.051	0.042	-0.158*
Неформальная власть	-0.228**	-0.190*	-0.216**	-0.185*	-0.267**	0.270**
Интегральный статус (1 –высокий. 2 средний. 3 – низкий)	-0.180*	-0.150	-0.167*	-0.074	-0.151*	0.163*
	Психологическая защищенность	Отношение к ОС			Удовлетворенность характеристиками ОС	Уровень защищенности
		Позитивное	Негативное	Нейтральное		
Социометрия (эмоциональный выбор)	0.094	0.112	-0.109	-0.068	0.001	0.099
Социометрия (деловой выбор)	0.146	0.194*	-0.156*	-0.164*	0.116	0.228**
Референтометрия	0.146	0.119	-0.101	-0.073	-0.021	0.164*
Неформальная власть	-0.208**	-0.122	0.051	0.162*	-0.199**	-0.202**
Интегральный статус	-0.083	-0.113	0.081	0.087	-0.008	-0.112

** p ≤ 0,01; * p ≤ 0,05

компонентом безопасности ($r = 0,162, p \leq 0,05$), с эмоциональным переживанием психологического комфорта ($r = 0,155, p \leq 0,05$) и более высоким показателем уровня психологической безопасности ($r = 0,228,$

$p \leq 0,01$). Корреляция обнаружена еще и с организаторскими способностями ($r = 0,233, p \leq 0,01$) и уровнем коммуникативной толерантности ($r = -0,262, p \leq 0,01$).

Статус неформальной власти школьников оказался связан с их оценкой психологической защищенности ($r = -0,208, p \leq 0,01$), коммуникативными ($r = -0,185, p \leq 0,05$) и организаторскими способностями ($r = -0,267, p \leq 0,01$), уровнем коммуникативной толерантности ($r = 0,270, p \leq 0,01$). Кроме того, статус неформальной власти имел корреляцию с нейтральным отношением к образовательной среде ($r = 0,162, p \leq 0,05$), с уровнем защищенности образовательной среды ($r = -0,202, p \leq 0,01$) и уровнем психологической защищенности в образовательной среде (субъективная безопасность) ($r = -0,208, p \leq 0,01$).

Школьники с более высоким референтометрическим статусом показали и более положительные оценки безопасности школы ($r = 0,164, p \leq 0,05$) и уровня комфорта в ней ($r = 0,168, p \leq 0,05$). Интегральный статус имел только одну корреляцию, с когнитивным компонентом оценки образовательной среды ($r = -0,192, p \leq 0,05$). С уровнем коммуникативной толерантности ($r = 0,163, p \leq 0,05$) и организаторскими способностями ($r = -0,151, p \leq 0,05$).

Не было обнаружено никакой существенной корреляции между социометрическим статусом по эмоциональному критерию и оценкой психологической безопасности школьной среды.

Следует отметить, что в социальной психологии достаточно хорошо исследована взаимосвязь интрагруппового статуса, занимаемого школьником, с его взаимодействием со сверстниками, некоторыми личностными особенностями, сложностью или простотой личностных конструктов и пр. (Т.В. Бендас, Е.М. Дубовская, Я.Л. Коломинский, М.Ю. Кондратьев, М.Е. Сачкова и многие другие).

Вторая часть исследования проверяет гипотезу о том, что оценка уровня безопасности общения школьников будет различаться в зависимости от того статуса (низкий, средний, высокий), который они занимают в учебной группе, причем различия будут закономерно повторяться независимо от вида статуса (социометрический, референтометрический, нефор-

мальной власти и интегральный). В данной части исследования приняли участие 772 школьника из той же школы и тех же классов (больше параллельных классов).

Статистический анализ достоверности различий проводился с помощью критерия Н Крускала-Уоллиса и критерия U Манна-Уитни (непараметрические методы анализа данных). Был использован программный пакет SPSS, v. 23.

Все испытуемые были распределены по группам «Высокостатусные», «Среднестатусные», «Низкостатусные» на основании подсчета интегрального статуса, который определялся по результатам социометрии, референтометрии и приема определения неформальной власти [4].

Для выявления различий между группами школьников с разным статусом, мы использовали критерий Н Крускала-Уоллиса для проверки достоверности различий. Проверяемые переменные «естественность и свобода в общении», «доверие и самораскрытие в общении», «общая оценка безопасности в общении», группирующие переменные – «социометрический статус», «референтометрический статус», «статус неформальной власти», «интегральный статус».

Из полученных данных видно, что между группами с разными статусами есть значимые различия по двум субшкалам безопасности в общении и ее общему показателю.

Для более детального анализа мы использовали U критерий Манна-Уитни. Разберем каждую из субшкал в отдельности, а также интегральную оценку безопасности в общении.

Рассматривая оценку естественности и свободы в общении в социометрической интрагрупповой структуре значимые различия выявлены между высокостатусными и среднестатусными учащимися ($U=20224$, при $p \leq 0,00001$), высокостатусными и низкостатусными ($U=11872$, при $p \leq 0,00001$), среднестатусными и низкостатусными ($U=40888$, при $p \leq 0,05$). В референтометрической интрагрупповой структуре

Таблица 3.

Достоверные различия в оценке межличностного общения у школьников с разным статусом

	Естественность и свобода в общении	Доверие и самораскрытие в общении	Общая оценка безопасности в общении
Социометрический статус	N = 43,210 $p \leq 0,0001$	N = 10,244 $p \leq 0,007$	N = 26,215 $p \leq 0,0001$
Референтометрический статус	N = 33,111 $p \leq 0,00001$	N = 20,944 $p \leq 0,00001$	N = 35,739 $p \leq 0,00001$
Статус неформальной власти	N = 50,924 $p \leq 0,00001$	N = 35,205 $p \leq 0,00001$	N = 48,512 $p \leq 0,00001$
Интегральный статус	N = 58,085 $p \leq 0,00001$	N = 31,811 $p \leq 0,00001$	N = 51,037 $p \leq 0,00001$

обнаружены значимые различия между учащимися с высоким и средним ($U=15280$, при $p \leq 0,0001$), высоким и низким ($U=6752$, при $p \leq 0,00001$), средним и низким статусом ($U=44752$, при $p \leq 0,0001$).

Рассматривая интрагрупповую структуру неформальной власти, мы выявили достоверные различия в оценке естественности и свободы в общении между учащимися с высоким и средним ($U=22480$, при $p \leq 0,0001$), высоким и низким ($U=11368$, при $p \leq 0,0001$), средним и низким ($U=37632$, при $p \leq 0,05$).

У школьников с разным уровнем статуса тоже были выявлены достоверные различия: между высоко- и среднестатусными ($U=17272$, при $p \leq 0,0001$), высоко- и низкостатусными ($U=15096$, при $p \leq 0,0001$), средне- и низкостатусными ($U=38840$, при $p \leq 0,001$).

При анализе оценки *доверия и самораскрытия в общении* по социометрической интрагрупповой структуре значимые различия выявлены между высоко- и среднестатусными ($U=23496$, при $p \leq 0,004$), высоко- и низкостатусными ($U=15792$, при $p \leq 0,003$).

В референтометрической интрагрупповой структуре значимые различия по данной характеристике безопасности межличностного общения обнаружены между высоко- и среднестатусными ($U=17392$, при $p \leq 0,05$), высоко- и низкостатусными ($U=8016$, при $p \leq 0,00001$), средне- и низкостатусными ($U=44488$, при $p \leq 0,00001$).

В интрагрупповой структуре неформальной власти у школьников с разным статусом в восприятии *доверия и самораскрытия в общении* значимые различия выявлены между высоко- и среднестатусными ($U=24912$, при $p \leq 0,0001$), высоко- и низкостатусными ($U=12696$, при $p \leq 0,0001$), средне- и низкостатусными ($U=37000$, при $p \leq 0,003$). Значимые различия обнаружены между учащимися, имеющими высокий и средний интегральный статус ($U=19360$, при $p \leq 0,0001$), высокий и низкий ($U=17624$, при $p \leq 0,0001$), средне- и низкостатусными ($U=40816$, при $p \leq 0,02$).

При анализе *общей оценки безопасности в общении* в социометрической интрагрупповой структуре значимые различия выявлены между высокостатусными и среднестатусными учащимися ($U=21424$, при $p \leq 0,0001$), высокостатусными и низкостатусными ($U=13520$, при $p \leq 0,0001$). В референтометрической интрагрупповой структуре обнаружены значимые различия между учащимися с высоким и средним ($U=15648$, при $p \leq 0,001$), высоким и низким ($U=6896$, при $p \leq 0,0001$), средним и низким статусом ($U=42960$, при $p \leq 0,0001$). Рассматривая интрагрупповую структуру неформальной власти, различия значимы между высоким и средним ($U=23384$, при $p \leq 0,0001$), высоким и низким ($U=11360$, при $p \leq 0,0001$), средним и низким ($U=36984$, при $p \leq 0,003$). Для интегрального статуса также обнаружены достоверные различия между школьниками с разным статусом в восприятии общей

оценки безопасности в общении. Получены значимые различия между высоко- и среднестатусными ($U=18200$, при $p \leq 0,0001$), высоко- и низкостатусными ($U=15552$, при $p \leq 0,0001$), средне- и низкостатусными ($U=389884$, при $p \leq 0,001$).

Таким образом, полученные результаты полностью подтвердили гипотезу о том, что тот статус, который занимает учащийся в учебной группе, напрямую связан с тем, как он оценивает безопасность межличностного общения. Причем данный вывод относится как к трем видам статуса, социометрическому, референтометрическому и статусу неформальной власти, так и к интегральному статусу школьника в учебной группе. При этом более высокостатусные учащиеся склонны более высоко оценивать безопасность своего межличностного общения.

Обсуждение полученных результатов

Существуют три основных ограничения нашего исследования, которые стоит упомянуть. По сути, мы изучали представления школьников о ПБОС, но не саму реальную среду; не было сравнительного анализа оценки ПБОС в различных типах школ; исследование не касалось различных типов межличностных отношений, которые также вносят свой вклад в безопасность образовательной среды.

Наши результаты подтверждают связь между уровнем психологической безопасности и качеством отношений в учебных группах [12], а также со статусом школьников в образовательной среде [14]. В школьной среде нарушения безопасности приводят к негативным эмоциям, деструктивному межличностному поведению, в результате чего возникает высокий риск противоречивого поведения и более низкой социальной поддержки и т.д. Мы обнаружили, что школьники предпочитают находиться в безопасной среде, участвовать в надежных, свободных, открытых и безопасных отношениях, что согласуется с данными, полученными на студентах [16].

Мы обнаружили, что эмоциональный критерий социометрического статуса не был значимо связан с оценкой образовательной среды, в то время как другие виды статуса имели такие взаимосвязи. Данный факт требует дальнейшего изучения.

Мы предполагаем, что создание психологически безопасной среды может помочь каждому школьнику повысить свой внутригрупповой статус, который, в свою очередь, может усилить психологическое благополучие как каждого школьника, так и класса в целом.

Выводы

В нашей работе было выявлено наличие связи между интрагрупповым статусом учащихся, такими их

личностными характеристиками, как коммуникативные и организаторские склонности, коммуникативная толерантность/интолерантность и психологической безопасностью, что подтверждает выдвинутую гипотезу. Было показано, что при повышении статуса школьника в учебной группе повышается уровень выраженности его коммуникативных и организаторских способностей и снижается коммуникативная интолерантность (соответственно, и наоборот).

Учащиеся, независимо от вида статуса, но с разным его уровнем, по-разному оценивали безопасность межличностного общения, демонстрируя устойчивую тенденцию тем более позитивно оценивать безопасность общения, чем более высокий статус в учебной группе они имели.

Мы считаем, что с практической точки зрения, результаты данного исследования расширяют области возможного психолого-педагогического влияния на психологическую безопасность в межличностном взаимодействии внутри ученических сообществ, а также на интрагрупповые процессы.

Кроме того, результаты исследования показывают важность изучения психологической безопасности внутри различных сообществ, так как она имеет высокую связь с процессами интрагруппового структурирования.

Выявленные нами закономерности могут использоваться применительно к изучению функционирования ученических групп, а также, с учетом специфики деятельности и состава участников, к другим малым группам.

Список литературы

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Союз. 2002.
2. Баева И.А., Волкова И.А., Лактионова Е.Б. Психологическая безопасность образовательной среды: Учеб. пособие / Под ред. И.А. Баевой. М., 2009.
3. Баева И.А., Лактионова Е.Б. Экспертиза психологической безопасности образовательной среды // Психология образования в XXI веке: теория и практика. М.: Изд-во ВГСПУ «Перемена». Код доступа: http://psyjournals.ru/education21/issue/55049_full.shtml – [Электронный ресурс]. Дата обращения 20.11.16.
4. Березина Е.Б., Бовина И.Б. Насилие в школе: социально-психологические объяснения и рекомендации // Психологическая наука и образование. 2013. № 6.
5. Кожухарь Г.С. Безопасность в общении: условие и показатель развития коммуникативных компетенций в образовательном процессе // Экспертиза психологической безопасности образовательной среды. Информационно-методический бюллетень Городской экспериментальной площадки второго уровня / Редакторы-составители И.А. Баева. В.В. Ковров. Н.Т. Оганесян. М.: Экон-Информ. 2011. № 11. С. 17-23.
6. Кожухарь Г.С., Ковров В.В. Воспитательная работа в образовательных учреждениях и проблема безопасности отношений в представлениях подростков и старшеклассников // Российский научный журнал. 2013. № 5 (36). С. 174-182.
7. Кожухарь Г.С. Оценка безопасности общения как предиктор коммуникативных качеств студентов // Психологические проблемы безопасности в образовании: Матер. Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием. Том I. / Под. ред. И. А. Баевой. В. В. Рубцова. М.: МГППУ. 2011. 295 с.
8. Кожухарь Г.С. Психометрическая проверка опросника «Оценка безопасности в межличностном общении» // Безопасность образовательной среды: Сборник статей / Отв. ред. и сост. Г.М. Коджаспирова. М.: Экон-Информ, 2008. С. 61-69.
9. Кондратьев М.Ю. Методический алгоритм определения интегрального внутригруппового статуса члена контактного сообщества // Социальная психология и общество. 2014. № 3.
10. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007.
11. Профконсультационная работа со старшеклассниками (Под ред. Федоришина Б.А.). Киев: Радиньска школа. 1980. 158 с.
12. Рассоха Н.Г. Представления о психологической безопасности образовательной среды школы и типы межличностных отношений ее участников. [Текст]: Автор. дис.. канд. психол. наук. 19.00.07. СПб. 2005. 157 с.
13. Рубцов В.В. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды как условие психосоциального благополучия школьника // Безопасность образовательной среды: Сборник статей / Отв. ред. и сост. Г. М. Коджаспирова. М.: Экон-Информ. 2008. С. 4-10.
14. Edmondson A. Psychological Safety and Learning Behavior in Work Teams // Administrative Science Quarterly, 1999. 44 (2). Pp.350-383.
15. Elias M.J., Lantieri L., Patti J., Walberg H.J., Zins J.E. Violence Is Preventable // Education Week, 1999. 18 (36). Pp. 45-49.
16. Kovrov V., Antonova E. The Safety of Educational Environment: Psychological and Pedagogical Aspects. Giornale Italiano della Ricerca Educativa, 2013. 6 (10). GIUGNO. Pp. 107-114. Access code: https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=it&u=http://www.pensamultimedia.it/pensa/index.php%3Foption%3Dcom_virtuemart%26Itemid%3D83%26lang%3Dit&prev=search [Electronic resource]. Date of access: 20.11.16.

Reference list

1. Baeva I. The psychological safety in education. SBR.: Soyuz. 2002.

2. *Baeva I., Volkova I., Laktionova E.* The psychological safety of educational environment: Textbook / Under the editorship of I. Baeva. M., 2009.
3. *Baeva I., Laktionova E.* The examination of psychological safety of educational environment // Psychology of education in the XXI century: Theory and practice. M.: Publishing house Volgograd State Social-Pedagogical University "Peremena" Access code: http://psyjournals.ru/education21/issue/55049_full.shtml – [Electronic resource]. Date of access: 20.11.16.
4. *Berezina E., Bovina I.* The school violence: Social and psychological explanations and recommendations // Psychological Science and Education. 2013. № 6.
5. *Kozhukhar' G.* The communication safety: A condition and an indicator of the development of communicative competences in the educational process // The examination of the psychological safety of the educational environment. Information-Methodical Bulletin of the City Experimental Platform of the Second Level / Compiling – editors I. Baeva, V. Kovrov, N. Oganessian. M.: Ekon-Inform. 2011. № 11. P. 17-23.
6. *Kozhukhar' G., Kovrov V.* The upbringing work in educational institutions and the safety issue of relationships in adolescent imaginations and upper-form pupils // The Russian Scientific Journal. 2013. №5 (36). P. 174-182.
7. *Kozhukhar' G.* The safety assessment of communication as a predictor of communicative qualities of students // Psychological issue of safety in education: Proceedings of all-Russian scientific-practical conference with international participation. Vol. 1. / Under the editorship of I. Baeva, V. Rubtsova. M.: MSPPU. 2011. 295 p.
8. *Kozhukhar' G.* The psychometric validation of the questionnaire "safety degree in interpersonal communication" // The safety of educational environment: Collection of articles / Executive editor and compiler G. Kodzhaspirova. M.: Ekon-Inform, 2008. P. 61-69.
9. *Kondrat'ev M.* The methodical algorithm of definition of the integral intra-group status of a contact member of community // Social Psychology and Society. 2014. № 3.
10. *Kondrat'ev M., Il'in V.* The hornbook of a social psychologist – practical worker. M.: PER SE, 2007.
11. The profconsultation work with upper-form pupils (Under the editorship of Fedorishin B.). Kiev: Radin'ska Shkola. 1980. 158 p.
12. *Rassokha N.* Ideas about psychological safety of the educational environment of the school and the types of interpersonal relationships of its members. [Text]: Synopsis of a thesis of PhD in Psychology. 19.00.07. SBR. 2005. 157 p.
13. *Rubtsov V., Baeva I.* The psychological safety of the educational environment as a condition of psychosocial well-being of a pupil // The safety of educational environment: Collection of articles / Executive editor and compiler G. Kodzhaspirova. M.: Ekon-Inform. 2008. P. 4-10.
14. *Edmondson A.* Psychological Safety and Learning Behavior in Work Teams // Administrative Science Quarterly, 1999. 44 (2). Pp.350-383.
15. *Elias M.J., Lantieri L., Patti J., Walberg H.J., Zins J.E.* Violence Is Preventable // Education Week, 1999. 18 (36). Pp. 45-49.
16. *Kovrov V., Antonova E.* The Safety of Educational Environment: Psychological and Pedagogical Aspects. *Giornale Italiano della Ricerca Educativa*, 2013. 6 (10). GIUGNO. Pp. 107-114. – Access code: https://translate.google.ru/translate?hl=ru&sl=it&u=http://www.pensamultimedia.it/pensa/index.php%3Foption%3Dcom_virtuemart%26Itemid%3D83%26lang%3Dit&prev=search [Electronic resource]. Date of access: 20.11.16.

Пашенцев Д.А.,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права
Московского городского педагогического университета

**РЕЦЕНЗИЯ НА НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
«ИДЕЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА»: КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ
ПО ИТОГАМ КРУГЛОГО СТОЛА № 9 В МОСКОВСКОМ ИНСТИТУТЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА**

Pashentsev D.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Theory and History of State and Law
of the Moscow City Pedagogical University

**REVIEW FOR THE SCIENTIFIC PUBLICATION
“THE IDEA OF A LAWFUL STATE”: COLLECTIVE MONOGRAPH
ON THE RESULTS OF THE ROUND TABLE № 9 IN THE MOSCOW INSTITUTE
OF PUBLIC ADMINISTRATION AND LAW**

Рецензируемая коллективная монография подготовлена по итогам круглого стола № 9 в Московском институте государственного управления и права в рамках развития научной школы «Функции права и проблемы их реализации в правовой системе России».

В современных условиях исследование самых различных аспектов, связанных с теорией и практикой правового государства, представляется актуальным. Действующая Конституция Российской Федерации провозглашает нашу страну правовым государством, но очевидно, что сегодня это конституционное положение следует рассматривать, скорее, как задачу, чем как состоявшуюся данность. Движение по пути формирования правового государства должно быть научно обоснованным, в связи с чем приобретает особое значение научный анализ самой идеи правового государства и ее отражения в юридической доктрине.

В рецензируемой монографии, которая сформирована по итогам состоявшегося круглого стола, принял участие достаточно весомый коллектив авторов: 15 ученых, из них 6 докторов наук. Кроме Московского института государственного управления и права в авторском коллективе представлены такие учебные и научные заведения, как Институт государства и права Российской Академии наук, Московский городской педагогический университет, Высшая школа экономики, Московский городской университет управления Правительства Москвы, Российский университет правосудия, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герце-

на, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ. Такой состав участников свидетельствует о том, что научная школа Московского института государственного управления и права «Функции права и проблемы их реализации в правовой системе России» вышла за пределы института и вызывает интерес ученых как в Москве, так и в Санкт-Петербурге.

Все статьи, представленные в рецензируемом издании, можно условно разделить на две части. Первая представлена работами, которые непосредственно посвящены теоретическим аспектам идеи правового государства. Сюда входят статьи А.Г. Чернявского, И.Л. Честнова, Д.Е. Григорьева, А.В. Звонарева и некоторых других авторов. Вторая часть состоит из работ, в которых раскрываются прикладные аспекты реализации идеи правового государства. В частности, затронуты такие важные аспекты, как права человека в правовом государстве, права несовершеннолетних в условиях правового государства, роль политических партий в условиях формирования правового государства, развитие судебных систем в условиях правового государства, свободу совести в правовом государстве и т.д.

Рецензируемую монографию отличают новые методологические подходы. Наиболее отчетливо это прослеживается в статье И.Л. Честнова, который рассматривает идею правового государства в контексте постклассической научной парадигмы. По его мнению, которое обосновано в статье, на сегодняшний день существует в достаточно последовательно раз-

работанной форме адекватная современным социокультурным условиям постиндустриального, глобализирующегося общества, по большому счету, только одна концепция правового государства – делиберативная. Автор показывает вклад диалогической (коммуникативной) методологии в развитие теории правового государства. Он приходит к выводу, что только диалогическая (или коммуникативная) методология разновидностью которой выступает делиберативная теория Ю. Хабермаса, способна выработать адекватную постиндустриальному миру концепцию правового государства [2, с. 204].

В статье А.Г. Чернявского показано, что идея правового государства является злободневной и стоит в фокусе современного юридического мышления. В ней дается анализ мнений известных мыслителей и ученых по поводу понимания сути и содержания правового государства. Раскрывается неоднозначность данного понятия правового государства с учетом исторического опыта внедрения идей правового государства в различных странах [2, с. 105]. Фактически в статье продолжена разработка тех идей о связи правового государства с государственной идеологией, которые ранее уже получили отражение в публикации автора [3].

Профессор А.Н. Писарев, исследуя конституционные основы правового государства, отмечает, что «провозглашение Российской Федерации правовым государством означает, что правовая система такого государства должна быть ориентирована, прежде всего, на понимании права как обще- обязательной формы равенства, свободы и справедливости, где критерием выступает сам человек, его права и свободы, которые и должны определять смысл, содержание и применение законов, а также деятельность всех органов государственной власти, в том числе и суда» [2, с. 63].

Несомненный научный интерес представляет статья А.А. Дорской, в которой раскрывается значение международных норм для реализации принципа свободы совести в условиях правового государства. Выводы автора опираются на те исследования, которые были предприняты в опубликованных ранее работах [1, с. 92-98].

Рецензируемая коллективная монография содержит еще много новых и интересных научных идей, что позволяет комплексно и с новым методологическими позициями посмотреть на идею правового государства и практику ее реализации. Несомненно, этот коллективный труд вносит свой вклад в отечественную юридическую науку и найдет своего читателя.

Список литературы

1. Дорская А.А. Европейская интеграция и проблемы свободы совести // Проблемы европейской интеграции: правовой и культурологический аспекты: сб. науч. статей. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007.
2. Идея правового государства: коллективная монография по итогам круглого стола № 9 в Московском институте государственного управления и права / под редакцией д.ю.н., проф. А.Г. Чернявского. М.: РУСАЙНС, 2016.
3. Чернявский А.Г., Погребная Ю.К. Идеологическая функция права. М.: Альфа-М, 2015.

Reference list

1. Dorskaya A. The European integration and the issue of freedom of conscience // The issues of the European integration: Legal and culturological aspects: Collection of scientific articles. SBR.: The Russian Herzen State Pedagogical University, 2007.
2. The idea of a lawful state: Collective monograph on the results of the round table № 9 in the Moscow Institute of Public Administration and Law / Under the editorship of Doctor of Law, Professor A. Cherniavsky. M.: RUSAYNS, 2016.
3. Chernyavskiy A., Pogrebnaya Yu. The ideological function of law. M.: Alpha-M, 2015.

Ануфриева О.В.,

доцент кафедры музыки Государственного социально-гуманитарного университета
e-mail: anufrieva.7@mail.ru

Anufrieva O.,

Associate Professor of Chair of Music of the State Social-Humanitarian University

Афиногенов Д.А.,

доктор политических наук,
действительный государственный советник Российской Федерации
3 класса, эксперт Российской Академии Наук
e-mail: Sovbez2008@rambler.ru

Afinogenov D.,

Doctor of Political Sciences, 3rd Class Full State Counselor of the Russian Federation,
Adept of the Russian Academy of Sciences

Ахмадуллина А.Ф.,

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права
Казанского (Приволжского) федерального университета
e-mail: azochka00@mail.ru

Akhmadullina A.,

Postgraduate student of Chair of Civil and Business Law
of the Kazan (Volga Region) Federal University

Бажанов С.В.,

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности
в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ,
старший советник юстиции
e-mail: Svb-1956@mail.ru

Vazhanov S.,

Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the Department of Issues
of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality
in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor
General's Office of the Russian Federation, Senior Counselor of Justice

Буркина И.В.,

кандидат педагогических наук, доцент Северокавказского федерального университета
e-mail: irinabarkina@yandex.ru

Burkina I.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of the North-Caucasus Federal University

Веселкова Е.Е.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры авторского права,
смежных прав и частноправовых дисциплин
Российской государственной академии интеллектуальной собственности
e-mail: decemvee@mail.ru

Veselkova E.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Copyright Law, Neighboring Rights and Private Law Disciplines
of the Russian State Academy of Intellectual Property

Военкова Е.А.,

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Муромского филиала
Владимирского государственного университета
e-mail: elena_voenkova@mail.ru

Voenkova E.,

Senior Lecture of Chair of Criminal-Legal Disciplines
of the Branch of Vladimir State University in Murom city

Волков В.В.,

кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель
Военного института железнодорожных войск и военных сообщений
e-mail: agnee@yandex.ru

Volkov V.,

PhD, Associate Professor, Senior Lecturer of the Military Institute of Railroad Troops and Military Transport

Гожая Е.Е.,

аспирант Московского государственного психолого-педагогического университета
e-mail: gozhaya@hotmail.com.

Gozhaya E.,

Postgraduate student of the Moscow State Psychological-Pedagogical University

Грудцына Л.Ю.,

доктор юридических наук, профессор, профессор Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II, почетный адвокат России
e-mail: ludmilagr@mail.ru

Gruditsyna L.,

Doctor of Law, Professor, Professor of the Moscow State University of Railway Engineering of the Nicholas II Emperor, Honorary Lawyer of Russia

Ещенко Ю.А.,

магистрант Северокавказского федерального университета
e-mail: info@ncfu.ru

Eshchenko Yu.,

Magister of the North-Caucasus Federal University

Кайбжанов М.Ж.,

соискатель Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
прокурор Костанайской области, государственный советник юстиции 3 класса
e-mail: 7142101@prokuror.kz

Kaibzhanov M.,

Degree-seeking student of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Prosecutor of the Kostanay Region, 3rd Class State Counselor of Justice

Караханова Г.А.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики
Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: pedagogika.dgpu@mail.ru

Karakhanova G.,

Doctor of Pedagogy, Professor of Chair of Pedagogy of the Dagestan State Pedagogical University

Киселева Е.В.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
e-mail: ekaterina.kiseleva.rudn@gmail.com

Kiseleva E.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of International Law of Peoples' Friendship University of Russia

Ковтунович М.Г.,

кандидат педагогических наук, профессор кафедры организационной и экономической психологии, декан факультета государственного и муниципального управления
Московского городского психолого-педагогического университета
e-mail: marinakovt@mail.ru

Kovtunovich M.,

PhD in Pedagogy, Professor of Chair of Organizational Psychology and Economic Psychology, Dean of the Faculty of Public and Municipal Management of the Moscow City Psychological-Pedagogical University

Комарова В.В.,

старший преподаватель кафедры начального и дошкольного образования
Государственного социально-гуманитарного университета
e-mail: viktorija_kom_73@mail.ru

Комарова V.,

Senior Lecturer of Chair of Elementary and Preschool Education of the State Social-Humanitarian University

Кудрин А.С.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Философия и право»
Пермского национального исследовательского политехнического университета
e-mail: antoune@yandex.ru

Kudrin A.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair "Philosophy and Law"
of the Perm National Research Polytechnic University

Кудрин С.М.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
филиала Московского института государственного управления и права в Пермском крае
e-mail: kudrens@yandex.ru

Kudrin S.,

PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of Civil-Legal Disciplines of the Branch of Moscow Institute of Public Administration and Law in Perm Kray

Кунгурцева А.В.,

кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель заведующего
кафедры математического моделирования факультета предвузовской подготовки
Южно-Уральского государственного университета
e-mail: fmsh@susu.ac.ru

Kungurtseva A.,

PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Deputy Head of Chair
of Mathematical Modeling of the Faculty of pre-University Training of the South-Ural State University

Лозовский А.А.,

государственный советник Российской Федерации 1 класса, заместитель начальника инспекции
Счетной палаты Российской Федерации
e-mail: rio@migup.ru

Lozovskiy A.,

Class 1st State Councillor of the Russian Federation, Deputy Head of Inspection
Branch of the Accounts Chamber of the Russian Federation

Мамаева Е.Н.,

магистрант кафедры международного права Российского университета дружбы народов
e-mail: kafedra_gtp@mail.ru

Мамаева Е.,

Master's student of Chair of International Law of Peoples' Friendship University of Russia

Меркурьев В.В.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, старший советник
юстиции
e-mail: merkuriev-vui@mail.ru

Merkur'ev V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Criminal Law and Forensics of the Law Faculty of the
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Senior Counselor of Justice

Мирошниченко Е.А.,

магистрант Северокавказского федерального университета
e-mail: psycho-soma2014@yandex.ru

Miroshnichenko E.,
Magister of the North-Caucasus Federal University

Новиков В.Г.,
доктор экономических наук, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и государственного управления Московского государственного областного университета
e-mail: v.g.novikov@bk.ru

Novikov V.,
Doctor of Economics, Doctor of Sociology, Professor, Professor of Chair of Management and Public Administration of the Moscow State Regional University

Оруджалиева Е.Е.,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: pedagogika.dgpu@mail.ru

Orudzhalieva E.,
PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Pedagogy of the Dagestan State Pedagogical University

Пашенцев Д.А.,
доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета
e-mail: Dp-70@mail.ru

Pashentsev D.,
Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Theory and History of State and Law of the Moscow City Pedagogical University

Полякова Т.А.,
доктор юридических наук, доцент, заведующая сектором информационного права Института государства и права Российской Академии Наук, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 3 класса
e-mail: igpran@igpran.ru

Polyakova T.,
Doctor of Law, Associate Professor, Head of Information Law Department of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 3rd Class Full State Counselor of Justice of the Russian Federation

Потехина Е. В.,
доцент кафедры математики и информатики Ставропольского государственного педагогического института
e-mail: mail@sspi.ru

Potekhina E.,
Associate Professor of Chair of Mathematics and Informatics of the Stavropol' State Pedagogical University

Ростовская Т.К.,
доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры организации работы с молодёжью Российского государственного социального университета
e-mail: ya1873@yandex.ru

Rostovskaya T.,
Doctor of Sociology, Professor, Professor of Chair of Organization in Youth Work of the Russian State Social University

Салихов Б.В.,
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета, профессор кафедры менеджмента и маркетинга Московского университета им. С.Ю.Витте, главный научный сотрудник Лаборатории анализа процессов стандартизации и управления качеством отечественной продукции Института проблем рынка РАН
e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

Salikhov B.,

Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Theory of Region Studies of the Moscow State Linguistic University, Professor of Chair of Management and Marketing of the Moscow Witte University, Chief Researcher Fellow of Laboratory for Analysis of Standardization Processes and Quality Management of Domestic Output of the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences

Салихова И.С.,

доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогообложения и таможенного дела Московского университета им. С.Ю.Витте
e-mail: irinasalikhova@yandex.ru

Salikhova I.,

Doctor of Economics, Professor of Chair of Accounting, Taxation and Customs Affairs of the Moscow Witte University

Тараканов И.А.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, подполковник внутренней службы
e-mail: il8@list.ru

Tarakanov I.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Criminal Law and Forensics of the Law Faculty of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Lieutenant Colonel of Internal Service

Тарасов М.Е.,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права юридического факультета Якутской государственной сельскохозяйственной академии, директор Якутского филиала Московского института государственного управления и права, почетный работник науки и техники РФ, почетный сотрудник МВД РФ, лауреат премии МВД России
e-mail: libr.ysu@mail.ru

Tarasov M.,

Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of Civil and Business Law of the Law Faculty of Yakut State Agricultural Academy, Director of the Branch of Moscow Institute of Public Administration and Law in Yakutia, Honorary Worker of the Russian Engineering Science, Honorary Staff Member of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Третьякова Е.С.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Пермского филиала Московского института государственного управления и права
e-mail: es-tret@mail.ru

Tret'yakova E.,

PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of State-Legal Disciplines of the Branch of Moscow Institute of Public Administration and Law in Perm Kray

Ульянов М.В.,

научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: m.ulyanov2@gmail.com

Ul'yanov M.,

Research Scientist of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of the Federal Security, Inter-Ethnic Relations and Countering Extremism of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Фролова М.И.,

кандидат педагогических наук, докторант кафедры теории и методики профессионального образования педагогического факультета Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева
e-mail: kcsu@mail.ru

Frolova M.,

PhD in Pedagogy, Doctoral student of Chair of Theory and Methodology of Professional Education of the Pedagogical Faculty of the Karachay-Cherkessia State University named after U. Aliev

Целовальникова И.Ю.,

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Московского института государственного управления и права
e-mail: YouLaw@rambler.ru

Tseloval'nikova I.,

PhD in Law, Head of Chair of Civil-Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Чернявский А.Г.,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Московского института государственного управления и права
e-mail: chernyavskyag@migup.ru

Chernyavskiy A.,

Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State-Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Шамаров В.М.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Московского института государственного управления и права
e-mail: shamarovvm@migup.ru

Shamarov V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State-Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Шамхалова Б.А.,

соискатель кафедры педагогики Дагестанского государственного педагогического университета
e-mail: pedagogika.dgpu@mail.ru

Shamkhalova B.,

Degree-seeking student of Chair of Pedagogy of the Dagestan State Pedagogical University

Шимановская Я.В.,

кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальных технологий Российского государственного социального университета
e-mail: ya1873@yandex.ru

Shimanovskaya Ya.,

PhD in Sociology, Associate Professor, Head of Chair of Social Technologies of the Russian State Social University

Шкодинский С.В.,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного областного университета
e-mail: sh-serg@bk.ru

Shkodinskiy S.,

Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of Economics Theory of the Moscow State Regional University

Шунайлова С.А.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры математического анализа и методики преподавания математики Института естественных и точных наук Южно-Уральского государственного университета
e-mail: shunailovasa@susu.ru

Shunaylova S.,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of Chair of Mathematical Analysis and Methods of Teaching Mathematics of the Institute of Natural and Exact Sciences of the South-Ural State University

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации принимаются авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие **тематике** журнала. Редакция вправе не принять материал к публикации в случае:

- несоблюдения автором правил оформления рукописи;
- несоответствия материала тематике журнала.

Журнал «Вестник Академии права и управления» является междисциплинарным и охватывает следующие области знания:

- Юридические науки
- Экономические науки
- Педагогические науки

Требования к оформлению статей

В редакцию следует направлять материал на бумажном носителе с личной подписью автора (почтой) и в электронном виде (по электронной почте) на русском языке. Заглавие материала должно быть адекватным его содержанию и по возможности кратким.

- Материал представляется в текстовом редакторе – Microsoft Word (.doc).
- Параметры страницы (формат А4; поля: по 2 см с каждой стороны).
- Шрифт (гарнитура) – Times New Roman или Arial.
- Размер шрифта (кегель) – 14, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 12.
- Абзацный отступ («красная строка») – 1,5 см.
- Межстрочный интервал – одинарный.
- Выравнивание текста – по ширине.
- Автоматическая расстановка переносов.

Статья снабжается приставным **списком литературы** (на русском и английском языках), оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

При необходимости текст статьи может иллюстрироваться рисунками (черно-белыми), таблицами и содержать формулы. Нумерация рисунков, таблиц и формул сквозная и обозначается арабскими цифрами. На все таблицы, рисунки и формулы в тексте обязательно наличие ссылок.

Рисунки (т.е. схемы, карты, снимки, фотографии) должны быть четкими, контрастными. Рисунки вставляются в текст Word в необходимом по смыслу месте с подрисуночными подписями (номер и заголовок рисунка), выровненными по центру. Каждый рисунок должен быть представлен также в виде отдельного графического файла (.jpg; разрешение – не менее 250 dpi (точек)) и/или качественной (пригодной для сканирования) копии.

Обозначения у кривых и на осях графиков должны быть достаточно крупными и разборчивыми.

При оформлении таблиц заголовки и подзаголовки граф указывают в единственном числе, размещают, как правило, параллельно строкам таблицы. При необходимости допускается перпендикулярное расположение заголовков граф. Таблицу в зависимости от ее размера помещают под текстом, в котором впервые дана ссылка на нее, или на следующей странице, а при необходимости в приложении к тексту.

В формулах в качестве символов следует применять буквенные (символьные) обозначения греческого и латинского алфавита – курсивом. Знаки математических действий и символы функций +, -, /, ?, sin, lg, exp и т.п. – прямым шрифтом. Буквенные обозначения и числовые коэффициенты необходимо расшифровывать в тексте или непосредственно после формулы. Размер шрифтов в формулах должен быть таким же, как и в основном тексте (14). Следует избегать использования редактора формул Word (Equation Editor).

Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [З: с. 57].

Ссылки на Интернет – ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

Объем авторского оригинала не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков, включая пробелы) или 30 машинописных страниц формата А4) . Редакция оставляет за собой право на сокращение статей большего объема или размещение их в двух номерах.

К рукописи прилагается:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла должна быть указана фамилия автора или первого из соавторов (например, «Петров.doc»).
2. Аннотация (600 знаков) и ключевые слова на русском и английском языках.
3. Анкета автора по представленной форме.

Форма анкеты автора (пожалуйста, заполняйте без сокращений)

ФИО (на русском и английском языках)	
Место работы (наименование организации на русском и английском языках)	
Должность, с указанием структурного подразделения (на русском и английском языках)	
Ученая степень (на русском и английском языках)	
Ученое звание (на русском и английском языках)	
Адрес электронной почты для контактов	
Адрес для отправки авторского экземпляра (обязательно указать индекс)	
Наименование статьи (на русском и английском языках)	

Подготовленные материалы необходимо отправить по адресу: rio@migup.ru

Редакционная коллегия информирует авторов о принятии их авторских материалов к публикации. Статьи, подготовленные аспирантами, соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются к рассмотрению только при наличии письменной рекомендации научного руководителя (заведующего кафедрой). Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Автор отвечает за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники.

Напоминаем авторам: одно из требований ВАК – включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 4 (45)
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

– М.: НОУ ВПО «Московский институт государственного управления и права», 2016. – 184 с.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

СМИ зарегистрировано 28.04.2000 г.
с изменениями 30 апреля 2013 г.; 11 февраля 2015 г.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768

Подписано в печать 26.12.2016
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Тираж 5000 экз.
Усл.-печ. л. 21,4

Адрес редакции:

115487, Москва, ул. Садовники, д. 2.
Тел./факс: (499) 271-66-52.
www.migup.ru; e-mail: rio@migup.ru
Подписной индекс – **45012**

Отпечатано в типографии
ООО «Сам Полиграфист»
Заказ №